ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

на 1859 годъ.

въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ *Д. Е. Кожанчикова*, на Невскомъ проспектѣ, противъ Публичной Библіотеки, въ домѣ Демидова.

въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ *И. В. Базунова*, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

Гг. иногородные могутъ высылать свои статьи и требованія на полученіе Журнала «Архивъ» *въ Редакцію Архива, въ С.-Петербургѣ, на Владимірской улицѣ, въ домѣ г. Маслова.*

Цѣна годовому изданію *девять*, съ пересылкою *десять* рублей сер.

Цѣна каждому отдѣльному нумеру журнала *одинъ рубль сер.*, съ пересылкою *одинъ рубль пятьдесятъ копѣекъ.*

Печатать позволяется. Декабря 24 дня 1858 года.

Ценсоръ В. Бекетовъ.

АРХИВЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ И ПРАКТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНИЙ,

ОТНОСЯЩИХСЯ

ДО РОССІИ.

1859.

КНИГА ПЕРВАЯ (ПРИЛОЖЕНІЕ).

С.-Петербургъ.

1859.

СОДЕРЖАНІЕ:

АРХИВЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ И ПРАКТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ,

ОТНОСЯЩИХСЯ

ДО РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Калачовымъ.

КНИГА ПЕРВАЯ (ПРИЛОЖЕНІЕ).

С.-Петербургъ.

—

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, Марта 3-го дня 1859 года.

Въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи

НѢКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ,

ВОЗНИКАЮЩІЕ ПО ДУХОВНЫМЪ ЗАВѢЩАНІЯМЪ.

I.

Слѣдуетъ-ли, въ какой срокъ и куда именно, представлять къ явкѣ по смерти завѣщателя духовное завѣщаніе, при жизни его явленное уже у крѣпостныхъ дѣлъ?

Для разрѣшенія этого вопроса необходимо опредѣлить историческое и практическое значеніе явки духовныхъ завѣщаній. При Императорѣ Петрѣ I установленъ былъ, какъ извѣстно, новый порядокъ совершенія актовъ на имущества, имѣвшій цѣлью—обезпечить съ одной стороны правильность самаго совершенія, а съ другой—правильность въ сборѣ установленныхъ актовыхъ пошлинъ въ пользу казны. Крѣпостной порядокъ въ началѣ XVIII столѣтія былъ общимъ для всѣхъ актовъ: этому же порядку подчинялось и совершеніе завѣщаній. Завѣщаніе было крѣпостію, которую надлежало писать у крѣпостныхъ дѣлъ на общемъ основаніи, и записать въ книгу «для спору и вѣдома и справки и для сбора великаго государя денежной казны» (ук. 1701 янв. 30, 1705 ноябр. 6-го). По самому существу такого дѣйствія его нельзя назвать явкою: это было составленіе и совершеніе акта. Сборъ въ государеву казну состоялъ при этомъ въ положенномъ взысканіи за письмо (съ записки) крѣпости: пошлины съ акта еще не взыскивались. За совершеніемъ завѣщанія, какъ крѣпости, должна была слѣдовать явка его на общемъ основаніи въ Приказъ съ тою разницей, что другія крѣпости являлись въ Приказахъ по роду имѣнія и сдѣлки, а для явки завѣщаній назначено особое мѣсто (ук. 1701 ноября 7, 1704 февр. 25), куда должно было приносить ихъ не позже какъ чрезъ два мѣсяца отъ написанія у крѣпостныхъ дѣлъ. Это была явка—для *владѣнія*, и вмѣстѣ съ тѣмъ для взысканія

пошлинъ въ Приказѣ, гдѣ завѣщанія снова записывались въ книгу. Для того при самомъ совершеніи крѣпости Надсмотрщикъ долженъ былъ подписывать на ней, что она должна быть явлена и пошлины внесены въ Приказѣ, гдѣ по указамъ надлежитъ, въ указныя числа, а буде въ указныя числа записана не будетъ, и она не въ крѣпость. Такимъ образомъ и совершеніе завѣщанія должно было происходить и явка его по естественному порядку происходила при жизни самого завѣщателя (*).

Когда, въ 1726 году, разрѣшено было писать завѣщанія на дому, публичное совершеніе ихъ у крѣпостныхъ дѣлъ должно было замѣниться домашнимъ составленіемъ; но явка такого акта осталась по прежнему необходимымъ условіемъ для ихъ дѣйствительности. Между тѣмъ въ теченіе XVIII-го столѣтія всѣ правительственныя и судебныя мѣста получили новую организацію и порядокъ ихъ дѣятельности преобразованъ по новымъ началамъ. Съ уничтоженіемъ Суднаго Приказа мѣсто его заступила Юстицъ-Коллегія, въ свою очередь замѣненная Гражданскими Палатами. Съ изданіемъ Учрежденія о Губерніяхъ существенно измѣнился прежній порядокъ предъявленія, оглашенія и исполненія актовъ о переходѣ имѣній; но для явки завѣщаній новыхъ правилъ не было установлено. Мало-по-малу порядокъ явки завѣщаній уклонился въ судебной практикѣ отъ прежняго вида: образовалось понятіе о томъ, что завѣщаніе, какъ актъ, составляемый на случай смерти, можетъ быть объявляемо только по смерти завѣщателя и что срокъ для сего долженъ быть исчисляемъ только со смерти его (ук. 1791 г. октябр. 16, 1813 сент. 3). Это понятіе принято законодательствомъ въ 1829 году при постановленіи новаго годоваго срока на явку домашнихъ завѣщаній—форма, которая въ то время, конечно еще болѣе чѣмъ нынѣ, предпочиталась всѣми завѣщателями, потому что, по смыслу дѣй-

(*) Указомъ 26 янв. 1704 года разрѣшено было въ Московскомъ Судномъ Приказѣ записывать крѣпости безсрочно; но потомъ, 19 ноябр. 1719 г. и 13 февр. 1720 года, подтверждено всякія крѣпости записывать въ надлежащихъ числахъ. За тѣмъ, хотя къ 1791 году Сенатскимъ указомъ (П. С. З. № 16993) по дѣлу Нарышкиныхъ признано (п. 4), что сроку на явку завѣщаній не полагается, но въ 1813 г. (№ 24448) Общее Собраніе Сената уничтожило завѣщаніе Пасевьевой на томъ основаніи, что оно не было явлено въ двухмѣсячный срокъ по смерти завѣщательницы.

ствовавшихъ тогда законовъ, завѣщанія у крѣпостныхъ дѣлъ можно было только *совершать* крѣпостнымъ порядкомъ на прежнемъ основаніи.

Положеніемъ 1831 года въ первый разъ установленъ нынѣшній порядокъ засвидѣтельствованія завѣщаній у крѣпостныхъ дѣлъ при жизни завѣщателя, и этому дѣйствію присвоено названіе *явки*,—въ смыслѣ судебной корроборацiи,—публичнаго дѣйствія, въ которомъ завѣщатель объявляетъ предъ судомъ свою волю, а судъ удостовѣряетъ ее своимъ сознаніемъ. Съ другой стороны завѣщаніе въ другой формѣ своей представляется актомъ домашнимъ: и здѣсь *явка* сохраняетъ тотъ-же характеръ судебнаго удостовѣренія воли завѣщателя, выражаемой имъ при жизни и предъявляемой суду уже по смерти его, въ актѣ, который не былъ еще дотолѣ публично обнаруженъ.

И въ томъ и въ другомъ случаѣ явка по своему значенію соотвѣтствуетъ тому первоначальному дѣйствію, которое по закону Петра Великаго совершалось надъ крѣпостями первой и третьей статьи въ Палатахъ крѣпостныхъ дѣлъ при запискѣ ихъ «для спору и вѣдома и справки и для сбору съ письма.» И въ томъ и въ другомъ случаѣ мы видимъ въ удостовѣреніи воли завѣщателя только первоначальное судебное дѣйствіе и не видимъ еще окончательнаго, которымъ должна заключиться дѣятельность общественной власти: завѣщаніе признано актомъ дѣйствительнымъ, но сила его еще не совершилась—необходимо еще предъявить его «ко владѣнію и къ сбору пошлинъ.» И тотъ и другой предметъ, т. е. и сборъ пошлинъ и вводъ во владѣніе—сохранилъ свою важность съ XVII-го столѣтія донынѣ, измѣнились только формы, служащія къ обезпеченію того и другаго. Пошлины надобно еще исчислить и обезпечить или взыскать; ко владѣнію надобно еще уполномочить законнымъ способомъ того, къ кому переходитъ по завѣщанію имущество. Сверхъ того надобно еще придать завѣщанію всю гласность, требуемую закономъ, для того, чтобы всякій, имѣющій право, могъ предъявить, если желаетъ, споръ свой.

Въ отношеніи къ домашнимъ завѣщаніямъ это дополнительное дѣйствіе совершается въ Гражданской Палатѣ непосредственно въ слѣдъ за удостовѣреніемъ завѣщанія, представленнаго въ законный срокъ: здѣсь явка для удостовѣренія сливается съ явкою для

владѣнія и сбора пошлинъ. Палатѣ поставлено въ обязанность (ук. Сен. 19 ноября 1836 г. въ дополнительныхъ томахъ П. С. З. № 9718 а), по засвидѣтельствованіи завѣщанія, немедленно исчислить слѣдующее количество пошлинъ для взысканія ихъ въ свое время при вводѣ во владѣніе имѣніемъ, и сообщить, куда слѣдуетъ, о наблюденіи за исполненіемъ завѣщательныхъ распоряженій, сдѣланныхъ въ пользу богоугодныхъ заведеній (ст. 1090 и 1091 Зак. Гр.) По общепринятому порядку Палата, окончивъ весь обрядъ явки, сообщаетъ надлежащимъ мѣстамъ о вводѣ во владѣніе по завѣщанію или о передачѣ кому слѣдуетъ завѣщаннаго имущества и капиталовъ, и дѣлаетъ распоряженіе для припечатанія въ вѣдомостяхъ объявленій о явленномъ завѣщаніи. Для совершенія всѣхъ этихъ дѣйствій, для присвоенія завѣщанію полной силы, законъ положительно предписываетъ предъявлять домашнія завѣщанія въ Палату не прежде какъ по смерти завѣщателя и до истеченія годоваго срока (ст. 1014, 1060, 1063, 1065 Зак. Гр.) Здѣсь предписаніе закона ясно и никакое сомнѣніе невозможно.

Въ отношеніи къ завѣщаніямъ крѣпостнымъ возбуждалось неоднократно сомнѣніе въ томъ, должно ли предъявлять ихъ, подобно домашнимъ, по смерти завѣщателя. Завѣщаніе было уже разъ явлено при жизни завѣщателя,—надъ нимъ уже былъ соблюденъ вполнѣ обрядъ удостовѣренія въ подлинности, оно получило уже при жизни завѣщателя несомнительную силу: не должно ли оно само-собою получить со смертію его силу дѣйствительную? Едва ли возможно отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно (*). Въ положеніи о духовныхъ завѣщаніяхъ нѣтъ особенной статьи, въ которой обязанность представлять къ явкѣ всѣ крѣпостныя завѣщанія по смерти завѣщателя была бы выражена столь же безусловно, какъ это сдѣлано въ отношеніи къ завѣщаніямъ домашнимъ. Поэтому есть основаніе возбудить постановленный нами вопросъ. Намъ кажется, что есть возможность и разрѣшить его на основаніи тѣхъ указаній, которыя содержатся въ этой и въ другихъ частяхъ Свода Законовъ Гражданскихъ. Притомъ характеръ положенія о завѣщаніяхъ 1831 года, извлеченнаго въ главныхъ

(*) Вопросъ этотъ уже возбужденъ законодательнымъ порядкомъ. *Ред.*

частяхъ изъ прежнихъ законовъ, допускаетъ возможность объяснять настоящій смыслъ новой редакціи историческою мыслью предшествовавшихъ ей указовъ и рѣшеній. Мы указали выше на историческое значеніе явки: судя по этому значенію обрядъ ея не можетъ почитаться вполнѣ оконченнымъ, покуда завѣщаніе не представлено еще для владѣнія и сбора пошлинъ. Ни одинъ актъ, по которому переходитъ право собственности, не можетъ получить у насъ дѣйствительной силы, пока не внесены въ казну всѣ слѣдующія за переходъ имѣнія пошлины; только по другимъ актамъ исчисленіе пошлинъ и сборъ ихъ производятся обыкновенно при самомъ совершеніи и въ мѣстѣ совершенія (ст. 417, и 418 т. V Уст. о пошл.), потому что большею частью въ слѣдъ за совершеніемъ актъ можетъ получить исполнительную силу. Но исполнительная сила завѣщанія зависитъ отъ смерти завѣщателя: при жизни его завѣщаніе можетъ быть еще измѣнено или уничтожено; поэтому взысканіе пошлинъ за переходъ имѣнія по завѣщаніямъ отсрочивается до вступленія во владѣніе имѣніемъ (419 ст. Уст. о пошл.). А вступленіе во владѣніе по общему закону поставлено въ зависимость отъ предъявленія акта надлежащему присутственному мѣсту (925 ст. Зак. Гражд.): изъ этого общаго правила не исключаются и завѣщанія (925, 1097, 1296 ст. Зак. Гражд.) какъ домашнія, такъ и крѣпостныя. Невозможно допустить, чтобъ законъ освобождалъ отъ этой обязанности тѣхъ, въ рукахъ коихъ находятся крѣпостныя завѣщанія: этимъ установлялось бы для сихъ актовъ исключеніе изъ общаго правила; это значило бы допустить, что завѣщанія крѣпостныя могутъ оставаться въ безгласности по смерти завѣщателя, могутъ быть обращены къ исполненію безъ вѣдома общественной власти и безъ очищенія пошлинами. Въ отношеніи къ недвижимымъ имуществамъ необходимъ вводъ во владѣніе; въ отношеніи къ движимости и капиталамъ, переходящимъ по завѣщанію, необходимо, чтобы ни одна часть сего имущества, подлежащая сбору пошлинъ, не укрылась отъ повѣрки правительства. Законъ предписываетъ исчислять по завѣщаніямъ пошлины даже съ процентовъ на капиталы въ кредитныхъ установленіяхъ, накопившихся со смерти завѣщателя (373 ст. Уст. о пошл.), а такое исчисленіе возможно только при посмертной явкѣ крѣпостныхъ завѣщаній. Въ отношеніи къ правамъ лицъ, имѣю-

щихъ интересъ въ завѣщаніи, необходимо огласить явку его. Такое оглашеніе должно быть сдѣлано по смерти завѣщателя, потому что отъ публикаціи исчисляется срокъ для спора на завѣщаніе. Споръ этотъ можетъ быть начатъ при самой явкѣ завѣщанія или послѣ оной, и этимъ различіемъ опредѣляется положеніе спорнаго имѣнія (1098 ст. Зак. Гражд.). Всѣ эти правила относятся одинаково и къ домашнимъ и къ крѣпостнымъ завѣщаніямъ. Слѣдовательно явка крѣпостнаго завѣщанія по смерти завѣщателя необходима.

Въ какомъ мѣстѣ должна и до какого срока можетъ быть производима эта посмертная явка? Мы видѣли, что съ того времени какъ дѣла о духовныхъ завѣщаніяхъ изъяты были изъ вѣдомства духовной власти, и совершеніе духовныхъ введено было въ общій обрядъ крѣпостныхъ актовъ, для явки ихъ назначалось одно исключительное мѣсто или нѣсколько однородныхъ (*): Московскій Судный Приказъ (коего обязанности исполнялись, при временномъ закрытіи его, Приказомъ—въ послѣдствіи Канцеляріей—Земскихъ Дѣлъ), потомъ Юстицъ-Коллегія, замѣненная въ послѣдствіи Гражданскими Палатами. Нѣтъ сомнѣнія, что до 1831 года законы Петра Великаго о явкѣ завѣщаній въ двухмѣсячный срокъ сохраняли свою силу и что крѣпостное завѣщаніе до того времени, независимо отъ совершенія, долженствовало быть явлено по праву въ Гражданской Палатѣ. Съ изданіемъ положенія 1831 года прекратилось дѣйствіе прежнихъ законовъ о завѣщаніи въ прежнемъ ихъ видѣ и началось дѣйствіе новаго положенія. Въ этомъ положеніи и въ редакціи Свода Законовъ всѣхъ трехъ изданій мы находимъ слѣдующее правило по сему предмету: Домашнее завѣщаніе, по смерти завѣщателя, должно быть явлено Гражданской Палатѣ или въ присутственномъ мѣстѣ, ей равномъ (ст. 1060 Зак. Гражд. 1857 г.). Изъ сего общаго правила не изъемлются и тѣ завѣщанія, какъ домашнія, такъ и крѣпостныя, кои вносятся для храненія въ Опекунскій Совѣтъ или въ Попечительный Комитетъ Человѣколюбиваго Общества: мѣста сіи, по полученіи объявленія о смерти завѣщателя, не приступая ни къ какому исполненію, отсылаютъ завѣщанія, въ нихъ хранимыя, въ Гражданскую Палату для надлежащей явки и удостовѣ-

(*) Законодательство только однажды, и то не надолго, измѣнило этому правилу (ук. 1703 г. ноября 19 и 1704 февраля 25).

ренія (ст. 1061 Зак. Гражд.). Правило 1060-й ст., по буквальному ея смыслу, относится къ домашнимъ завѣщаніямъ; но слова́ *«не изъемлются...* и *крѣпостныя завѣщанія...»*, употребленныя въ 1061 ст., показываютъ, что намѣреніе закона—распространить это правило и на завѣщанія крѣпостныя, хранящіяся въ Опекунскомъ Совѣтѣ. Смыслъ статьи ясенъ, крѣпостныя завѣщанія по смерти завѣщателя подлежатъ еще явкѣ и удостовѣренію. Если же крѣпостныя завѣщанія, хранящіяся въ рукахъ частныхъ лицъ, не могутъ быть, какъ выше изложено, освобождены отъ посмертной явки, то очевидно, что мѣсто такой явки должно быть тоже, которое избралъ законъ для крѣпостныхъ завѣщаній, положенныхъ въ Совѣтъ для храненія: мѣстомъ явки завѣщаній назначена Гражданская Палата или мѣсто ей равное; для крѣпостныхъ завѣщаній законъ не дѣлаетъ исключенія въ семъ отношеніи. Иначе, гдѣ же слѣдовало бы являть ихъ по смерти завѣщателя? Въ присутственныхъ мѣстахъ, коимъ предъявляются акты для ввода во владѣніе, по мѣсту нахожденія имѣній? Но явка не есть вводъ во владѣніе, а предшествуетъ вводу какъ отдѣльное дѣйствіе. Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, при коихъ существуютъ крѣпостныя дѣла? Но это значило бы установить произвольный порядокъ, не оправдываемый законами, ввести новое вѣдомство, непризнанное законодательствомъ. Притомъ не должно упускать изъ виду финансовую цѣль явки—обезпеченіе вноса пошлинъ въ казну: съ этою цѣлью и опредѣленъ моментъ, когда количество пошлинъ приводится въ извѣстность и дается возможность слѣдить за исправнымъ ихъ поступленіемъ; эту же цѣль отчасти имѣетъ въ виду публикація о явкѣ завѣщанія: она дѣлается обыкновенно отъ того мѣста, которое совершало явку, и въ ней обозначается цѣнность имущества, съ которой пошлины должны быть взысканы. Законъ, постоянно поручая явку духовныхъ завѣщаній мѣсту, особенно для того назначенному, конечно имѣлъ при томъ въ виду — сосредоточить надзоръ за соблюденіемъ интереса казны. Въ противномъ случаѣ не исключалась бы возможность завѣщаній безгласныхъ, переходовъ имущества, неочищенныхъ пошлиною: если такая безгласность почти невозможна въ отношеніи къ недвижимымъ имуществамъ, то она становится возможною въ отношеніи къ движимости и капиталамъ, для коихъ не установлено формальнаго ввода во владѣніе; съ другой стороны

весьма удобно было бы завѣщательному наслѣднику скрыть отъ казны свое право (*), еслибъ не было указано опредѣленное мѣсто, которому онъ во всякомъ случаѣ обязанъ предъявить актъ своего владѣнія. Очевидно, что такимъ мѣстомъ относительно всякаго завѣщанія должна быть, по смыслу закона, Гражданская Палата или мѣсто ей равное.

Правило о годовомъ срокѣ для посмертной явки должно быть примѣняемо и къ крѣпостнымъ завѣщаніямъ въ той же строгости, съ какою оно примѣняется къ домашнимъ. Это слѣдуетъ изъ соображенія 1060, 1061, 1062 и 1065 ст. Зак. Гражд. По истеченіи сего срока завѣщанія въ явку не пріемлются и остаются ничтожными; изъ этого общаго правила законъ не дѣлаетъ исключенія въ пользу крѣпостныхъ завѣщаній: оно совершенно согласно и съ историческимъ значеніемъ явки и съ финансовою цѣлью, которую имѣло въ виду законодательство Петра Великаго, когда установило для явки завѣщаній срокъ рѣшительный (ук. 1704 года Февраля 25).

II.

Можетъ ли быть допущено по завѣщанію соединеніе въ одномъ лицѣ: а) *рукоприкладчика и свидѣтеля*; б) *переписчика и рукоприкладчика*; в) *переписчика и свидѣтеля?*

(*) Напримѣръ, если имущество, оставшееся послѣ умершаго, деньги и билеты, поступили тотчасъ послѣ смерти его въ руки частныхъ людей или наслѣдника по завѣщанію, и поступили безгласно, какъ весьма часто случается. Опись имуществу въ такомъ случаѣ и по силѣ закона не во всѣхъ случаяхъ производится (1226 ст. Зак. Гражд.); притомъ такая опись производится безъ всякаго отношенія къ правамъ казны относительно сбора пошлинъ, а производящему опись лицу можетъ быть неизвѣстно самое существованіе завѣщанія. Нѣкоторыя мѣста при самомъ явочномъ совершеніи крѣпостныхъ завѣщаній дѣлаютъ о томъ публикацію; но это обыкновеніе не основанное на законѣ, не повсемѣстное и при томъ не вполнѣ достигающее цѣли, потому что всякое завѣщаніе при жизни завѣщателя можетъ быть уничтожено, нѣсколько разъ измѣнено, и крѣпостное замѣнено, по уничтоженіи, домашнимъ.

Можно ли присвоить рукоприкладчику или переписчику качество свидѣтеля, если число дѣйствительныхъ свидѣтелей, подписавшихся на завѣщаніи, не удовлетворяетъ требованію закона?

Законъ требуетъ, чтобы подлинность завѣщанія была удостовѣрена опредѣленнымъ числомъ свидѣтелей. При этомъ каждый свидѣтель составляетъ отдѣльное физическое лице, способное къ свидѣтельству, каждый отдѣльно отвѣчаетъ за себя, подпись и показаніе каждаго имѣютъ свое самостоятельное значеніе. Завѣщатель, призывая ихъ къ свидѣтельству, дѣлаетъ довѣріе каждому особо. Точно также и рукоприкладчикъ, по смыслу закона, есть отдѣльное физическое лицо, которое завѣщатель уполномочиваетъ вмѣсто себя подписаться подъ завѣщаніемъ. Значеніе рукоприкладчика подъ завѣщаніемъ не таково, каково значеніе свидѣтеля, однакоже не менѣе важно. При совершеніи крѣпостнаго завѣщанія призываютъ въ судъ къ допросу рукоприкладчика вмѣстѣ съ завѣщателемъ и допрашиваютъ ихъ вмѣстѣ. Форма подписи рукоприкладчика отличается особенною подробностью (ст. 1044, 1053 Зак. Гражд.). Отъ рукоприкладчика законъ (1053 ст.) требуетъ, чтобъ онъ имѣлъ всѣ качества имовѣрнаго свидѣтеля, но не дозволяетъ рукоприкладчику быть въ тоже время и свидѣтелемъ. Между личностью того и другаго должно быть, по смыслу закона, не формальное только, но и матеріальное различіе. «Если завѣщатель не умѣетъ или за болѣзнію не можетъ подписать своеручно завѣщаніе, то, *сверхъ свидѣтелей*, вмѣсто его и по просьбѣ его, должна быть подпись другаго лица». Вотъ формула, которую даетъ намъ законъ (1053 ст.). Вставимъ въ нее имена. Если завѣщатель Иванъ не умѣетъ или не можетъ своеручно подписать завѣщаніе, то, *сверхъ* свидѣтелей Петра, Матвѣя и Якова, вмѣсто его Ивана и по просьбѣ его, должна быть подпись *другаго* лица Ѳедора. Здѣсь законъ требуетъ присутствія *четырехъ* дѣйствительныхъ личностей, и если двѣ изъ нихъ сольются въ одну, то которую нибудь слѣдуетъ уже назвать личностью мнимою, воображаемою: вмѣсто четырехъ будетъ только три. Подписи ихъ требуются не для счета, не потому что законъ довѣряетъ четыремъ подписямъ на завѣщаніи, а потому, что онъ довѣряетъ названнымъ тѣмъ четыремъ лицамъ, которымъ оказалъ довѣріе завѣщатель и которымъ вообще, по качеству ихъ, вѣритъ законъ. Слова: *сверхъ* и *другаго*, употребленныя въ

тексте закона, показываютъ въ немъ именно этотъ, а не другой какой либо смыслъ. Когда завѣщаніе переписано другимъ, но подписано самимъ завѣщателемъ, законъ (1048 ст.) требуетъ, чтобы *сверхъ того*, то есть кромѣ подписи завѣщателя, была на немъ подпись трехъ свѣтскихъ свидѣтелей. Если ихъ будетъ только два, то завѣщаніе не дѣйствительно. Представимъ себѣ завѣщаніе, подписанное другимъ вмѣсто завѣщателя: неужели въ этомъ случаѣ законъ менѣе строгъ въ своемъ требованіи? Свидѣтельство трехъ лицъ признано необходимымъ, а ихъ будетъ только два, если въ числѣ трехъ свидѣтелей значится тоже лицо, которое выше подписалось на томъ же завѣщаніи въ качествѣ рукоприкладчика, слѣдовательно замѣнило собою личность самого завѣщателя. Замѣтимъ еще, что отъ личности рукоприкладчика, равно какъ и отъ личности свидѣтелей, придавая имъ особенную важность, законъ требуетъ и особыхъ условій, которыя должны принадлежать *самой личности* рукоприкладчика и свидѣтелей, независимо и отъ того довѣрія, которое могъ имѣть къ нимъ завѣщатель. Свидѣтели и рукоприкладчикъ должны имѣть личную способность, указанную закономъ для этого званія (1053, 1054 ст. Зак. Гражд.). Иное дѣло переписчикъ завѣщанія: въ отношеніи къ волѣ и довѣрію завѣщателя рукоприкладство существенно отличается по своему значенію отъ простой переписки: первое несравненно важнѣе и выше послѣдняго. Переписка относится исключительно къ матеріальному составу завѣщанія, а матеріальная работа можетъ быть поручена всякому, кто ее разумѣетъ. Переписчикъ есть *орудіе*, избираемое завѣщателемъ для передачи мыслей и словъ его. Совсѣмъ не то означаетъ подпись: подписью подтверждается непосредственно *воля* завѣщателя, въ подписи выражается, такъ сказать, духовное начало завѣщательнаго акта; рукоприкладчикъ есть въ такомъ смыслѣ довѣренное лицо, представитель завѣщателя. Вотъ почему законъ обращаетъ такое вниманіе на *личность* рукоприкладчика, особо и независимо отъ личности свидѣтелей. Переписчикомъ же можетъ быть всякій, кто бы то ни былъ. Законъ требуетъ, чтобы подпись его была на завѣщаніи и чтобы писалъ онъ не самъ собою, а по просьбѣ и со словъ завѣщателя. Это послѣднее обстоятельство можетъ быть не обозначаемо въ завѣщаніи; не относится къ внѣшней его формѣ; отъ личности переписчика законъ не требуетъ никакихъ другихъ внутреннихъ

качествъ; слѣдовательно юридическая способность его опредѣляется извнѣ избраніемъ завѣщателя, а подпись его есть только формальность, удостовѣряющая, что такой-то писалъ завѣщаніе. Если подпись его есть, то самъ онъ безгласное лицо при явкѣ завѣщанія и не вызывается при этомъ ни къ отвѣту, ни къ свидѣтельству.

Руководствуясь этими соображеніями, мы не считаемъ возможнымъ допустить, по нашимъ законамъ, соединеніе въ одномъ лицѣ рукоприкладчика съ свидѣтелемъ; но въ соединеніи личности переписчика съ личностью рукоприкладчика или даже свидѣтеля не видимъ юридической невозможности. Свидѣтель нисколько не теряетъ возможности быть свидѣтелемъ, а рукоприкладчикъ рукоприкладчикомъ отъ того, что тотъ или другой переписывалъ завѣщаніе. Въ отношеніи же къ переписчику требованіе закона въ этомъ случаѣ удовлетворяется вполнѣ и даже можетъ быть свыше законной мѣры. Въ переписчикѣ законъ видитъ *имя*, требуетъ отъ него подписи и довольствуется этимъ: теперь съ личностью переписчика соединяется еще *качество*, тоже качество, какое требуется отъ имовѣрнаго свидѣтеля, слѣдовательно личность переписчика пріобрѣтаетъ авторитетъ, какого законъ отъ нея и не требовалъ.

По изложенному понятію о значеніи рукоприкладчика и переписчика въ составѣ завѣщанія, никакъ нельзя допустить, чтобы тотъ или другой, при недостаткѣ узаконеннаго числа свидѣтелей на завѣщаніи, могъ почитаться самъ по себѣ свидѣтелемъ. О рукоприкладчикѣ выше сказано, что онъ не можетъ почитаться законнымъ свидѣтелемъ, даже въ такомъ случаѣ, еслибъ именно принялъ на себя это званіе и особо подписался на завѣщаніи въ качествѣ свидѣтеля; тѣмъ болѣе не можетъ, если даже не принялъ на себя этого званія: рукоприкладчикъ не свидѣтельствуетъ о подлинности завѣщанія и о способности завѣщателя, а только замѣняетъ его въ подписи. А значеніе переписчика въ составѣ завѣщанія еще ограниченнѣе и онъ можетъ даже не имѣть качествъ имовѣрнаго свидѣтеля.

III.

Обязанность означать въ завѣщаніи того, кто переписывалъ оное, должна ли относиться къ завѣщаніямъ, составленнымъ до изданія положенія 1831-го года?

Для разрѣшенія этого вопроса должно обратиться къ законамъ о завѣщаніяхъ, дѣйствовавшимъ до 1831-го года. Указомъ 8-го января 1701-го года велѣно свидѣтельствовать завѣщанія отцами духовными, душеприкащикомъ, сидѣльцами и писцомъ. Указомъ 11-го декабря 1717 года уничтожено завѣщаніе Свищова на томъ между прочимъ основаніи, что «кто ее писалъ, того въ духовной не написано, и потому стало быть явно, что та духовная не правая.» Указомъ 28-го мая 1725 года велѣно въ случаѣ смерти свидѣтелей или писца признавать за дѣйствительныя такія только духовныя, какъ крѣпостныя, такъ и домовыя, кои писаны до 1714 года. Обязанность означать писца осталась въ своей силѣ и послѣ того, какъ разрѣшено было писать завѣщанія домашнимъ порядкомъ. Въ указѣ 6-го іюня 1740 года (N 8127) по дѣлу Челищева сказано: «когда свидѣтели и писецъ духовную чрезъ свои допросы утвердили, то уже споръ дѣйствителенъ быть не можетъ, понеже по указу 1701 года велѣно духовныя и завѣщательныя письма свидѣтельствовать отцами духовными и душеприкащиками и сидѣльцами и писцомъ, по силѣ котораго указа та духовная чрезъ допросы свидѣтелей и писца свидѣтельствована и допросами утверждена.» Тотъ же законъ 1701 года о свидѣтельствѣ духовныхъ писцомъ приведенъ и принятъ въ рѣшеніи 1766 года по дѣлу князей Шаховскихъ (ук. 10-го ноября) и въ указѣ 5-го декабря 1786 года о неформальныхъ завѣщаніяхъ. Наконецъ изъ прежнихъ дѣлъ о завѣщаніяхъ, разрѣшенныхъ до изд. Св. Зак., видно, что до обнародованія положенія 1831-го года всегда допрашивали писца и утвердительное показаніе его было необходимо для дѣйствительности завѣщанія и что указъ 1701-го года постоянно принимался въ руководство при разрѣшеніи спорныхъ дѣлъ. Въ положеніи 1831 года не было уже выражено непремѣнное правило о томъ, что писца во всякомъ случаѣ надлежитъ допрашивать при явкѣ завѣщанія; но правило о томъ, чтобы подпись писца была на

завѣщаніи, осталось неприкосновеннымъ, слѣдовательно въ семъ отношеніи новый законъ не вводилъ новой формы, а удержалъ прежнюю, издавна существовавшую. Противъ этого мнѣнія могутъ возразить тѣмъ, что сказано въ примѣчаніи къ 1103 ст. Зак. Гр. о примѣненіи дополнительныхъ правилъ, постановленныхъ 29-го ноября 1839 года и вошедшихъ въ статьи 1027, 1033, 1034, 1035, 1047, 1049 и 1052-ю: «тамъ гдѣ эти правила налагаютъ на завѣщателя *новую* и *несуществовавшую* до того времени (т. е. до 1839 года) обязанность, *именно* въ скрѣпѣ листовъ и *въ означеніи переписчиковъ*, несоблюденіе означенныхъ правилъ въ завѣщаніяхъ, совершенныхъ до обнародованія оныхъ, не можетъ ослабить силу сихъ завѣщаній.» Но по смыслу этого примѣчанія очевидно, что оно упоминаетъ единственно о такихъ формальностяхъ, которыя до 1839 года дѣйствительно не существовали; сюда относится напримѣръ правило 1049 ст. Зак. Гр. о формѣ подписи переписчика и о замѣнѣ сей подписи въ нѣкоторыхъ случаяхъ добровольною явкою переписчика въ судъ. Этимъ правиломъ опредѣляется новая обязанность переписчика, не существовавшая до 1839 года; безусловная же необходимость подписи переписчика на завѣщаніи была признана законами съ 1701 года, подтверждена положеніемъ 1831 года, которое было только собраніемъ и дополненіемъ существовавшихъ дотолѣ узаконеній (см. предисловіе къ сему положенію) и точными словами этого положенія выражена въ 633-й ст. перваго изданія Св. Зак. Гр. (ст. 1048 изд. 1857 г.). Этотъ древній законъ постоянно сохранялъ свою силу, слѣдовательно не можетъ быть причисленъ къ обязанностямъ, не существовавшимъ до 1839 года, о которыхъ говоритъ примѣчаніе къ 1103 ст. Примѣчаніе именно указываетъ, какъ мы видѣли, на самыя статьи Свода, въ которыхъ выражены новыя обязанности, но въ числѣ этихъ статей не помѣщено статьи 1048-й.

IV.

Можетъ ли почитаться законнымъ свидѣтелемъ на завѣщаніи священникъ или другое духовное лицо, когда въ завѣщаніи назначена тому причту, къ которому лицо сіе принадлежитъ, денежная выдача на поминовеніе завѣщателя?

1054-й статьей Зак. Гражд. постановлено: свидѣтелями при завѣщаніи не могутъ быть лица, въ пользу коихъ составлено завѣщаніе. На этомъ основаніи нѣкоторые полагаютъ, что если по завѣщанію назначается денежная выдача церковному причту за поминовеніе души завѣщателя, то священникъ, принадлежащій къ тому причту, въ правѣ подписаться свидѣтелемъ на завѣщаніи и что свидѣтельство его въ такомъ случаѣ должно почитаться дѣйствительнымъ. Такое мнѣніе основывается обыкновенно на слѣдующихъ соображеніяхъ: свидѣтель есть лицо физическое, опредѣленное, именно означенное. Законъ, вычисляя свидѣтелей незаконныхъ, упоминаетъ именно *о лицахъ*, въ пользу которыхъ составлено завѣщаніе. Но когда завѣщатель назначаетъ денежную выдачу «въ такую-то церковь» или «причту такой-то церкви» на поминовеніе души, то нѣтъ въ виду *лица*, въ пользу котораго составлено завѣщаніе. Назначеніе дѣлается здѣсь не въ пользу опредѣленнаго лица, такого-то священника Ивана или діакона Петра, а на весь причетъ. Составъ причта можетъ измѣниться отъ случайныхъ причинъ, но завѣщательное распоряженіе отъ того не измѣняется и не уничтожается: перемѣняются лица, но причетъ остается при церкви какъ неизмѣнное учрежденіе. Въ этомъ случаѣ священнослужитель или причетникъ, свидѣтельствующій завѣщаніе, не можетъ быть названъ ни представителемъ личной своей пользы, потому что личность его въ составѣ причта есть преходящая и случайная, ни законнымъ представителемъ всего причта, къ которому принадлежитъ. Завѣщательное назначеніе дачи въ церковь или на причетъ для помина души искони почиталось и донынѣ почитается у насъ въ общемъ мнѣніи дѣломъ благочестивымъ, дѣломъ Христіанскаго попеченія о пользѣ души умирающаго. Съ этимъ дѣйствіемъ и не соединяютъ обыкновенно понятія о пользѣ, какая можетъ отъ того произойти для причта, совершающаго поминовеніе. Здѣсь нѣтъ ничего похожаго на юридическое дѣйствіе, на договоръ, по которому одна сторона за извѣстную плату обязалась бы потрудиться въ церковномъ поминовеніи другой, и съ поминальною дачей не возможно въ строгомъ смыслѣ соединить понятіе о платѣ или добровольномъ вознагражденіи за трудъ. Самое пожертвованіе части имущества *«на душу»* или на кормъ церковному причту есть въ народномъ понятіи дѣло благочестія. Инаго значенія не придаетъ

такому дѣйствію законъ положительный; и несправедливо было бы, при истолкованіи 1054-й статьи, оставлять безъ вниманія этотъ главный существенный смыслъ поминальной дачи и придавать ей значеніе юридическаго дѣйствія, значеніе, котораго она не имѣетъ. Законъ придаетъ особенную достовѣрность свидѣтельству духовника, и потому вошло въ обыкновеніе приглашать духовнаго отца къ свидѣтельству завѣщаній, а духовнымъ отцомъ бываетъ обыкновенно приходскій священникъ. Также за обычай принято у людей достаточныхъ назначать по завѣщанію денежныя суммы на вѣчное поминовеніе души въ церкви того прихода, къ которому принадлежалъ завѣщатель. Если допустить, что свидѣтельство духовнаго отца въ приведенномъ случаѣ недѣйствительно, то необходимо должно будетъ уничтожить большую часть подобныхъ завѣщаній.

Съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться: мы съ своей стороны думаемъ, что, по буквальному смыслу 1054 ст. Зак. Гражд., не можетъ быть свидѣтелемъ никакое лицо, если завѣщательное распоряженіе клонится къ его выгодѣ. Весьма естественно, что въ назначеніи денежной суммы причту на поминовеніе души главный предметъ есть самое поминовеніе, и главная цѣль польза души. Но не подлежитъ сомнѣнію, что непремѣннымъ послѣдствіемъ такого распоряженія бываетъ и польза причта; ибо съ понятіемъ о денежной дачѣ необходимо соединятся понятіе о выгодѣ, о матеріальной пользѣ того лица, которому та дача назначена, какимъ-бы именемъ мы ее ни назвали: даромъ ли, добровольною ли платой, наградой или пожертвованіемъ, во всякомъ случаѣ есть пріобрѣтеніе, есть польза для пріобрѣтателя; есть слѣдовательно предположеніе о томъ, что лицо, которому дача назначена завѣщательнымъ распоряженіемъ, заинтересовано въ немъ, а это именно предположеніе и служитъ главнымъ поводомъ, по которому законъ запрещаетъ быть свидѣтелемъ на завѣщаніи тому, въ пользу кого оно составлено. Денежное пожертвованіе на поминовеніе души дѣйствительно почитается благочестивымъ дѣломъ; но всякое благочестивое дѣло, такъ же какъ благодѣяніе, если выражено въ юридической формѣ, должно имѣть свою юридическую сторону, которою прикасается къ области правъ и обязанностей, къ положительному закону. Поминальное назначеніе выражено въ формѣ завѣщатель-

ной конечно для того, чтобъ исполненіе воли завѣщателя было обезпечено всѣми законными средствами: слѣдовательно это дѣйствіе юридическое. На душеприкащика или наслѣдника возлагается *обязанность* внести денежную сумму, куда назначено, въ пользу причта, на поминовеніе души. Можетъ ли быть, чтобы тамъ, гдѣ съ одной стороны возникаетъ юридическая обязанность, не возникало съ другой стороны *права?* Такое отношеніе въ юридическомъ смыслѣ невозможно; и дѣйствительно никто не можетъ отнять у причта права требовать исполненія воли завѣщателя судебнымъ порядкомъ, еслибъ напримѣръ душеприкащикъ не исполнилъ ея добровольно. Нѣтъ законной причины лишить причетъ права на искъ; въ этомъ случаѣ лица, принадлежащія къ причту, конечно будутъ искать *въ свою пользу* того, что̀ въ пользу ихъ назначено.

Свидѣтель, подписывающійся на завѣщаніи, есть лицо физическое; но если завѣщаніе дѣлается въ пользу лица юридическаго— причта, то и священнослужитель, принадлежащій къ составу причта, необходимо участвуетъ въ этой пользѣ. Лица, принадлежащія къ составу причта, дѣйствительно мѣняются, и можетъ случиться, что духовное лице, засвидѣтельствовавшее завѣщаніе, при исполненіи его не будетъ уже принадлежать къ составу того причта, въ пользу коего сдѣлано распоряженіе; но это случайное обстоятельство не имѣетъ никакого отношенія къ формѣ акта, прежде совершеннаго. Личное качество всякаго свидѣтеля можетъ измѣниться въ послѣдствіи; но въ отношеніи къ формѣ завѣщанія важно то, имѣлъ ли свидѣтель въ минуту составленія его всѣ качества, требуемыя закономъ. Законъ требуетъ, чтобы свидѣтель не имѣлъ интереса въ завѣщаніи, которое свидѣтельствуетъ: лицо, принадлежащее къ тому причту, въ пользу коего назначена выдача, имѣетъ интересъ въ завѣщаніи, слѣдовательно оно не можетъ почитаться законнымъ свидѣтелемъ.

Иное дѣло, если денежная выдача назначена въ пользу церкви; имущество церковное существуетъ отдѣльно отъ собственности причта священно-и церковно-служителей и на особыхъ правахъ. Причетъ въ этомъ случаѣ ничего не пріобрѣтаетъ въ свою пользу, слѣдовательно нѣтъ и препятствія служителю церкви подписаться свидѣтелемъ на завѣщаніи, сдѣланномъ въ пользу церкви, при которой онъ служитъ, и если бы довелось въ послѣдствіи искать

и ходатайствовать объ исполненіи завѣщанія (т. IX ст. 288), то онъ будетъ просить не какъ участникъ въ дѣлѣ, но какъ представитель церкви на судѣ, и не о своей пользѣ будетъ ходатайствовать, а о пользѣ церковной.

V.

Для уничтоженія крѣпостнаго завѣщанія достаточно ли одной подачи о томъ прошенія въ судебное мѣсто, безъ учиненія допроса завѣщателю по сему прошенію? Въ правѣ ли завѣщатель вслѣдъ за подачею такой просьбы признавать ничтожнымъ то завѣщаніе, къ которому она относится?

5-го января А совершилъ въ Судѣ крѣпостнымъ порядкомъ духовное завѣщаніе въ пользу Б.—10-го мая подалъ онъ въ тотъ же Судъ чрезъ повѣреннаго просьбу объ уничтоженіи этого завѣщанія. Судъ, по болѣзни просителя, 11-го мая заключилъ допросить его на дому въ подтвержденіе поданной просьбы. Но того же числа, прежде чѣмъ резолюція Суда могла быть исполнена, завѣщатель умеръ, оставивъ послѣ себя домашнее завѣщаніе, того-жъ числа составленное.

При явкѣ этого послѣдняго завѣщанія Б доказываетъ, что оно не можетъ почитаться дѣйствительнымъ, что завѣщатель не въ правѣ былъ приступать къ составленію его домашнимъ порядкомъ, покуда не было уничтожено первое, крѣпостное завѣщаніе; а это послѣднее при жизни завѣщателя не было еще законнымъ порядкомъ уничтожено. Уничтоженіе домашняго завѣщанія можетъ быть произведено во всякую минуту по одному произволу завѣщателя; но крѣпостное завѣщаніе—актъ, требующій при жизни завѣщателя сознанія и явки въ присутственномъ мѣстѣ, можетъ почитаться уничтоженнымъ только съ того времени, когда послѣдуетъ на то согласіе и постановленіе присутственнаго мѣста. Это необходимое условіе при жизни А не совершилось; слѣдовательно въ минуту смерти, огласивъ только волю свою объ уничтоженіи крѣпостнаго завѣщанія, А не могъ еще почитать его уничтоженнымъ и не въ правѣ былъ составлять новое домашнее завѣщаніе къ уничтоженію

крѣпостнаго. При томъ крѣпостное завѣщаніе совершается не иначе какъ по допросѣ завѣщателя (1038 ст. Зак. Гражд.), слѣдовательно и объ уничтоженіи его долженъ быть сдѣланъ также допросъ, такъ какъ по закону (1030 и 1038 ст.) всякія отмѣны, измѣненія и перемѣны въ завѣщаніи подлежатъ въ составленіи ихъ тѣмъ же правиламъ, какъ и самое завѣщаніе.

Такое доказательство нельзя признать основательнымъ. По закону (1030 ст.) крѣпостное завѣщаніе можетъ быть измѣнено двоякимъ способомъ: или посредствомъ составленія новаго завѣщанія, имѣющаго равную силу съ прежнимъ, или посредствомъ прошенія, объ уничтоженіи прежняго завѣщанія, въ то судебное мѣсто, гдѣ оно было совершено. Въ первомъ случаѣ при совершеніи новаго завѣщанія конечно должны быть соблюдены всѣ формальности, соблюденныя при совершеніи прежняго и составляющія необходимую принадлежность крѣпостнаго обряда по завѣщаніямъ, т. е. новый актъ долженъ быть представленъ завѣщателемъ лично, и долженъ быть сдѣланъ ему допросъ. Здѣсь завѣщатель соединяетъ въ одномъ дѣйствіи и отмѣну прежней своей воли и объявленіе новой своей воли на случай смерти. Но во второмъ случаѣ, то есть когда завѣщатель заботится только объ уничтоженіи прежняго своего распоряженія, не объявляя вмѣстѣ съ тѣмъ новаго, или желаетъ раздѣлить оба эти дѣйствія, законъ вовсе не требуетъ отъ него соблюденія всѣхъ тѣхъ формальностей, которыя постановлены для совершенія завѣщаній. Законъ признаетъ необходимымъ, чтобы уничтоженіе акта, оглашеннаго предъ судомъ, происходило не безгласно, а съ вѣдома того же суда, и потому требуетъ отъ завѣщателя подачи въ Судъ прошенія объ уничтоженіи завѣщанія; слѣдовательно подачею сего прошенія окончательно выражается отрицательная воля завѣщателя, и все, что нужно къ уничтоженію завѣщанія, должно почитаться совершеннымъ, если только нѣтъ повода сомнѣваться въ подлинности самаго прошенія. Законъ умалчиваетъ объ особомъ допросѣ по прошенію; слѣдовательно нѣтъ повода почитать эту формальность необходимою для уничтоженія завѣщанія. Завѣщатель вовсе не имѣетъ нужды ожидать, послѣдуетъ ли въ Судѣ и какое именно постановленіе по его просьбѣ: постановленіе это можетъ остаться для него въ неизвѣстности, потому что Судъ дѣйствуетъ здѣсь не въ качествѣ органа судебной

власти, разрѣшающаго споръ, но въ качествѣ мѣста, совершающаго неспорные акты: по принятіи прошенія ему остается только сдѣлать распоряженіе объ отмѣткѣ, гдѣ слѣдуетъ, въ книгахъ, что такое-то завѣщаніе уничтожено, —дѣйствіе, принадлежащее къ внутреннему канцелярскому обряду. Судъ не имѣетъ и права воспретить просителю уничтоженіе завѣщанія, слѣдовательно не можетъ быть и рѣчи о согласіи или несогласіи Суда на это уничтоженіе: дѣло Суда въ этомъ случаѣ не удостовѣрять и не утверждать волю завѣщателя, а только принять ее и отмѣтить. И такъ завѣщатель конечно въ правѣ, въ слѣдъ за подачею въ Судъ прошенія, признавать прежнее свое крѣпостное завѣщаніе ничтожнымъ и приступить къ составленію новаго домашнимъ порядкомъ.

Положимъ даже, что Судъ усумнился въ подлинности прошенія и призналъ необходимымъ отобрать отъ завѣщателя допросъ, но завѣщатель между тѣмъ умеръ. Слѣдуетъ-ли по этой только причинѣ признать незаконнымъ составленное послѣ подачи прошенія домашнее завѣщаніе? Не слѣдуетъ. Здѣсь допросъ представляется не какъ формальность, безусловно необходимая для полнаго законнаго выраженія воли завѣщателя, но какъ одно изъ средствъ удостовѣренія, избранное судомъ: для суда нужно только удостовѣреніе въ подлинности просьбы и все равно, какимъ-бы способомъ цѣль эта ни была достигнута, лишь-бы сомнѣніе устранилось. Оно можетъ устраниться и по смерти завѣщателя, посредствомъ дознанія. Хотя бы такое удостовѣреніе суда въ подлинности воли завѣщателя послѣдовало и послѣ смерти его, моментъ выраженія этой воли останется все тотъ же, именно подача при жизни его просьбы объ уничтоженіи завѣщанія.

Иное дѣло, когда это прошеніе при самой подачѣ его не подлежало принятію по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, напримѣръ по несоблюденію формы, установленной для прошеній. Тогда оно возвращается какъ недѣйствительное, и если проситель при жизни не успѣетъ замѣнить его новымъ, то и воля завѣщателя объ уничтоженіи завѣщанія не можетъ почитаться дѣйствительно выраженною, слѣдовательно это завѣщаніе должно оставаться въ своей силѣ.

VI.

Можетъ ли завѣщатель безусловно лишить законныхъ наслѣдниковъ своихъ права оспаривать завѣщаніе?

Завѣщаніе есть *законное* объявленіе воли владѣльца о *его имуществѣ* на случай смерти (ст. 1010 Зак. Граж.). Завѣщатель располагаетъ только тѣмъ, на что имѣетъ право, къ чему можетъ относиться какъ хозяинъ, собственникъ или владѣлецъ.

Власть завѣщателя ни въ какомъ случаѣ не простирается далѣе предѣловъ гражданскихъ правъ его; въ сферѣ правъ государственныхъ воля частнаго человѣка недѣйствительна. Въ сферѣ права гражданскаго она дѣйствительна лишь на столько, на сколько объемлетъ предметы, подвластные волѣ. Право на чужое имущество, право на дѣйствія лицъ можетъ принадлежать гражданину или по договору или по особому отношенію, установленному закономъ. Гдѣ ни того ни другаго нѣтъ, тамъ завѣщатель не можетъ установить по своей волѣ собственный законъ къ стѣсненію гражданской свободы другаго лица, къ лишенію его такихъ правъ, которыми оно пользуется, въ силу общаго закона, независимо отъ воли завѣщателя, въ области правъ гражданскихъ. Всякое дѣйствіе гражданина почитается законнымъ или незаконнымъ въ той мѣрѣ, въ какой оно согласуется съ предписаніемъ законовъ или нарушаетъ ихъ, а не въ той мѣрѣ, въ какой лицо, совершающее актъ, почитаетъ свое дѣйствіе законнымъ или незаконнымъ. Мѣриломъ законности служитъ здѣсь самый законъ, воля общественная, а не личная воля частнаго лица. Если это дѣйствіе почему либо можетъ имѣть вліяніе на гражданскія права стороннихъ лицъ, то съ совершеніемъ онаго возникаетъ для каждаго изъ сихъ лицъ неотъемлемое право опровергать это дѣйствіе, доказывать его незаконность и просить объ уничтоженіи его. Отсюда ясно, что ни одинъ завѣщатель не можетъ въ составѣ завѣщанія воспретить тому, чьи права явно или скрытно, посредственно или непосредственно, нарушаются этимъ завѣщаніемъ, предъявить противъ онаго споръ. Право на искъ о наслѣдствѣ послѣ умершаго владѣльца принадлежитъ каждому наслѣднику неотъемлемо въ силу общаго закона: доискиваясь наслѣдства и встрѣчая препятствіе въ завѣща-

ніи умершаго, наслѣдникъ, если почитаетъ его неправильнымъ, можетъ, по тому же закону, доказывать на судѣ недѣйствительность завѣщанія и просить объ уничтоженіи его. И такъ нѣтъ сомнѣнія, что завѣщатель не можетъ *безусловно* отнять у своего наслѣдника право оспаривать завѣщаніе. Сомнѣніе возникаетъ, когда завѣщатель, не оставляя мѣста законному наслѣдству въ своемъ имѣніи, назначаетъ часть его такому лицу, которое въ отсутствіи завѣщанія было бы по праву наслѣдникомъ, налагая при томъ на это лицо непремѣнную обязанность не начинать спора, подъ опасеніемъ лишенія завѣщанной доли имѣнія.

А, назвавъ въ завѣщаніи имѣніе свое благопріобрѣтеннымъ, одну половину его назначилъ лицу постороннему Б, а другую сыну своему Ивану, который безъ этого завѣщанія былъ бы единственнымъ послѣ него наслѣдникомъ. Завѣщаніемъ постановлено между прочимъ: «сыну моему Ивану рѣшительно воспрещаю, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, оспаривать это завѣщаніе. Если бы же, въ нарушеніе сей моей воли, сынъ мой предъявилъ противъ онаго споръ, то тѣмъ самымъ лишается онъ права на всякое участіе въ моемъ наслѣдствѣ, и часть имѣнія, нынѣ ему назначаемая, немедленно должна будетъ перейти къ Б.»—По смерти завѣщателя сынъ его предъявилъ противъ завѣщанія споръ, доказывая, что имѣніе, названное въ завѣщаніи благопріобрѣтеннымъ, есть родовое. Возражая противъ сего, отвѣтчикъ Б доказывалъ въ Судѣ, что самый споръ не подлежитъ къ принятію въ силу завѣщанія. Судъ призналъ однакоже невозможнымъ отвергнуть споръ и принялъ его къ разсмотрѣнію. По окончаніи дѣла, Б съ своей стороны обратился въ Судъ съ искомъ о поворотѣ отъ Ивана А, въ наказаніе за споръ, половины имѣнія, назначенной ему завѣщателемъ, и о предоставленіи ея въ пользу его просителя по силѣ завѣщанія. Подлежитъ ли удовлетворенію такое требованіе?

Положимъ, что прежнимъ рѣшеніемъ Суда все завѣщанное имѣніе безъ исключенія признано родовымъ. Въ такомъ случаѣ Б лишается всякаго права на обратный искъ о поворотѣ отъ Ивана А его наслѣдственной доли. Все имѣніе, какъ родовое, должно слѣдовать законнымъ наслѣдникамъ, и ничьи права на это имѣніе, если основаны на завѣщаніи, не могутъ быть дѣйствительны; всякое

распоряженіе завѣщателя о родовомъ имѣніи, сдѣланное мимо законныхъ наслѣдниковъ, почитается недѣйствительнымъ; слѣдовательно обратный искъ Б не долженъ быть и принятъ: онъ уничтожается въ самомъ основаніи сущностію того рѣшенія, которое по иску законнаго наслѣдника состоялось.

Можетъ случиться, что по рѣшенію Суда половина имѣнія, завѣщанная стороннему лицу Б, признана родовою; но другая половина, завѣщанная законному наслѣднику, Ивану А—оказалась благопріобрѣтенною. Распоряженіе завѣщателя о предоставленіи родоваго имѣнія въ пользу Б уничтожено, но Судъ не упомянулъ въ своемъ рѣшеніи, что вмѣстѣ съ симъ уничтожается и сила запретительнаго пункта (clausula poenalis), помѣщеннаго въ завѣщаніи. Истецъ Б, потерявшій по суду имѣніе, прямо на имя его завѣщанное, можетъ еще почитать себя въ правѣ отыскивать изъ владѣнія Ивана А другой половины имѣнія на имя его А завѣщанной, въ наказаніе за споръ. Такого иска Судъ не отвергаетъ безъ разсмотрѣнія: запретительный пунктъ завѣщанія существуетъ во всей силѣ; онъ не покрытъ прежнимъ рѣшеніемъ Суда, и надобно еще разсмотрѣть, не подлежитъ ли воля завѣщателя исполненію въ семъ отношеніи?

А не имѣлъ права составлять завѣщаніе о родовомъ имѣніи въ пользу лица посторонняго. Родовыя имѣнія не подлежатъ *завѣщанію* (1068 ст.), то есть не подлежатъ не только рѣшительному отчужденію въ пользу чужеродца, но даже и такимъ распоряженіямъ, которыя, не касаясь права собственности на имѣніе и порядка наслѣдованія, стѣсняютъ законныхъ наслѣдниковъ въ свободномъ распоряженіи родовымъ имуществомъ, слѣдовавшимъ имъ по закону. Такъ, напримѣръ: завѣщатель не въ правѣ безъ согласія наслѣдниковъ обязать ихъ денежными выдачами изъ родоваго имущества (1086 ст.), не въ правѣ мимо законныхъ наслѣдниковъ завѣщать стороннему лицу пожизненное владѣніе родовымъ имуществомъ (1011, 1629 ст. п. 2). И такъ, если завѣщатель запрещаетъ своему законному наслѣднику отыскивать завѣщаннаго стороннему лицу имущества, которое по свойству своему принадлежитъ къ разряду родовыхъ, то это распоряженіе незаконно и недѣйствительно. Если же недѣйствительно запрещеніе, то не мо-

жетъ почитаться дѣйствительнымъ и взысканіе, положенное за нарушеніе сего запрещенія.

Въ предыдущихъ примѣрахъ запрещеніе относилось къ родовому имѣнію.

Представимъ себѣ еще третій случай: когда оно относилось къ имѣнію благопріобрѣтенному. Споръ, предъявленный Иваномъ А на завѣщаніе отца, опровергнутъ судебными мѣстами, и все завѣщанное имѣніе признано *благопріобрѣтеннымъ*. Имѣніемъ благопріобрѣтеннымъ завѣщатель имѣлъ право распоряжаться по своей волѣ, и на этомъ обстоятельствѣ истецъ Б основываетъ законность своего обратнаго иска.

Нельзя отрицать, что завѣщатель въ правѣ предоставить благопріобрѣтенное имѣніе свое избранному наслѣднику подъ условіемъ; онъ не можетъ требовать отъ него дѣйствій противозаконныхъ, но можетъ потребовать, чтобы наслѣдникъ его, если желаетъ удержать при себѣ имѣніе, воздержался отъ дѣйствій законныхъ или дозволенныхъ, лишь бы эти дѣйствія не составляли прямой его обязанности. Точнѣе сказать: А не могъ безусловно отнять у своего сына право оспоривать завѣщаніе, но могъ постановить, что сынъ въ такомъ только случаѣ получитъ часть благопріобрѣтеннаго имѣнія, если не будетъ спорить. Завѣщатель не желалъ, чтобы все благопріобрѣтенное имѣніе его досталось сыну, и раздѣлилъ его между сыномъ и стороннимъ лицемъ: на это имѣлъ онъ полное право. Такимъ образомъ Иванъ А въ отношеніи къ завѣщанному имѣнію представлялся уже не законнымъ наслѣдникомъ, а наслѣдникомъ по завѣщанію, слѣдовательно былъ въ одинаковомъ положеніи съ Б, котораго права также исключительно основывались на завѣщаніи. Иванъ А могъ выйти изъ этого положенія только въ такомъ случаѣ, если бъ завѣщательное распоряженіе признано было ничтожнымъ, а имѣніе завѣщателя родовымъ: съ этою цѣлью и начатъ имъ споръ, въ которомъ, отвергая одно, менѣе выгодное, основаніе правъ своихъ на отцовское имѣніе, желалъ онъ пріобрѣсть другое, болѣе выгодное, основаніе. Для того, чтобы сдѣлаться законнымъ наслѣдникомъ, истецъ долженъ былъ отречься отъ завѣщанія, признать его ничтожнымъ; а завѣщатель объявилъ, что за это нарушеніе воли его сынъ его лишается завѣщаннаго имѣнія. Правильна ли и дѣйствительна ли такая воля завѣщателя,

это можетъ разрѣшиться не прежде, какъ съ окончаніемъ того самаго спора, который былъ воспрещенъ завѣщаніемъ, спора о свойствѣ завѣщаннаго имущества.

И такъ, если спорщикъ успѣлъ въ своемъ искательствѣ, то вмѣстѣ съ завѣщательнымъ распоряженіемъ о родовомъ имуществѣ становится ничтожнымъ и условіе, постановленное для пріобрѣтенія его: законный наслѣдникъ пріобрѣтаетъ это имущество силою закона, мимо завѣщанія, безусловно. Никто уже не имѣетъ права противопоставить ему волю умершаго, признанную незаконною.

Но если споръ отвергнутъ, то положеніе обвиненнаго истца существенно измѣняется. Онъ не доказалъ правъ своихъ на имѣніе отца въ качествѣ законнаго наслѣдника; завѣщанное имѣніе оказалось благопріобрѣтеннымъ, завѣщаніе получило безспорную силу,—одно изъ условій завѣщанія лишаетъ заспорившаго наслѣдника всякихъ правъ на благопріобрѣтенное имѣніе, и есть лицо, имѣющее право требовать, чтобъ это условіе было выполнено. Нельзя отказáть въ этомъ требованіи, потому что нельзя стѣснить завѣщателя въ свободномъ распоряженіи благопріобрѣтеннымъ имуществомъ. Могутъ возразить на это, что странно съ одной стороны допускать споръ на завѣщаніе вопреки волѣ завѣщателя, а съ другой стороны въ исполненіе той же воли наказывать за этотъ споръ истца въ случаѣ неудачи. Но въ сущности здѣсь нѣтъ никакого противорѣчія. Нельзя не допустить спора, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы опредѣлить законность того самаго распоряженія, часть коего составляетъ запрещеніе; но какъ скоро распоряженіе это признано въ существѣ законнымъ, нельзя не признать его исполнительную силу по требованію интересованной стороны. Положимъ, что завѣщатель, назначая имѣніе законному наслѣднику, запретилъ ему предъявлять, напримѣръ, ко взысканію заемное письмо третьяго лица, съ тѣмъ, что если нарушитъ запрещеніе, то долженъ лишиться въ пользу этого должника завѣщаннаго имѣнія. Здѣсь безусловное запрещеніе также недѣйствительно, но нѣтъ сомнѣнія, что имѣніе завѣщано условно, и что обязанность, возложенная завѣщателемъ, должна быть выполнена. Но еслибъ наслѣдникъ, получивъ имѣніе, предъявилъ ко взысканію заемное письмо и вмѣстѣ съ тѣмъ началъ бы оспаривать законность завѣщаннаго распоряженія, то не-

полненіе этого распоряженія необходимо остановилось бы до разрѣшенія спора.

До сихъ поръ мы имѣли въ виду споръ наслѣдника, относящійся *къ законности* самыхъ распоряженій завѣщателя. Но кромѣ того наслѣдникъ можетъ, не касаясь существа завѣщательныхъ распоряженій, оспаривать внѣшнее достоинство завѣщанія, напримѣръ, доказывать фальшивость акта или утверждать, что онъ недѣйствителенъ по несоблюденію установленныхъ формъ. Если и въ этихъ случаяхъ споръ наслѣдника (Ивана А) отвергнутъ, лишается ли онъ въ силу завѣщанія права на завѣщанное въ пользу его благопріобрѣтенное имущество?

По нашему мнѣнію въ этихъ случаяхъ нѣтъ основанія признать споръ наслѣдника нарушеніемъ воли завѣщателя. Невозможно разсуждать о нарушеніи воли тамъ, гдѣ существуетъ еще сомнѣніе о томъ, что воля *дѣйствительно выражена*. Законное объявленіе воли владѣльца о своемъ имуществѣ на случай смерти выражается въ формѣ завѣщанія. Форма этого акта столь тѣсно связана съ его содержаніемъ, что, при несоблюденіи первой, актъ теряетъ всю свою силу и не можетъ быть признанъ *подлиннымъ* выраженіемъ воли умершаго. Сверхъ того обстоятельства, сопровождавшія составленіе акта, и независимо отъ формы его, могутъ возбудить сомнѣніе въ его подлинности, предположеніе о подложности его; тогда интересованное лице въ правѣ требовать изслѣдованія о предполагаемой фальшивости акта. И въ томъ и въ другомъ случаѣ истецъ споритъ *не противъ* воли завѣщателя, не противъ *завѣщанія* въ собственномъ смыслѣ,—требуетъ не уничтоженія распоряженій, сдѣланныхъ завѣщателемъ, но проситъ объ уничтоженіи *акта*, который вовсе *не признаетъ* или не рѣшается признать *завѣщаніемъ*. Каковъ бы ни былъ исходъ судебнаго производства по такому спору,— очевидно, что о нарушеніи воли завѣщателя можетъ быть рѣчь только съ той минуты, когда эта воля сдѣлалась несомнительною, когда актъ получилъ дѣйствительное значеніе завѣщанія.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

К. ПОБѢДОНОСЦЕВЪ.

ЗАМѢТКА О ПОДРЯДАХЪ И ПОСТАВКАХЪ.

Въ послѣднее время способы заготовленія провіанта для военнаго вѣдомства сдѣлались предметомъ оживленной полемики въ журналахъ. По важности вопроса, эти споры обратили на себя общее вниманіе. И не мудрено: въ частной, спеціальной формѣ обсуждался одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ государственной экономіи, касающійся всѣхъ вѣдомствъ, обнимающій громадныя цифры ежегоднаго расхода,—цифры, передъ которыми расходъ на ежегодное заготовленіе провіанта для войска составляетъ лишь скромную частицу. Дѣйствительно, что̀ значитъ цѣна муки и крупы, потребныхъ для войска, въ сравненіи съ суммою, расходуемою ежегодно на удовлетвореніе разнообразнѣйшихъ потребностей по всѣмъ вѣдомствамъ и управленіямъ? Та или другая система заготовленія или снабженія становится, съ этой точки зрѣнія, вопросомъ первостепенной важности, и касается уже не той или другой администраціи, а всѣхъ вѣдомствъ и учрежденій.

Мы не довольно спеціально знакомы съ предметомъ, чтобы считать себя въ правѣ рѣшать, какое изъ высказанныхъ мнѣній основательнѣе и справедливѣе, и предоставляемъ это тѣмъ, которые знаютъ больше насъ. Но намъ кажется, что въ сужденіяхъ по этому предмету вниманіе было слишкомъ исключительно обращено на одну экономическую, хозяйственную сторону дѣла, и совершенно опущена изъ виду сторона юридическая, которая во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ играетъ такую большую роль и потому не можетъ оставаться безъ ощутительнаго вліянія на матеріальную сторону хозяйственныхъ операцій. Объ ней-то мы и хотимъ напомнить.

Когда частный человѣкъ или какое нибудь частное учрежденіе—пансіонъ, фабрика, заводъ, акціонерная компанія и т. п., заключаютъ договоръ о подрядѣ или поставкѣ съ частнымъ же лицомъ, то послѣднее выговариваетъ себѣ цѣну, представляющую издержки, потребныя на исполненіе договора и барышъ отъ предпріятія. Издержки въ приведенномъ случаѣ исчисляются довольно

приблизительно къ расходамъ подрядчика на пріобрѣтеніе и доставку поставляемыхъ вещей или на исполненіе работъ по подряду, потому что если другая договаривающаяся сторона станетъ спорить противъ подрядчика, браковать его вещи или работу, и, ссылаясь на то, будетъ удерживать договоренную плату, то подрядчикъ или поставщикъ можетъ жаловаться постороннему сдѣлкѣ посреднику,—суду, который разберетъ дѣло и принудитъ виноватаго подчиниться заключеннымъ условіямъ, или заплатить ущербъ и убытки.

Но положимъ, что частное лицо, не довольствуясь этимъ общимъ способомъ обезпеченія противъ возможныхъ неисправностей поставщика или подрядчика, введетъ въ контрактъ особливое условіе, въ силу котораго предоставитъ самому себѣ исключительное право судить, исправно выполненъ контрактъ, или неисправно, и сообразно съ тѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, налагать на контрагента штрафъ, распоряжаться его залогами, платить или не платить ему по условію: ясно, что послѣднему невозможно будетъ въ этомъ случаѣ расчитывать свои издержки и барыши такъ, какъ онъ ихъ расчитывалъ въ первомъ. Дѣло выходитъ уже рискованное, и ему придется и къ расходу и къ барышу причесть страховую премію, величина которой будетъ зависѣть отъ личности контрагента и пріемщика. Чрезъ это подрядная или поставочная цѣна должна будетъ значительно возвыситься, и тотъ, кто договаривался съ подрядчикомъ, достигнетъ совсѣмъ не той цѣли, которую имѣлъ въ виду: онъ хотѣлъ избѣжать хлопотъ и издержекъ въ полиціи, въ судахъ, а на дѣлѣ вещь или работа обошлись ему дороже. Положимъ, что онъ, чтобъ помочь этому, прибѣгнетъ къ торгамъ; но и съ торговъ подрядъ или поставка пойдутъ по возвышенной цѣнѣ, потому что каждый изъ поставщиковъ и подрядчиковъ, сколько бъ ихъ ни явилось, будетъ вводить въ расчетъ расхода и прибыли рискъ, которому онъ подвергается, принимаясь за такое сомнительное предпріятіе.

У насъ казенные подряды и поставки окружены разными условіями, необходимо и естественно возвышающими подрядныя и поставочныя цѣны. По договорамъ и обязательствамъ, заключеннымъ казною съ частными лицами, не могутъ быть предъявляемы споры въ судебныхъ мѣстахъ, а допускаются лишь жалобы на-

чальству того мѣста, которое заключило договоръ (*). Сверхъ того, выполненіе договора и окончаніе расчетовъ казеннаго вѣдомства съ подрядчикомъ или поставщикомъ не освобождаютъ его отъ отвѣтственности за тотъ же подрядъ или поставку въ будущемъ; ибо если при повѣркѣ счетовъ подчиненныхъ мѣстъ, или при составленіи самыхъ расчетовъ въ Министерскихъ Департаментахъ за прежнее время, будутъ открыты невѣрности по обязательствамъ съ казною и взысканія съ контрагента, то отъ послѣдняго могутъ еще быть потребованы объясненія (**). Значитъ, даже по выполненіи обязательства и по полученіи слѣдующихъ за подрядъ и поставку денегъ, контрагентъ не увѣренъ, что это дѣло совершенно конченное. Вслѣдствіе этого послѣдняго обстоятельства, страховая или рисковая премія должна быть расчитана еще выше, потому что въ торговыхъ и промышленныхъ дѣлахъ вещи и работы оцѣняются тѣмъ дешевле, чѣмъ дѣло вѣрнѣе, и чѣмъ больше оборотовъ можно сдѣлать съ капиталомъ въ данное время.

Противъ этихъ замѣчаній многіе возражаютъ такъ: конечно, эти условія казенныхъ подрядовъ и поставокъ представляютъ свои неудобства для контрагентовъ, но чтожъ съ этимъ дѣлать? Контракты казны съ частными лицами имѣютъ свои особенности, вслѣдствіе которыхъ ихъ невозможно подвести подъ одни начала съ частными договорами. Казна имѣетъ неотложныя потребности; если онѣ не будутъ удовлетворены немедленно, то, не говоря уже объ убыткахъ, изъ этого можетъ произойти существенно-вредное разстройство въ государственномъ хозяйствѣ. При томъ же казна дѣйствуетъ не непосредственно, какъ частное лицо, а чрезъ чиновниковъ, и потому всегда болѣе частныхъ лицъ подвержена убыткамъ, обманамъ, даже стачкамъ между представителями казны и контрагентами, а обыкновенный судебный порядокъ недостаточенъ для защиты ея интересовъ, потому что продолжителенъ и не всегда надеженъ. И такъ, чтобъ уравнять въ контрактахъ взаимное положеніе казны и подрядчика или поставщика, необходимо оградить первую, въ точномъ и добросовѣстномъ выполненіи заключенныхъ съ нею условій, съ одной стороны контролемъ мѣстъ и лицъ

(*) Свода Зак. (изд. 1857 г.) т. X, часть 2 (Зак. о Судопр. Гражд.) ст. 104.
(**) Тамъ же, ст. 120.

высшихъ надъ низшими, а съ другой—непосредственною принудительною властью по выполненію контрактовъ.

Нельзя оспаривать справедливость побудительныхъ мотивовъ, дѣлающихъ особенныя мѣры для огражденія интересовъ казны необходимыми. Но весь вопросъ въ томъ, достигаютъ ли означенныя выше два условія предположенной цѣли? Мы думаемъ, что не достигаютъ, и вотъ на чемъ основано это мнѣніе:

Не смотря на исполнительную власть казны и устраненіе суда по дѣламъ о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ, неисправности контрагентовъ могутъ встрѣчаться и встрѣчаются довольно часто. Намъ замѣтятъ, можетъ быть, что, при подчиненіи казенныхъ договоровъ общему порядку, случаи неисправности навѣрное умножатся. Но такое предположеніе ни на чемъ не основано. Если частные подряды и поставки исполняются безъ помощи двухъ приведенныхъ мѣръ, то почему же непремѣнно казенные не будутъ выполняться? Разсуждая о коммерческихъ предпріятіяхъ, къ которымъ относятся подряды и поставки, надо прежде всего обращать вниманіе на выгоды и расчеты контрагента; они, а не что нибудь другое, разрѣшатъ вопросъ, выполнитъ или не выполнитъ онъ принятое на себя обязательство. Когда контрагенту угрожаетъ за неисправность судъ, то ему гораздо выгоднѣе выполнить контрактъ, чѣмъ быть неисправнымъ, потому что въ первомъ случаѣ онъ скорѣе получитъ деньги и слѣд. возможность заняться другимъ дѣломъ; во второмъ же случаѣ онъ долженъ потерять много времени, тратиться въ судахъ и лишается возможности располагать своими залогами и капиталами, которые подвергаются аресту или опекѣ. И такъ, въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ житейскихъ дѣлахъ, собственная выгода контрагента вѣрнѣе будетъ обезпечивать его исправность, чѣмъ всевозможныя административныя предосторожности.

Но, скажутъ намъ, не примѣняются ли всѣ эти разсужденія и къ теперешнему порядку? Выгода подрядчика и поставщика не побуждаютъ ли его и теперь быть исправнымъ? Исправенъ онъ—онъ тотчасъ же получитъ расчетъ и деньги; неисправенъ—тѣ же послѣдствія ожидаютъ его, какъ и по суду. Разсмотрѣніе дѣла административнымъ или судебнымъ порядкомъ не играетъ въ этомъ случаѣ никакой существенной роли.

Съ этими разсужденіями едва ли можно согласиться. Въ казенномъ подрядѣ или поставкѣ казна является одною изъ договаривающихся сторонъ, которая естественно ищетъ соблюсти какъ можно больше свои выгоды, а быть безпристрастнымъ судьею въ своемъ дѣлѣ нельзя: это юридическая аксіома, давно всѣми признанная. Предположимъ, что присутственное мѣсто или должностное лицо, заключающее договоръ подряда или поставки въ качествѣ представителя казны, и пріемщикъ — отличаются большою рачительностію и добросовѣстностію. Заботясь о соблюденіи интересовъ казны, они естественно будутъ строги къ контрагенту, — можетъ быть строже, чѣмъ бы слѣдовало. Опасеніе такой чрезмѣрной строгости и заставитъ подрядчика поднять подрядную цѣну при торгахъ. Будь въ случаѣ спора судъ посредникомъ между казною и частнымъ лицомъ, подобное опасеніе не могло бы имѣть мѣста, потому что судъ не заинтересованъ ни въ пользу казны, ни въ пользу контрагента; ему все равно, кто изъ нихъ правъ, кто не правъ въ своихъ обоюдныхъ претензіяхъ.

Предположимъ, наоборотъ, что представители казны въ подрядномъ дѣлѣ не заботливы къ интересамъ ея, соблюдаютъ только предписанныя формы, чтобъ не подпасть отвѣтственности, и не прочь извлечь, гдѣ можно, свои выгоды. Въ этомъ случаѣ, существующія правила не только не обезпечиваютъ интересовъ казны, исправности подрядчика или поставщика, но, напротивъ, только поддерживаютъ и расплождаютъ злоупотребленія. Еслибъ судъ былъ посредникомъ между казною и контрагентомъ, то послѣдній былъ бы вынужденъ исполнять подрядъ или поставку какъ можно тщательнѣе; чрезъ это онъ могъ бы избѣжать придирокъ со стороны пріемщика, принеся на него жалобу въ судъ, который оправдалъ бы его; конечно, онъ могъ бы, и при посредничествѣ суда, прибѣгнуть къ стачкѣ съ пріемщикомъ; но такая стачка—дѣло рискованное, которое всегда можетъ обнаружиться и навлечь много хлопотъ впослѣдствіи. Во всякомъ случаѣ, еслибъ судъ разбиралъ споры по обязательствамъ между казною и частными лицами, для послѣднихъ предстоялъ бы, при не слишкомъ строгой добросовѣстности чиновника, по крайней мѣрѣ выборъ между точнымъ выполненіемъ контракта и стачкою. Но при дѣйствующихъ нынѣ правилахъ у него нѣтъ этого выбора; контрагенту предстоитъ одно изъ

трехъ: или выполнить контрактъ хорошо, но предоставить нѣкоторыя выгоды представителямъ казны и пріемщику; или выполнить дурно, но покрыть свою неисправность сдѣлкою съ чиновниками; или, отказавъ во всякихъ выгодахъ лицамъ, имѣющимъ въ этомъ дѣлѣ участіе въ качествѣ органовъ казны, оказаться неисправнымъ и подвергнуться всѣмъ тяжкимъ послѣдствіямъ неисправности. Послѣдняя шанса слишкомъ невыгодна, и рѣдкій на нее рѣшится, особливо когда ее такъ легко избѣгнуть, избравъ одно изъ первыхъ двухъ средствъ. Кто же несетъ убытки и терпитъ ущербъ? Разумѣется, казна; она или платитъ лишнее, или получаетъ товары худаго качества и плохую работу.

Ни контроль, ни подробныя правила и инструкціи, ни справочныя цѣны не въ силахъ отвратить безпорядковъ и злоупотребленій, вытекающихъ изъ самаго существа теперешнихъ юридическихъ положеній о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ. Дѣло торговое и коммерческое, по природѣ своей свободное, такъ или иначе, прокладываетъ себѣ тропинку сквозь регламентативныя мѣры, и когда онѣ ему мѣшаютъ, оно уничтожаетъ силу и дѣйствіе ихъ на практикѣ. Не считаемъ нужнымъ приводить примѣры: они слишкомъ живо представятся всякому, кто сколько нибудь понимаетъ дѣло. Промышленность, какъ все на свѣтѣ, живетъ по своимъ законамъ, отъ которыхъ не можетъ отступить; правила, составленныя вопреки этимъ законамъ, стѣсняя естественный ея ходъ, только даютъ ей ложное направленіе, которое обнаруживается въ ненормальныхъ явленіяхъ, всегда убыточныхъ для того, въ чью пользу стѣснительныя мѣры постановлены.

Въ основаніи ошибочныхъ взглядовъ на юридическія свойства казенныхъ подрядовъ и поставокъ лежитъ сопоставленіе ихъ съ другими казенными взысканіями. Разсуждаютъ такъ: подати, пошлины и другіе казенные сборы взимаются же исполнительнымъ порядкомъ, безъ всякаго спора въ судебныхъ мѣстахъ (¹). Исполненіе казеннаго подряда или поставки подходитъ подъ ту же категорію казеннаго взысканія, и потому можетъ и должно подлежать тѣмъ же правиламъ. Но такое сближеніе совершенно неправильно. Между взысканіемъ казенной подати, пошлины, сбора и исполненіемъ

(¹) Св. Зак. т. X, Зак. о Судопр. Гражд. ст. 102.

договора, заключеннаго съ казною, лежитъ та огромная разница, что первое вытекаетъ изъ государственнаго права, а второе изъ гражданскаго. Обязанность платить подати, пошлины, сборы не проистекаетъ изъ договора или условія, а предписывается государственною властью къ непремѣнному исполненію, и при томъ размѣръ податей, пошлинъ, сборовъ опредѣляется тою же властью и не зависитъ отъ произвола частныхъ лицъ. Напротивъ, заключая контракты, покупая и продавая, казна является частнымъ лицомъ, вступаетъ, подобно ему, въ добровольныя юридическія сдѣлки; тутъ, слѣдовательно, выгоды и невыгоды ея вполнѣ зависятъ отъ свойства предлагаемыхъ ею условій, а условія эти, какъ мы видѣли, невыгодны для подрядчиковъ, и въ послѣднемъ результатѣ для самой казны. Отсюда слѣдуетъ, что устраненіе посредничества суда и исполнительная власть казны, мѣры полезныя и необходимыя въ отношеніи къ податямъ и разнымъ сборамъ, не имѣютъ тѣхъ же послѣдствій въ отношеніи къ казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, потому что основанія тѣхъ и другихъ совершенно иныя.

Въ заключеніе, замѣтимъ еще одно, очень важное обстоятельство. Исполнительный характеръ казенныхъ взысканій по подрядамъ и поставкамъ, возможность привлечь къ отвѣтственности контрагента и послѣ исполненія имъ договора, имѣли, косвеннымъ образомъ, неблагопріятное для самой казны вліяніе на развитіе законодательства объ этомъ предметѣ. Подрядчики и поставщики, опасаясь риска, который такія предпріятія представляютъ при указанныхъ двухъ условіяхъ, не охотно стали являться на торги. Чтобъ увеличить конкуренцію ихъ и тѣмъ уменьшить подрядныя и поставочныя цѣны на торгахъ, Правительство вынуждено было требовать отъ контрагентовъ меньше залоговъ, съ меньшею разборчивостію принимать эти залоги, оказывать контрагентамъ, при исполненіи ими договоровъ, въ особенности же контрагентамъ неисправнымъ, разныя, весьма значительныя снисхожденія и т. п. Такимъ образомъ, въ сущности, казна теперь менѣе обезпечена при неисправности подрядчика или поставщика, чѣмъ частное лицо. Мѣры, представляющія лишь кажущееся, мнимое обезпеченіе, приводятъ казну, въ дѣйствительности, къ убыткамъ и къ необезпеченности ея взысканій.

Какими же средствами, спросятъ насъ, оградить казну отъ ущербовъ по подрядамъ и поставкамъ? Рѣшеніе этого вопроса не входитъ въ предѣлы задачи, которую мы себѣ предложили и повело бы насъ слишкомъ далеко. Замѣтимъ только, что дѣйствительными средствами, какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ другихъ подобныхъ случаяхъ, всегда будутъ: хорошій выборъ лицъ, заключающихъ именемъ казны договоры, и пріемщиковъ и щедрое вознагражденіе тѣхъ и другихъ; строгій и правильный *уголовный* судъ надъ тѣми чиновниками, которые позволяютъ себѣ злоупотребленія и стачки по дѣламъ казеннымъ; правильный и безпристрастный *гражданскій* судъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ; отмѣна всякой отвѣтственности контрагента, когда договоръ исполненъ и деньги ему заплачены. Для избѣжанія проволочки въ судѣ по дѣламъ о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ, которая легко можетъ встрѣтиться, особливо если дѣло проходитъ по всѣмъ судебнымъ инстанціямъ, можно, на первое время, постановить правиломъ, что по дѣламъ этого рода рѣшенія судовъ первой инстанціи немедленно приводятся въ исполненіе, не дожидаясь сроковъ аппеляціи; для большаго еще обезпеченія казны, при нынѣшнемъ устройствѣ судебной части, можно отнести такого рода дѣла къ юрисдикціи гражданскихъ палатъ. Но какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, подчиненіе этихъ дѣлъ общимъ судебнымъ мѣстамъ кажется намъ однимъ изъ наилучшихъ средствъ для приведенія этой отрасли казенныхъ операцій въ нормальное состояніе. Судъ даже оградитъ казну отъ злоупотребленій чиновниковъ, именно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда контрактъ исполненъ добросовѣстно и неисправность контрагента зависитъ только отъ личности органовъ казны. Такимъ же вѣрнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ считаемъ мы и отмѣну всякихъ взысканій съ контрагента послѣ выполненія имъ договора. Во первыхъ, эти взысканія, по всей справедливости и строгому праву, могутъ падать лишь на однихъ пріемщиковъ, а отнюдь не на контрагента. При томъ, увѣренность, что они одни будутъ отвѣчать за убытки казны, заставитъ пріемщиковъ быть внимательнѣе къ своимъ обязанностямъ. Наконецъ, казна можетъ вести списки контрагентамъ, оказавшимся недобросовѣстными и ненадежными, и не допускать ихъ впередъ къ торгамъ. Такъ или иначе, но то несомнѣнно, что для самой казны будетъ

гораздо выгоднѣе оставить безъ преслѣдованія нечестнаго поставщика, чѣмъ удерживать за собою право подвергать всѣхъ контрагентовъ вообще послѣдующимъ начетамъ и взысканіямъ, изъ одного опасенія, что между ними можетъ найтись нечестный; ибо теперь именно недобросовѣстный человѣкъ скорѣе вступитъ въ казенный подрядъ, чѣмъ добросовѣстный, въ надеждѣ обойти его законныя послѣдствія косвенными путями, на которые честный подрядчикъ не рѣшится, или за которые онъ, можетъ быть, и не съумѣетъ взяться.

К. Кавелинъ.

ВОЗРАЖЕНІЕ НА ПИСЬМО Г. Х. Д. О С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ВРЕМЕННОЙ КОММИСІИ.

Въ 23-мъ N Русскаго Вѣстника 1858 г., на стр. 262—266, напечатано письмо къ редактору о наблюденіяхъ, сдѣланныхъ г. Х. Д. во Временной Коммисіи, учрежденной въ С.-Петербургѣ для разбора дѣлъ между рядчиками или нанимателями и рабочими или мастеровыми.

Какъ ни кратко это письмо, но сдѣланныя въ немъ наблюденія относятся до такихъ важныхъ предметовъ, что тому, кто не соглашается съ разсужденіями г. Х. Д., трудно и даже невозможно оставить статью его безъ возраженія.

Принимая на себя эту обязанность, я считаю необходимымъ сказать прежде всего, что, по моему понятію, возраженіе не составляетъ еще окончательнаго рѣшенія вопроса; я разсматриваю всякое возраженіе какъ возраженіе тяжущагося, за которымъ слѣдуетъ еще опроверженіе, а за тѣмъ уже рѣшеніе суда.

Г. Х. Д. сдѣлалъ *два вывода* изъ своихъ наблюденій во Временной Коммисіи.

Первый—о необходимости учрежденія стряпчихъ или адвокатовъ.

Второй—о пользѣ словеснаго и гласнаго судопроизводства.

Выводы эти такъ просты и естественны, такъ извѣстны всѣмъ и каждому, что вѣроятно никто противъ нихъ возражать не будетъ. Остается только посмотрѣть, выходятъ ли они изъ наблюденій, идутъ ли къ дѣлу, о которомъ идетъ рѣчь, обставлены ли тѣми основаніями, на которыхъ они могутъ утвердиться прочно и съ пользою для дѣла?

Всякой тотчасъ согласится съ тѣмъ, что есть такія истины, противъ которыхъ спорить никто не можетъ: родились ли онѣ вмѣстѣ съ нами, всосали ли мы ихъ съ молокомъ нашей кормилицы, или онѣ незамѣтно вкрались въ наши понятія въ то время, когда мы еще не

умѣли различать истину отъ неправды. Какъ только мы слышимъ объ этихъ истинахъ, хотя бы и въ первый разъ, мы не узнаемъ ихъ, а вспоминаемъ; онѣ неразлучны съ общими началами правды, въ непреложности коихъ мы не считаемъ нужнымъ давать отчета.

Къ такимъ истинамъ принадлежатъ, безъ сомнѣнія, и выводы, сдѣланные г. Х. Д.

Но осуществленіе этихъ истинъ въ практикѣ сопровождается особенными затрудненіями; и къ числу главныхъ затрудненій, препятствующихъ примѣненію общихъ выражаемыхъ ими началъ къ дѣлу, принадлежатъ, къ сожалѣнію, и статьи въ родѣ письма г. Х. Д., напечатаннаго въ 23 N Русскаго Вѣстника 1858 г.

По моему убѣжденію нѣтъ ничего вреднѣе для оживотворенія означенныхъ истинъ, какъ-то, что ихъ выдаютъ за единственное средство противъ всѣхъ золъ, какъ примѣненіе ихъ ко всѣмъ случаямъ безъ изъятія и въ особенности къ тѣмъ, къ которымъ они вовсе нейдутъ, какъ привитіе ихъ къ тѣмъ учрежденіямъ, съ коими они вовсе несовмѣстны, такъ что именно такія учрежденія и должны быть изъяты отъ дѣйствія этихъ истинъ.

Вотъ мысли, которыя невольно возбудилъ во мнѣ первый выводъ г. Х. Д.

Разсказывая чрезвычайно ясно о трудности занятій членовъ Коммисіи и объясняя съ особенною послѣдовательностью «какъ они вынуждены были *раздѣлить* между собою громадный свой трудъ такимъ образомъ, что *каждый членъ* разбираетъ достающіяся на его долю дѣла совершенно *отдѣльно* и *независимо отъ своихъ товарищей*»; объясняя, что «этотъ порядокъ, очевидно, ненормаленъ и можетъ оправдываться лишь явною необходимостью», онъ спрашиваетъ: «какое же средство выдти изъ этого положенія, обратить Коммисію къ прямому ея назначенію, избавить ее отъ изнурительной, часто совершенно напрасной работы, и тѣмъ удесятерить ея силы къ скорому и правильному разбору споровъ, ей подвѣдомственныхъ?»

«Отвѣтъ на этотъ вопросъ», продолжаетъ г. Х. Д., «кажется такъ простъ, такъ ясно съ перваго же взгляда представляется каждому, что я нисколько не былъ удивленъ, найдя въ членахъ Коммисіи полное сочувстіе и совершенное убѣжденіе въ необходимости той мѣры, на которую я позволилъ себѣ имъ указать.»

«Мѣра эта,» по мнѣнію г. Х. Д., «заключается въ учрежденіи стряпчихъ или адвокатовъ.»

Здѣсь нельзя тотчасъ же не замѣтить, что этотъ выводъ такъ мало согласенъ съ наблюденіемъ г. Х. Д., со всѣмъ тѣмъ, что онъ самъ сказалъ прежде, что трудно понять какимъ образомъ человѣкъ, который могъ такъ хорошо наблюдать за занятіями Временной Коммисіи, сдѣлалъ такой неправильный выводъ изъ своихъ наблюденій.

«Полное сочувствіе членовъ Коммисіи и совершенное убѣжденіе ихъ въ необходимости этой мѣры,» сообщенной имъ наблюдателемъ, доказываетъ только практическій вредъ подобныхъ наблюденій.

Первоначальный словесный судъ на *мѣстѣ*, который осуществляется С.-Петербургскою Временною Коммисіею, и учрежденіе стряпчихъ или адвокатовъ суть два учрежденія совершенно независимыя и отдѣльныя одно отъ другаго.

Сколько учрежденіе стряпчихъ полезно и даже необходимо для успѣшнаго хода дѣлъ въ судахъ 1-й и 2-й степени, столько же оно неумѣстно и даже вредно въ такомъ учрежденіи какъ С.-Петербургская Временная Коммисія, которая есть ничто иное какъ первообразъ суда *на мѣстѣ*, учрежденія столь важнаго и столь необходимаго для Россіи.

Самъ г. Х. Д., въ началѣ своего письма, говоритъ: «по выслушаніи представленныхъ тяжущимися изустныхъ объясненій и разсмотрѣніи письменныхъ доказательствъ, буде таковыя представлены, Коммисія дѣйствуетъ сначала *примирительно*.»

Изъ этого видно, что Временная Коммисія замѣняетъ первоначальный, словесный, или *примирительный* судъ. Кромѣ того она разрѣшаетъ именно тѣ дѣла, которыя въ другихъ государствахъ возложены на мироваго, исполнительнаго судью или на претора. Въ ней проявляется зародышь учрежденія мироваго судьи.

Судья этотъ замѣняетъ судъ семейный. Какъ отецъ семейства выслушиваетъ онъ лично просителей, изыскиваетъ всѣ средства къ ихъ примиренію и только при неуспѣхѣ опредѣляетъ ихъ права и обязанности безъ всякихъ формальностей и издержекъ.

Судья этотъ на каждомъ шагу соприкасается съ мелочными потребностями народа; онъ собственно не судья, а примиритель, онъ самъ стряпчій и адвокатъ обоихъ тяжущихся. Поставьте между

нимъ и тяжущимся краснорѣчиваго адвоката, и вы уничтожили мироваго судью.

Самое обращеніе тяжущагося не къ судьѣ, а къ стряпчему уже замедляетъ ходъ дѣла и увеличиваетъ судебныя издержки. Во всѣхъ государствахъ, гдѣ есть словесный судъ, дѣла малоцѣнныя, простыя, подлежатъ разрѣшенію первоначальнаго суда, и производство этихъ дѣлъ, по общему правилу, изъято отъ всякаго участія стряпчихъ или адвокатовъ. Извѣстные юристы доказали и Европейскія государства испытали на дѣлѣ особенную пользу *личной явки* тяжущагося и *непосредственнаго* его объясненія лицомъ къ лицу съ судьею въ дѣлахъ малоцѣнныхъ и простыхъ, допускающихъ предварительное примиреніе и требующихъ за тѣмъ немедленнаго разрѣшенія *на мѣстѣ*.

Да и что можетъ быть общаго между примиреніемъ двухъ тяжущихся, а въ случаѣ неуспѣшности этой мѣры, немедленнымъ рѣшеніемъ ихъ дѣла, и разборомъ ихъ спора чрезъ посредство стряпчихъ?

Не ясно ли, что одно учрежденіе убиваетъ другое?

Вопросъ этотъ имѣетъ особенно важное значеніе въ практическомъ отношеніи. Признаніе необходимости учрежденія стряпчихъ въ судѣ первоначальномъ можетъ значительно затруднить дальнѣйшее развитіе суда на мѣстѣ.

Главное и можно сказать единственное препятствіе къ образованію у насъ сего важнаго учрежденія, которое должно составить основное звѣно нашего судопроизводства, учрежденія *суда на мѣстѣ*, состоитъ въ недостаткѣ людей. Что̀ же будетъ, если скажутъ, что кромѣ мировыхъ судей нужны еще при этихъ судьяхъ стряпчіе и адвокаты. Очевидно, что тогда этотъ недостатокъ сдѣлается событіемъ непреложнымъ и по поводу недостатка стряпчихъ будетъ признано, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, невозможнымъ учредить и мировыхъ судей.

«Въ самомъ дѣлѣ», продолжаетъ г. Х. Д., «какое немедленное и огромное совершится упрощеніе въ занятіяхъ Коммисіи, какъ скоро она будетъ имѣть дѣло не съ *невѣжественными* просителями, а съ *юридически образованными* стряпчими.»

Нельзя не остановиться на этихъ словахъ. Отчего же всѣ просители невѣжественны и всѣ стряпчіе юридически образованы. Всякій согласится съ тѣмъ, что и по учрежденіи стряпчихъ, бу-

дутъ все же и просители юридически образованные и стряпчіе невѣжественные. Стряпчіе такіе же люди какъ и просители. Но допустивъ даже, что въ дѣлахъ такого рода просители могутъ быть по бо́льшей части невѣжественные, не должно ли это самое служить новымъ основаніемъ къ тому, чтобы поставить ихъ лицомъ къ лицу съ судьею? Неужели званіе судьи не дозволяетъ ему обращаться съ невѣжественными просителями? «Эта мысль, говоритъ Бентамъ, отзывается тѣмъ устарѣлымъ понятіемъ, что не судьи учреждены для просителей, а просители для судей, какъ будто цѣль судопроизводства состоитъ въ томъ, чтобъ освободить судью отъ непріятности выслушивать несвязныя рѣчи тяжущихся, какъ будто бѣдные и неученые люди недостойны входить въ непосредственныя съ ними отношенія; какъ будто ораторовъ нужно нанимать для того только, чтобъ обязанность судьи сдѣлалась и легче и пріятнѣе.»

Впрочемъ исторія учрежденія стряпчихъ лучше всего доказываетъ, съ какою осторожностью должно вводить столь важное и необходимое учрежденіе и какъ опасно неумѣстное его развитіе. Мысль эту легко подтвердить указаніемъ на факты, связанные съ учрежденіемъ стряпчихъ во Франціи, и ссылками на извѣстныхъ писателей; однако такое отступленіе отъ предмета настоящей статьи было бы неумѣстно, и я обращаюсь опять къ письму г. Х. Д.

Много можно еще сказать въ доказательство того, что *первый* его выводъ нисколько не выходитъ изъ *перваго* его наблюденія. Но мнѣ помогаетъ *второе* наблюденіе г. Х. Д., гдѣ самъ онъ подаетъ на себя оружіе.

«Второе наблюденіе, говоритъ г. Х. Д., которое считаю *не менѣе поучительнымъ*, прямо основано на собственномъ опытѣ гг. членовъ Коммисіи. По отзыву ихъ, очень много дѣлъ, которыя прежде производились на бумагѣ въ полиціи и иныхъ мѣстахъ и производились весьма медленно, потому что стороны изворачивались разными увертками, не относящимися къ дѣлу объясненіями, несправедливыми показаніями и прочими неблаговидными средствами,—кончались въ Коммисіи очень скоро, потому что, *ставъ лицомъ къ лицу съ истцами, отвѣтчики не могли уже прибѣгать къ помянутымъ средствамъ*, и частію отъ *стыда*, частію въ слѣдствіе свидѣтельскихъ уликъ должны были сознаться въ своей виновности.»

Можно ли повѣрить, что тотъ самый г. Х. Д., который говоритъ, что отвѣтчики, «*ставъ лицомъ къ лицу съ истцами, не могутъ уже прибѣгать*» къ различнымъ уверткамъ, доказываетъ, что необходимо дать такимъ отвѣтчикамъ право, вмѣсто того, чтобы *ихъ ставить лицомъ къ лицу* съ истцами, посылать за себя стряпчихъ или адвокатовъ.

Въ Женевѣ мнѣ случилось присутствовать при докладѣ одного ничтожнаго гражданскаго дѣла чрезъ посредство адвокатовъ.

Вотъ въ чемъ заключалось это дѣло. Хозяинъ одного дома отдалъ въ наймы второй этажъ, а на наружной стѣнѣ перваго этажа передѣлалъ находившуюся подъ окнами его жильца старую вывѣску и далъ ей положеніе наклонной плоскости. Ширина вывѣски была менѣе полу-аршина.

Жилецъ предъявилъ искъ противъ хозяина дома, доказывая, что перемѣною положенія вывѣски онъ лишилъ его права смотрѣть на тротуаръ, сидя на своемъ стулѣ, что̀ прежде было ему легко дѣлать и онъ считалъ это источникомъ наслажденія; теперь же долженъ для того вставать со стула и наклоняться къ окну, а иначе не можетъ даже видѣть проходящихъ по тротуару. Предметъ своего иска онъ называлъ *privation de jouissance*.

При докладѣ дѣла тяжущихся не было; ихъ мѣсто заступали адвокаты.

Адвокатъ истца, — жильца, истощилъ весь пылъ своего краснорѣчія, билъ себя кулаками въ грудь, краснѣлъ, пыхтѣлъ и усиливался доказать, что хозяинъ дома лишилъ его довѣрителя весьма важнаго права. Онъ привезъ съ собой огромные комментаріи и вычитывалъ, въ подтвержденіе своихъ софизмовъ, разнообразныя тирады изъ древнихъ и новыхъ писателей. По ничтожности дѣла можно было бы съ нимъ согласиться только для того, чтобъ онъ скорѣе окончилъ свою безконечную рѣчь. Судьи съ трудомъ удерживали чувство собственнаго достоинства; мнѣ было жаль двухъ часовъ времени, коихъ стоило мнѣ это дѣло. За то конецъ вознаградилъ меня за начало.

Истцу конечно отказали, чѣмъ, кажется, болѣе всѣхъ былъ доволенъ его адвокатъ. Я подошелъ къ нему и спросилъ: какимъ образомъ рѣшился онъ защищать подобный искъ.—«Чтожъ дѣлать, отвѣчалъ адвокатъ, я не тяжущійся и не судья; я обязанъ защищать

того, кто меня о томъ просилъ, хотя мнѣ очень хорошо извѣстно, что довѣритель мой не правъ; вы видите что его здѣсь нѣтъ: ему было бы *стыдно* здѣсь присутствовать.»

Читая слова г. Х. Д., что отвѣтчики «частью отъ *стыда,*» а частью отъ другихъ причинъ должны сознаваться въ своей виновности, я невольно вспомнилъ оправданіе этого адвоката и еще болѣе убѣдился въ томъ, что всякое учрежденіе, выводимое изъ настоящихъ своихъ предѣловъ, прививаемое къ другимъ учрежденіямъ, съ коими оно совмѣстно быть не можетъ, по необходимости утрачиваетъ истинное свое значеніе и вмѣсто пользы приноситъ вредъ. Слова́ г. Х. Д. *«частью отъ стыда»* еще болѣе меня убѣдили въ томъ, какъ легко дѣлать хорошія наблюденія и какъ трудно переходить отъ нихъ къ правильнымъ выводамъ.

Но можетъ быть г. Х. Д. скажетъ на это, что судъ въ подобныхъ случаяхъ имѣетъ право истребовать лично отвѣтчика. Противъ этого можно замѣтить, что главная цѣль такого суда, какъ Временная Коммисія, есть разрѣшеніе дѣла немедленно *на мѣстѣ.* Допустить сначала явку стряпчихъ, а потомъ вызовъ тяжущихся, по усмотрѣнію суда, значитъ уничтожить все значеніе суда *первоначальнаго,* требующаго быстроты и допускающаго *примиреніе.*

Не ясно ли, что женевскіе судьи не захотѣли замедлять рѣшенія вышеизложеннаго дѣла новымъ вызовомъ тяжущихся въ судъ?

Но здѣсь самое важное значеніе имѣетъ вопросъ о примиреніи. Неужели судъ будетъ примирять стряпчихъ? Или можетъ быть г. Х. Д. думаетъ, что сами стряпчіе ихъ помирятъ. Конечно хорошо было бы, если бъ всѣ стряпчіе были люди добрые и честные, для которыхъ правда была бы выше личной выгоды; еслибъ самые краснорѣчивые адвокаты всегда соглашались защищать дѣло о клочкѣ земли, о половинѣ дерева, о двухъ, трехъ рубляхъ. Но бѣда въ томъ, что мы живемъ на землѣ, что между добрыми всегда есть и злые; что собственный интересъ всегда преобладаетъ надъ высокимъ понятіемъ объ общественномъ благѣ, и я не думаю, чтобъ поколѣніе стряпчихъ и даже адвокатовъ было исключеніемъ изъ этого правила.

«Выгодность такого посредничества стряпчихъ,» продолжаетъ г. Х. Д., *«особенно въ дѣлахъ того рода, о которыхъ здѣсь гово-*

рится, кажется такъ ясна, такъ осязательна, что нельзя и придумать, что̀ бы можно возразить против подобнаго учрежденія.»

Виноватъ, я возразилъ и возразилъ противъ словъ: *особенно въ дѣлахъ того рода, о которыхъ здѣсь говорится.* По моему мнѣнію, *именно въ дѣлахъ этого рода* выгодность посредничества стряпчихъ нисколько не осязательна; напротивъ того участіе ихъ въ такихъ дѣлахъ несогласно съ учрежденіемъ стряпчихъ и затруднительно въ исполненіи, потому что число судей *на мѣстѣ*, по необходимости, должно быть значительно и слѣдовательно число стряпчихъ при этихъ судахъ еще значительнѣе. По этой то причинѣ во всѣхъ государствахъ, гдѣ судопроизводство согласовано съ народонаселеніемъ, гдѣ существуютъ мировые судьи,они разбираютъ и примиряютъ непосредственно самихъ тяжущихся безъ всякаго участія стряпчихъ. Да и кромѣ того всякій пойметъ, что судъ прежде всего долженъ мирить *тяжущихся*, а не стряпчихъ, и что вмѣшательство стряпчихъ при примиреніи замедляетъ только дѣло.

Г. Х. Д. видѣлъ, что члены Временной Коммисіи вынуждены были силою вещей раздѣлить между собою разборъ дѣлъ и что каждый членъ разбираетъ достающіяся на его долю дѣла совершенно *отдѣльно и независимо* отъ своихъ товарищей.

Самый естественный выводъ изъ этого состоитъ въ томъ, что такой судъ долженъ состоять изъ *одного,* а не нѣсколькихъ членовъ, потому что судъ *на мѣстѣ*, какъ судъ спѣшный, примирительный, не допускаетъ коллегіи, которая по свойству своему дѣйствуетъ медленнѣе одного лица и не можетъ примирять, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда сами члены даютъ разныя мнѣнія, что̀ бываетъ въ коллегіяхъ ежедневно.

Въ заключеніе повторю то, съ чего я началъ. Ничто такъ не вредитъ основнымъ вопросамъ судопроизводства, какъ неумѣстное примѣненіе ихъ ко всевозможнымъ случаямъ; ничто такъ не вредитъ дѣлу, какъ одностороннее воззрѣніе на какое нибудь учрежденіе или на какое нибудь законодательство.

Недавно еще одинъ изъ нашихъ писателей, разсуждая о магистратурѣ и адвокатурѣ во Франціи, пришелъ къ убѣжденію, что тамъ эти учрежденія не имѣютъ рѣшительно никакихъ недостатковъ. Описывая благосостояніе этого государства, онъ между про-

чимъ, говоритъ: «личная свобода не лишается по чьему-нибудь произволу Божьяго свѣта; человѣческое достоинство не терпитъ отъ оскорбленій; невинность не наказывается слѣдственнымъ наказаніемъ; проступокъ не казнится полицейскою казнью; уголовное судоустройство никого не тревожитъ и, покрывая все общество щитомъ, внушаетъ послѣднему ветошнику чувство полнѣйшей безопасности на судѣ. Вообще судъ является дѣйствительнымъ возстановленіемъ правъ, разумнымъ приложеніемъ законовъ, правдивымъ воздаяніемъ за погрѣшность. Суда не боятся, но не боятся и судей. Магистратура является добросовѣстною и честною исполнительницею благихъ намѣреній законодателя.»

Читая это, можно подумать, что въ самомъ дѣлѣ Франція такое примѣрное государство, гдѣ всѣ люди добрые, адвокаты безкорыстные и судьи честные; а поѣхавъ на мѣсто и всмотрѣвшись ближе, или хоть даже пробѣжавъ политическое обозрѣніе какой нибудь книжки Русскаго Вѣстника, право приходишь совсѣмъ къ другому убѣжденію. Франція, какъ и всякое государство, имѣетъ въ своихъ учрежденіяхъ и много хорошаго и много дурнаго. Правильное воззрѣніе на французскія учрежденія, т. е. указаніе на хорошее какъ на хорошее, на худое какъ на худое, безъ всякаго сомнѣнія, полезно; но воззрѣніе одностороннее, прославленіе французскихъ учрежденій, едва-ли имѣетъ практическое значеніе.

То что сказано о Франціи идетъ и къ учрежденію стряпчихъ. Учрежденіе это, безъ всякаго сомнѣнія, полезно и даже необходимо, но отнюдь не въ судѣ примирительномъ, отнюдь не въ С.-Петербургской Временной Коммисіи.

С. ЗАРУДНЫЙ.

О НАЙМѢ НЕДВИЖИМЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ.

На основаніи статьи 1700 Свода Законовъ Гражданскихъ договоръ о наймѣ или объ отдачѣ въ оброчное содержаніе недвижимыхъ имуществъ составляется *письменно*, на *установленной гербовой бумагѣ.*

Въ практикѣ, какъ извѣстно, бóльшая часть договоровъ о наймѣ недвижимыхъ имуществъ, особенно незначительныхъ по цѣнности, совершается или *словесно*, или *письменно*, но *на простой бумагѣ*.

Спрашивается:

1) Обязательно ли правило, постановленное въ приведенной выше 1700 статьѣ, для *всѣхъ* договоровъ такого рода, такъ что, въ случаѣ отдачи въ оброчное содержаніе или наемъ землянаго участка или строенія одной *словесной* сдѣлкой, эта послѣдняя должна не только считаться ничтожной, но и подвергать какой либо отвѣтственности заключившія ее стороны?

2) Можетъ ли имѣть силу договоръ о наймѣ недвижимаго имущества, заключенный *письменно*, но на *простой бумагѣ*, и не подвергаетъ ли онъ также какой либо отвѣтственности обязавшіяся лица?

3) Требованіе, постановленное въ разсматриваемой статьѣ, чтобы договоръ такого рода былъ писанъ на гербовой бумагѣ, выражаетъ ли вмѣстѣ съ тѣмъ требованіе, чтобы онъ былъ, установленнымъ порядкомъ, засвидѣтельствованъ у маклера; и въ такомъ случаѣ:

4) Договоръ о наймѣ недвижимаго имущества, *неявленный у маклера*, хотя бы составленный письменно и на гербовой бумагѣ, долженъ ли вслѣдствіе этого считаться ничтожнымъ или же только неимѣющимъ равную силу съ тѣмъ, который явленъ у маклерскихъ дѣлъ?

Начнемъ рѣшеніе этихъ вопросовъ съ двухъ послѣднихъ, ибо когда требуется закономъ, чтобы извѣстный договоръ былъ совершенъ не иначе какъ крѣпостнымъ или явочнымъ порядкомъ, то очевидно, что нарушеніе этого требованія должно имѣть одинаковыя послѣд-

ствія, все равно словесно или письменно заключено было обязательство вопреки закону.

Въ статьяхъ 1534 и 1701 Свода Законовъ Гражданскихъ положительно и ясно опредѣлено, что договоръ о наймѣ недвижимыхъ имуществъ является у маклерскихъ дѣлъ, при чемъ обѣ статьи, равно какъ и статья 1700 того же Свода, относительно составленія такихъ договоровъ письменно, на гербовой бумагѣ, ссылаются на одинъ и тотъ же источникъ, именно на 179 статью Устава Благочинія 1782 г. апрѣля 8 (15379).

Вотъ что сказано въ этой статьѣ:

«Буде кто въ части домъ построитъ или ломать хочетъ, или мѣсто, или домъ, или иное строеніе, или садъ, или огородъ купить, или продать, или закладывать, или въ закладъ брать, или дарить, или инако за собою или за кѣмъ укрѣпить, или *въ наймы отдастъ, или нанимаетъ, или въ домъ горницу, покой, конюшню, сарай, погребъ, лавку или иное строеніе въ наймы отдастъ, или нанимаетъ, да объявитъ о томъ частному маклеру.* Ему же маклеру записать объявленіе о томъ при двухъ присяжныхъ свидѣтеляхъ въ своей маклерской частной книгѣ, а именно: 1) чей домъ, и проч. и подъ какимъ нумеромъ; 2) домъ или иное строеніе или мѣсто построить, ломать, купить, продать, въ наймы отдать или нанимать; 3) цѣну договора; 4) число, мѣсяцъ и годъ; 5) срокъ постройки, ломки, платежа, купли, найма, или укрѣпленія; 6) условія, буде есть; 7) имя того или тѣхъ, коихъ съ кѣмъ договоръ заключенъ.»

Отсюда видно, что постановленіе касательно явки у маклера договора о наймѣ недвижимыхъ имуществъ относится только *къ земляныимъ участкамъ, строеніямъ и частямъ этихъ строеній, находящимся въ городахъ.* Слѣдовательно статья 1700 Зак. Гражд. по своему источнику имѣетъ, въ этомъ отношеніи, лишь частное значеніе, а потому объяснять ее въ томъ смыслѣ, что ею вмѣняется въ обязанность *всѣ* договоры о наймѣ недвижимыхъ имуществъ составлять не иначе какъ съ явкою у маклера, едва ли не есть произвольное распространеніе ея смысла.

Но и въ отношеніи къ договорамъ о наймѣ земляныхъ участковъ и строеній въ городахъ статья 1700-я не заключаетъ въ себѣ обязательнаго постановленія, ибо вотъ что, именно о наймахъ этихъ имуществъ, опредѣляется далѣе, въ статьѣ 1702:

«Совершеніе договоровъ письменныхъ или словесныхъ на наемъ городскихъ строеній и земляныхъ участковъ въ городѣ оставляется на волю хозяевъ и нанимателей оныхъ, какъ предметъ, зависящій отъ взаимнаго ихъ довѣрія другъ къ другу. Разрѣшеніе споровъ по словеснымъ обязательствамъ сего рода принадлежитъ Суду Словесному; письменные же договоры сего рода слѣдуетъ являть по существующимъ узаконеніямъ; но если такой договоръ, подписью сторонъ утвержденный, не будетъ въ свое время явленъ у маклера или въ присутственномъ мѣстѣ, то удовлетвореніе по оному при производствѣ взысканій и по другимъ случаямъ производится изъ того токмо имущества, какое у лица, взысканію подвергшагося, останется за удовлетвореніемъ прочихъ исковъ, по коимъ соблюдены всѣ правила, на совершеніе и явку ихъ постановленныя. *За симъ не опредѣляется никакихъ штрафовъ или пеней за неявку маклерамъ договоровъ по наймамъ городскихъ строеній и земляныхъ участковъ.*»

Это постановленіе издано въ 1833 году ноября 1 (6540) въ отмѣну штрафа, положеннаго Уставомъ Благочинія (ст. 253) за необъявленіе маклеру о договорахъ такого рода; слѣдовательно какъ позднѣйшій законъ, чѣмъ источникъ статей 1534, 1700 и 1701 Зак. Гражд., очевидно ограничиваетъ его силу относительно составленія обязательствъ о наймѣ недвижимыхъ имуществахъ въ городахъ не иначе какъ письменно и съ явкою у маклера.

За исключеніемъ исчисленныхъ статей Законовъ Гражданскихъ, мы не знаемъ другихъ, въ которыхъ бы воспрещалось заключать словесно договоры о наймѣ недвижимыхъ имуществъ вообще, или же письменно безъ явки у маклера.

Имѣя въ виду лишь частное значеніе въ отношеніи къ разсматриваемому предмету статей 1534, 1700 и 1701, значеніе отчасти также ослабляемое или, лучше сказать, измѣняемое статьею 1702-ю, мы думаемъ, что существующій въ практикѣ обычай отдавать въ наемъ недвижимую собственность по словеснымъ договорамъ или же по условіямъ, писаннымъ на дому безъ явки у маклера, нисколько не можетъ быть почитаемъ противнымъ законамъ, и что слѣдоват. неявка маклеру такихъ обязательствъ не должна подвергать никакой отвѣтственности ни лице, отдавшее имущество въ

наемъ, ни лице, вступившее по найму во временное владѣніе этимъ имуществомъ. Но совершенно иное дѣло, когда такой договоръ, заключенный словесно или письменно, *но не явленный у маклера*, становится основаніемъ иска въ случаѣ его нарушенія со стороны наемщика или нанимателя, или даже въ случаѣ спора въ отношеніи къ его содержанію. Здѣсь представляется вопросъ: обязаны ли полиція или судъ принимать ко взысканію или разсмотрѣнію и производству договоръ найма, не засвидѣтельствованный у маклера?

Если имущество отдано и принято въ наемъ по словесному договору, то удовлетвореніе по немъ кого слѣдуетъ въ случаѣ его нарушенія, равно какъ и разрѣшеніе возникшаго въ отношеніи къ нему спора должны быть предметомъ словеснаго суда, которому у насъ положено только начало, но который, судя по назначенію и дѣйствіямъ С.-Петербургской Временной Коммисіи, получитъ въ скоромъ времени надлежащее значительное развитіе. Что словесные суды будутъ принимать къ разсмотрѣнію и производству дѣла, возникающія по словеснымъ договорамъ о наймѣ недвижимыхъ имуществъ, въ этомъ, кажется, не можетъ быть никакого сомнѣнія, какъ потому, что нѣтъ основанія исключать ихъ изъ числа дѣлъ, подлежащихъ обыкновенно этимъ судамъ, такъ и потому, что въ нашемъ законодательствѣ, и именно въ приведенной выше 1702 статьѣ Зак. Гражд., уже выражено начало, что разрѣшеніе споровъ по словеснымъ обязательствамъ, относящимся къ найму земляныхъ участковъ и строеній въ городахъ, принадлежитъ суду словесному.

Если же договоръ о наймѣ недвижимаго имущества заключенъ письменно, но на простой бумагѣ или на гербовой ненадлежащаго достоинства, то, на основаніи Высочайше утвержденнаго 22 декабря 1858 года мнѣнія Государственнаго Совѣта объ актахъ, писанныхъ съ нарушеніемъ правилъ, установленныхъ относительно употребленія гербовой бумаги, онъ тѣмъ не менѣе долженъ быть признаваемъ дѣйствительнымъ и слѣдов. подлежать удовлетворенію, или, другими словами, долженъ быть полиціей и судомъ принимаемъ къ исполненію и разсмотрѣнію обыкновеннымъ порядкомъ. Впрочемъ тоже самое довольно ясно выражено и въ статьѣ 1702-й Зак. Гражд. Но имѣя въ виду правило, постановленное въ означенномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта, о взысканіи при этомъ слѣдующихъ

денегъ и штрафа за употребленіе простой или ненадлежащей гербовой бумаги съ лицъ, обязавшихся договоромъ (если онъ не былъ засвидѣтельствованъ у маклера), мы должны разсмотрѣть его особенно въ отношеніи къ нашему предмету. Съ одной стороны, какъ мы уже сказали, статья 1700, требующая, чтобы *всѣ* договоры о наймѣ недвижимыхъ имуществъ заключались не иначе какъ письменно и притомъ на гербовой бумагѣ, не представляетъ достаточнаго для этого основанія въ самомъ источникѣ, изъ котораго она заимствована; съ другой же стороны въ статьѣ 1702-й дозволяется договоры о наймѣ земляныхъ участковъ и строеній въ городахъ заключать не только письменно, но и словесно, а касательно такихъ же договоровъ, составленныхъ письменно, но не явленныхъ у маклера, постановлено, что, подчиняя лица, которыми они заключены, означеннымъ въ этой статьѣ невыгодамъ при взысканіяхъ въ сравненіи съ тѣми договорами, которые явлены установленнымъ порядкомъ, они не подвергаютъ ихъ однако никакимъ штрафамъ или пенямъ за неявку (*). Поэтому, намъ кажет-

(*) Изложенныя въ этой статьѣ послѣдствія неявки договора у маклерскихъ дѣлъ существенно отличаютъ обязательства о наймѣ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ отъ договоровъ личнаго найма, составленныхъ словесно или письменно, но не засвидѣтельствованныхъ у маклера. Постановляя одинаково для тѣхъ и другихъ, чтобы они были являемы у маклерскихъ дѣлъ (ст. 1534 Зак. Гражд.) и подтверждая это въ особенности (ст. 2224) въ отношеніи къ договорамъ о личномъ наймѣ, законъ (за изъятіемъ, допущеннымъ въ статьѣ 2225) выражаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ положительно (ст. 2226), что, если договоръ личнаго найма заключенъ былъ словесно тамъ, гдѣ есть маклеръ, то заключившія его лица, при спорѣ или ссорѣ между собою о служеніи, работѣ или платежѣ, *не могутъ ожидать никакого пособія отъ мѣстной городской полиціи и просьба о томъ не принимается въ Словесномъ Судѣ.* Въ отношеніи же къ договорамъ о наймѣ земляныхъ участковъ и строеній въ городахъ въ статьѣ 1702 напротивъ того, какъ мы видѣли, постановлено, что словесные договоры такого рода *подлежатъ разсмотрѣнію Словеснаго Суда,* а письменные не признаются также недѣйствительными въ томъ случаѣ, если не были явлены у маклера. Впрочемъ, постановленіемъ 22 декабря 1858 года въ этомъ отношеніи письменные договоры о личномъ наймѣ, неявленные у маклера, сравнены съ такими же договорами о наймѣ недвижимыхъ имуществъ; а съ учрежденіемъ въ С.-Петербургѣ Временной Коммисіи для разбора дѣлъ между рядчиками и рабочими также договоры о личномъ наймѣ, заключенные словесно, получаютъ силу передъ судомъ.

ся, можетъ быть не безосновательно предложенъ вопросъ: должно ли силу мнѣнія Государственнаго Совѣта 22 декабря 1858 года примѣнять вполнѣ ко *всѣмъ* договорамъ о наймѣ недвижимыхъ имуществъ, заключеннымъ *словесно,* или же *письменно*, но на простой или ненадлежащей гербовой бумагѣ, т. е. слѣдуетъ ли *во всякомъ случаѣ* за неупотребленіе при составленіи договоровъ такого содержанія гербовой бумаги подвергать взысканію втрое противъ цѣны той, которую надлежало употребить, а за употребленіе гербовой бумаги ненадлежащаго достоинства—втрое противъ разности между цѣною этой бумаги съ тою, на которой слѣдовало писать договоръ? Мы думаемъ, что, по буквальному смыслу разсматриваемаго закона, онъ распространяется лишь на тѣ договоры о наймѣ недвижимыхъ имуществъ, которые, бывъ составлены письменно, представляются одной стороной для взысканія по нимъ съ другой, такъ какъ только въ этомъ случаѣ и только въ отношеніи къ такимъ договорамъ и на основаніи статьи 1702 могутъ быть примѣняемы установленныя въ законахъ правила о гербовой бумагѣ и явкѣ у маклера.

О значении доказательствъ, исчисляемыхъ въ статьѣ 312-й 2-й книги Свода Законовъ Уголовныхъ.

Статья 312 Законовъ о Судопроизводствѣ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ содержитъ въ себѣ слѣдующее постановленіе:

«При сужденіи объ изнасилованіи Уголовный Судъ долженъ опредѣлять положенное закономъ наказаніе *не иначе, какъ:* 1-е по точномъ удостовѣреніи въ дѣйствительности насилія; 2-е когда свидѣтели будутъ, что изнасилованная крикомъ своимъ призывала на помощь постороннихъ; 3-е когда у ней, или обвиняемаго, или у обоихъ окажутся кровавые знаки, синія пятна, или изорванное платье, свидѣтельствующіе о сопротивленіи; 4-е когда объявленіе о томъ подано будетъ тотчасъ, или до истеченія дня.»

При внимательномъ обсужденіи смысла выписанной статьи закона представляется слѣдующій вопросъ: должно ли опредѣлять наказаніе за изнасилованіе только въ томъ случаѣ, когда въ дѣлѣ будутъ заключаться всѣ упоминаемыя въ 4 пунктахъ этой статьи условія обвиненія, или же напротивъ каждое изъ означенныхъ условій само по себѣ имѣетъ обвинительную силу, и слѣдов. достаточно одного какого либо изъ нихъ, чтобы опредѣлить наказаніе за изнасилованіе? Для разрѣшенія этого вопроса необходимо разсмотрѣть каждое изъ условій обвиненія порознь.

1-е. *Точное удостовѣреніе въ дѣйствительности насилія,* безъ сомнѣнія, необходимо для постановленія обвинительнаго приговора по всякому дѣлу объ изнасилованіи, ибо въ каждомъ уголовномъ дѣлѣ надлежитъ сначала изслѣдовать дѣйствительно ли происшествіе, заключающее въ себѣ преступленіе, учинилось (ст. 70 XV т. Зак. о Судопр.), и потому, при обвиненіи въ изнасилованіи, слѣдуетъ удостовѣриться въ дѣйствительности насилія. Это послѣднее

требованіе составляетъ только частное выраженіе общаго приведеннаго выше закона; слѣдовательно въ примѣненіи 1-го пункта 312 ст. ко всѣмъ дѣламъ объ изнасилованіи не представляется никакого сомнѣнія. Но въ законѣ не опредѣлено какими доказательствами долженъ судъ удостовѣряться въ дѣйствительности насилія. Само собою разумѣется, что доказательства эти не могутъ быть отличны отъ тѣхъ, какія приняты въ нашемъ уголовномъ судопроизводствѣ вообще для изобличенія въ преступленіяхъ.

2-е. *Свидѣтельскія показанія о призываніи изнасилованною крикомъ кого на помощь* бываютъ далеко не во всѣхъ дѣлахъ объ изнасилованіи. Не говоря уже о томъ, что крикъ о помощи самъ по себѣ ничего опредѣленно не доказываетъ, и можетъ быть и при другихъ преступленіяхъ, должно замѣтить, что въ случаѣ совершенія изнасилованія надъ усыпленною при помощи хлороформа или другаго средства, никакого крика и ожидать невозможно. Само Уложеніе о Наказаніяхъ, въ числѣ видовъ изнасилованія, различаетъ и такой, когда оно совершено надъ лицемъ, приведеннымъ въ состояніе безпамятства или неестественнаго сна (ст. 2079 п. 4). Кромѣ того, женщина можетъ быть изнасилована въ уединенномъ мѣстѣ, далеко отъ жилья, такъ что ея крика никто и слышать не могъ. Все это доказываетъ, что крикъ о помощи не только не составляетъ существеннаго признака изнасилованія, но что даже крика можетъ вовсе и не быть при совершеніи этого преступленія.

3-е. *Кровавые знаки, синія пятна и изорванное платье* могутъ быть также при дракѣ, нанесеніи побоевъ и проч., слѣдовательно не составляютъ исключительныхъ признаковъ изнасилованія. Притомъ, ни изорваннаго платья, ни синихъ и кровавыхъ знаковъ не бываетъ въ томъ случаѣ, когда изнасилованіе произведено надъ женщиною, приведенною въ состояніе неестественнаго сна, или надъ дѣвочкою дѣтскаго возраста. Тоже должно сказать и объ изнасилованіи помѣщиками своихъ крестьянокъ, потому-что послѣднія, находясь въ особомъ, исключительномъ положеніи по отношенію къ преступнику, изъ одной боязни и чувства полной, безвыходной зависимости отъ помѣщика, могутъ вовсе не оказывать ему физическаго сопротивленія, а въ такомъ случаѣ не будетъ ни крика, ни разорваннаго платья, ни кровавыхъ и синихъ пятенъ на тѣлѣ изнасилованной.

Итакъ, ни 2-е, ни 3-е условіе, т. е. ни крикъ, ни изорванное платье, ни кровавыя и синія пятна не составляютъ существенныхъ, исключительныхъ признаковъ изнасилованія, и на основаніи этихъ только условій безъ всякихъ другихъ нельзя произнести обвинительнаго приговора. Притомъ, такъ какъ они не всегда представляются въ дѣлахъ этого рода, то законъ и не могъ имѣть цѣлью поставлять непремѣннымъ условіемъ обвиненія въ изнасилованіи такіе факты, кои въ дѣйствительности могутъ случиться и не случиться. Свидѣтельскія показанія о призывѣ крикомъ на помощь, изорванное платье, кровавыя и синія пятна могутъ только совмѣстно съ другими уликами служить удостовѣреніемъ въ дѣйствительности насилія, т. е. входить въ составъ перваго разсмотрѣннаго выше условія, но сами по себѣ они не имѣютъ силы полнаго доказательства. Между тѣмъ въ 312 ст. объ нихъ упоминается, какъ о чемъ то отдѣльномъ, самостоятельномъ, и выраженіе «*не иначе какъ*», означая непремѣнное требованіе, относится равно и къ нимъ. Но можно ли предписывать суду назначать наказаніе за изнасилованіе *не иначе какъ* если былъ слышанъ крикъ, или если будутъ кровавыя и синія пятна или изорванное платье, когда всѣхъ этихъ признаковъ можетъ и не быть въ дѣлѣ, заключающемъ въ себѣ другія несомнѣнныя доказательства преступленія, и когда крикъ, пятна и изорванное платье сами по себѣ, отдѣльно взятые, вовсе не составляютъ даже явной улики въ томъ, что изнасилованіе совершено? Они относятся къ первому условію закона, именно къ удостовѣренію въ дѣйствительности насилія, какъ части къ цѣлому, и потому ставить ихъ наравнѣ съ цѣлымъ, т. е. дѣлать подобно ему особыми, самостоятельными пунктами, невозможно.

4-е. *Подача объявленія тотчасъ или до истеченія дня*, по разнымъ уважительнымъ причинамъ, не всегда бываетъ возможна. Во-первыхъ, неестественный сонъ, въ который приведена изнасилованная женщина, можетъ продолжаться и болѣе сутокъ; во-вторыхъ, въ нашемъ отечествѣ нерѣдко случается, что, по отдаленности разстояній, чтобы принести кому слѣдуетъ жалобу, должно употребить болѣе сутокъ на ходьбу или ѣзду; въ-третьихъ, болѣзненное состояніе изнасилованной можетъ воспрепятствовать ей подать въ срокъ объявленіе; въ-четвертыхъ, изнасилованная мо-

жетъ быть умышленно удержана въ заключеніи нѣсколько дней съ тою цѣлію, чтобы она пропустила срокъ на подачу жалобы; въ-пятыхъ, срочной подачи жалобы нельзя и требовать отъ помѣщичьихъ крестьянъ, ибо это не всегда согласно съ ихъ бытомъ. Однимъ словомъ, много бываетъ уважительныхъ причинъ неподачи объявленія объ изнасилованіи въ срокъ, но всѣхъ ихъ исчислить невозможно. Поэтому очевидно, что и срочную подачу объявленія никакъ не слѣдуетъ относить ко всѣмъ дѣламъ объ изнасилованіи, какъ необходимое условіе. Между тѣмъ, по точному смыслу 312 ст., 4-мъ ея пунктомъ положительно установляется *срокъ* для подачи жалобы на всякое изнасилованіе, своего рода *суточная давность*, разрушающая вмѣненіе даже при точномъ удостовѣреніи въ дѣйствительности насилія.

И такъ, по разсмотрѣніи всѣхъ условій обвиненія въ изнасилованіи, означенныхъ въ 312 ст. 2-й книги XV т. Свода Законовъ, оказывается, что, по буквальному смыслу статьи ни одно изъ нихъ само по себѣ, отдѣльно взятое, не имѣетъ обвинительной силы, но что для опредѣленія наказанія за это преступленіе, какъ видно изъ самаго образа выраженія закона, требуется совокупность всѣхъ исчисленныхъ нами условій, хотя 2-го и 3-го изъ нихъ весьма часто не случается въ дѣйствительности, а 4-е не всегда можетъ быть исполнено обиженной по причинамъ, вовсе отъ нея независящимъ. Отсюда нельзя не заключить, что буквальное примѣненіе этого закона судебными мѣстами въ данныхъ случаяхъ можетъ иногда служить къ *потворству* преступленія, что несогласно ни съ характеромъ всякаго закона, какъ выраженія правды, ни съ духомъ нашего судопроизводства, не установляющаго никакихъ сроковъ для вмѣненія преступленій, кромѣ общей давности.

Обратимся однако къ исторической основѣ нашей статьи, и разсмотримъ какіе источники служили для ея составленія. Не будемъ ли мы въ состояніи, руководствуясь ими, уяснить себѣ, слѣдуетъ ли въ самомъ дѣлѣ въ настоящемъ случаѣ держаться буквальнаго смысла этой статьи, или же можетъ быть допущено не столь тѣсное и узкое ея примѣненіе, какое представилось намъ съ перваго разу необходимымъ. Такъ поступить мы считаемъ себя тѣмъ болѣе въ правѣ, что въ офиціальномъ Обозрѣніи

историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ, изданномъ Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи въ 1833 году, на стр. 154 и 155, сказано: «буквальнымъ смысломъ закона не всегда выражается во всей полнотѣ и точности внутренній его разумъ, къ коему по необходимости должно прибѣгать въ случаѣ сомнѣній», и что «разума закона должно искать въ самыхъ текстахъ, изъ коихъ статьи составлены.»

Статья 312 XV т. Зак. о Суд. основана *на толкованіи* 167 артикула Воинскаго Устава Петра Великаго. Означенный артикулъ и толкованіе къ нему суть слѣдующіе:

Арт. 167. Ежели кто женскій полъ, старую или молодую, замужнюю или холостую, въ непріятельской или дружеской землѣ изнасилуетъ, и освидѣтельствуется, оному голову отсѣчь, или вѣчно на галеру послать, по силѣ дѣла.

Толков. Скверныя женщины обыкновенно, когда въ своихъ скверностяхъ иногда многія скверности учинятъ, предлагаютъ, что насильствомъ чести своей лишены и насильствованы, тогда судьѣ ихъ такому предложенію вскорѣ не надлежитъ вѣрить, *но подлиннѣе о правдѣ вывѣдать*, и чрезъ сіе насиліе *можно* освидѣтельствовать, егда изнасилованная *свидѣтелей имѣетъ*, что оная съ великимъ *крикомъ* другихъ на помощь призывала; а ежели сіе дѣло въ лѣсу, или въ иномъ какомъ единаковомъ мѣстѣ учинилось, то оной женщинѣ, хотябъ она и въ доброй славѣ была, *невозможно вскорѣ вѣрить;* однакожъ судья *можетъ* при томъ случившіяся обстоятельства разсмотрѣть, и егда обрящетъ ее честну, то *можетъ* онаго пытать, или къ присягѣ привесть. А такія обстоятельства *межъ другимъ* могутъ сіи быть: 1) ежели у женщины или у насильника, или у нихъ обоихъ, найдется, что платье отъ обороны разодрано; 2) или у единаго, или другаго, или синевы или кровавые знаки найдутся; 3) ежели изнасиленная по скоромъ дѣлѣ къ судьѣ пріидетъ, и о насильствіи жалобу принесетъ, при которомъ случаѣ ее притворъ и поступки гораздо примѣчать потребно. А ежели нѣсколько времени о томъ умолчитъ, и того часу жалобы не принесетъ, но умолчитъ единъ день или болѣе потомъ, то весьма *по видимому* видно будетъ, что и она къ тому охоту имѣла».

Изъ этого толкованія видно, что, при возможности ложныхъ жалобъ на изнасилованіе со стороны развратныхъ женщинъ, судьямъ

вмѣняется въ обязанность, при разсмотрѣніи дѣлъ о такихъ преступленіяхъ, крайняя осмотрительность и предписывается *не вскорѣ вѣрить, но подлиннѣе о правдѣ вывѣдать*, т. е., какъ выражено въ 312 ст., точно удостовѣриться въ дѣйствительности насилія. Далѣе, въ видѣ примѣра, въ толкованіи говорится: «и чрезъ сіе насиліе можно освидѣтельствовать, когда свидѣтели будутъ, что изнасилованная крикомъ призывала другихъ на помощь.» Такимъ образомъ, послѣ общаго требованія объ удостовѣреніи въ дѣйствительности насилія, представленъ для поясненія примѣръ, чѣмъ именно можно въ томъ удостовѣриться; но этимъ примѣромъ не исключаются всякія другія средства изобличенія преступленія и онъ вовсе не заключаетъ въ себѣ ничего существенно необходимаго. На этомъ основаніи на 2-й пунктъ статьи 312 слѣдовало бы собственно смотрѣть какъ на примѣръ. Источникъ его, очевидно, предполагаетъ, что свидѣтелей крика о помощи можетъ и не быть, и по этому говоритъ далѣе: ежели дѣло *въ лѣсу*, или въ иномъ какомъ *уединенномъ мѣстѣ* учинилось, то жалующейся женщинѣ (не имѣющей свидѣтелей), хотя бы она пользовалась и хорошею славою, невозможно вскорѣ вѣрить, но судья можетъ случившіяся при томъ обстоятельства разсмотрѣть и, удостовѣрившись въ честности жалующейся, подвергнуть обвиняемаго *пыткѣ* или дать ему *очистительную присягу*. Какія же это обстоятельства, не имѣющія обвинительной силы, но навлекающія подозрѣніе на подсудимаго, достаточное для пытки или для очистительной присяги? Толкованіе, опять въ видѣ примѣра, приводитъ нѣкоторыя изъ нихъ, и говоритъ: а такія обстоятельства, между другими, могутъ быть и сіи: 1) кровавые знаки, синія пятна и изорванное платье; 2) время подачи жалобы; ибо если изнасилованная нѣсколько времени о томъ умолчитъ и того часу жалобы не принесетъ, но умолчитъ одинъ день или болѣе, то весьма *по видимому* видно будетъ, что и она къ тому охоту имѣла. Такимъ образомъ, по смыслу толкованія, кровавыя и синія пятна на тѣлѣ изнасилованной или обвиняемаго и разорванное на нихъ платье могли составить одну изъ уликъ, на основаніи которой, при недостаткѣ удостовѣреній въ дѣйствительности насилія, можно было подсудимаго пытать или привесть къ присягѣ. Такою же *уликою* въ справедливости или несправедливости жалобы изнасилованной считается и *время подачи* ею въ судъ этой жалобы.

но обжалованіе тотчасъ или до истеченія дня не сдѣлано въ толкованіи какимъ либо безусловно-необходимымъ *срокомъ* для обвиненія; напротивъ даже принесеніе жалобы спустя долгое время отъ происшествія только *по видимому* навлекаетъ сомнѣніе на ея справедливость; а съ другой стороны самая подача жалобы *тотчасъ* не освобождала судью отъ обязанности наблюдать не притворяется ли жалующаяся. Дать истинное значеніе этой уликѣ весьма основательно предоставляется въ толкованіи соображеніямъ судьи, потому что только при разсмотрѣніи дѣлъ въ частности и при сличеніи съ другими обстоятельствами можетъ опредѣлиться, какое значеніе въ дѣлѣ имѣетъ время подачи жалобы; общаго же законнаго правила или срока установлять въ этомъ случаѣ невозможно (*).

(*) Принося автору этой статьи нашу благодарность за ея сообщеніе, считаемъ долгомъ замѣтить здѣсь, что, какъ намъ достовѣрно извѣстно, въ составляемомъ нынѣ Уложеніи Уголовнаго Судопроизводства на статью 312-ю 2-й книги Зак. Уг. уже обращено вниманіе и ее предположено измѣнить.

Редакторъ.

СУДНОЕ ДѢЛО 1500 ГОДА*.

I.

ЖАЛОБА—СПОРЪ—РАЗСМОТРѢНІЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЪ.

Искъ и возраженіе выслушиваются и разбираются на самомъ мѣстѣ, составляющемъ предметъ спора. Этотъ спорный предметъ—пожня между деревнею Степановской, принадлежащей къ селу Ватолинскому Московскаго Симонова монастыря, и деревнею Кобылинской, принадлежащей къ Усохской волости великаго князя. Истецъ—старецъ Ѳеогностъ, Ватолинскій посельскій; отвѣтчики—Кобылинскіе крестьяне Кузьма и Тимонъ. Судья, разбирающій споръ отъ имени великаго князя Іоанна Васильевича—Можайскій воевода Иванъ Бортеневъ. Тутъ же *судные мужи:* Романъ дворецкой, Фатьянъ Григорьевъ Дурневъ, Они*ска* Еспповъ, Петр*уша* Борисовъ, Семенъ Окишевъ, Вас*иль* Ботухинъ. Тяжущіеся обращаютъ свою рѣчь къ одному Бортеневу. Первое слово принадлежитъ истцу.

Ѳеогностъ. Жалуюсь, господине, вотъ на этихъ Куземку и Тимонку: мы покосили нашу пожню, на которой ты теперь стоишь, а они сгребли сѣно и увезли его къ себѣ; сѣна же на пожнѣ ставится

(*) Извлечено изъ современной правой грамоты, доставленной въ Археографическую Коммисію священникомъ І. С. Бѣлюстинымъ. Имѣя въ виду помѣщать постепенно въ нашемъ изданіи судныя дѣла, гражданскія и уголовныя, XVI, XVII и XVIII вѣка, для того, чтобы знакомить читателей съ формами нашего древняго судопроизводства, мы сочли полезнымъ на первый разъ сообщить предлагаемый актъ (въ переводѣ на новый языкъ) какъ потому, что онъ особенно замѣчателенъ по своей древности, такъ и потому, что представляетъ самый несложный и простой ходъ дѣла съ процессуальной стороны.

Редакторъ.

сто копенъ. Они, господине, называютъ эту пожню своей, Кобылинской, а она изстари Ватолинская, деревни Степановской. *Бортеневъ* (обращаясь къ Кузьмѣ съ товарищемъ). Отвѣчайте.

Кузьма и Т. Эта пожня, господине, наша волостная, деревни Кобылинской; а то правда, что мы сгребли съ нее сѣно и увезли его къ себѣ.

Бортеневъ (обращаясь къ Ѳеогносту). Почему называешь ты пожню монастырской, деревни Степановской?

Ѳеогностъ. Объ этой пожнѣ, господине, они самые, Куземка и Тимонка, тягались съ Ватолинскимъ посельскимъ, старцемъ Германомъ, передъ писцемъ великаго князя Ильею Григорьевичемъ Наумовымъ, и онъ Германа оправдалъ, а ихъ обвинилъ, да и далъ на нихъ *правую* грамоту: вотъ эта самая грамота на лицо.

Бортеневъ (обращаясь къ Кузьмѣ и Тимону). А вы почему называете пожню своею, деревни Кобылинской? Кому это у васъ вѣдомо?

Кузьма и Т. Эту пожню, господине, косили еще отцы наши, а послѣ нихъ и мы ее косимъ до сихъ поръ.

Судья приказываетъ читать *правую* грамоту. Въ ней значится слѣдующее:

«*По слову* великаго князя Ивана Васильевича всея Руси, *ставъ на землѣ*, сей судъ судилъ великаго князя писецъ Илья Григорьевичъ Наумовъ. Тягался старецъ Симонова монастыря Германъ съ крестьянами Усохской волости съ Кузьмой Ѳоминымъ да съ Тимономъ Степановымъ. Германъ жаловался, что они попахали землю монастырскаго села Ватолинскаго, деревни Степановской. Кузьма и Тимонъ сказали, что земля эта Степановская, но что отцы ихъ пахали ее, пріѣзжая изъ деревни Кобылинской, а послѣ нихъ пашутъ ее они уже лѣтъ съ двадцать; до самой же деревни Степановской имъ нѣтъ дѣла—она монастырская. На вопросъ, сдѣланный писцомъ Герману, почему онъ ту землю называетъ монастырской, есть ли у него какая либо на нее крѣпость, и кому объ этомъ извѣстно,—старецъ объявилъ, что у него есть на спорную землю *данная грамота* и что объ этомъ извѣстно *добрымъ людямъ, старожиламъ* (слѣдуютъ ихъ имена). «Вотъ, господине, заключилъ онъ, эти самые старожильцы передъ тобой». За тѣмъ писецъ спросилъ Кузьму и Тимона, могутъ ли они также сослаться на кого либо въ томъ, что эта земля великаго князя, а пахали ее они,

пріѣзжая изъ Кобылинской деревни. Кузьма и Тимонъ въ свою очередь сослались на *старожиловъ* (слѣдуютъ ихъ имена) и также заключили: «вотъ, господине, эти самые старожильцы передъ тобой». Писецъ посмотрѣлъ въ данную грамоту; а въ ней вотъ что написано: «Я князь великій Иванъ Васильевичъ пожаловалъ Симонова монастыря архимандрита Аарона съ братьею, далъ имъ въ Домъ пресвятой Богородицы, въ Берестовѣ и въ Усохѣ, село Ватолинское съ деревнями да село Пархачевское съ деревнями; къ нимъ же придалъ *черныя деревни:* Рухманово, Кулаково, Кузнечково, съ пустошами, принадлежащими къ тѣмъ селамъ и деревнямъ. Всѣ означенныя селенія поступаютъ къ нимъ съ судомъ, данью, оброкомъ, съ хлѣбомъ, что̀ въ землѣ, и со всѣмъ, что къ нимъ принадлежитъ. Дѣлаю я этотъ вкладъ на поминовеніе брата моего князя Юрія Васильевича и всего нашего рода: да молятъ Бога архимандритъ и братія за меня великаго князя, за мою великую княгиню и за нашихъ дѣтей». Выслушавъ данную, писецъ спросилъ старожиловъ, представленныхъ истцомъ, кому принадлежитъ земля на которой они стоятъ. Они отвѣчали, что это земля монастырская, Семеновской деревни, и что хотя прежде она была *черною деревнею* Усохской волости, но великій князь далъ ее Симонову монастырю на поминовеніе брата своего Юрія; Кузьма же и Тимонъ попахали ее въ этомъ году насильно и посѣяли на ней рожь. «Ступай, сказали они, господине, за нами: мы укажемъ вамъ межу этой земли.» И повели они писца отъ рѣчки (здѣсь исчисляются межевые признаки, на которые они указывали: водоточина, осѣкъ, дорога и проч.) до земли Ѳоминской: тутъ остановились и сказали: «по правую сторону этой межи земля Симонова монастыря—села Ватолинскаго, деревни Степановской, изстари; а по лѣвую сторону земля великаго князя деревни Кобылинской, Кузьмы да Тимона; намъ въ памяти, что это такъ, тому будетъ уже съ пятьдесятъ лѣтъ». Тутъ писецъ спросилъ старожиловъ, представленныхъ отвѣтчиками, кому принадлежитъ та земля, на которой они стоятъ. Эти старожилы сказали: «Земля, гдѣ мы стоимъ, великаго князя, и пахали ее Кузьма да Тимонъ изъ Кобылинской деревни; межи ея мы указать не можемъ, а знаемъ то, что весь *Усохъ* великаго князя». И вотъ Илья Григорьевичъ Наумовъ оправилъ старца Германа, а отвѣтчиковъ Кузьму да Тимона обвинилъ, потому что они, *залѣзши за лѣсъ*, вступаются въ монастыр-

скую землю, а старожилы ихъ межи не знаютъ, и за тѣмъ присудилъ землю съ хлѣбомъ и сѣномъ къ монастырской Степановской деревнѣ.—На судѣ у Ильи Григорьевича были его товарищи: Митя Кузьминъ сынъ Юрьева, Михайло подьячей Никитинъ сынъ Поповъ».

Бортеневъ (обращаясь къ Кузьмѣ и Тимону). Былъ ли вамъ такой судъ съ Ватолинскимъ посельскимъ, старцемъ Германомъ, какъ написано въ этой грамотѣ?

Кузьма и Т. Такого суда, господине, съ старцемъ Германомъ, какой написанъ въ этой грамотѣ, намъ не было.

Бортеневъ (имъ же). Ссылаетесь ли вы вмѣстѣ съ старцемъ Өеогностомъ, по правой грамотѣ Германа, на печать писца Ильи и на *судныхъ мужей*, поименованныхъ въ этой грамотѣ?

Кузьма и Т. Нѣтъ, господине, ни на печать Ильи въ грамотѣ Германа, ни на судныхъ мужей, въ ней названныхъ, мы не ссылаемся; а суда съ старцемъ Германомъ, какой написанъ въ его грамотѣ, намъ не было (*).

Бортеневъ. Я *доложу* это дѣло великому князю или *человѣку старѣйшему.*

II.

Докладъ и рѣшеніе.

Списокъ, заключающій въ себѣ производство дѣла—жалобу истца, возраженіе отвѣтчика, правую грамоту, читанную передъ Бортеневымъ, вопросы его и отвѣты той и другой стороны, сынъ Бортенева — Голобанъ представляетъ, вмѣсто его, старѣйшему человѣку Юрью Захарьичу (**), и въ тоже время ставитъ передъ нимъ обоихъ тяжущихся—игцею Өеогноста и отвѣтчиковъ, Кузьму и Тимона. За тѣмъ читается въ слухъ представленный списокъ.

(*) Въ подлинникѣ вмѣсто словъ: «а суда... намъ не было» стоитъ въ этомъ мѣстѣ: «а судъ... намъ былъ»; но это противорѣчитъ предыдущимъ словамъ тѣхъ же Кузьмы и Тимона, почему очевидно, что здѣсь ошибкою писца пропущена частица «не.»

(**) Предку царя Михаила Өедоровича.

Юрій (обращаясь къ тяжущимся). Былъ ли вамъ такой судъ, какъ написано въ этомъ спискѣ?

Тяжущіеся. Такой судъ, какъ написано въ этомъ спискѣ, намъ былъ.

Именемъ великаго князя Юрій Захарьичь приказываетъ судьѣ, на основаніи представленнаго ему списка, старца Θеогноста *оправить* и спорную пожню *присудить* къ монастырской деревнѣ Степановской *по старинѣ*, а отвѣтчиковъ Кузьму и Тимона *обвинить,* потому что они, не взирая на правую грамоту писца Ильи Григорьевича, насильно свезли съ этой пожни сто копенъ сѣна; за сѣно же и убытки доправить три рубля; а судьѣ взять на нихъ *за вину* по Судебнику великаго князя (*).

Рѣшеніе, постановленное Юріемъ Захарьичемъ, вносится въ докладной списокъ въ слѣдъ за означеніемъ въ немъ отъ кого, кѣмъ и кому представленъ этотъ списокъ и за помѣщеніемъ допроса и отвѣта о бывшемъ судѣ. Въ концѣ означается когда былъ докладъ и состоялось рѣшеніе, словами: «лѣта 7009-го ноеврія двадесять седмы день», т. е. 1500 года ноября 27-го. Въ подтвержденіе рѣшенія Юрій Захарьичь прикладываетъ къ списку свою печать; сверхъ того, рѣшеніе скрѣпляетъ, на спискѣ же, своею подписью дьякъ великаго князя Максимъ Горинъ.

III.

Объявленіе приговора—присужденіе земли—выдача правой грамоты.

По слову Юрія Захарьича, Иванъ Бортеневъ объявляетъ старцу Θеогносту приговоръ, что онъ *правъ,* а крестьянамъ Усохской волости, деревни Кобылинской, Кузьмѣ съ Тимономъ, что они *виноваты*, и *присуждаетъ* землю, означенную въ докладномъ спискѣ, Симоновскому старцу къ Степановской деревнѣ монастырскаго села Ватолинскаго. Въ доказательство же окончанія дѣла въ пользу монастыря, Θеогносту выдается правая грамота, въ которой къ докладному списку прибавляется сдѣланный Бортеневымъ приго-

---

(*) См. Судебникъ 1497 года.

воръ, съ исчисленіемъ судныхъ мужей, находившихся при разборѣ дѣла; за тѣмъ судья прикладываетъ къ ней свою печать.

До насъ дошла въ подлинникѣ правая грамота, данная по этому случаю старцу Ѳеогносту. Она писана полууставомъ, переходящимъ въ скоропись, на листѣ александрійской бумаги средней величины, имѣющимъ знакъ бычачьей головы, прикрѣпленной къ кресту съ длиннымъ древкомъ, которое обвито зміемъ. Въ концѣ акта, на отгибѣ края, приложена желтовосковая потемнѣвшая отъ времени печать, полуискрошившаяся въ настоящемъ ея видѣ, но еще сохраняющая слѣды изображенія какого-то животнаго и сдѣланной вокругъ его надписи: «печ.т.... Ѳедорова Б.. тен.—»

Н. КАЛАЧОВЪ.

О ЗНАЧЕНІИ ВОЗРАСТА

ВЪ ОБЛАСТИ УГОЛОВНАГО ВМѢНЕНІЯ.

Compendium der gerichtlichen Anthropologie, v. J. B. Friedreich. 2-te A. Regensburg. 1853.

Подъ приведеннымъ заглавіемъ мы намѣрены познакомить читателей съ однимъ изъ тѣхъ любопытныхъ вопросовъ, которыми такъ богата теорія уголовнаго права вообще и вмѣненія въ особенности.

Имѣя при этомъ въ виду сдѣлать изложеніе предмета вполнѣ доступнымъ для всѣхъ читателей, мы постараемся представить его въ общемъ очеркѣ, избѣгая всякой спеціальности. Впрочемъ, такой признакъ, какъ общедоступность, долженъ быть, по нашему мнѣнію, непремѣннымъ достояніемъ всей теоріи уголовнаго права, потому что неизбѣжно условливается существеннымъ характеромъ самого предмета. Заключая въ себѣ въ высшей степени жизненное начало, какъ по своему непосредственному источнику, такъ и по ближайшей цѣли, уголовное право не можетъ утратить это свойство и въ теоріи, если только хочетъ оставаться вѣрнымъ самому себѣ, своему назначенію. Можетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, наука, имѣющая цѣлью практическое приложеніе, быть оторвана отъ той живой среды, изъ которой черпаются всѣ ея наблюденія? Нечего и говорить о томъ, должно ли ставить ее въ подобное положеніе. Неужели теорія тогда только можетъ назваться этимъ именемъ и получить характеръ научной, когда съумѣетъ подняться на такую высоту, гдѣ становится доступной не для каждаго? Думаемъ, что нельзя не отвергнуть такое предположеніе: ибо чѣмъ ниже она опустится къ той средѣ, въ которой должна вращаться по свойству своего содержа-

нія, чѣмъ крѣпче соединится, такъ сказать, съ природной своей почвой, тѣмъ правильнѣе будетъ ея положеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и успѣшнѣе выполнится самое ея назначеніе. Нельзя поэтому не считать дѣло нашей науки потеряннымъ, если приходится доказывать связь ея съ жизнію. Конечно, при изложеніи теоріи, можно и даже должно упомянуть объ этой связи, или указать на такое свойство, какъ на драгоцѣнное преимущество, но отнюдь не быть поставлену въ необходимость доказывать его присутствіе, въ слѣдствіе того, что, само по себѣ, оно не выясняется въ содержаніи. Въ послѣднемъ случаѣ теорія непремѣнно явится какимъ-то мертвымъ, сухимъ отвлеченіемъ, такъ что становится непонятною ближайшая цѣль, для которой она созидается и обработывается. Въ такомъ убѣжденіи, мы можемъ сказать рѣшительно, что чѣмъ положеніе проще и ближе къ дѣйствительности, чѣмъ яснѣе вообще связь теоріи съ жизнію, тѣмъ болѣе выигрываетъ первая въ основательности, и тѣмъ болѣе удовлетворяется наше любопытство. Иначе и быть не можетъ, потому что собственная жизнь человѣка возбуждаетъ въ немъ всегда и живой интересъ: явленія, изъ этой среды взятыя, для всякаго понятны и каждаго затрогиваютъ. Естественно послѣ этого, что какъ скоро рвется здѣсь органическая связь, то, съ удаленіемъ науки отъ истиннаго назначенія, охлаждается къ ней и сочувствіе.

Впрочемъ, слова̀: жизненность, живое начало, такъ часто приходится слышать въ области нашей науки, что казалось бы совершенно лишнимъ повторять здѣсь всѣми признанное требованіе. Но что̀ же дѣлать, если въ дѣйствительности очень нерѣдко случается тщетно отыскивать присутствіе этого свойства, которое выставляется за существенное и должно бы въ слѣдствіе того выясняться само собою? Въ такомъ случаѣ поражаетъ насъ обыкновенно странная разладица, гдѣ, вопреки всякимъ законамъ логики, теорія будто боится даже коснуться той среды, съ которой она тѣсно связана органическими узами, и, оторвавшись отъ нея насильственно, старается, точно нарочно, заградить себѣ всякій доступъ къ дѣйствительности.

Многимъ, вѣроятно, удавалось замѣтить подобное явленіе, и не мы одни, конечно, испытывали грустное чувство при видѣ такого направленія.

Отъ чего же оно происходитъ? Думаемъ, что во многихъ случаяхъ причиной здѣсь служитъ не одно мнѣніе, будто простота и ясность не всегда могутъ быть достоинствомъ изложенія серьезнаго и научнаго, но и трудность инаго пріема, требующаго болѣе основательнаго знакомства съ предметомъ. Тамъ нельзя уже отдѣлаться одпѣми громкими фразами или общими, неопредѣленными выводами, гдѣ каждый изъ нихъ провѣряется самъ собою приложеніемъ къ практикѣ; притомъ же доступность изложенія увеличиваетъ контроль и количественно.

Да не подумаютъ благосклонные читатели, что, высказывая это мнѣніе, мы имѣли какую нибудь заднюю мысль, въ родѣ той, напр., чтобъ выставить заранѣе достоинство своей статьи. Мы очень хорошо понимаемъ, что, представляя лишь краткій, неполный и самый общій очеркъ предмета, она не можетъ назваться цѣльнымъ изслѣдованіемъ, а потому и имѣть какое либо притязаніе на научныя достоинства. Написанная единственно съ тою цѣлью, чтобъ указать на важное и вмѣстѣ съ тѣмъ любопытное значеніе настоящаго вопроса, статья эта далеко не обнимаетъ всего его содержанія и, сообразно своей цѣли, получаетъ характеръ простой замѣтки. Конечно и здѣсь, въ изложеніи, мы держались своего мнѣнія, но иначе, думаемъ мы, нельзя и поступать. Поэтому представляя даже примѣры, въ которыхъ встрѣчалась необходимость, мы брали ихъ преимущественно изъ обыденной жизни.

Что касается до сочиненія Фридрейха, выставленнаго передъ началомъ нашего изложенія, то оно составляетъ не исключительный источникъ нашихъ свѣдѣній; краткость его въ томъ отдѣлѣ, который относится къ нашему предмету, по необходимости, заставляла прибѣгать къ другимъ руководствамъ. Нѣтъ надобности, кажется, говорить послѣ этого, что приведенное сочиненіе разсматривается нами не въ цѣломъ его объемѣ, а только въ той части, которая касается настоящаго вопроса. Вообще здѣсь можно замѣтить кстати, что часто съ цѣлью уяснить, или даже просто познакомить читателей со многими вопросами нашей науки, подобными настоящему, необходимо прежде всего обращаться къ вспомогательнымъ наукамъ, каковы по преимуществу психологія и судебная медицина. Въ этомъ отношеніи онѣ получаютъ даже значеніе единственнаго источника.

Причина, на основаніи которой возрастъ преступника становится предметомъ научнаго изслѣдованія и получаетъ мѣсто въ области уголовнаго вмѣненія, находится въ тѣсной связи съ кореннымъ началомъ этого послѣдняго. Непремѣннымъ условіемъ и юридической, и нравственной отвѣтственности каждаго человѣческаго дѣянія служитъ, какъ извѣстно, свободная воля, или способность самоопредѣленія. Справедливость этого общепризнаннаго положенія не требуетъ доказательствъ, равно какъ, съ другой стороны, не имѣетъ здѣсь мѣста и другой вопросъ—о значеніи, въ какомъ должно принимать свободу въ уголовномъ правѣ вообще. Въ этомъ случаѣ достаточно только замѣтить, что въ области человѣческаго права не можетъ быть и рѣчи объ иной какой либо свободѣ, кромѣ той, которая присуща дѣйствующему въ этой сферѣ лицу и вытекаетъ непосредственно изъ существа его объективной природы, другими словами, той, которая существуетъ какъ неотразимый объективный фактъ.

Но это необходимое условіе вмѣняемости, составляющее одну изъ существенныхъ принадлежностей природы человѣка, не дается ему однако разомъ, при его рожденіи, и растетъ въ немъ постепенно, точно такъ же, какъ и тѣлесный организмъ. Отсюда само собою вытекаетъ понятіе о необходимости извѣстнаго періода времени, потребнаго для развитія сказаннаго условія. Это неизмѣнный законъ природы, проходящій передъ нашими глазами въ извѣчномъ опытѣ. Естественно послѣ того, что моментъ достиженія человѣкомъ духовной зрѣлости, когда завершается развитіе способности самоопредѣленія, долженъ совпадать съ открытіемъ вмѣненія; до того-же времени послѣднее не можетъ имѣть мѣста, потому что не существуетъ кореннаго условія, на которомъ оно утверждается. Таково логическое требованіе высокой идеи справедливости, вполнѣ согласное съ достоинствомъ человѣческой личности. Отсюда ясно, какое важное значеніе пріобрѣтаетъ вопросъ о возрастѣ въ сферѣ нашего предмета: онъ долженъ указать на тотъ многознаменательный моментъ жизни, съ котораго начинается юридическая отвѣтственность человѣка за совершенное дѣяніе. Понятна также послѣ этого и причина, почему ученіе объ немъ получаетъ мѣсто въ теоріи уголовнаго вмѣненія.

Конечно, цѣль, къ которой стремятся науки и законодательства въ этомъ отношеніи ясна, по видимому, какъ нельзя болѣе, и должна

бы, разумѣется, заключаться единственно въ томъ, чтобъ отыскать положительную и неизмѣнную норму для указаннаго момента. Такое требованіе предъявляютъ лежащая въ основѣ всякаго права идея справедливости и здравый разумъ, понимающій сущность человѣческой природы. Но, при первомъ-же шагѣ на этой дорогѣ, вы невольно встрѣчаетесь съ вопросомъ: по силамъ ли человѣческимъ такая задача, и возможно ли вообще ея разрѣшеніе? Чтобъ отвѣчать на него основательно, съ полнымъ сознаніемъ въ вѣрности своего убѣжденія, должно прослѣдить прежде тотъ постепенный процессъ органическаго развитія, которому слѣдуетъ двойственная природа человѣка съ перваго появленія его на свѣтъ. Здѣсь-то и приходится обратиться за помощію къ медицинѣ, которая впрочемъ не въ состояніи представить точно опредѣленныхъ выводовъ, хотя въ этой средѣ и скрываются тѣ данныя, которыя, будучи провѣрены тщательнымъ наблюденіемъ, одни только могутъ лечь въ основу научнаго отвѣта.

Всѣмъ извѣстенъ тотъ законъ органической природы, слѣдуя которому человѣкъ ростетъ постепенно, достигая совершенной зрѣлости только въ теченіе извѣстнаго времени. Законъ этотъ равно обязателенъ для обоихъ существенныхъ элементовъ человѣческой личности, ибо и духовныя способности развертываются тоже не вдругъ, и имъ назначенъ постепенный путь развитія, которому слѣдуетъ тѣлесный организмъ. Эта истина, столь простая по способу своего признанія, была извѣстна во всѣ времена и всѣмъ народамъ. Поэтому съ давнихъ еще поръ, подъ вліяніемъ общаго, безличнаго наблюденія, выяснились, какъ-бы сами собой, въ ходѣ органическаго развитія человѣка, извѣстные періоды, въ видѣ ступеней, по которымъ онъ послѣдовательно восходитъ къ порѣ своей зрѣлости. Такъ появляется понятіе о видахъ возраста. Единственнымъ основаніемъ для нихъ служатъ, разумѣется, тѣ или другія измѣненія, замѣчаемыя въ области двойственной природы. Ясно что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о неизмѣнно-опредѣленныхъ терминахъ, которые бы всегда оставались вѣрны своему содержанію. Опытъ, какъ нельзя лучше, показываетъ невозможность такого предположенія, представляя здѣсь полное разнообразіе. Только это послѣднее явленіе и можетъ получить характеръ общаго, неизмѣннаго закона: ибо нѣтъ и никогда

не было примѣра, чтобъ два лица, совершенно одинаковыя по своему возрасту, представляли въ то же время и полное тождество въ степени своего духовнаго и тѣлеснаго развитія. Неисчислимая масса самыхъ разнохарактерныхъ условій поддерживаетъ здѣсь постоянное несходство. Не говоря о множествѣ случайныхъ обстоятельствъ, способныхъ задержать или, напротивъ, содѣйствовать сравнительно скорѣйшему развитію, не упоминая потомъ о ближайшей обстановкѣ каждаго человѣка, или, такъ сказать, о непосредственныхъ обстоятельствахъ, которыми окружается его жизнь съ самаго начала, каковы: воспитаніе, семейное и общественное положеніе, и проч., замѣтимъ только то, что и болѣе отдаленныя, по видимому, каковы, напр., условія климатическія, значительно содѣйствуютъ поддержанію разнообразія.

Правда, что въ послѣднемъ отношеніи нѣкоторые изъ писателей, какъ напр. Шмидтъ, Крамеръ, не признаютъ силы климатическихъ вліяній; но основанія ихъ мнѣнія и доказательства, въ пользу его приводимыя, далеко не имѣютъ той степени убѣдительности, чтобъ поколебать общее и давнее вѣрованіе, переведенное авторитетомъ науки въ сознательное убѣжденіе.

Возьмемъ для примѣра Крамера (*) и посмотримъ, какъ онъ поступаетъ въ настоящемъ случаѣ.

Его мнѣніе основывается единственно на свидѣтельствѣ Лондонскаго врача Робертсона, который наблюдалъ ходъ менструаціи у Негритянокъ и другихъ женщинъ жаркаго пояса. Противорѣчащій же его мнѣнію фактъ о сравнительно раннемъ заключеніи тамъ браковъ объясняется слабымъ развитіемъ нравственныхъ началъ въ народѣ и пренебреженіемъ къ женскому полу вообще. Къ этому присоединяется показаніе о возрастѣ относительно половыхъ соединеній Малайцевъ, сообщенное автору изъ Батавіи неизвѣстнымъ лицемъ, которое онъ называетъ просто Голландскимъ господиномъ.

Если бы даже укоренившееся мнѣніе о климатическихъ вліяніяхъ не имѣло на своей сторонѣ авторитета науки, то и въ такомъ случаѣ едва ли бы можно было поколебать его такими неосновательными доводами.

Мы нарочно, между прочимъ, привели здѣсь мнѣніе Крамера съ его доказательствами, чтобъ имѣть случай показать на немъ на-

(*) Handb. der gerichtl. Med. Halle. 1851.

глядно, съ какою осмотрительностію надо поступать при обсужденіи подобныхъ вопросовъ, ибо такого рода мнѣніе, какъ приведенное, не составляетъ собою единственнаго исключенія. Замѣчаніе это, сохраняя свою силу по отношенію ко всей наукѣ уголовнаго права, получаетъ, конечно, ближайшее примѣненіе въ настоящемъ случаѣ, гдѣ, за неимѣніемъ подробныхъ медицинскихъ свѣдѣній, мы, для правильности своихъ заключеній, находимъ единственную опору во всесторонней и самой тщательной сравнительной оцѣнкѣ представленныхъ мнѣній и фактовъ, держась при этомъ строго логическаго пути.

Наконецъ, во всякомъ случаѣ, если бы даже мнѣніе Крамера было справедливо само по себѣ, оно одно все-таки не въ состояніи дать цѣлому вопросу иное направленіе, потому что условіе, имъ отвергаемое, составляетъ безконечно малую величину по отношенію къ массѣ прочихъ условій, сообщающихъ замѣченному факту постоянное разнообразіе. Это почти то же, что капля прѣсной воды среди безпредѣльныхъ водъ океана.

Но если и справедливо, что границы видовъ человѣческаго возраста никогда не получатъ неизмѣнной опредѣленности, то, съ другой стороны, этимъ нисколько не устраняется ихъ возможность и состоятельность, потому что нельзя все-таки не замѣтить въ жизни человѣка, особенно въ первую половину его органическаго развитія, такихъ ступеней послѣдняго, которыя отличаются отъ предыдущихъ и послѣдующихъ рѣзкими измѣненіями. Слѣдовательно признаніе ихъ требуется самымъ существомъ предмета, и въ содержаніи здѣсь нѣтъ недостатка, хотя смежныя оттѣнки и сливаются незамѣтно, за неимѣніемъ рѣзкихъ и постоянныхъ граней.

Но кромѣ этой физіологической необходимости признанія ступеней возраста существуетъ еще необходимость юридическая, выставляющая съ своей стороны такія требованія, которыя не могутъ быть отвергнуты и представляются особенно важными въ нашихъ глазахъ. На значеніе возраста, по отношенію собственно къ нашему вопросу, мы уже указали; но этотъ случай далеко не составляетъ собой единственнаго, ибо въ области права возрастъ играетъ значительную роль и въ другихъ отношеніяхъ, которыя не малочисленны. Такъ во многихъ случаяхъ онъ служитъ ближайшимъ и един-

ственнымъ источникомъ для установленія извѣстныхъ юридическихъ отношеній, заключающихъ въ себѣ весьма важныя и цѣнныя гражданскія права; потомъ въ самомъ уголовномъ правѣ онъ пріобрѣтаетъ важное мѣсто и кромѣ области вмѣненія, да и въ ней самой—въ другихъ случаяхъ.

Послѣ этого понятно, что, при такихъ данныхъ, опредѣленіе видовъ возраста получаетъ важное юридическое значеніе, и они сами пріобрѣтаютъ юридическій характеръ. Вотъ причина, почему останавливается на нихъ вниманіе теоріи, и они включаются въ ея содержаніе.

Впрочемъ и здѣсь всѣ усилія послѣдней не увѣнчиваются надлежащимъ успѣхомъ, такъ что, за неимѣніемъ возможности отыскать неизмѣнно вѣрные термины, по необходимости приходится отказаться отъ притязаній на точность и опредѣленность. Причина этого явленія заключается въ самомъ основаніи раздѣленія возраста, гдѣ за исходную точку, при открытіи новаго вида, принимается то или другое существенное органическое измѣненіе. Понятно, какъ легко встрѣтить тамъ разногласіе, гдѣ оно условливается самымъ свойствомъ наблюдаемаго предмета, еще до сихъ поръ не достаточно обслѣдованнаго. Притомъ, кромѣ этой существенной причины, тому же способствуетъ и другое обстоятельство—цѣль, имѣющаяся въ виду при количественномъ опредѣленіи рубрикъ возраста. Она видоизмѣняетъ вопросъ еще болѣе. Такъ напр. въ гражданскомъ правѣ установленіе этихъ количественныхъ подраздѣленій будетъ другое, нежели въ уголовномъ. Далѣе, въ самой области перваго опять произойдетъ различіе, смотря по ближайшей цѣли дѣленія: для вступленія въ бракъ—одни сроки, для возможности самостоятельнаго распоряженія имуществомъ—другіе, и пр. Тоже и въ уголовномъ правѣ.

Но, не смотря на такое разнообразіе, еще съ давнихъ поръ вошло въ обыкновеніе дѣлить, въ физіологическомъ отношеніи, всю жизнь человѣка на семь отдѣловъ, что̀ и признано большею частію медицинскихъ писателей. Раздѣленіе это встрѣчается еще въ началѣ XVII-го вѣка, именно въ 1615 г., въ сочиненіи *Мартина Панза* (*), который утверждаетъ свое мнѣніе на весьма оригиналь-

(*) Aureus libellus de proroganda vita. Lips., 1615.

номъ основаніи, отражающемъ на себѣ умственное состояніе тогдашней эпохи (*). Однако припомнимъ здѣсь опять, что приведенная имъ цифра, какъ мы замѣчали и прежде, не составляетъ общей неизмѣнной нормы; поэтому у другихъ писателей, и между новѣйшими, какъ напр. у Берита (**), признается болѣе сообразной цифра 9, и пр.

Желая теперь разрѣшить настоящій вопросъ по отношенію къ нашему предмету, мы должны обратиться за отвѣтомъ къ теоріи и остановиться въ судебной медицинѣ на тѣхъ видахъ человѣческаго возраста, за которыми она признаетъ юридическій интересъ. Такихъ возрастовъ считается обыкновенно 6. Цифра эта является болѣе другихъ общей и признается почти во всей Германіи, а между прочимъ и въ Пруссіи.

Разсматривая указанные виды возраста въ ихъ органической послѣдовательности и узнавая здѣсь, по мѣрѣ наблюденія, общія характеристическія черты каждаго, какъ въ физическомъ, такъ и моральномъ отношеніи, мы воспользуемся этимъ, чтобъ опредѣлить значеніе и мѣсто ихъ въ вопросѣ о вмѣненіи. Такимъ только путемъ соберутся сами собой передъ нами тѣ многознаменательныя данныя, которыя должны лечь въ основу будущаго отвѣта на заданный въ началѣ вопросъ; только этимъ путемъ рѣшеніе его представится непосредственнымъ и нагляднымъ результатомъ, вытекающимъ прямо изъ предыдущаго. Кромѣ того, подобный органическій ходъ изслѣдованія дастъ всякому возможность видѣть самому тотъ путь мышленія, которымъ сложилось извѣстное убѣжденіе, и потомъ очень легко и удобно удостовѣриться въ его справедливости или несостоятельности.

Поставивъ вопросъ такъ, чтобы дѣло говорило само за себя, мы приступаемъ теперь къ разсмотрѣнію каждаго изъ видовъ возраста отдѣльно.

Два первые изъ нихъ не имѣютъ мѣста въ настоящемъ очеркѣ, потому что не состоятъ въ прямомъ отношеніи съ предметомъ его

(*) Вліяніе злой планеты Сатурна: «weil der Saturn, ein böser Planete, alle sieben Jahre über unser Leben herrscht, und weil er ein Feind von unsern Lebensgeistern und bereit ist eine böse Veränderung in der thierischen Natur einzuführen.»

(**) Handb. d. gerichtl. Arzneikunde, 5 A. Wien. 1846.

изложенія: это такъ называемые *embryonatus* и *aetas neonatorum* (возрастъ зародышей и новорожденныхъ), послѣдній, впрочемъ, не въ полномъ объемѣ своего обыкновеннаго содержанія.

Конечно понятно для всякаго, что какъ въ эпоху своего существованія до момента рожденія, такъ точно и въ первую пору послѣ этого акта, человѣкъ не въ состояніи совершить преступленіе по физической къ тому неспособности; слѣдовательно и въ настоящемъ очеркѣ относительно этихъ возрастовъ не можетъ быть никакой рѣчи. Но говоря это, повторимъ опять, что слова наши не имѣютъ вовсе того значенія, чтобъ упомянутые виды возраста лишены были всякаго юридическаго характера; безспорно, должно признать противное, потому что значеніе этихъ видовъ въ правѣ вообще и уголовномъ въ особенности составляетъ наглядный фактъ. Даже въ самой области уголовнаго вмѣненія, къ которой непосредственно относится и нашъ настоящій вопросъ, они играютъ весьма важную роль. Довольно указать въ этомъ случаѣ на то различіе въ степени вмѣненія, которое существуетъ при убійствѣ ребенка со стороны его матери, смотря по тому, новорожденный онъ или нѣтъ. Первый видъ преступленія наказывается обыкновенно легче, второй—тяжеле, какъ подходящій подъ отдѣлъ убійства родственниковъ. Отсюда видно, какое практическое значеніе получаетъ здѣсь возрастъ объекта преступленія, и какъ необходимо слѣдовательно положить для него точный количественный терминъ. Но и въ этомъ случаѣ, подобно другимъ такого же рода, нѣтъ однообразія. Такъ напр. по общегерманскому праву протяженіе этого возраста можно ограничивать однѣми сутками, или 24 часами, считая отъ момента рожденія, хотя на это и нѣтъ совершенно яснаго указанія (*); по Баварскому уголовному кодексу, напротивъ, новорожденнымъ признается тотъ ребенокъ, который прожилъ не болѣе трехъ дней (**). Между писателями-медиками существуетъ въ этомъ отношеніи еще болѣе разногласія. Такъ напр. *Hergt* (***) и *Huebner* (****) распространяютъ

(*) Th. II, T. 20, § 887, 913, 937, 965.

(**) T. I. Art. 159.

(***) Annalen d. Staatsarzneik. v. Schneider, Schürmayer, Hergt. 4 Jahrg. 3 Heft.

(****) Die Kindestödtung in gerichtsärztlicher Beziehung. Erlangen. 1847.

объемъ этого термина на все время кормленія ребенка его матерью; *Siebold* выражается еще неопредѣленнѣе, обозначая его просто нѣсколькими днями. Всего чаще, впрочемъ, принимаютъ здѣсь срокъ отъ 8—14 дней.

Такой неопредѣленный по своему протяженію возрастъ впадаетъ незамѣтнымъ образомъ въ другой, хотя болѣе обширный по своему количественному объему, но за то въ полной мѣрѣ раздѣляющій съ предыдущимъ его отличительное свойство. Этотъ послѣдующій возрастъ носитъ названіе *младенчество* (infantia) (*), которымъ, по общему мнѣнію, замыкается ætas neonatorum. Конечною гранью здѣсь признается обыкновенно 7 годъ жизни. Этотъ крайній предѣлъ еще съ давняго времени получилъ законное признаніе: кромѣ римскаго права объ немъ упоминается и въ древне-германскомъ правѣ (**).

Основаніе для установленія этого термина видятъ въ физіологическомъ явленіи — перемѣнѣ зубовъ у дитяти, что̀ совпадаетъ большею частію съ настоящимъ періодомъ времени. Но опять и это правило не имѣетъ значенія общаго; сама медицина отказывается утвердить за нимъ непреложность и признать его примѣнимымъ ко всѣмъ случаямъ практики; опытъ и наблюденія примѣромъ самыхъ разительныхъ фактовъ отвергаютъ непогрѣшимость подобнаго предположенія.

При такой очевидной несостоятельности этого признака совѣтуютъ замѣнить его другими, совокупно взятыми изъ жизни обоихъ элементовъ человѣческой природы. Посмотримъ, можетъ ли способъ этотъ почесться болѣе счастливымъ и удачнымъ. Человѣкъ, въ первые годы своей жизни, достигаетъ, говорятъ, нѣкоторой физической самостоятельности и получаетъ употребленіе чувствъ, посредствомъ которыхъ легко различаетъ предметы, его окружающіе, такъ что обходится въ этомъ отношеніи безъ сторонней помощи. Къ концу своего дѣтства онъ знакомится съ такою суммою предметовъ внѣшняго міра, что въ немъ возбуждается естественная потребность объяснять себѣ явленія; слѣдовательно взросшее дитя должно не только чувствовать и видѣть, но также учиться и разсуждать. Поэтому

(*) Названіе: дѣтство, дитя, употребляется безразлично для обозначенія какъ настоящаго, такъ и послѣдующаго возраста.

(**) A. L. R. Th. I. T. I. § 25.

тамъ, гдѣ духъ и тѣло несомнѣнно достигли такого развитія, лежитъ и конецъ дѣтскаго возраста.

При чтеніи этой сентенціи сразу же открывается ея полная несостоятельность. Заключая въ себѣ однѣ общія, самыя пустыя и въ добавокъ темныя фразы, она вмѣсто того, чтобъ сколько нибудь объяснить вопросъ, запутываетъ его еще болѣе. Не говоря уже о томъ, что явленія міра духовнаго несравненно разнообразнѣе и многочисленнѣе измѣненій физіологическихъ, замѣтимъ здѣсь только то, что и доступъ къ наблюденію надъ первыми несравненно труднѣе, нежели надъ послѣдними, что̀ зависитъ конечно отъ самого существа предмета. Притомъ, установленіе неизмѣнныхъ границъ отодвигается этимъ объясненіемъ еще далѣе отъ своего окончанія, потому что извѣстная степень духовной зрѣлости человѣка никогда не совпадаетъ съ объективно-одинаковымъ возрастомъ. Это непреложная истина, всѣмъ извѣстная. Слѣдовательно мы видимъ отсюда, что для обозначенія границъ младенческаго возраста не находится нигдѣ твердаго и незыблемаго матеріала. Это правило сохраняетъ характеръ общаго и по отношенію ко всѣмъ прочимъ видамъ возраста, какъ одинаковымъ и по коренному источнику происхожденія, и по существу своего основнаго элемента. Поэтому ограниченіе младенческаго возраста семью первыми годами жизни основывается на одной давности преданія.

Впрочемъ, эта сторона предмета не имѣетъ для насъ особенной важности, потому что все вниманіе наше поглощается другой стороной, заключающей въ себѣ вопросъ о томъ, долженъ ли человѣкъ въ первыя семь лѣтъ жизни отвѣчать передъ закономъ за свои поступки? или, другими словами, можетъ ли дѣяніе его, совершенное въ это время, подлежать юридическому вмѣненію?

Что̀ въ эпоху такъ называемаго младенчества человѣкъ въ состояніи сдѣлаться преступникомъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, это не подлежитъ конечно никакому сомнѣнію, ибо у человѣка есть физическая къ тому способность; но можетъ ли совершенное имъ въ это время дѣйствіе считаться вмѣняемымъ—это другой вопросъ. Впрочемъ и относительно рѣшенія его не можетъ быть тоже никакого сомнѣнія, ибо онъ слишкомъ простъ и ясенъ по своему содержанію.

Кореннымъ основаніемъ вмѣненія служитъ, какъ извѣстно, свобода дѣйствованія, существенные признаки которой выражаются въ

бытіи познанія о самомъ себѣ, внѣшнемъ мірѣ и своихъ обязанностяхъ. Достаточно и одного поверхностнаго взгляда, чтобъ замѣтить въ дѣйствіи младенца отсутствіе этихъ свойствъ, обличающихъ бытіе способности самоопредѣленія. Невозможность его условливается уже несовершенствомъ стороны физической. Эта естественная причина, по своей наглядности, какъ нельзя болѣе легка и удобна для признанія. Всѣ познанія младенца пріобрѣтаются обыкновенно лишь внѣшнимъ образомъ, особенно если приходится намъ слышать отъ него изрѣченія нравственныхъ истинъ и обязанностей. Еще Руссо замѣтилъ, что дитя способно удерживать въ памяти одни только слова и не въ состояніи сладить съ понятіями, которыя отъ него какъ бы отскакиваютъ.

Ясно послѣ этого, что на вопросъ о возможности вмѣненія въ настоящемъ возрастѣ нельзя отвѣчать иначе, какъ только отрицательно, и правило это будетъ рѣзко отличаться отъ предыдущаго, получая характеръ общаго и неизмѣннаго. Съ такимъ непреложнымъ свойствомъ своимъ оно переходитъ и въ практику, которая вполнѣ сохраняетъ за нимъ такое значеніе. О новыхъ законодательствахъ въ этомъ отношеніи нечего и упоминать, потому что всѣ они единогласно оставляютъ младенца за чертой уголовнаго вмѣненія; но тоже самое встрѣчаемъ мы и въ древности: извѣстно, что, по римскому праву infans никогда и ни въ какомъ случаѣ не подвергался законному наказанію.

Итакъ, неспособность человѣка къ вмѣненію въ разсмотрѣнномъ сейчасъ возрастѣ составляетъ общее и неизмѣнное убѣжденіе, какъ законодательства, такъ и науки.

Но при этомъ невольно рождается вопросъ: должно ли такое юридическое явленіе ограничиться только седьмымъ годомъ жизни или, напротивъ, можетъ переступить и за этотъ предѣлъ, такъ какъ количественный терминъ не имѣетъ здѣсь значенія точнаго конечнаго рубежа; слѣдовательно, можетъ быть, возможно открыть присутствіе условія, уничтожающаго вмѣненіе, и въ послѣдующемъ возрастѣ, извѣстномъ подъ именемъ *отрочества* (pueritia)? и если это справедливо, то находимъ ли мы по крайней мѣрѣ здѣсь точную границу?

Обращаясь за отвѣтомъ прежде всего къ законодательству, мы не встрѣчаемъ въ немъ ничего, кромѣ обозначенія тѣхъ сроковъ,

съ которыхъ должно открываться вмѣненіе; но и въ этомъ отношеніи видимъ совершенное разногласіе, тѣмъ болѣе поразительное, что числовая разница здѣсь очень значительна. Такъ напр., между тѣмъ какъ по Баварскому уголовному кодексу 1813 г. и Альтенбургскимъ законамъ срокъ этотъ опредѣляется 8-мъ годомъ, въ Австрійскихъ и Виртембергскихъ онъ отодвинутъ на 10-лѣтній возрастъ; а въ законахъ Гановерскихъ, Гессенскихъ, Баденскихъ, Тюрингскихъ и Саксонскихъ 1838 г., еще далѣе—до 12 лѣтъ; наконецъ въ Брауншвейгскомъ законодательствѣ и томъ же Саксонскомъ, но по измѣненіямъ 1855 г.—до 14 лѣтъ. Причина такого страннаго явленія весьма естественна и заключается въ отвѣтѣ на второй изъ предложенныхъ выше вопросовъ, именно въ томъ, что и возрастъ отрочества не имѣетъ для себя точно - опредѣленныхъ границъ, въ слѣдствіе чего законодательству неоткуда достать вѣрныхъ свѣдѣній, и такимъ образомъ, по необходимости, является та шаткость и колебаніе, которыя насъ поражаютъ здѣсь при первомъ взглядѣ.

Что касается до теоріи, то она, подобно предыдущему, начисто отказывается обозначить точной цифрой грани отроческаго возраста. Вполнѣ сознавая невозможность такого труда и по отношенію ко всѣмъ послѣдующимъ видамъ возраста она весьма основательно находитъ причину этого въ самомъ существѣ предмета, не допускающаго подчинить себя общимъ и неизмѣннымъ законамъ, откуда и открывается безконечное разнообразіе. Чувствуя безсиліе своего анализа, медицина оставляетъ обыкновенно на долю этого вопроса ту общую фразу, что отроческій возрастъ кончается тотчасъ, какъ скоро человѣкъ дѣлается взрослымъ и вступаетъ въ пору возмужалости. Понятно, на сколько афоризмъ этотъ содѣйствуетъ уясненію вопроса. Впрочемъ, не смотря на то, мы не можемъ обвинить науку въ недѣятельности или въ желаніи обойти вопросъ молчаніемъ; если она и отвѣчаетъ одной, ничего невыражающей фразой, то вовсе не отъ нежеланія вникнуть въ сущность дѣла, а, напротивъ, въ слѣдствіе противоположнаго направленія, которое доказало невозможность болѣе опредѣленнаго отвѣта. Поэтому нельзя не признаться, что, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ случаѣ, наука поступаетъ вполнѣ энергически: не смотря на только что полученное убѣжденіе о недостаточности человѣческихъ силъ въ дѣлѣ разрѣ-

шенія предлежащаго вопроса, она не оставляетъ его совсѣмъ, но, не достигнувъ положительнаго результата съ одной стороны, подходитъ къ нему съ этою же цѣлью съ другой и дѣлаетъ здѣсь все, что только отъ нея зависитъ и что приходится ей по силамъ. Вникая постоянно въ существенныя черты и признаки этого возраста, она успѣваетъ наконецъ создать возможно-вѣрный типъ предмета, какъ въ физіологическомъ, такъ и въ психическомъ отношеніи. Такой аналитическій очеркъ существенныхъ измѣненій, представляемыхъ природой человѣка въ эпоху его отроческаго возраста, наполняетъ собою содержаніе этого понятія и даетъ ему самостоятельное бытіе, такъ что если наука и не въ состояніи прямо выставить общихъ правилъ о неизмѣнныхъ границахъ его протяженія, то получаетъ по крайней мѣрѣ возможность опредѣлить эти послѣднія въ примѣненіи къ индивидуальнымъ случаямъ практики, а потомъ уже, изъ сличенія ихъ другъ съ другомъ, вывести и приблизительно вѣрныя общія правила. На этомъ основаніи замѣчено, что въ бо́льшей части случаевъ отроческій возрастъ оканчивается между 14—16 годами. Но, безъ сомнѣнія, здѣсь существуетъ много исключеній, и не маловажныхъ, такъ что у нѣкоторыхъ періодъ этотъ наступаетъ гораздо ранѣе, даже между 11—12 годами, а у другихъ, напротивъ, несравненно позднѣе—въ 18, 20 лѣтъ, и далѣе, случается даже, что изъ этого возраста человѣкъ вовсе не выходитъ; но послѣдняго рода исключенія встрѣчаются сравнительно рѣдко и составляютъ собой болѣзненныя уклоненія: люди, имъ подверженные, носятъ названіе слабоумныхъ.

Что касается до вопроса о возможности вмѣненія въ настоящемъ возрастѣ, то для рѣшенія его слѣдуетъ, по примѣру предыдущаго, искать отвѣта въ существенныхъ признакахъ предмета, составляющихъ его содержаніе.

Физіологическая сторона въ этомъ отношеніи не получаетъ особенной важности, такъ что сущность всѣхъ ея измѣненій можно обозначить кратко однимъ главнымъ признакомъ, съ появленіемъ котораго открываютъ обыкновенно начало слѣдующаго возраста, —это достиженіе половаго развитія.

Несравненно важнѣе конечно тѣ психическія измѣненія и свойства, которыя составляютъ отличительный характеръ разсматриваемаго періода жизни. Правда, нельзя не признать, что внутренній

міръ человѣка переходитъ въ настоящее время на дальнѣйшую ступень своего развитія; но, съ другой стороны, въ высшей степени было бы неразумно не только находить здѣсь окончательный предѣлъ развитія, но даже и признавать, что оно достигло высокаго состоянія. Тщательныя наблюденія новѣйшихъ изслѣдователей приводятъ ихъ къ такого рода заключеніямъ, что разсматриваемый періодъ времени отличается вообще господствомъ желательной способности и влеченій; поэтому и «хотѣніе» юныхъ людей этого возраста никакъ нельзя принимать за «волю». Находясь подъ постояннымъ господствомъ увлеченій, они не обладаютъ достаточной силой, которая бы въ состояніи была удержать ихъ отъ разныхъ глупостей и противозаконныхъ поступковъ, такъ легко обыкновенно совершаемыхъ въ это время. Правда, говорятъ далѣе эти изслѣдователи, мы нерѣдко замѣчаемъ въ нихъ упорство при совершеніи предпріятія и даже умѣнье особенно хитрымъ образомъ скрывать свои недостатки; но отсюда никакъ не слѣдуетъ заключать, чтобъ люди эти обладали такой силой воли, которая свойственна только человѣку вполнѣ развившемуся, когда сознаніе о своихъ обязанностяхъ и ясное представленіе о будущихъ послѣдствіяхъ дѣянія способны заградить дорогу страсти и увлеченію. Здѣсь, напротивъ, господствуетъ въ полной мѣрѣ желательная способность, управляющая всѣми дѣйствіями, а разумной свободы воли, которая бы могла обуздывать эту послѣднюю, не существуетъ вовсе. Ясно слѣдовательно, что люди въ этомъ возрастѣ еще не могутъ быть субъектами юридическаго вмѣненія, потому что въ жизни ихъ недостаетъ того основнаго принципа, которымъ оно обусловливается.

Мы думаемъ, что нельзя не признать полной справедливости послѣдняго замѣчанія, ибо оно основывается на коренномъ существѣ предмета и является потому совершенно разумнымъ и истиннымъ.

Но дѣйствительно ли таково психическое состояніе человѣка въ отроческомъ возрастѣ, какимъ оно здѣсь представлено?

Этотъ вопросъ потому является особенно важнымъ, что служитъ основаніемъ для послѣдующаго вывода. Въ этомъ отношеніи не можетъ быть никакого сомнѣнія, ибо представленное изображеніе духовнаго міра дается наукой на основаніи точныхъ, провѣренныхъ опытомъ наблюденій, которыя въ своихъ показаніяхъ вполнѣ

согласны съ истиннымъ представленіемъ о существѣ человѣческой природы, разумѣется только въ той мѣрѣ, на сколько человѣческія силы способны постигнуть его содержаніе. Господство увлеченій какъ нельзя болѣе естественно въ этомъ возрастѣ; а замѣчаемыя упорство и хитрость въ способахъ совершенія дѣйствій ни мало не противорѣчатъ общему характеру разсматриваемаго предмета и ни въ какомъ уже случаѣ не могутъ служить вѣрными признаками крѣпости воли, обладающей полной свободой. Никто, конечно, не вздумаетъ утверждать, что слабоумные и сумасшедшіе обладаютъ кореннымъ условіемъ вмѣненія, а между тѣмъ въ ихъ поведеніи замѣчается то же самое явленіе: извѣстно, съ какою предусмотрительностію, съ какимъ тонкимъ разсчетомъ поступаютъ нѣкоторые изъ нихъ, и какъ часто неопытные наблюдатели обманывались въ своихъ заключеніяхъ, принимая коварство и вѣроломство слабоумныхъ за разумную хитрость. Все это факты дѣйствительной жизни, признанные наукой за непреложные.

Послѣ этого, ни мало не сомнѣваясь, можно утвердительно сказать, что развитіе внутренняго міра человѣка въ эпоху его отроческаго возраста находится на такой степени, которая исключаетъ всякую возможность юридическаго вмѣненія. Такого рода заключеніе представляется въ нашихъ глазахъ непреложно справедливымъ, потому что добыто путемъ науки на основаніи самаго существа человѣческой природы.

Если намъ возразятъ здѣсь, что, говоря это, мы сильно ошибаемся, что мнѣніе наше можетъ быть справедливо только отчасти, но никакъ не въ видѣ общаго правила, ибо во многихъ людяхъ развитіе моральное далеко опережаетъ соотвѣтствующую степень развитія физическаго, и мѣра злости въ человѣкѣ бываетъ часто несравненно выше его возраста: то мы отвѣтимъ на это прямо, что подобное возраженіе не имѣетъ существеннаго содержанія и только обличаетъ въ наблюдателѣ поверхностный взглядъ на дѣло и смѣшеніе разнородныхъ понятій.

Говорить о преимущественномъ развитіи духовнаго міра надъ физическимъ или наоборотъ и производить съ этою цѣлью точныя сравненія можно въ томъ только случаѣ, когда существуютъ неизмѣнные законы соотвѣтственнаго ихъ развитія; но мы сами признали это дѣло рѣшительно невозможнымъ и показали причину такого

явленія, заключающуюся въ существѣ самого предмета; замѣнять же эти законы только болѣе обыкновенными и общими правилами мы не хотѣли и не считали себя въ правѣ, потому что эти послѣднія не имѣютъ на своей сторонѣ твердаго основанія и допускаютъ множество исключеній, а наше стремленіе заключалось въ томъ, чтобъ отыскать такіе существенные признаки, которые бы оставались всегда вѣрны сами себѣ и по справедливости могли служить основаніемъ для установленія нужныхъ раздѣленій. Признавъ неспособными для этого числовые термины, мы остановились на другой сторонѣ предмета—на преемственныхъ ступеняхъ психическаго развитія, которыя слѣдуютъ одна за другой въ неизмѣнномъ порядкѣ и имѣютъ каждая свои особенныя существенныя свойства, выражающія собою ихъ отличительный характеръ. Главныя черты, изъ которыхъ слагается содержаніе послѣдняго, обладаютъ свойствомъ неизмѣняемости и постоянства и могутъ на этомъ основаніи быть признаны за общіе непреложные законы. Правда, что и здѣсь, на пути къ болѣе мелкимъ подробностямъ, встрѣтится разнообразіе; но мы имѣемъ въ виду тождество существенныхъ и основныхъ признаковъ, изъ разсмотрѣнія которыхъ и убѣждаемся, что процессъ духовнаго развитія человѣка, въ своихъ главныхъ чертахъ, совершается всегда въ неизмѣнной послѣдовательности и одинаковости, такъ что здѣсь сохраняется постоянно самый строгій порядокъ, не допускающій никакихъ перерывовъ и скачковъ черезъ нѣсколько ступеней разомъ. Поэтому, если, на основаніи физіологическаго закона, нельзя повѣрить, чтобъ новорожденный ребенокъ въ состояніи былъ ходить, то точно также, и на основаніи непреложныхъ законовъ психическаго развитія, нельзя допустить, чтобъ, напр., 8—9—10 лѣтнее дитя могло обладать полнымъ самопознаніемъ. Каждому возрасту самой природой назначена извѣстная сумма задачъ, которыя должны быть разрѣшены послѣдовательно, въ преемственномъ порядкѣ. Иначе и быть не можетъ, потому что въ противномъ случаѣ невозможно никакое правильное развитіе. И такъ, если и встрѣчаются дѣти, которыя замѣтно опережаютъ сверстниковъ степенью своего духовнаго развитія, то, не смотря на это, и въ ихъ природѣ нельзя не замѣтить присутствія тѣхъ отличительныхъ свойствъ, изъ которыхъ слагается существенный характеръ. Слѣдовательно, по от-

ношенію къ нашему вопросу, они одинаково подойдутъ подъ общій съ первыми отдѣлъ, потому что границы послѣдняго опираются не на шаткое основаніе количественныхъ терминовъ, а на сумму извѣстныхъ психическихъ явленій, которыя имѣютъ характеръ непремѣнныхъ и неизмѣняемыхъ. Присутствіемъ этихъ послѣднихъ и опредѣляется принадлежность человѣка къ извѣстному возрасту; поэтому лице тотчасъ выходитъ за предѣлы послѣдняго, если не будетъ носить на себѣ отпечатка тѣхъ отличительныхъ свойствъ, которыя составляютъ сущность его непремѣннаго содержанія.

Понятно теперь, почему сдѣланное возраженіе не можетъ имѣть мѣста по отношенію къ нашему мнѣнію и лишается всякаго серьезнаго значенія. Причиной тому, какъ видимъ, особенность нашей точки зрѣнія: въ основаніе дѣленія предмета на его виды мы кладемъ не внѣшній, подверженный многимъ случайнымъ измѣненіямъ признакъ, а другой—внутреннюю сторону предмета, въ существенномъ содержаніи своемъ не представляющую такого рода колебаній. Поэтому, какъ скоро въ извѣстномъ индивидуумѣ нѣтъ свойствъ этого послѣдняго признака, то разумѣется, что онъ, по существу самой вещи, не можетъ подойти подъ тотъ изъ видовъ, признаніе котораго единственно и основано на бытіи требуемаго содержанія. Такой пріемъ нельзя не считать единственно возможнымъ, потому что только онъ открываетъ ту неизмѣнную исходную точку, на основаніи которой могутъ быть созданы твердыя положительныя правила; слѣдовательно только этотъ пріемъ получаетъ значеніе правильнаго, а выводы, на основаніи его сдѣланные, характеръ непреложныхъ, какіе только и имѣютъ право на занятіе мѣста въ области научнаго изслѣдованія. Правда, что, не смотря на такое достоинство, этотъ способъ въ практикѣ является не совсѣмъ удобнымъ, ибо представляетъ много трудностей при своемъ примѣненіи; но съ этимъ обстоятельствомъ приходится мириться по необходимости, если не хотимъ совершенно отказаться отъ рѣшенія предложенной задачи. Онъ представляетъ собою единственный путь, который ведетъ къ правильному отвѣту; никакого выбора слѣдовательно быть здѣсь не можетъ. Притомъ и неудобство его въ примѣненіи къ практикѣ значительно смягчается тѣмъ обстоятельствомъ, что правила, имъ добытыя, могутъ получить характеръ наглядныхъ подъ формою извѣстныхъ внѣшнихъ признаковъ.

Конечно, эти послѣдніе не обладаютъ значеніемъ неизмѣнно точныхъ, но все-таки могутъ считаться по крайней мѣрѣ болѣе или менѣе общими и приблизительно вѣрными. Мы разумѣемъ здѣсь обозначеніе возраста годами жизни. Самъ по себѣ, въ отдѣльности, способъ этотъ не имѣетъ научнаго достоинства и не можетъ служить исходной точкой и основаніемъ для рѣшенія вопроса; но въ примѣненіи къ другому, какъ способъ дополнительный, онъ пріобрѣтаетъ соотвѣтственное значеніе и заслуживаетъ извѣстную долю вниманія. Безъ сомнѣнія никто не станетъ отвергать существованія соотвѣтствія между степенями развитія двойственной природы человѣческой, и хотя его нельзя подчинить неизмѣнно точнымъ правиламъ; но болѣе или менѣе общія и обыкновенныя черты все-таки можно обозначить. Объяснять это примѣромъ, кажется, нѣтъ необходимости. По естественному закону природы, человѣкъ въ извѣстныя лѣта никогда не въ состояніи обладать полнымъ самопознаніемъ, хотя бы развитіемъ умственныхъ способностей и въ значительной степени превосходилъ своихъ сверстниковъ.

Впрочемъ, если нѣкоторымъ читателямъ покажется, что соединеніе обоихъ способовъ дѣлаетъ уже лишнимъ вопросъ о томъ, какой изъ нихъ долженъ быть признанъ за основной, то мы постараемся разсѣять подобное недоразумѣніе, выставивъ на видъ то обстоятельство, что основаніемъ для научнаго раздѣленія можетъ служить только твердое и неизмѣнное правило, исключающее возможность случайнаго, а такимъ характеромъ отличается только тотъ способъ, въ которомъ за начало дѣленія возрастовъ принимается внутренняя сторона человѣка въ ходѣ ея постепеннаго развитія; это же послѣднее выражается въ извѣстныхъ послѣдовательныхъ степеняхъ, физіономія которыхъ отражается въ свою очередь въ извѣстной суммѣ существенныхъ и неизмѣнныхъ признаковъ и свойствъ.

Что касается до другаго возраженія, признающаго возможнымъ встрѣтить иногда и въ дѣтскомъ возрастѣ не только злость, но даже высокую ея степень, то оно, по нашему мнѣнію, имѣетъ еще менѣе смысла. Извѣстное юридическое правило: «malitia supplet aetatem» (*) представляется одной фразой, которая могла держаться

(*) Злость восполняетъ возрастъ.

въ прежнее время, когда не существовало еще тѣхъ психологическихъ понятій, какія добыты въ настоящее время.

Можно ли дѣйствительно считать теперь эту темную и неопредѣленную по своему содержанію фразу не только основаніемъ для того, чтобы дать мѣсто вмѣненію, но потомъ даже и для опредѣленія степени послѣдняго? Нѣтъ, безъ всякаго сомнѣнія, нѣтъ. Современная наука, къ счастію, заграждаетъ этому правилу доступъ къ своей области и, по всей справедливости лишаетъ его всякаго значенія. Совершенно противорѣча сущности вопроса, оно не только представляется въ высшей степени нелѣпымъ, но и крайне вреднымъ для практики, потому что открываетъ полный просторъ произволу. Понятіе о злости не предполагаетъ въ себѣ какой-то безусловной склонности (въ какомъ значеніи оно и не можетъ получить никакого мѣста въ настоящемъ случаѣ, ибо теряетъ всякое значеніе), а, напротивъ, требуетъ какъ непремѣнное условіе вполнѣ свободнаго выбора, опирающагося на разумныя основанія. Но понятно съ перваго же взгляда, что подобное психическое состояніе никогда не можетъ встрѣтиться въ томъ возрастѣ, существеннымъ свойствомъ и отличительнымъ признакомъ котораго служитъ отсутствіе такого состоянія, несуществованіе способности къ самоопредѣленію. Подобное сочетаніе противоположныхъ предметовъ невозможно ни по какимъ законамъ, и признаніе его можетъ служить только образцомъ высочайшей нелѣпости. Поэтому, если въ человѣкѣ замѣчаютъ присутствіе сказаннаго психическаго состоянія, то истина не допускаетъ никакой возможности причислить такой индивидуумъ къ разсматриваемому возрасту; что̀ нибудь одно: или человѣкъ, здѣсь представленный, находится въ зрѣломъ возрастѣ, или наблюденіе надъ степенью развитія его внутренняго міра произведено неправильно.

Но какъ же поступить въ такомъ случаѣ, когда подобное психическое состояніе открываютъ, напр., въ 9—10 лѣтнемъ ребенкѣ? Не доказываетъ ли это прямо справедливость высказаннаго возраженія, ибо всякому извѣстно, что такой возрастъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не считается зрѣлымъ?

Поставивъ такимъ образомъ вопросъ, возражатели наши сами дошли наконецъ до того, что избавляютъ насъ отъ труда пріискивать средства къ опровергенію ихъ мнѣнія, заставляя присутство-

вать при странной сценѣ самопораженія, такъ что намъ остается только описать это явленіе и представить его на безпристрастный судъ читателей.

Дѣйствительно, совершенно справедливо, что до сихъ поръ не встрѣчалось еще никого, кому бы пришло въ голову серьезно называть десятилѣтнее дитя зрѣлымъ мужемъ, потому что если и нельзя опредѣлить съ точностью степеней того нормальнаго развитія двойственной природы человѣка, которыя бы должны постоянно соотвѣтствовать другъ другу, то разнообразіе, здѣсь встрѣчаемое, составляетъ все-таки лишь уклоненіе отъ болѣе или менѣе общихъ правилъ, имѣющихъ для опредѣленія границъ возраста приблизительно вѣрные числовые термины. Поэтому, если и возможны здѣсь сомнѣнія и споры, то обыкновенно объ установленіи только крайнихъ рубежей, а не срединныхъ точекъ, получившихъ неизмѣнную прочность. Такъ, напр., и въ настоящемъ случаѣ можно спрашивать и доискиваться: съ какого срока, въ промежуткѣ времени отъ 20—25 лѣтъ, начинается зрѣлый возрастъ, но отнюдь не отодвигать этого предѣла на 10-й годъ жизни (*). Подобный вопросъ не возбудитъ даже и сожалѣнія о невѣжествѣ, а вызоветъ прямое опасеніе на счетъ умственнаго состоянія вопрошающаго. Притомъ, если хоть на одно мгновеніе допустить вопросъ до такого положенія, то вмѣстѣ съ тѣмъ надо признать бытіе совершеннаго хаоса, навсегда отказаться отъ малѣйшей системы, а наконецъ и отъ всякой возможности серьезно толковать о предметѣ.

Послѣ этого, нисколько, кажется, не затрудняясь, можно сказать, что открытіе, сдѣланное нашими возражателями, не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія. Безъ сомнѣнія виновата тутъ неопытность, которая, обманувшись въ свойствѣ открытаго явленія, приняла его за другое и сообщила ему несвойственное названіе. Въ самомъ дѣлѣ, ближайшее изслѣдованіе предмета подтверждаетъ догадку нашу и переводитъ ее въ очевидное убѣжденіе. Всѣ, представляемые здѣсь въ примѣръ случаи насильственныхъ дѣйствій, происходящихъ будто бы подъ вліяніемъ злости и мстительности,

---

(*) Мы потому говоримъ здѣсь о зрѣломъ возрастѣ, что такой смыслъ вытекаетъ изъ возраженія; впрочемъ и сравненіе съ юношескимъ возрастомъ будетъ имѣть надлежащее значеніе.

не имѣютъ вовсе такого значенія и объясняются гораздо проще естественнымъ характеромъ возраста.

Натура человѣка, въ этотъ періодъ времени, представляется еще не сложившеюся въ твердую и правильную норму, какую она должна получить впослѣдствіи. Это та приготовительная эпоха внутренняго броженія, которая бываетъ всегда предъ наступленіемъ общаго успокоенія, когда каждая часть духовнаго организма входитъ въ назначенныя ей границы, и является такимъ образомъ стройное согласіе всѣхъ его частей подъ руководствомъ одного правящаго начала—разума. Если потомъ и случается иногда духовное возмущеніе, происходящее отъ выхода какого нибудь элемента за предѣлы своей области, то такое состояніе представляется уже уклоненіемъ отъ обыкновеннаго—нормальнаго. Въ отроческій же возрастъ, напротивъ, нормальнымъ состояніемъ духовнаго міра является отсутствіе этого стройнаго и правильнаго порядка, столь свойственнаго эпохѣ внутренней зрѣлости; здѣсь нѣтъ одного руководящаго начала, а слѣдовательно нѣтъ и твердой исходной точки для дѣятельности, все зависитъ преимущественно отъ стороннихъ вліяній и побужденій. Отсюда, при отсутствіи твердаго владычества разсудка, дѣятельность человѣка являетъ изъ себя сборникъ самыхъ разнообразныхъ и разнохарактерныхъ поступковъ, весьма часто противорѣчащихъ другъ другу и представляющихъ изъ себя какую-то пеструю смѣсь, безъ всякой видимой связи. Такая безпорядочная физіономія, лежащая на внѣшней дѣятельности человѣка, какъ нельзя болѣе естественна и согласна съ состояніемъ его духовной стороны, находящейся подъ полнымъ господствомъ самыхъ разнообразныхъ увлеченій. Почему и удивляться, если существенный характеръ основной причины отражается непосредственно на ея слѣдствіяхъ.

Дѣйствительно нельзя не согласиться съ этими справедливыми замѣчаніями теоріи и не признать, что господство увлеченій и безпрекословное подчиненіе имъ служатъ во время отрочества главнымъ и отличительнымъ характеромъ внутренняго состоянія человѣка. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ, потому что, не обладая тѣмъ могущественнымъ началомъ, которое одно въ состояніи противиться силѣ этихъ увлеченій, онъ не можетъ и выдти изъ подъ ихъ господства. Отсюда-то и объясняется та склонность

къ шалостямъ и разнаго рода дурачествамъ, которую мы замѣчаемъ обыкновенно въ дѣтяхъ. Она, по общему убѣжденію, признается за ними какъ неотъемлемая принадлежность возраста, и убѣжденіе это перешло даже въ общее безсознательное вѣрованіе, получившее силу естественнаго и непреложнаго закона. Конечно, это не значитъ, чтобъ всѣ дѣти имѣли одинаковый характеръ или непремѣнно были такъ называемыми озорниками; но стоитъ только прослѣдить послѣдовательно исторію дѣтскихъ годовъ какого угодно человѣка, чтобъ натолкнуться на такія черты дѣятельности, которыя будутъ противорѣчить обыкновенному поведенію. Подобное явленіе поразитъ насъ непремѣнно, если мы не вспомнимъ во̀ время отличительныхъ психическихъ признаковъ настоящаго возраста. Не отправившись съ этой исходной точки, нельзя, по односторонности взгляда, не впасть въ заблужденіе и не придти къ ложнымъ результатамъ. Примѣръ у насъ передъ глазами—въ лицѣ возражателей. Не имѣя твердой точки созерцанія, они естественно не могутъ слѣдовать по прямой дорогѣ, а должны потеряться среди безчисленнаго множества разнообразнѣйшихъ фактовъ, которые представляются имъ чѣмъ-то хаотическимъ, разрозненнымъ, безъ всякой связи. Неудивительно послѣ этого, что, безъ знанія общаго психическаго характера возраста, они отыскиваютъ для фактовъ, ихъ поразившихъ, несвойственныя съ существомъ вещи объясненія. Отсюда и выходитъ рѣзкое противорѣчіе и очевидная нелѣпость ихъ выводовъ, которые, дѣйствительно, не могутъ не поразить опытнаго наблюдателя. Несложившаяся натура ребенка, находящаяся въ безпрестанномъ волненіи, отданная вся господству разнообразныхъ влеченій, которымъ человѣкъ не имѣетъ возможности противиться, за неимѣніемъ необходимыхъ для того силъ, неудержимо стремится къ проявленію себя во внѣ; она побуждаетъ его къ постоянной и непрерывной дѣятельности,—все равно въ чемъ бы эта дѣятельность ни состояла,—начинающейся обыкновенно подъ вліяніемъ перваго встрѣтившагося побужденія; натура требуетъ здѣсь одного—движенія. Вотъ фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Поэтому насильственныя дѣянія, совершаемыя въ этотъ возрастъ и имѣющія повидимому характеръ злостныхъ, предпринимаются обыкновенно не только безъ всякаго умысла, но и безъ всякой ясной цѣли, единственно по какому-то неопредѣленному побужденію испробовать

развивающiяся силы или выказать ихъ крѣпость. Эта дѣятельность какъ будто инстинктивная. Она-то и служитъ содержанiемъ той склонности къ разрушенiю, шуму, противорѣчiю, которая представляется отличительной чертой дѣтскаго возраста. Справедливость этого наблюденiя получила силу общаго вѣрованiя. Повторяемъ опять: несложившаяся натура человѣка какъ нельзя вѣрнѣе отражается въ этомъ явленiи; она безпрестанно, безъ всякой цѣли, стремится выказать себя передъ другими и дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ порывисто, безпокойно, какъ будто ей хочется всѣмъ и каждому безпрестанно напоминать о своемъ существованiи и прiобрѣсти тѣмъ признанiе своей силы. Подъ влiянiемъ такого-то естественнаго побужденiя, составляющаго сущность природныхъ требованiй, и происходятъ обыкновенно тѣ насильственныя дѣйствiя, въ которыхъ думаютъ видѣть выраженiе злости, забывая, что эта послѣдняя не имѣетъ здѣсь мѣста по самому существу дѣтскаго возраста.

Вѣроятно каждый изъ насъ можетъ припомнить нѣсколько случаевъ насильственныхъ дѣйствiй со стороны самаго кроткаго ребенка. Какъ часто, напримѣръ, очень скромный мальчикъ, среди самыхъ мирныхъ занятiй, разбиваетъ вдругъ какую нибудь вещь или пускаетъ, чѣмъ попало, въ пробѣгающую мимо собаку. Другой сидитъ у открытаго окна и, кажется, очень серьезно занятъ развернутой книжкой, какъ вдругъ у него является желанiе опустить что нибудь на голову прохожаго или послать въ догонку проѣзжающему пожалуй и то самое яблоко, которое дали ему въ награду за хорошее поведенiе. Все это, конечно, тотчасъ же и приводится въ исполненiе. Третiй производитъ самыя жестокiя дѣйствiя надъ животными и даже надъ людьми. Подобныхъ примѣровъ безчисленное множество, и мы беремъ нарочно самые обыденные и простые.

Неужели же все это маленькiе злодѣи, поступающiе злонамѣренно? Безъ всякаго сомнѣнiя нѣтъ, и подобное предположенiе никогда не въ состоянiи найти для себя разумныхъ основанiй. Обыкновенно и сами правонарушители не могутъ дать себѣ отчета, почему и для какой цѣли совершили они свои дѣянiя; и признанiе это какъ нельзя болѣе вѣрно, ибо вполнѣ соотвѣтствуетъ психическому состоянiю возраста. Въ первомъ изъ попавшихся на глаза примѣровъ виновникъ дѣйствiя не только не имѣлъ намѣренiя разрушенiемъ извѣстной вещи лишить хозяина его собственности,

но не думалъ даже и разбивать уничтоженную имъ вещь, а хотѣлъ только ударить по ней кулакомъ. Другой точно также не имѣлъ никакого намѣренія оскорбить прохожаго, котораго онъ вовсе не знаетъ, или нанести ущербъ здоровью проѣзжаго, сдѣлавши ему на головѣ шишку, а желалъ только попасть въ движущуюся цѣль. Оба они, видя слѣдствія своихъ поступковъ, обыкновенно, горько раскаяваются и, искренно сожалѣя о случившемся, упрекаютъ себя частымъ повтореніемъ вопроса: зачѣмъ я это сдѣлалъ?

Вотъ еще примѣръ насильственныхъ дѣйствій. Одинъ очень добродушный мальчикъ душилъ попадавшихся въ его руки кошекъ. Правда, онъ дѣлалъ это не нечаянно, но, съ другой стороны, и безъ всякаго злаго умысла, единственно подъ вліяніемъ непреодолимаго побужденія попробовать, а главное—выказать свою силу; тому же впрочемъ содѣйствовало, вѣроятно, и безсознательное отвращеніе его къ этимъ животнымъ. Умертвивъ кошку, мальчикъ обыкновенно горько раскаявался и даже нерѣдко плакалъ надъ ея трупомъ, давая себѣ твердое обѣщаніе, что впередъ никогда этого не сдѣлаетъ; но, при первомъ же благопріятномъ случаѣ, особенно въ присутствіи товарищей и въ жару преслѣдованія новой жертвы, благое намѣреніе обыкновенно забывалось и оставалось безъ исполненія.

Если же замѣчаютъ иногда противоположное явленіе, т. е., что человѣкъ этого возраста, даже при совершеніи самаго тяжкаго преступленія, не только не оказываетъ никакого раскаянія или сожалѣнія, оставаясь совершенно хладнокровнымъ, но какъ будто еще радуется успѣшному выполненію задуманнаго, то явленіе это объясняется вовсе не закоренѣлостію его въ злодѣяніи и не присутствіемъ въ немъ высокой степени безнравственности, чтò прямо противорѣчитъ коренному существу психическаго состоянія возраста, а другимъ обстоятельствомъ, составляющимъ одно изъ необходимыхъ свойствъ духовной природы, именно—непониманіемъ настоящаго свойства совершаемаго дѣйствія, или особеннымъ взглядомъ на него, образовавшимся подъ вліяніемъ воспитанія, нравовъ, обычаевъ или примѣровъ. Сила этихъ вліяній, не только въ настоящемъ случаѣ, но вообще въ дѣлѣ окончательнаго сформированія нравственнаго характера человѣка, представляется столь огромной, что не позволяетъ сказать о себѣ кратко, а требуетъ отдѣльнаго изслѣдованія.

Одинъ крестьянскій мальчикъ, 10 лѣтъ отъ-роду, убилъ безъ всякаго злаго умысла маленькую дочь своего хозяина, у котораго онъ жилъ пріемышемъ, и оказалъ при совершеніи преступленія полное хладнокровіе. Надо замѣтить притомъ, что онъ любилъ дѣвочку болѣе всѣхъ изъ семейства. Неужели же равнодушіе этого несчастнаго должно служить непремѣннымъ признакомъ крайней испорченности свободной воли, которой у него еще и не было? Конечно нѣтъ. Подобное заключеніе, какъ не имѣющее положительнаго основанія, представляется въ высшей степени поверхностнымъ и близорукимъ. Дѣйствительно было доказано, что преступникъ совершилъ убійство вовсе не съ намѣреніемъ лишить дѣвочку жизни, а единственно съ тою цѣлію, чтобъ испробовать, годится ли въ дѣло недавно купленный топоръ. Несчастный мальчикъ вовсе не зналъ, что его дѣйствіе составляетъ убійство, отнимающее жизнь у любимаго существа; ему незнакомо было такое понятіе, и онъ не сознавалъ свойства своего поступка. Ему не только не приходило въ голову, что, послѣ взмаха топора, дѣвочка не подымется съ полу, но онъ надѣялся еще, что она станетъ вмѣстѣ съ нимъ разсматривать, не сдѣлалось ли на лезвеѣ зазубринъ. Между тѣмъ убійца былъ вовсе не идіотъ и не слабоумный. Вся бѣда произошла оттого, что, оставшись круглой сиротой вскорѣ послѣ своего рожденія, онъ жилъ постоянно въ чужомъ домѣ, гдѣ никогда и никто не только не сдѣлалъ ему ни одного внушенія, но и не сказалъ съ нимъ ни одного слова, способнаго хоть сколько нибудь развернуть его понятія или навести ихъ на надлежащую дорогу; уединенная же жизнь въ домѣ лѣсника удаляла его отъ общества сверстниковъ.

Нѣтъ надобности приводить еще подобные примѣры, потому что каждому они извѣстны, вѣроятно, въ достаточномъ количествѣ; притомъ же всякій знаетъ, что неспособность понимать настоящую цѣну и свойство дѣяній составляетъ существенную черту дѣтскаго характера.

Да не подумаютъ при этомъ нѣкоторые читатели, что, признавая извѣстныя психическія несовершенства естественною и необходимою принадлежностью настоящаго возраста, мы считаемъ излишнимъ и безполезнымъ дѣлать дѣтямъ нравственныя внушенія, стараясь развернуть ихъ понятія, въ томъ предположеніи, что никакая сторонняя дѣятельность не въ состояніи удержать выраженія тѣхъ естествен-

ныхъ влеченій, которыя неизбѣжно побуждаютъ къ совершенію насильственныхъ поступковъ. Мы не только далеки отъ подобнаго нелѣпаго образа мыслей, но и прямо высказали противное, по поводу представленнаго примѣра. Тоже самое будемъ имѣть случай замѣтить и ниже, гдѣ увидимъ также на примѣрѣ, какое огромное вліяніе имѣютъ внушенія людей близкихъ къ дѣтямъ на ихъ дѣйствія. Мнѣніе же наше о естественности и необходимости психическихъ недостатковъ настоящаго возраста высказано по тому поводу, чтобъ установить правильное основаніе для оцѣнки совершаемыхъ въ это время преступленій, которымъ вздумали было придавать не соотвѣтствующее съ существомъ предмета значеніе, находя здѣсь въ субъектѣ дѣйствія такія побужденія и духовныя качества, какія присущи природѣ одного взрослаго человѣка. Слѣдовательно все наше стремленіе было направлено только къ тому, чтобъ указать читателямъ на несостоятельность того мнѣнія, которое еще серьезно вѣритъ въ справедливость юридическаго правила: «malitia supplet aetatem».

Новымъ основаніемъ къ недоразумѣнію служитъ далѣе смѣшеніе злости съ вспыльчивостью. Послѣднее качество, какъ нельзя болѣе приличное существенному характеру дѣтскаго возраста, составляетъ одинъ изъ отличительныхъ и необходимыхъ его принадлежностей, тогда какъ, напротивъ, первое предполагаетъ полную сознательность и твердую связь всей дѣятельности съ разсудкомъ.

Точно тоже должно сказать и на счетъ ненависти, о которой слѣдовательно не можетъ быть здѣсь и рѣчи; а то, что обыкновенно принимаютъ за такое психическое состояніе и выставляютъ въ подкрѣпленіе приведенному выше мнѣнію, есть ничто иное, какъ выраженіе безсознательнаго отвращенія, которое чувствуется иногда дѣтьми къ извѣстнымъ лицамъ. Въ подобномъ чувствѣ они сами себѣ не могутъ дать отчета, между тѣмъ какъ оно очень часто увлекаетъ ихъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Не имѣя въ своей натурѣ достаточно сильнаго реагента, они не въ состояніи противиться такому чувству, и первый благопріятный случай открываетъ ему обыкновенно дорогу къ проявленію себя во внѣ. Представлять здѣсь примѣры, кажется, нѣтъ никакой надобности. Всякій безпристрастный наблюдатель и безъ того легко пойметъ, что непосредственное чувство, не перешедшее въ понятіе, никоимъ образомъ нельзя называть

ненавистью. Если и происходитъ здѣсь заблужденіе, то единственно отъ недостатка психологическаго анализа: ибо предполагать въ дѣлѣ науки умышленное искаженіе нѣтъ никакого основанія.

Болѣе важности и значенія имѣютъ, повидимому, тѣ случаи, гдѣ чувство ненависти представляется какъ будто сознательнымъ, заставляя человѣка упорно стремиться къ выполненію преднамѣреннаго преступленія. Такіе примѣры, являя собою, по видимому, очевидное противорѣчіе нашему мнѣнію, служатъ, кажется, самымъ яснымъ и убѣдительнымъ опроверженіемъ, неустранимымъ съ нашей точки зрѣнія. Но подобный характеръ эти примѣры могутъ получить только въ глазахъ того, кто не умѣетъ вникнуть въ сущность явленія и открыть истинныя причины, которыми оно было вызвано. Внѣшняя сторона факта всего болѣе способна обмануть наблюдателя, если онъ не съумѣетъ проникнуть въ его глубину, откуда и черпаются прямыя свѣдѣнія о настоящемъ свойствѣ его характера.

Представимъ для ясности одинъ примѣръ, заимствованный у Эскироля.

Восьмилѣтняя дочь одного Парижскаго работника питала такую сильную и упорную ненависть къ своей мачихѣ, что дѣлала постоянныя покушенія на ея жизнь. Чувство это укоренилось такъ глубоко и было такъ сознательно, что никакія старанія, никакія ласки со стороны послѣдней не въ состояніи были отвратить дѣвочку отъ пагубной мысли, которую она съ чрезвычайнымъ хладнокровіемъ высказывала всегда открыто.

Какой же, повидимому, нуженъ еще болѣе вѣрный признакъ для доказательства не только крайняго развращенія воли, но и особенной твердости ея, открывающейся въ неуклонномъ стремленіи къ достиженію предумышленнаго преступленія? Подобное упорство и энергію воли можно встрѣтить, по нашему ученію, только въ позднѣйшемъ возрастѣ и то, по преимуществу, въ закоренѣломъ злодѣѣ, а между тѣмъ практика представляетъ примѣръ такого психическаго состоянія въ восьмилѣтней дѣвочкѣ. Какъ же послѣ этого не признать справедливости стараго правила: malitia supplet aetatem, когда у насъ передъ глазами неопровержимый фактъ, взятый изъ опыта. Въ подтвержденіе этого доказательства, въ чемъ впрочемъ, по свойству послѣдняго, нѣтъ никакой надобности, присое-

диняется еще то обстоятельство, что познавательная способность дѣвочки была хорошо развернута, и она, хотя и была дочь простаго работника, но умѣла читать и писать. Этимъ, по видимому, еще болѣе уясняется предыдущее, облегчая возможность подобнаго психическаго состоянія.

Дѣйствительно, представленный въ такомъ видѣ фактъ можетъ привести наблюдателя въ недоумѣніе и заставить его усомниться въ справедливости своего прежняго убѣжденія. Но, повторяемъ опять, это можетъ случиться только съ такимъ наблюдателемъ, который привыкъ останавливаться на одной внѣшней сторонѣ факта, отнимая тѣмъ у себя средство къ открытію истины и возможность имѣть твердое основаніе для своихъ убѣжденій. Поэтому никогда не надо позволять себѣ произносить о предметѣ окончательное заключеніе, не разсмотрѣвъ его прежде со всѣхъ сторонъ и не вникнувъ въ его сущность. Такъ точно постараемся поступить и въ настоящемъ случаѣ. Для этого соберемъ прежде болѣе подробныя свѣдѣнія, всѣ, какія только доступны, подражая въ этомъ отношеніи обязанности уголовнаго слѣдователя, которому предписывается мудрымъ закономъ обращать одинакое вниманіе на всѣ обстоятельства дѣла, не упуская изъ вида ни одного, даже кажущагося ничтожнымъ. Въ силу такого правила, выслушаемъ прежде показанія мачихи, отобранныя отъ нея Эскиролемъ въ то время, какъ ея падчерица занималась въ той же комнатѣ чтеніемъ. Эта послѣдняя не хотѣла вовсе ничего отвѣчать и слушала разсказъ мачихи съ совершеннымъ равнодушіемъ, какъ будто рѣчь шла совсѣмъ не о ней.

Въ то время, какъ я вышла замужъ, начала такъ мачиха, этой малюткѣ исполнилось два года. Мы отослали ее къ ея дѣду и бабкѣ, которые были недовольны женитьбой сына и часто выражали это неудовольствіе при своей внучкѣ. Малюткѣ было уже пять лѣтъ, когда мы навѣстили стариковъ. Они хорошо меня приняли, но ребенокъ, показавъ живѣйшую радость при встрѣчѣ съ отцемъ, почти не принялъ моихъ ласокъ и совершенно отказался со мной поцѣловаться; однако, не смотря на то, дѣвочка возвратилась съ нами въ Парижъ. Здѣсь, при всякомъ удобномъ случаѣ, она меня царапала и била, повторяя при этомъ свое желаніе, чтобъ я умерла. По прошествіи трехъ мѣсяцевъ, когда я сдѣлалась беременна, она ударила меня ногой въ животъ, выразивъ при этомъ прежнее жела-

нiе. Мы отослали ее опять къ родителямъ мужа, у которыхъ она пробыла еще два года. Будучи привезена къ намъ 7 лѣтъ и 4 мѣсяцевъ, она начала опять поступать со мной по прежнему, не переставая повторять и прежнее свое желанiе, чтобы я умерла, а также и маленькiй братъ ея, грудный ребенокъ, котораго она никогда не видала. При этомъ не проходило ни одного дня, чтобъ я не получала отъ нея побоевъ. Если мнѣ случится наклониться къ камину, то она старается ударить меня по спинѣ, чтобъ уронить въ огонь, бьетъ кулаками, схватываетъ иногда ножницы, ножикъ или другiя вещи, которыя могутъ попасться ей подъ руку, и сопровождаетъ всегда эти дурныя поступки прежними словами: я бы хотѣла убить васъ. Отецъ часто ее наказывалъ, хотя я и противилась этому; но, не смотря на то, ребенокъ никогда не хотѣлъ дать обѣщанiе оставить свои намѣренiя. Въ слѣдствiе этого, однажды отецъ вздумалъ пригрозить ей тюрьмой. «Это нисколько не воспрепятствуетъ умереть моей матери и маленькому брату и не помѣшаетъ мнѣ убить ихъ», отвѣчала она.

По окончанiи этого разсказа, который дѣвочка выслушала, не измѣняя своему хладнокровiю, Эскироль обратился къ ней съ нѣкоторыми вопросами. Она отвѣчала на нихъ совершенно спокойно и съ прежнимъ хладнокровiемъ, безъ малѣйшей раздражительности.

На вопросъ, о причинѣ желанiя ея убить мать, дѣвочка выставила свою нелюбовь къ ней.

За что же вы ее не любите? спросилъ Эскироль. —Сама не знаю.

Развѣ она дурно обращалась съ вами? — Нѣтъ.

А была ли она добра съ вами, заботилась ли о васъ? — Да.

Такъ за что же вы ее бьете? — Чтобъ она умерла.

Какъ, чтобъ причинить ей смерть? — Да, я хочу, чтобъ она умерла.

Но ваши удары не могутъ ее убить, вы слишкомъ еще для этого малы?—Я понимаю это; но знаю, что надо страдать для того, чтобъ умереть; а какъ я еще очень мала и не въ силахъ убить сразу, то хочу сложить ее въ постель, чтобъ она страдала и потомъ отъ этого умерла.

Кто же будетъ заботиться объ васъ, если она умретъ? — Не знаю.

Бѣдненькая! Объ васъ не будутъ заботиться, будутъ васъ дурно одѣвать. — Для меня это все равно. Я ее все-таки убью; я хочу, чтобъ она умерла.

Еслибъ вы были больше, убили бы вы и тогда свою мать? — Да.

А убили ли бы вы свою бабушку (мать молодой мачихи, тутъ же присутствовавшая)? — Нѣтъ.

Почему же? — Не знаю.

Отца своего вы любите? — Люблю.

А его убить хотите? — Нѣтъ.

Однако онъ васъ наказываетъ? — Это все равно; я его не убью.

Стало быть вы любите своего отца, не смотря на то, что онъ васъ бранитъ, бьетъ? — Люблю.

Есть у васъ маленькій братъ? — Есть.

Онъ еще у кормилицы, и вы никогда его не видали? — Да.

Его вы любите? — Нѣтъ.

А хотѣлось бы вамъ, чтобъ онъ умеръ? — Да.

Вы его хотите убить? — Да. Я просила отца велѣть его принести ко мнѣ, чтобъ убить.

Отчего вы не любите свою мать? — Сама не знаю; я хочу только, чтобъ она умерла.

Откуда пришли къ вамъ въ голову такія ужасныя мысли? — Дѣдушка, бабушка и тетка часто говорили, что моей матери и маленькому брату надобно бы умереть.

Но вѣдь это невозможно? — Если, если.... Впрочемъ я не хочу больше говорить о своихъ предположеніяхъ, а приберегу ихъ къ тому времени, какъ выросту большая.

Разговоръ продолжался полтора часа, и во все это время дѣвочка оставалась спокойной и сохраняла полное хладнокровіе.

Мачиха ея, по свидѣтельству Эскироля, была молодая женщина, съ кроткимъ выраженіемъ лица и пріятнымъ обращеніемъ. На мѣстѣ своего жительства она, вмѣстѣ съ мужемъ, пользовалась хорошей репутаціей.

Теперь, когда настоящій случай представленъ въ той полнотѣ, какую только можно было сообщить ему (*), тотчасъ же открывается,

(*) Мы, по необходимости, должны удовольствоваться показаніемъ Эскироля, хотя нѣкоторыя черты въ разсказѣ мачихи заставляютъ подозрѣвать, что и сама она содѣйствовала укорененію враждебнаго чувства въ дѣвочкѣ. Впрочемъ, это нисколько не измѣняетъ сущности дѣла по отношенію къ нашему вопросу.

что онъ ни съ какой стороны нейдетъ въ противорѣчіе съ нашимъ мнѣніемъ, а напротивъ служитъ очевиднымъ подтвержденіемъ его справедливости. Враждебное чувство дѣвочки вовсе не есть ненависть (*), а именно то самое безсознательное отвращеніе (*), какое встрѣчается у людей въ дѣтскомъ возрастѣ. Это совершенно ясно открывается изъ ея отвѣтовъ, изъ которыхъ видно также отсутствіе въ ней понятія о своихъ обязанностяхъ и незнаніе свойствъ и значенія окружающаго міра, хотя въ послѣднемъ отношеніи, въ приложеніи къ нѣкоторымъ частностямъ, она обнаруживаетъ значительную степень смысла и даже тонкое соображеніе. Но если, по отношенію къ самой дѣвочкѣ, враждебное чувство ея къ мачихѣ имѣетъ характеръ чувства безсознательнаго, въ побужденіяхъ къ которому она не можетъ дать себѣ яснаго отчета, тѣмъ не менѣе причины его происхожденія, въ нашихъ глазахъ, представляются очевидными, заключаясь единственно въ поведеніи дѣда и бабки, которые позволяли себѣ, въ присутствіи дочери, осуждать поступки ея отца и высказывать желаніе на счетъ смерти его жены и маленькаго сына.

Эскироль, объясняя точно также причину происхожденія этого чувства, видитъ здѣсь крайнюю неосторожность въ поведеніи родственниковъ, не умѣвшихъ предвидѣть то дѣйствіе, которое произведутъ ихъ рѣчи на маленькую дѣвочку.

Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже объ умышленномъ внушеніи, извѣстно каждому, какое сильное впечатлѣніе на воспріимчивую натуру ребенка производитъ всегда образъ мыслей людей близкихъ, которымъ послѣдній привыкъ во всемъ вѣрить на слово и къ которымъ онъ привязанъ чувствомъ природной, инстинктивной любви.

Естественно послѣ этого, что въ настоящемъ случаѣ воображеніе дѣвочки представляло ей мачиху въ видѣ какого-то ненавистнаго и злаго существа, которое своимъ вступленіемъ въ семейство разрушило общее спокойствіе и счастіе. Привязанность къ отцу не дала мѣста враждебному чувству со стороны дочери, которое и сосредоточилось все на чужой, неизвѣстной для нея женщинѣ, явившейся притомъ въ ужасающей формѣ. Вѣроятно даже, что дѣвочка и самого отца считала подъ гнетомъ созданнаго ею призрака и чувствовала искреннее сожалѣніе къ его участи. Примѣры подобныхъ семей-

(*) Въ точномъ смыслѣ.

ныхъ положеній встрѣчаются довольно часто. Естественно также, что, при такомъ подавляющемъ чувствѣ, природная привязанность къ людямъ близкимъ возбуждала въ дѣвочкѣ желаніе избавить этихъ страдальцевъ, какими они ей представлялись, отъ ужаснаго положенія. Въ настоящемъ случаѣ дѣтской головѣ не нужно было даже и работать надъ пріисканіемъ необходимыхъ для того средствъ: слова дѣда и бабки указывали ей прямой путь, и она со всею впечатлительностію и воспріимчивостію своего возраста ухватилась за поданную нить. Нѣжное чувство къ одной сторонѣ обратилось въ враждебное и жесткое въ отношеніи къ другой и, возбужденное до высокой степени, неудержимо повлекло ее къ выполненію задушевнаго желанія, по существу своему совершенно добраго. Эта сила безсознательнаго влеченія и можетъ обмануть неопытнаго наблюдателя, который легко приметъ ее за непреклонность и упорство злой воли, неуклонно идущей къ преднамѣренному злодѣянію, между тѣмъ какъ, въ дѣйствительности, здѣсь не существуетъ ни малѣйшей свободы, потому что, не обладая необходимыми реагентами, человѣкъ не въ состояніи противиться уносящему его влеченію, которое завладѣваетъ имъ безусловно.

Не имѣя надлежащаго понятія о своихъ обязанностяхъ, значеніи и характерѣ указанныхъ средствъ, дѣвочка представляла изъ себя одно слѣпое орудіе того нравственнаго воздѣйствія, которое исходило со стороны родственниковъ. Для отраженія такого сторонняго вліянія природой ея не было заготовлено никакихъ силъ, вслѣдствіе чего она и находилась въ совершенно пассивномъ положеніи, а руководящее, дѣйствующее начало лежало внѣ ея. Такое страдательное положеніе, вполнѣ согласное съ существеннымъ характеромъ возраста, открывается какъ нельзя яснѣе изъ подробностей приведеннаго здѣсь случая. Поэтому и Эскироль, котораго мнѣніе мы вполнѣ раздѣляемъ, оканчиваетъ разсказъ свой слѣдующими словами: «какой урокъ для родителей, которые въ присутствіи дѣтей своихъ не остерегаются ни въ словахъ, ни въ дѣйствіяхъ, развращая тѣмъ самымъ умъ и сердце ихъ съ самаго нѣжнаго возраста».

Конечно, не только нельзя не согласиться съ справедливостью этого замѣчанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не выразить прямаго желанія о крайней необходимости положительной дѣятельности, въ видѣ

постояннаго надзора и разумнаго руководства. Относительно людей близкихъ къ дѣтямъ такая дѣятельность получаетъ характеръ непремѣнной и самой святой обязанности. Правда, эта истина не новая, но, отъ души тому радуясь, мы и не смѣли думать противное, а желали бы только, чтобъ она для всякаго перешла въ сознательное убѣжденіе, переставъ быть однимъ афоризмомъ, принимаемымъ на слово за давностью его существованія; не упомянуть же объ ней было невозможно по близкому соприкосновенію ея съ настоящимъ вопросомъ.

Дѣйствительно, если ни на одну минуту нельзя сомнѣваться, что духовная природа человѣка развивается и потомъ окончательно складывается не по одной общей для всѣхъ мѣркѣ, а напротивъ представляетъ въ этомъ отношеніи чрезвычайное разнообразіе, происходящее отъ вліянія множества причинъ и условій, то, безъ сомнѣнія, нельзя не признать здѣсь одного изъ первыхъ мѣстъ за дѣломъ воспитанія. Сила его такъ велика, что отражается во всей послѣдующей жизни человѣка, опредѣляя собой его нравственный характеръ. Понятно въ слѣдствіе этого, какъ благотворны или, напротивъ, гибельны могутъ быть результаты воспитанія, смотря по самому свойству этого послѣдняго, и какъ желательно, чтобы разумное руководство не оставляло человѣка въ начальный періодъ его духовнаго развитія, когда юныя силы, единственно по своей неопытности, могутъ уклониться отъ прямаго пути и, разъ только сбившись, не отыскать его потомъ, можетъ быть, въ продолженіи цѣлой жизни. Судьбу человѣка нерѣдко рѣшаетъ здѣсь одинъ неправильный шагъ. Какъ прилежно и неусыпно слѣдовательно должно наблюдать за нимъ въ этомъ возрастѣ, и какая великая и святая обязанность подать руку помощи въ безпомощномъ состояніи.

Подобное руководство тѣмъ болѣе необходимо, что въ природѣ человѣка заложено злое начало, между тѣмъ какъ для противодѣйствія ему не выработано еще собственныхъ силъ. Да не подумаютъ при этомъ читатели, что мы противорѣчимъ здѣсь собственному мнѣнію, сказавъ прежде что невозможно признавать въ отроческомъ возрастѣ бытіе злонамѣренности, злости. Два эти понятія не имѣютъ ни малѣйшаго тождества. Тогда какъ представленіе о послѣднемъ необходимо предполагаетъ въ человѣкѣ способность

*

самоопредѣленія, первое, напротивъ, не имѣетъ никакой нужды въ этомъ условіи, потому что является въ формѣ безсознательнаго, непосредственнаго чувства, влеченію котораго человѣкъ не въ состояніи противиться, не обладая необходимыми для того данными. Слѣдовательно въ послѣднемъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о свободѣ дѣйствія, ибо не существуетъ никакой возможности произвольнаго выбора. Доказывать же въ человѣкѣ присутствіе злаго элемента намъ кажется совершенно излишнимъ, потому что бытіе его, какъ фактъ, открывается всякому изъ наблюденій опыта. Поэтому, не утомляя читателей послѣдовательнымъ изложеніемъ того, какимъ способомъ образовалось наше мнѣніе, мы приведемъ только для примѣра одинъ случай, чтобъ показать на дѣлѣ, къ какимъ гибельнымъ результатамъ влечетъ человѣка злое начало, если не поставлено будетъ для него никакихъ преградъ со стороны воспитанія.

Однажды, именно въ 1834 году, 15 іюня, въ одномъ маленькомъ городкѣ во Франціи, вытащили изъ колодца трупъ двухлѣтней дѣвочки. Два дня спустя, нашли тамъ другаго ребенка такого же возраста. По слѣдствію оказалось, что несчастныя дѣти были утоплены одной 11-лѣтнею дѣвочкой. Эта послѣдняя была извѣстна цѣлому околодку своими злыми наклонностями. Всякій разъ, при встрѣчѣ съ дѣтьми, меньшими по возрасту, она не пропускала случая, чтобъ не прибить ихъ или не помучать самымъ жестокимъ образомъ. Она-то и заманила двухъ бѣдныхъ дѣвочекъ къ колодцу, куда ихъ и столкнула.

Наконецъ, въ доказательство злонамѣренности, свойственной будто-бы настоящему возрасту, приводятъ еще склонность дѣтей къ похищенію. Но и здѣсь мы видимъ только одинъ оптическій обманъ, если можно такъ выразиться. Замѣченное явленіе условливается силою тѣхъ же влеченій, подчиненіе которымъ составляетъ отличительную черту настоящаго періода жизни. Понравившійся предметъ возбуждаетъ въ ребенкѣ такое сильное желаніе достать его въ свои руки, что онъ отдается весь этому чувству и успокоивается только послѣ его удовлетворенія. Вліяніе этого чувства, какъ побужденія къ похищенію, выражается также и въ томъ, что прельщавшій предметъ, по переходѣ своемъ въ обладаніе похитившаго, теряетъ обыкновенно прежнюю прелесть и бросается часто безъ всякаго вниманія или даже прямо уничтожается. Конеч-

но, подобная сила безсознательнаго чувства условливается непониманіемъ настоящаго смысла дѣйствія, потому что дитя не имѣетъ еще яснаго понятія о заключающемся здѣсь правонарушеніи и о значеніи права чужой собственности. Самое названіе послѣднихъ понятій для него можетъ быть чуждымъ.

Кромѣ замѣченной причины, объясняющей собой дѣтскую страсть къ похищенію, здѣсь можно открыть и другія побужденія, о чемъ мы сей часъ скажемъ.

Изъ всего предыдущаго видно, что эпоху отроческаго возраста, по всей справедливости, можно назвать эпохой увлеченій, а основной причиной этого явленія—недостатокъ моральнаго развитія. Вслѣдствіе этого обстоятельства, ту же самую страсть къ похищенію мы находимъ и у народовъ дикихъ—этихъ взрослыхъ дѣтей природы, которыя живутъ преимущественно подъ внушеніемъ безсознательнаго чувства. Какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ поступокъ подобнаго рода не считается вовсе предосудительнымъ, а служитъ еще, напротивъ, предметомъ хвастовства, какъ признакъ ловкости и молодечества. Если же дѣти и стараются тщательно скрывать свои дѣйствія, то никакъ не изъ сознательнаго убѣжденія въ дурномъ свойствѣ того или другаго поступка, а скорѣе изъ боязни, чтобъ не отняли у нихъ похищенной вещи, не стали бы бранить и стыдить ихъ, или не подвергли бы наказанію.

Извѣстно, какое удовольствіе доставляетъ деревенскому мальчику забраться въ чужой огородъ или садъ, чтобъ нарвать тамъ тихонько ягодъ или обить яблоню. Предпріятіе становится еще болѣе привлекательнымъ, если приходится при этомъ обмануть бдительность сторожа и похитить добычу почти изъ подъ рукъ. Не думайте, чтобъ единственнымъ побужденіемъ къ этому было желаніе полакомиться,—нѣтъ, весьма важную роль здѣсь играетъ самая обстановка—желаніе выказать и попробовать свою силу, страсть къ молодечеству. Иначе чѣмъ же объяснить тѣ обыденные случаи изъ деревенской жизни, когда, напр., маленькій людъ дворовыхъ или крестьянъ, не смотря на то, что имѣетъ особыя гряды съ овощами, нарочно отведенныя для его потребленія, предпринимаетъ набѣги на огородъ сосѣднихъ владѣльцевъ, рискуя воротиться изъ экспедиціи съ надранными до крови ушами, а иногда еще и безъ существенной части своего костюма? Кромѣ того, въ перспективѣ представляется наказа-

ніе со стороны барина или родственниковъ, если до послѣднихъ дойдутъ слухи о подобныхъ похожденіяхъ. Ясно, что вовсе не нужно было бы и пускаться въ такое опасное предпріятіе, если бы къ тому влекла одна гастрономическая потребность, которую можно удовлетворить дома, спокойно, безъ всякихъ хлопотъ и опасеній за будущее.

Мы нарочно беремъ здѣсь самые обыкновенные случаи. Вотъ еще примѣръ.

У одного помѣщика былъ 12-лѣтній сынъ, любимое занятіе котораго состояло въ воровствѣ сельскихъ овощей, росшихъ не подалеку отъ дома. Для этой цѣли мальчикъ выбиралъ обыкновенно свѣтлую лунную ночь, чего, по свойству предпріятія, слѣдовало бы, повидимому, избѣгать; но тутъ была особенная, посторонняя причина: будучи отъ природы впечатлительнымъ, мальчикъ, во время своихъ набѣговъ, любилъ наслаждаться картинами окрестностей. Кажется, весьма странное и несовмѣстное сочетаніе занятій. Вдвоемъ съ своимъ товарищемъ, годами двумя его старшимъ, и вооруженный палкой онъ выходилъ тихонько изъ дома и осторожно, съ затаеннымъ дыханіемъ, прокрадывался мимо церковныхъ сторожей которымъ вмѣнено было въ обязанность стеречь и огородъ.

Здѣсь нужно предположить большую смѣлость со стороны мальчика или существованіе непреодолимаго влеченія, если принять въ соображеніе тѣ опасности, которымъ онъ на каждомъ шагу подвергался. Не говоря о худыхъ послѣдствіяхъ, грозившихъ ему въ случаѣ поимки, онъ каждый разъ рисковалъ быть узнаннымъ, послѣ чего подлежалъ бы строгой отвѣтственности передъ отцемъ, котораго очень боялся. Сколько, повидимому, препятствій, способныхъ остановить самаго храбраго, тѣмъ болѣе, что мальчику была полная возможность наслаждаться всякаго рода овощами и даже фруктами въ своемъ домашнемъ саду и огородѣ; но грозная-то обстановка и придавала всю прелесть ночному похожденію. Не будь ея—мальчикъ, вѣроятно, и не подумалъ бы о подобной экспедиціи.

Настигнутые обыкновенно чуткими собаками, маленькіе герои храбро отбивались отъ нихъ палками и, въ виду гнавшихся сторожей, обремененные добычей, скрывались на заросшемъ густыми кустами кладбищѣ, которое примыкало одной стороной къ грядамъ, а съ другой сливалось съ довольно большимъ лѣсомъ. Разбѣжав-

шись здѣсь въ разныя стороны, они прятали свою добычу возлѣ какого нибудь могильнаго памятника, который бы служилъ на другой день надежнымъ маякомъ для открытія вчерашняго пристанища. Надо замѣтить при этомъ, что оба мальчика страшно боялись покойниковъ и ни за какія сокровища въ мірѣ не рѣшились бы остаться ночью на кладбищѣ; теперь же, напротивъ, они не только не думали ни о какихъ призракахъ, но и не обращали даже вниманія на мѣсто своего убѣжища. Ихъ бившееся отъ волненія сердце не въ состояніи было удѣлить ни малѣйшаго мѣста другому чувству, кромѣ боязни быть открытыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ это тревожное замираніе производило въ нихъ и пріятное ощущеніе. Чутко прислушиваясь къ отдаленному лаю собакъ и грубымъ голосамъ сторожей, потерявшихъ ихъ слѣдъ, они въ это время отдавались лишь этому одному чувству, которое и изощрено было до послѣдней степени. По прошествіи нѣкотораго времени, когда все стихало и успокоивалось, мальчики, осторожно переклинкнувшись, сходились вмѣстѣ и, довольные успѣхомъ своего похожденія, возвращались домой по другой дорогѣ.

Мы нарочно привели этотъ случай съ нѣкоторыми подробностями, чтобъ показать на немъ наглядно, какъ одинъ и тотъ же фактъ можетъ получить два совершенно противоположные смысла, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія его будутъ объяснять. Если оставимъ въ сторонѣ существенный характеръ дѣтской натуры, который и долженъ служить здѣсь главной исходной точкой, то конечно въ представленномъ сейчасъ примѣрѣ можно отыскать не только злонамѣренность дѣйствія, но и присутствіе упорства и твердости злой воли, неуклонно стремящейся къ исполненію задуманнаго, не взирая ни на какія препятствія. Въ нашихъ же глазахъ, напротивъ, этотъ случай представляется просто одною изъ обыкновенныхъ дѣтскихъ шалостей, которыя такъ свойственны настоящему возрасту.

Послѣ всего сказаннаго нельзя не повторить вмѣстѣ съ Фридрейхомъ его заключительныхъ словъ, что признаніе въ нѣкоторыхъ людяхъ превышающей возрастъ злости совершенно ложно и находится въ прямомъ противорѣчіи съ психическимъ характеромъ отроческаго возраста. Во всякомъ случаѣ, продолжаетъ онъ далѣе, подобныя свойства могутъ подлежать только исправленію со сторо-

ны воспитателя, но никакъ не вѣдомству судьи, ибо, въ юридическомъ смыслѣ, здѣсь нѣтъ не только преступленія, но и проступка.

И такъ, человѣкъ въ отроческомъ возрастѣ, за отсутствіемъ въ немъ кореннаго основанія для вмѣненія, по всей справедливости, долженъ быть изъятъ изъ этой области.

Но можетъ ли онъ оставаться въ такомъ юридическомъ положеніи и по переходѣ своемъ въ слѣдующій возрастъ? Основательно отвѣчать на этотъ вопросъ можно не иначе, какъ познакомившись прежде съ настоящимъ состояніемъ его внутренняго міра; теперь же можно сказать развѣ только то, что развитіе послѣдняго, безъ сомнѣнія, поднялось на новую высшую степень.

Отрочество непосредственно переходитъ въ *юношескій возрастъ* (pubertas), который, подобно предыдущему, не имѣетъ точныхъ количественныхъ терминовъ для обозначенія своей конечной грани. Правда, обыкновенно говорятъ, что эта послѣдняя находится тамъ, гдѣ начинается взрослый возрастъ; но, разумѣется, подобное объясненіе ни на шагъ не подвигаетъ вопроса впередъ, требуя самоопредѣленія. Съ этою цѣлью наступленіе зрѣлости думаютъ соединить съ однимъ важнымъ физіологическимъ явленіемъ—прекращеніемъ роста, въ чемъ какъ будто видимымъ образомъ высказывается установившаяся натура. Но чтобъ придать этому условію характеръ точнаго признака, необходимо облечь его въ постоянную внѣшнюю форму — перевести на цифру годовъ, а это опять невыполнимо въ точности и слѣдовательно не позволяетъ опредѣлить вопросъ иначе, какъ только приблизительно. Не смотря на то, что обще-германское право срокомъ для окончанія юношескаго возраста полагаетъ 24 года, наблюденія физіологіи не признаютъ безусловной справедливости этого положенія на томъ основаніи, что процессъ органическаго возрастанія у мущинъ оканчивается въ большей части случаевъ между 18 и 20 годами, хотя не безъ значительныхъ исключеній, такъ что иногда человѣкъ продолжаетъ рости даже по исполненіи 21 года. Для женщинъ обыкновенный срокъ въ этомъ отношеніи заключается въ промежуткѣ времени между 18 и 19 годами.

И такъ и въ настоящемъ случаѣ единственнымъ основаніемъ для опредѣленія возраста остается по прежнему существенный характеръ внутренняго человѣческаго міра; для облегченія же практическаго признанія поры юношества опять будутъ служить видимыя

числовыя данныя, но считаемыя только приблизительно вѣрными. Впрочемъ это уже извѣстно, и мы прямо переносимся въ область духовнаго міра, гдѣ и постараемся подмѣтить тѣ существенныя измѣненія, которыя должны непремѣнно здѣсь произойти по непреложному закону органическаго развитія: ибо понятно, что, перейдя на новую, высшую ступень, человѣкъ не можетъ не представить намъ новыя любопытныя черты въ своемъ психическомъ состояніи.

Дѣйствительно, мы замѣчаемъ въ немъ прежде всего полнѣйшее раскрытіе познавательной способности; вмѣстѣ съ этимъ крѣпнетъ память, разумъ расширяетъ предѣлы своей области и пріобрѣтаетъ проницательность. Такія условія даютъ бытіе новому явленію—психической свободѣ, способности самоопредѣленія, которая впрочемъ, по недавности своего рожденія, не имѣетъ еще той крѣпости и спокойствія, которыя пріобрѣтаются ею въ зрѣлый возрастъ, когда завершается процессъ органическаго развитія, и духовная природа человѣка складывается въ извѣстную опредѣленную норму. Поэтому, если, съ одной стороны, вмѣстѣ съ появленіемъ кореннаго начала вмѣненія, нельзя оставлять долѣе человѣка безъ подчиненія этому послѣднему, то, съ другой стороны, въ силу недавняго появленія новаго элемента и еще не установившейся физіономіи его, нельзя и не ввести сюда сравнительно мягкаго юридическаго толкованія, ибо нельзя не замѣтить здѣсь особенныхъ обстоятельствъ, которыя по необходимости смягчаютъ строгость вмѣненія. Къ числу ихъ относится множество чувствованій, склонностей, влеченій, желаній, которыя по преимуществу свойственны настоящему возрасту, и, составляя его естественную принадлежность, не могутъ не быть приняты во вниманіе, когда приходится обсуждать свойство совершеннаго преступленія. Подъ неизбѣжнымъ вліяніемъ такихъ особенностей свобода воли подвергается значительному стѣсненію, въ слѣдствіе чего и требуется по справедливости ограничить въ соотвѣтствующей степени мѣру вмѣненія.

Наблюденія науки открываютъ намъ, что къ числу психическихъ особенностей юношескаго возраста должно отнести прежде всего высокую степень любознательности и развитіе чувства собственнаго достоинства, сознаваемаго преимущественно подъ особой, своеобразной формой, откуда и рождается обыкновенно то возбужденное щекотливое чувство чести, которое такъ часто подаетъ поводъ къ

совершенію особаго рода преступленій, каковы дуэли. Всѣмъ извѣстно, какъ ничтожны бываютъ иногда эти поводы.

Вообще необдуманность и легкомысліе, составляющія существенную черту юношескаго характера, ближе всего объясняютъ собою ту быстроту и рѣшимость на всякаго рода дѣятельность, какія обыкновенно встрѣчаются въ людяхъ этого возраста. Въ нихъ нѣтъ еще той спокойной обдуманности, которая бы заставляла человѣка подвергать всякій поступокъ предварительному и всестороннему обсужденію; нѣтъ стойкости въ намѣреніяхъ и твердости въ достиженіи предположенной цѣли. Главной причиной такого психическаго состоянія, безъ сомнѣнія, должно считать не вполнѣ установившееся господство разума, который не успѣлъ еще упрочить свое владычество на всемъ пространствѣ отмежеванной ему области. По преимуществу отъ вліянія этого же обстоятельства зависитъ конечно и пылкость, раздражительность чувствъ, которыя, въ слѣдствіе этого, пріобрѣтаютъ значительную власть надъ всею дѣятельностію юноши.

Вообще говоря, духовныя силы не вмѣщены еще здѣсь въ опредѣленныя границы, отъ чего и психическое состояніе дѣйствующаго не представляетъ той правильности и послѣдовательности въ своихъ отправленіяхъ, какія мы замѣчаемъ у людей зрѣлыхъ. Всѣ силы юноши представляются какъ бы вышедшими изъ надлежащихъ границъ, положенныхъ для сохраненія внутренней гармоніи и порядка; они какъ будто стремятся все впередъ и въ этомъ движеніи своемъ точно хотятъ обогнать другъ друга; вездѣ излишняя полнота, переливающаяся черезъ край, въ соотвѣтствіе избытку силъ физическихъ, которыя растрачиваются обыкновенно даромъ, безъ всякой бережливости; но за то, съ другой стороны, здѣсь же замѣчается въ нихъ и та дѣвственная свѣжесть и мягкость, которыхъ не придется уже никогда потомъ встрѣтить. Прибавимъ къ этому, что вообще восторженность и горячность всей натуры составляютъ главный фонъ настоящей картины. Отсюда большая часть дружескихъ союзовъ составляется именно въ это время, и такая связь, заключаемая обыкновенно очень легко, ограничивается преимущественно людьми того же возраста, которые, имѣя одинакую натуру, скорѣе прочихъ способны раздѣлять общія мысли, чувства, увлеченія. Естественнымъ послѣдствіемъ

этого является нѣкотораго рода замкнутость молодыхъ людей въ своемъ особомъ кружкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и склонность ихъ къ составленію тайныхъ обществъ, при чемъ не маловажную роль играетъ прелесть самой обстановки, сильно дѣйствующей на пылкое воображеніе. Внѣшняя сторона и составляетъ здѣсь преимущественно главный предметъ занятій.

Наконецъ, вмѣстѣ съ пробужденіемъ чувства самостоятельности, и особенно подъ вліяніемъ пылкаго воображенія и раздражительной любознательности, зарождается въ юношѣ страсть все видѣть, узнать и испытать, отчего происходятъ непостоянство и частая перемѣна занятій, образа дѣйствій, самыхъ стремленій и даже безсознательное желаніе къ перемѣнѣ мѣста жительства. Иногда это послѣднее переходитъ въ ту неусидчивость, которая, безъ всякой причины, заставляетъ сына покидать отцовскій домъ и пускаться вдаль безъ всякой опредѣленной цѣли. Конечно всѣ эти признаки обличаютъ въ человѣкѣ горячую, неустановившуюся натуру, которая не вполнѣ еще подчиняется руководящимъ началамъ разума.

Внутренній міръ женщинъ этого возраста представляетъ нѣкоторыя отличія; мы замѣтимъ только главныя изъ нихъ и то очень кратко.

По непреложному закону физіологіи между двумя противоположными полами существуетъ природное влеченіе. Сила и степень его имѣютъ связь съ красотой, преимущественно тѣлесной, подразумѣвая здѣсь весь внѣшній видъ, дѣлающій пріятное впечатлѣніе. Отсюда въ женщинѣ является желаніе производить такого рода впечатлѣніе на мущину—стараться нравиться ему. Это естественное побужденіе, не будучи сдерживаемо и направляемо разумнымъ воспитаніемъ, легко переходитъ въ страсть, отъ которой потомъ можетъ зависѣть дальнѣйшая судьба и направленіе всего характера. Суетность и тщеславіе, явившись вмѣстѣ съ особенною склонностью къ нарядамъ, легко переходятъ наконецъ въ кокетство. Это же послѣднее свойство не составляетъ уже только одной отличительной черты характера, а становится коренной его сущностью, закрывая собою всѣ остальныя стороны. И надо отдать ему полную справедливость въ этомъ отношеніи, ибо никакое другое свойство женской природы не дѣйствуетъ такъ пагубно на душу

и не открываетъ такого легкаго доступа къ конечному паденію. Это, въ полномъ смыслѣ, самый надежный и лучшій проводникъ въ область безнравственныхъ поступковъ. Впрочемъ, при осужденіи послѣднихъ въ дѣвицѣ юношескихъ лѣтъ, было бы несправедливо не допустить смягчающія вину обстоятельства, чего, разумѣется, нельзя отнести къ послѣдующему возрасту.

Въ развитіи половой зрѣлости, вмѣстѣ съ пробужденіемъ половыхъ влеченій, заложено и основаніе для такъ называемыхъ преступленій или проступковъ противъ нравственности, потому что первое удовлетвореніе врожденнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ сильнаго половаго побужденія законнымъ путемъ представляется почти невозможнымъ. Не говоря въ этомъ случаѣ объ условіяхъ общественной жизни, представляющихъ тому весьма важныя, почти непреодолимыя препятствія, припомнимъ только, что побужденія эти заявляютъ свои требованія обыкновенно гораздо ранѣе того времени, въ которое имъ позволено являться по закону. Далѣе, нѣкоторыя естественныя, а слѣдовательно и необходимыя свойства юношескаго характера усложняютъ вопросъ, производя новые противозаконные виды удовлетворенія половаго побужденія. Неиспорченная натура юноши, при всемъ влеченіи своемъ къ противоположному полу, дѣлаетъ его на этой дорогѣ чрезвычайно робкимъ, между тѣмъ какъ вложенная природой страсть не перестаетъ требовать своего удовлетворенія. Поэтому первая встрѣча съ развратной или, пожалуй, слишкомъ сладострастной женщиной рѣшаетъ обыкновенно участь юношескаго цѣломудрія. Впрочемъ такого рода встрѣчъ юноши ищутъ охотно, ибо въ этомъ случаѣ отъ нихъ не требуется не только ни малѣйшей доли смѣлости, но даже и того свободнаго или, по крайней мѣрѣ, безбоязненнаго обращенія, которое такъ свойственно и доступно для каждаго. Роли здѣсь совершенно перемѣняются: женщина становится на мѣсто мущины, и скромному юношѣ остается только исполнять ея требованія, которыя она, разумѣется, не затрудняется ясно выразить. При отсутствіи же подобной встрѣчи, удовлетвореніе половаго побужденія можетъ получить болѣе грязное направленіе, подъ формою противоестественныхъ сообщеній.

Конечно, нѣтъ никакого спора, что въ настоящій періодъ жизни человѣкъ не долженъ безъ борьбы уступать природному влеченію,

потому что пріобрѣлъ противъ него оружіе; но надо знать, снабженъ ли онъ имъ въ достаточномъ количествѣ, чтобъ успѣшно противиться силѣ естественнаго влеченія, и до какой степени наконецъ способенъ выдержать подобную борьбу?

Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ не можетъ быть, кажется, никакого разногласія, ибо всѣмъ извѣстно, какой объемъ имѣетъ свободная воля юноши. Стѣсненная со всѣхъ сторонъ множествомъ сильныхъ увлеченій, которымъ,за неустановившеюся крѣпостью дарованныхъ силъ, нѣтъ никакой возможности успѣшно противиться, она является значительно ограниченной. Отсюда само собой понятно, что, при вмѣненіи противонравственныхъ проступковъ, совершенныхъ въ этотъ періодъ жизни, нельзя, безъ нарушенія строгой справедливости, опустить изъ виду всего сказаннаго и не дать мѣста смягчающимъ вину обстоятельствамъ.

Къ числу наиболѣе любопытныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сравнительно рѣдкихъ психическихъ особенностей юношескаго возраста, принадлежатъ тѣ замѣчательныя непреодолимыя влеченія, которыя хотя и имѣютъ характеръ болѣзненныхъ, но тѣмъ не менѣе не представляютъ собой одного только вида сумасшествія, а получаютъ самостоятельное значеніе. Человѣкъ, подверженный такого рода психическимъ аномаліямъ, находится въ полномъ умѣ, почему уклоненія эти извѣстны обыкновенно подъ именемъ *mania sine delirio*. Главными изъ нихъ считаются страсть къ зажигательству и убійству. Впрочемъ присутствіе этихъ послѣднихъ замѣчаютъ еще въ предыдущемъ возрастѣ, что̀ объясняется, какъ мы увидимъ, главной причиной ихъ происхожденія. Но такъ какъ этотъ вопросъ представляется не только далеко не рѣшеннымъ въ своихъ подробностяхъ, но еще до того спорнымъ, что нѣкоторые признаютъ рѣшительно невозможнымъ дать ему мѣсто, то мы, сообразно объему и характеру настоящей статьи, не можемъ позволить себѣ войти въ подробное его объясненіе, а ограничимся только представленіемъ самыхъ общихъ понятій. И это можно допустить единственно на томъ основаніи, что объ немъ упоминается въ сочиненіи Фридрейха. Притомъ же, будучи связанъ, по свойству своего предмета, съ цѣлой теоріей душевныхъ болѣзней, вопросъ этотъ, въ полномъ объемѣ, разумѣется, не можетъ разсматриваться отдѣльно отъ послѣдней. И такъ предполагая по свойству самаго

предмета необходимость особаго изслѣдованія, онъ не иначе можетъ войти въ составъ нашего краткаго обозрѣнія, какъ тоже въ самомъ краткомъ и общемъ очеркѣ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, по тѣсной связи тѣлеснаго міра съ духовнымъ, оба они оказываютъ другъ на друга вліяніе. Поэтому нисколько не удивительно, если физіологическія аномаліи, отражаясь на психической сторонѣ, производятъ и здѣсь подобныя же явленія. Отсюда могутъ объясняться тѣ непонятныя съ перваго взгляда влеченія, которыя часто подаютъ поводъ къ противозаконнымъ дѣйствіямъ. Разумѣется, уголовное право не можетъ упускать изъ виду этого обстоятельства, если хочетъ правильно рѣшить вопросъ о вмѣненіи.

Упомянутыя болѣзненныя влеченія, замѣчаемыя преимущественно въ настоящемъ возрастѣ, обнаруживаются обыкновенно въ то время, когда чѣмъ нибудь задерживается или прерывается физіологическое развитіе. Такое абнормальное состояніе тѣлеснаго организма неминуемо отражается, по словамъ Фридрейха, подобнымъ же явленіемъ въ области духовнаго міра. Законы физіологіи и психологіи служатъ этому подтвержденіемъ. Но кромѣ того случается также, что психическія перемѣны происходятъ и въ эпоху нормальныхъ, но существенныхъ физіологическихъ измѣненій. Такъ, напр., замѣчено, что у дѣвицъ, передъ открытіемъ менструаціи, нерѣдко является непреодолимая страсть къ потребленію несвойственныхъ человѣческой природѣ веществъ, каковы: мѣлъ, земля, и пр. Нельзя не вспомнить при этомъ, что у насъ подобнаго рода явленія считаются обыкновенно самою глупою шалостью, не представляющей для своего оправданія никакой органической причины. Вмѣстѣ съ подобными странными желаніями происходитъ часто перемѣна въ самомъ характерѣ дѣвицъ: онѣ дѣлаются особенно чувствительны, вспыльчивы, съ одинаковой живостью возбуждаются какъ къ отвращенію, такъ и къ пріязни. Но все-таки болѣзненное состояніе процесса развитія способно скорѣе произвести абнормальное влеченіе. Поэтому здѣсь, безъ сомнѣнія, надо искать ключа къ объясненію такого рода случаевъ, гдѣ, напримѣръ, въ одномъ молодомъ человѣкѣ, въ періодъ его юношескаго развитія, открылась странная страсть рвать женскія платья, при чемъ онъ испытывалъ всегда обыкновенное удовлетвореніе сладострастнаго чув-

ства; другой молодой человѣкъ нападаетъ, безъ всякой причины, ночью на дѣвушку и ранитъ ее ножемъ. Впрочемъ послѣдній примѣръ относится къ числу тѣхъ особеннаго рода случаевъ, которые послужили основаніемъ для признаія въ человѣкѣ непреодолимой страсти къ убійству, извѣстной подъ именемъ *мордмономаніи* (Monomanie homicide). Не говоря ни слова объ этомъ психическомъ состояніи, потому что объ немъ не упоминается въ разсматриваемомъ нами отдѣлѣ сочиненія, мы перейдемъ прямо къ другому абнормальному влеченію души — *пироманіи*, или страсти къ зажигательству.

Фридрейхъ называетъ эту страсть одною изъ интереснѣйшихъ, а причиной ея происхожденія считаетъ уклоненіе физіологическаго процесса отъ нормальнаго развитія. Стѣсненіе артеріальной жизни и развитіе насчетъ ея венозной, по мнѣнію его, тотчасъ же отражается на внутреннемъ мірѣ, рождая въ душѣ человѣка непреодолимую склонность къ наслажденію свѣтомъ или огнемъ. Отсюда страсть къ поджигательству получаетъ характеръ естественной потребности души. Поэтому, говоритъ далѣе Фридрейхъ, всѣ сомнѣвающіеся въ дѣйствительности подобнаго болѣзненнаго влеченія не имѣютъ на своей сторонѣ никакихъ достаточныхъ основаній.

Не разбирая этихъ выводовъ, мы замѣтимъ только, что авторъ, не опровергнувъ доказательно мнѣнія противниковъ и не приведя ничего въ пользу своего собственнаго, не долженъ, кажется, полагаться на убѣдительность своихъ заключеній. Сказать въ настоящемъ случаѣ, что за него стоятъ теорія и опытъ, значитъ почти то же, что не сказать ничего. Эта общая фраза годится здѣсь для того развѣ, чтобъ заявить содержаніе своего мнѣнія и указать на девизъ того знамени, подъ которымъ ратуетъ цѣлая фаланга писателей. Но упрекая Фридрейха за подобный способъ доказательства, мы, по необходимости, сами должны послѣдовать его примѣру, имѣя возможность удѣлить только нѣсколько словъ для выраженія своего убѣжденія. Впрочемъ, по отношенію къ намъ, подобный пріемъ получаетъ настоящій смыслъ, или, правильнѣе сказать, только здѣсь онъ и можетъ найти для себя мѣсто и оправданіе, ибо условливается общимъ очеркомъ предмета, такъ что всякій другой способъ является даже неумѣстнымъ, какъ прямо противорѣчащій объему и характеру статьи.

Безусловно отвергать присутствіе въ человѣкѣ слѣпой и странной страсти къ зажигательству нѣтъ никакой возможности, потому что опытъ цѣлымъ рядомъ случаевъ подтверждаетъ бытіе такого факта. Въ слѣдствіе этого вопросъ ставится такъ: должно ли считать замѣченное явленіе однимъ только видомъ сумасшествія, вообще признакомъ болѣзненнаго состоянія всей умственной способности, или можно, напротивъ, признать за нимъ самостоятельное, независимое отъ этого условія бытіе? Послѣднее положеніе и подвергается всего чаще нападкамъ; но, не смотря на то, нельзя вообще согласиться съ его противниками. Конечно, если сумасшествіе принимать въ самомъ обширномъ смыслѣ, по которому не только малѣйшее частное повреждение, но и всякое замѣшательство ума и всѣ ослабленія свойственной ему силы слѣдуетъ называть этимъ именемъ, то, безъ сомнѣнія, и настоящее болѣзненное состояніе подойдетъ подъ это названіе: ибо какъ скоро человѣкъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ слѣпой непреодолимой склонности, то уже самымъ актомъ выказываетъ абнормальное состояніе ума. Правда, что, повидимому, въ подобномъ же положеніи находится и всякій человѣкъ въ минуту раздраженія; но въ этомъ случаѣ не должно забывать несходство между болѣзненнымъ и здоровымъ психическимъ состояніемъ. Слѣдовательно разница здѣсь заключается не въ одной силѣ увлеченія, а главнымъ образомъ въ свойствѣ его; отъ этого послѣдній случай хотя и считается обстоятельствомъ, значительно уменьшающимъ степень вмѣненія, но все-таки не вовсе его исключающимъ, какого свойства именно и требуютъ для болѣзненнаго влеченія. Подъ другой, болѣе тѣсный объемъ понятія о сумасшествіи настоящее психическое состояніе никоимъ образомъ подведено быть не можетъ. Теряя здѣсь свободу дѣйствія, человѣкъ не представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ разстройства умственныхъ способностей; силой непреодолимаго влеченія онѣ только какъ бы парализируются и, насильственно устраненныя отъ всякаго участія въ дѣятельности, ставятся въ положеніе сторонняго наблюдателя или даже, напротивъ, уступая такому влеченію, принуждены бываютъ дѣйствовать въ его интересѣ. Не удивительно послѣ этого, что въ пироманахъ, при совершеніи ими преступленія, часто замѣчаютъ не только тонкую предусмотрительность, но и самый хитрый планъ дѣйствія; при допросѣ они обыкновенно даютъ вполнѣ разумные

отвѣты. Поэтому нельзя, кажется, не согласиться, что умъ человѣка, не страдая здѣсь никакимъ особеннымъ разстройствомъ, представляется въ то же время безсильнымъ противъ влеченія страсти и теряетъ такимъ образомъ способность самоопредѣленія. Правда, что такое психическое состояніе есть болѣзненное, и дѣятельность ума имѣетъ характеръ абнормальный (иначе, въ настоящемъ случаѣ, нельзя бы и говорить объ этомъ фактѣ), но все-таки не представляетъ собою того состоянія, которое называютъ обыкновенно сумасшествіемъ, въ общепринятомъ, болѣе тѣсномъ смыслѣ, потому что здѣсь нѣтъ разстройства умственныхъ способностей въ томъ значеніи, какое получаетъ оно въ первомъ. Находить же основный источникъ пироманіи въ самобытномъ помѣшательствѣ воли, нѣтъ, по нашему мнѣнію, никакого основанія. Другой вопросъ: отчего зависитъ непреодолимый характеръ этой страсти, непосредственно ли отъ вліянія физической природы или посредственно —чрезъ ослабленіе дѣятельности ума, является совершенно постороннимъ, потому что для насъ важенъ самый фактъ и его содержаніе, а точное розысканіе о ближайшихъ и первоначальныхъ причинахъ его происхожденія относится непосредственно къ области медицины и психологіи. Познакомиться съ этимъ вопросомъ можно изъ теоріи душевныхъ болѣзней, гдѣ Фридрейхъ является самымъ ревностнымъ защитникомъ такъ называемой соматической теоріи.

Для облегченія практическаго распознанія разсматриваемаго психическаго состоянія авторъ предлагаетъ въ руководство нѣкоторые признаки. Прежде всего онъ совѣтуетъ обращать здѣсь вниманіе на возрастъ. Въ этомъ отношеніи преимущественнымъ періодомъ для обнаруженія пироманіи признается пространство времени между 10—20 годами, какъ двумя крайними предѣлами половаго развитія. Симптомы этого послѣдняго, особенно у женщинъ, наступаютъ иногда въ 10-ти лѣтній возрастъ; въ другихъ же случаяхъ отодвигаются даже до 20-го года. Далѣе, на возможность присутствія разсматриваемой страсти могутъ указывать нѣкоторыя аномалическія состоянія, представляющія собой признаки неправильнаго процесса развитія, какъ то: слишкомъ быстрый или, наоборотъ, слишкомъ медленный ростъ, несообразная съ возрастомъ конструкція корпуса, вялость и тяжесть членовъ, ненормальный пульсъ, приливы къ головѣ, отчего происходятъ въ ней боль и кру-

женіе, стѣсненіе въ груди, соединенное съ тоской и чувствомъ безсознательнаго страха, разнаго рода судорги, вскрикиванія по ночамъ, разныя психическія измѣненія, и пр.

Полагаемъ, что на этихъ замѣчаніяхъ Фридрейха нѣтъ никакой надобности останавливаться.

Изъ всего сказаннаго открывается, что юноша, получивъ способность самоопредѣленія, вступаетъ въ первый разъ въ область вмѣненія въ качествѣ ея субъекта; но при этомъ новомъ своемъ положеніи онъ не подвергается разомъ всей строгости юридическаго толкованія, ибо идея справедливости окружаетъ его рядомъ извиняющихъ обстоятельствъ, принимая во вниманіе существенный характеръ духовной природы, не достигшей еще окончательной зрѣлости.

Послѣднее состояніе наступаетъ въ непосредственно послѣдующій возрастъ, который очень выразительно называютъ возрастомъ *установившимся*. У насъ онъ извѣстенъ обыкновенно подъ именемъ *зрѣлаго возраста* (aetas virilis).

Въ это время и тѣлесное и духовное развитіе достигаютъ крайняго предѣла, получивъ надлежащую твердость и законченность; способность самоопредѣленія пріобрѣтаетъ также слѣдующую ей силу; однимъ словомъ, этотъ возрастъ представляетъ картину возможно-полнаго для человѣка развитія. Отсюда понятно, что только съ настоящаго времени открывается для него область вмѣненія въ ея полномъ объемѣ; допускать здѣсь бытіе смягчающихъ обстоятельствъ, которыя бы условливались сущностью нормальнаго состоянія природы, нѣтъ никакого основанія.

Что касается до вѣрнаго обозначенія послѣдней границы зрѣлаго возраста, то, разумѣется, къ этому нѣтъ никакой возможности. За окончаніе его въ физіологическомъ отношеніи обыкновенно признаютъ упадокъ способности къ половой дѣятельности. Появленіе этого признака у женщинъ замѣчается въ большей части случаевъ между 40 и 50 годомъ, а у мущинъ—десятью годами позже: между 60 и 70 годомъ. Нѣтъ надобности говорить, имѣютъ ли эти данныя неизмѣнно точное значеніе.

Такимъ образомъ открывается, что человѣкъ, достигнувъ въ своемъ развитіи самой высокой степени, какая только доступна въ настоящей жизни, начинаетъ потомъ, по неприложному закону при-

роды, мало по малу спускаться съ этой высоты, лишаясь постепенно крѣпости тѣлесныхъ и духовныхъ силъ, до тѣхъ поръ, пока, вслѣдствіе конечнаго разслабленія ихъ, не потеряетъ физіологическаго права на свое существованіе. Поэтому, если ему удастся прожить послѣдовательно всѣ ступени своего нисхожденія, то передъ смертью онъ впадаетъ въ состояніе, похожее на младенчество.

Возрастъ, съ котораго начинается упадокъ силъ, называется обыкновенно *старостью* (senectus). Представляя, по такому существенному свойству своему, перемѣны въ коренномъ основаніи вмѣненія, онъ не можетъ, безъ сомнѣнія, не обратить на себя вниманія криминалиста. Обыкновенное наступленіе его имѣетъ мѣсто послѣ 60 лѣтъ, хотя сначала, можетъ быть, и едва замѣтно. Постепенное ослабленіе силъ, какъ мы сказали, составляетъ здѣсь существенную характеристику, и чѣмъ дальше оно идетъ, тѣмъ становится явственнѣе и ощутительнѣе. Прежде всего уменьшается обыкновенно питаніе, потомъ слабѣютъ мускулы, теряя свою упругость, спина сгибается, лице покрывается морщинами и принимаетъ особенный старческій видъ, волосы сѣдѣютъ, чувства притупляются (прежде всего слабѣетъ обыкновенно память), а наконецъ теряется и производительная способность. Такова грустная картина обратнаго шествія человѣка къ разрушенію.

Что касается до вмѣненія преступленій въ этомъ возрастѣ, то хотя, говоритъ Фридрейхъ, и нельзя утверждать, чтобъ духовныя силы вообще, а слѣдовательно и свобода воли до того здѣсь ослабли, чтобъ допускали сомнѣніе о возможности вмѣненія, однако, при обсужденіи совершенныхъ въ это время преступныхъ дѣйствій должно всегда тщательно изслѣдовать психическое состояніе виновнаго. Для этого есть достаточныя причины, именно: встрѣчаются иногда такого рода случаи, гдѣ духовный міръ человѣка быстро опускается на такую низкую степень, что въ старикѣ пропадаетъ всякое нравственное чувство, теряется совершенно способность различать справедливое отъ несправедливаго, худое отъ хорошаго, однимъ словомъ, уничтожается разумная свобода воли. Конечно подобный человѣкъ, вышедшій изъ подъ владычества разума, теряетъ всякую способность, подчиняющую его вмѣненію.

Но при описаніи настоящаго случая не было бы лишнимъ замѣ-

тить, что подобныя психическія перемѣны, если и встрѣчаются, то очень рѣдко, не предполагая притомъ особеннаго болѣзненнаго состоянія.

Далѣе, здѣсь попадаются въ людяхъ такія индивудуальныя психическія черты, за которыми нельзя не признать прямаго вліянія на дѣятельность, а потому, при оцѣнкѣ этой послѣдней, необходимо принять въ соображеніе и первыя. Именно, недостатокъ живой связи съ внѣшнимъ міромъ обыкновенно поселяетъ въ старикѣ отчужденіе отъ всего окружающаго, заставляя его уйти внутрь самого себя и сосредоточиться въ этомъ состояніи исключительно. Отсюда является эгоизмъ, постоянное недовольство и даже странная наклонность къ совершенію тѣхъ именно дѣйствій, которыя запрещены закономъ; чувство же слабости и зависимости дѣлаетъ недовольнымъ, брюзгливымъ и скупымъ. Наконецъ исключительно настоящему возрасту свойственна и та странная болѣзнь души, которая извѣстна подъ именемъ *insania senilis*. Это старческое сумазбродство. Оно происходитъ обыкновенно безъ всякаго особаго повода и совершенно измѣняетъ моральный и интеллектуальный характеръ лица. Такая перемѣна наступаетъ всегда разомъ, отчего и является слишкомъ поразительной. Добродѣтельный дѣлается вдругъ самымъ порочнымъ, довольный, безъ всякой причины, теряетъ это чувство и почитаетъ себя несчастнымъ, бережливый становится мотомъ, даже до смѣшнаго, трезвый—горькимъ пьяницей; нерѣдко пробуждается здѣсь и половое влеченіе.

Безспорно, что всѣ эти измѣненія легко могутъ вести къ разнаго рода проступкамъ и преступленіямъ; но мы позволимъ себѣ сдѣлать при этомъ одно замѣчаніе. Если и нельзя дѣйствительно не признать бытія замѣченныхъ явленій, потому что въ пользу ихъ говорятъ неопровержимые факты, то, съ другой стороны, при опредѣленіи степени и силы ихъ вліянія, въ дѣлѣ уголовнаго вмѣненія, необходимо поступать крайне осторожно, отнюдь не давая имъ абсолютнаго значенія и не считая возможнымъ отыскать здѣсь одинъ общій масштабъ для измѣренія. Сверхъ того, при обсужденіи каждаго случая порознь, всегда надо обращать вниманіе на самое свойство правонарушенія, составляющаго содержаніе учиненнаго преступленія.

Что же касается до послѣдней изъ замѣченныхъ особенностей,

т. е. до пробужденiя въ старикѣ половаго влеченiя, то говорятъ, что оно, по характеру возраста, получаетъ абнормальное направленiе. Дѣйствительно, опытъ показываетъ, что, избѣгая женщинъ взрослыхъ, достигшихъ половаго развитiя, старики любятъ выбирать для удовлетворенiя своей страсти дѣвочекъ или мальчиковъ. Причина этого, вѣроятно, та, что, сознавая слабость своихъ физическихъ силъ, они не надѣются удовлетворить желанiя взрослыхъ, а, съ другой стороны, новизной не испытаннаго наслажденiя думаютъ раздражить притупленную чувственность.

Не отвергая такого явленiя и соглашаясь на полную необходимость обращать на него вниманiе, мы въ то же время не можемъ не признать за указаннымъ здѣсь фактомъ противоположнаго характера. По нашему мнѣнiю, приводимое обстоятельство служитъ не къ уменьшенiю вины, а напротивъ къ ея увеличенiю: ибо если и справедливо, что въ старикѣ можетъ пробудиться половое побужденiе, и даже съ раздраженной силой, то отсюда объясняется только необходимость его удовлетворенiя, а отнюдь не противоестественность направленiя. Напротивъ, это послѣднее прямо указываетъ на хладнокровный, заранѣе обдуманный выборъ средствъ для искуственнаго возбужденiя хилаго сладострастiя. Слѣдовательно, какъ вполнѣ сознательный актъ, на который воля рѣшается съ полной свободой и вмѣстѣ съ тѣмъ съ самой гнусной цѣлью, противоественное удовлетворенiе половаго побужденiя въ лицѣ старика обращается, по всей справедливости, въ обстоятельство, увеличивающее тяжесть вины, и притомъ въ значительной степени. Здѣсь нѣтъ ничего естественнаго, хотя бы и аномалическаго, напротивъ, все искуственное, хладнокровно подготовленное свободной и развратной волей.

Наконецъ самой послѣдней ступенью на пути человѣка къ могилѣ признается такъ называемая *глубокая старость* (senectus decrepita). Конечно не всѣмъ людямъ удается спуститься на эту степень, для того только, чтобъ, съ соблюденiемъ строгаго порядка и послѣдовательности, перешагнуть потомъ въ открытыя двери гроба. Болѣзни, предшествующiя настоящему возрасту, заставляютъ обыкновенно сдѣлать здѣсь послѣднiй скачокъ въ жизни. Впрочемъ едва ли кто выразитъ объ этомъ сожалѣнiе, ибо картина настоящаго перiода представляетъ изъ себя самый грустный видъ. Подобное жалкое состоянiе нельзя назвать даже и жизнью, — скорѣе это

какое-то прозябаніе — старческій маразмъ (marasmus senilis). Духовная и тѣлесная природа человѣка доходитъ здѣсь до такой высокой степени недѣятельности, что онъ какъ бы снова вступаетъ въ младенческій возрастъ. Нечего и говорить, можно ли даже упоминать въ это время о вмѣненіи. Начало такого переходнаго состоянія отъ жизни къ смерти полагаютъ обыкновенно между 70 и 80 годами (*).

Теперь, когда передъ нашими глазами прошли послѣдовательно, въ краткомъ очеркѣ, всѣ періоды человѣческой жизни съ отличительными чертами ихъ психическаго характера, можно, кажется, не безосновательно отвѣтить на заданный выше вопросъ: въ состояніи ли наука вѣрно обозначить однимъ количественнымъ терминомъ тотъ моментъ въ жизни человѣка, когда этотъ послѣдній пріобрѣтаетъ свободу воли и становится вслѣдствіе того субъектомъ вмѣненія? Впрочемъ, необходимость отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ высказалась сама собой при объясненіи значенія числовыхъ терминовъ въ примѣненіи къ каждому возрасту отдѣльно, такъ что теперь остается только сдѣлать приличное принаровленіе.

Но какъ же въ такомъ случаѣ поступить законодательству? Ясно, что ему остается выбрать одно изъ двухъ: или совершенно отказаться отъ рѣшенія задачи въ ея настоящемъ видѣ, или, признавъ приблизительно вѣрные термины за неизмѣнно точные, сознательно внести въ свои кодексы начало несправедливости, разрушивъ тѣмъ все свое достоинство и значеніе.

Фридрейхъ объявляетъ себя рѣшительно противъ такого направленія, полагая въ тоже время возможнымъ указать законодательству правильный путь, которымъ оно можетъ подойти къ рѣшенію вопроса съ другой стороны.

Пріемъ законодателей, связывающихъ открытіе начала вмѣняемости съ наступленіемъ извѣстнаго года жизни, онъ признаетъ несостоятельнымъ на основаніи слѣдующихъ причинъ: 1) психическія особенности человѣка, будучи несравненно разнообразнѣе и разнохарактернѣе физіологическихъ, исключаютъ всякую возможность

(*) Просимъ читателей обратить вниманіе на необходимое въ этомъ случаѣ поясненіе въ отношеніи къ вмѣненію, сдѣланное ниже на стр. 63.

Примѣчаніе Редакціи.

для установленія здѣсь извѣстной опредѣленной нормы; поэтому тотъ всегда жестоко ошибется, кто сочтетъ возможнымъ опредѣлить зрѣлость ума и силу разумной способности самоопредѣленія по количеству прожитыхъ человѣкомъ лѣтъ. 2) Тамъ какъ развитіе духовнаго міра совершается не у всѣхъ людей въ одни и тѣ же сроки, а, напротивъ, у одного ранѣе, а у другаго гораздо позднѣе, то, разумѣется, неизмѣнно опредѣленный закономъ возрастъ не будетъ никогда соотвѣтствовать своему настоящему содержанію. Отсюда естественно, что при неодинаковой степени духовнаго развитія отдѣльныхъ индивидуумовъ въ одинъ и тотъ же моментъ времени, послѣдній не въ состояніи служить общимъ и вѣрнымъ масштабомъ во всѣхъ случаяхъ, когда открывается уголовное вмѣненіе. 3) Извѣстно, что климатъ и другія мѣстныя условія оказываютъ огромное вліяніе на степень и время духовнаго развитія. Какъ же послѣ этого государству, состоящему, по отношенію къ сказаннымъ условіямъ, изъ разнообразныхъ провинцій, установить въ своемъ законодательствѣ одну общую количественную норму для всѣхъ случаевъ вмѣняемости? Положимъ 4) далѣе, что законодательству и удалось бы даже отыскать такой неизмѣнный терминъ; но для того, чтобы пользоваться имъ въ практикѣ, необходимо каждый разъ знать вѣрно возрастъ преступника, а это въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣшительно невозможно, какъ напр. относительно бродягъ. Наконецъ 5) установленіе такого опредѣленнаго возраста ведетъ прямо къ несообразности. Возьмемъ для примѣра Баварскій кодексъ. Въ немъ сказано, что для преступника, по истеченіи 16 лѣтъ отъ роду, юношескій возрастъ не можетъ уже служить обстоятельствомъ, смягчающимъ тяжесть вины. Поэтому, если, напримѣръ, кто нибудь совершитъ преступленіе за три дня до исполненія ему 16 лѣтъ, то возрастъ смягчаетъ здѣсь строгость вмѣненія; если же, наоборотъ, это самое лице окажется виновнымъ въ своемъ преступленіи три дня спустя послѣ законнаго термина, то оно не можетъ уже имѣть никакого притязанія на смягченіе и подвергается всей строгости закона, въ слѣдствіе чего наказывается гораздо тяжеле, нежели въ предыдущемъ случаѣ, между тѣмъ какъ понятно само собой, что въ такой короткій промежутокъ времени состояніе духовнаго міра преступника не можетъ представить существеннаго различія. Наказаніе же должно быть результатомъ открытой въ человѣкѣ

способности къ вмѣненію, а эта послѣдняя опредѣляется только психическимъ состояніемъ дѣйствующаго. Что же открывается въ настоящемъ случаѣ? — то, что, при одинаковомъ состояніи внутренняго міра, слѣдовательно при одинаковой степени вмѣняемости, человѣкъ подвергается различной мѣрѣ наказанія. Понятно, что такое явленіе представляетъ собою прямое противорѣчіе праву и справедливости.

Какимъ же образомъ, спрашиваетъ послѣ этого авторъ, рѣшить вопросъ о томъ, когда получаетъ силу начало вмѣняемости, если разсмотрѣнный сейчасъ способъ оказывается несостоятельнымъ? Для этого, отвѣчаетъ онъ, существуетъ только одно средство: законодательство должно признать за общее неизмѣнное правило, что только тотъ индивидуумъ считается способнымъ къ вмѣненію, который, во время совершенія дѣйствія, находится въ психическо-свободномъ состояніи, обладаетъ разумной способностью самоопредѣленія; въ противномъ же случаѣ нѣтъ и вмѣненія. Отсюда слѣдуетъ, что при каждомъ встрѣтившемся преступленіи прежде всего надо изслѣдовать психическое состояніе дѣйствующаго и потомъ уже рѣшать этотъ случай на основаніи предыдущаго правила.

Признавая справедливымъ приведенное мнѣніе Фридрейха, мы не можемъ въ то же время не замѣтить его неумѣнья выполнить принятую на себя роль.

Законодательство само всегда сознавало справедливость того правила, что субъектомъ вмѣненія можетъ считаться только тотъ человѣкъ, который, во время совершенія дѣйствія, обладаетъ свободной волей; оно и не думало сомнѣваться, что моментъ, когда открывается возможность вмѣненія, долженъ непремѣнно совпадать съ появленіемъ того психическаго состоянія, которое служитъ коренымъ для нея началомъ. Слѣдовательно выдавать здѣсь приведеное мнѣніе за нѣчто новооткрытое чрезвычайно странно, а предлагать его въ руководство, когда за нимъ не только признана полная справедливость, но оно считается даже кореннымъ убѣжденіемъ въ настоящемъ вопросѣ, совершенно лишнее. Поэтому мы думаемъ, что законодательство глубже автора вникаетъ въ сущность дѣла, если считаетъ себя не въ правѣ остановиться на одномъ общемъ постановленіи. Такое направленіе добывается имъ изъ сознанія своей цѣли и обязанностей. Дѣйствительно, если законодательство

не должно представлять изъ себя только сборникъ разрозненныхъ постановленій на каждый индивидуальный случай, то, съ другой стороны, ему нельзя и довольствоваться самымъ общимъ опредѣленіемъ. Стремленіе достигнуть полноты и ясности въ уголовномъ кодексѣ съ помощью перваго способа обличаетъ въ народѣ низкую степень юридическаго образованія и удаляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ желанной цѣли. Къ такому же результату придутъ, если захотятъ ограничиться однимъ общимъ правиломъ. Поэтому, понимая свое назначеніе, современное законодательство отвергаетъ оба эти способа, какъ несостоятельные. Признавая своимъ кореннымъ основаніемъ высокую идею справедливости, оно стремится, по возможности, выполнить всѣ ея требованія, въ видахъ чего первой заботой здѣсь и является устраненіе произвола, возможное стѣсненіе личнаго толкованія. Надежнѣйшимъ же къ тому средствомъ служатъ полнота, ясность и опредѣленность законодательныхъ постановленій, которыя бы въ состояніи были обозначить мѣсто для каждаго практическаго случая и очертить границы пути, ведущаго къ его юридической оцѣнкѣ. Съ такою цѣлью и дается, обыкновенно, законодательнымъ постановленіямъ характеръ родовыхъ опредѣленій, способныхъ обнять собою всѣ частные практическіе случаи. Эти общія правила раздѣляются потомъ на извѣстные видовые отдѣлы, которые, въ свою очередь, могутъ представить новыя подраздѣленія; но пользоваться подобнымъ пріемомъ надо съ крайнею осмотрительностію, иначе онъ приведетъ къ результатамъ совершенно противоположнымъ. Здѣсь надо умѣть, гдѣ остановиться. Поэтому законодательству и должно отыскать тотъ крайній рубежъ, за который нельзя переступать ни въ какомъ случаѣ; ибо, повторяемъ опять, какъ полезно и необходимо, въ видахъ ясности и точности юридическихъ постановленій, выставлять видовые отдѣлы при родовыхъ опредѣленіяхъ, такъ точно опасно пользоваться этимъ пріемомъ неумѣренно, доходя съ помощію его до мелкихъ подробностей. Въ послѣднемъ случаѣ законодательство рискуетъ потерять всѣ плоды предшествовавшихъ трудовъ и привести себя прямо къ тому недостаточному состоянію, котораго оно желало избѣгнуть. Набранные въ уголовный кодексъ частные случаи, не обнимая всего содержанія извѣстнаго понятія, являются только отрывочнымъ объясненіемъ общаго правила, а вслѣдствіе того и

прямымъ затрудненіемъ для приложенія послѣдняго въ практикѣ. Отсюда, при очевидной неполнотѣ и неясности закона, произойдетъ разнообразное пониманіе и толкованіе одного и того же правила, вмѣстѣ съ чѣмъ откроется широкое поле для произвола. Такимъ образомъ обѣ крайности, т. е. два совершенно противоположные способа, разрѣшаются въ окончательномъ результатѣ однимъ и тѣмъ же выводомъ; истина, слѣдовательно, должна находиться въ серединѣ.

Приступая съ такимъ убѣжденіемъ къ рѣшенію настоящаго вопроса, конечно нельзя удовольствоваться тѣмъ общимъ правиломъ, которое рекомендуетъ Фридрейхъ, ибо ограничиться имъ однимъ значитъ то же, что отказаться отъ рѣшенія предложенной задачи. Поэтому-то современное законодательство и старается отыскать тѣ видимые признаки, коихъ присутствіе въ извѣстныхъ случаяхъ давало бы возможность заключать о состояніи внутренняго міра преступника.

Но такъ какъ эти признаки далеко не имѣютъ характера точныхъ данныхъ, то спрашивается: можно ли выставлять ихъ въ законодательныхъ кодексахъ? не значитъ ли это сознательно узаконять явно несправедливое? Нѣтъ; мы думаемъ, что законодательство всегда въ состояніи избѣгнуть подобныхъ упрековъ, если только распорядится благоразумно. Безъ всякаго сомнѣнія, опредѣлять начало вмѣняемости исключительно на основаніи достиженія человѣкомъ извѣстнаго года жизни представляется величайшею несообразностью, какъ очевидная несправедливость, ибо отношеніе числовыхъ терминовъ къ состоянію внутренняго міра человѣка не имѣетъ неизмѣнной точности. Но развѣ, употребляя этотъ пріемъ, законодательство по необходимости должно ограничиться только имъ исключительно? развѣ нельзя въ помощь ему выставить другое обстоятельство или сдѣлать приличную оговорку? Конечно, при такой обстановкѣ, числовой терминъ, получивъ условное значеніе, будетъ имѣть характеръ надежнаго проводника для отысканія истины, потерявъ всякую возможность вести въ противоположную сторону. Слѣдовательно въ этомъ видѣ онъ будетъ приносить только пользу, не имѣя никакой силы причинить вредъ.

Но, можетъ быть, намъ замѣтятъ, что съ такимъ характеромъ числовой терминъ является болѣе ненужнымъ, ибо не подвигаетъ

рѣшенія задачи впередъ. При отсутствіи неизмѣнной точности, здѣсь, какъ и въ первомъ случаѣ, необходимо допустить произволъ толкованія, чего думали избѣжать Слѣдовательно, не приводя къ желанной цѣли, новый способъ не только оказывается несостоятельнымъ, но приноситъ еще и положительный вредъ, потому что, безъ всякой надобности, усложняетъ и запутываетъ сущность дѣла.

Подобное возраженіе можетъ возникнуть только изъ смѣшенія понятій, и невѣрность выводимаго здѣсь заключенія условливается ложностью его основаній. Мы никогда не считали невозможнаго возможнымъ, а потому и не думали требовать отъ законодательства такой точности, которая бы устраняла всякое толкованіе. Подобная опредѣлительность немыслима на дѣлѣ по самому существу предмета, слѣдовательно объ ней нечего и говорить, и если юридическое толкованіе является на основаніи крайней необходимости, то запретить его было бы, разумѣется, явною несправедливостью. Въ слѣдствіе этого, мы желаемъ здѣсь только одного—чтобъ законодательство избѣгало крайностей, дѣлая для этого все, что приходится ему по силамъ. Съ такою цѣлью оно и старается обыкновенно уяснить общія родовыя опредѣленія, выставляя передъ субъективнымъ мышленіемъ мотивы и начала, служившія ему руководствомъ. Только такого рода способомъ условливается правильное примѣненіе закона въ практикѣ и достигается дѣло правосудія. Выраженіе же этого направленія и роль главнаго здѣсь дѣятеля осуществляетъ тотъ числовой терминъ, съ которымъ законодательство связываетъ вмѣняемость; разумѣется, какъ мы замѣтили, онъ не долженъ только имѣть абсолютной силы.

Вникнувъ такимъ образомъ въ сущность дѣла и давши ему приличную обстановку, никакъ нельзя уже сказать, что принятіе законодательствомъ общаго постановленія въ приведенномъ направленіи вредно или не нужно, когда оно на дѣлѣ приноситъ пользу и вызывается крайнею необходимостью. Но при этомъ, повторяемъ опять, не должно забывать сдѣланнаго прежде замѣчанія, дабы, избавившись отъ одной крайности, не впасть тотчасъ же въ другую. Мы разумѣемъ наклонность къ излишнему употребленію числовыхъ терминовъ, выражающуюся въ обиліи видовыхъ подраздѣленій. Если бы законодательство, зная, что извѣстная степень духовнаго

развитія человѣка не всегда вѣрно совпадаетъ съ опредѣленнымъ годомъ жизни, не допустило при числовомъ терминѣ необходимой оговорки, то конечно, по всей справедливости, его бы слѣдовало обвинить въ злоупотребленіи. Въ своемъ исключительномъ стремленіи къ стѣсненію свободы законнаго толкованія, оно переступило бы предѣлы всякаго благоразумія, почитая возможнымъ достигнуть точности на основаніи одного внѣшняго масштаба. Неужели утвержденіемъ неизмѣннаго значенія за числовымъ терминомъ и обиліемъ видовыхъ подраздѣленій недостатокъ въ качествѣ можно замѣнить количествомъ? Извѣстно, какія послѣдствія ожидаютъ одностороннее направленіе: въ итогѣ оно приведетъ къ тѣмъ самымъ результатамъ, которыхъ хотѣли избѣжать. Затемняя собою ясность закона, обиліе подраздѣленій непремѣнно затруднитъ и приложеніе его въ практикѣ. Вслѣдствіе этого придется выбрать одно изъ двухъ: или допустить свободу толкованія въ огромномъ размѣрѣ, или, запретивъ ее, умышленно внести въ законодательство начало вопіющей несправедливости.

Все, до сихъ поръ сказанное, представится нагляднѣе изъ послѣдующаго.

Теперь, когда необходимость количественнаго термина въ отношеніи къ вмѣненію признана неизбѣжной, и мы узнали уже и объемъ значенія, и форму этого начала, намъ остается за тѣмъ взглянуть на послѣдній вопросъ—на числовую его величину. Въ этомъ случаѣ надо указать на тѣ видимыя точки, которыя приходится выставить въ законодательствѣ. Основаніемъ для объясненія выбора тѣхъ или другихъ изъ нихъ будетъ служить все сказанное прежде, такъ что въ этомъ смыслѣ настоящій выводъ представится только крайнимъ результатомъ и конечнымъ приложеніемъ тѣхъ началъ и убѣжденій, которыя выработаны теоріей.

Нѣтъ ничего, кажется, проще и разумнѣе, какъ открыть начало вмѣняемости юношескимъ возрастомъ, въ который человѣкъ впервые получаетъ способность самоопредѣленія. Видимымъ знакомъ здѣсь можетъ служить исполненіе 16 лѣтъ отъ роду. Въ это время всегда уже происходитъ предполагаемая психическая перемѣна, если не будетъ конечно болѣзненнаго состоянія, которое заставитъ природу уклониться отъ нормальнаго развитія. Разумѣется, здѣсь нѣтъ никакой надобности много заботиться о стѣсненіи свободы въ доказа-

тельствахъ, потому что идея справедливости, оберегаемая отъ явнаго нарушенія, не въ состояніи будетъ подать поводъ къ злоупотребленіямъ: само дѣло, по своей очевидности, всегда будетъ говорить за себя; не представится ясной и неопровержимой причины—не произойдетъ и послѣдствій, изъ нея вытекающихъ. Гораздо важнѣе здѣсь другое неудобство. Такъ какъ 16 годъ жизни не имѣетъ характера неизмѣннаго признака, ибо, какъ извѣстно, встрѣчаются случаи, гдѣ юношескій возрастъ съ соотвѣтствующимъ ему психическимъ измѣненіемъ начинается ранѣе, то является необходимость допустить толкованіе противъ преступника; а отсюда могутъ выдти весьма вредные результаты, и именно въ то время, когда всего менѣе можно бы, кажется, ожидать этого, потому что источникъ, откуда произойдутъ такія послѣдствія, заслуживаетъ нашего полнаго сочувствія. Такимъ образомъ, вполнѣ разумное по существу своему стремленіе—какъ можно менѣе выставлять мелкихъ видовыхъ подраздѣленій, оказывается въ настоящемъ случаѣ не только несостоятельнымъ, но и прямо противнымъ цѣли, ибо открываетъ такой широкій размѣръ свободѣ толкованія, какого никогда нельзя допустить безъ опасенія за участь задачи, къ выполненію которой стремится законодательство. Притомъ и числовой терминъ, назначенный здѣсь для проведенія пограничной линіи, теряетъ послѣ этого всякое значеніе, потому что нисколько не обезпечиваетъ предыдущей жизни отъ стѣснительнаго произвола. Въ примѣрахъ нѣтъ недостатка: бывали случаи, гдѣ даже 7-лѣтнія дѣти приводились передъ уголовнаго судью. Вслѣдствіе этого, крайняя необходимость заставляетъ отмежевать изъ первоначальной жизни человѣка такой періодъ времени, который бы безусловно и навсегда изъятъ былъ изъ области вмѣненія. Пространство его, безъ малѣйшаго, кажется, ущерба для справедливости, можетъ быть ограничено первыми 10 годами жизни. Вѣроятно съ этимъ безбоязненно, или, по крайней мѣрѣ, безъ большаго спора, согласятся даже и тѣ, которые вѣрятъ еще въ справедливость древняго правила: malitia supplet aetatem.

Итакъ, начало вмѣняемости получаетъ силу съ исполненіемъ 16 лѣтъ; ранѣе же этого возраста фактъ преступленія не долженъ имѣть силы подвергнуть человѣка вѣдомству суда, если только не будетъ доказано, что субъектъ дѣйствія обладаетъ необходимымъ усло-

віемъ вмѣненія. Значитъ законъ, самъ по себѣ, не предполагаетъ существованія этого послѣдняго. Поэтому, чтобъ подвергнуть въ этотъ возрастъ извѣстное лице вмѣненію, необходимо прежде доказать, что предположеніе закона, въ отношеніи къ данному случаю, оказывается неосновательнымъ. Такимъ образомъ, въ обезпеченіи требованія правосудія будетъ лежать и гарантія противъ всякихъ отъ него уклоненій.

Но открывая юношескимъ возрастомъ начало вмѣняемости, не должно забывать о тѣхъ отличительныхъ особенностяхъ, которыя составляютъ существенный его характеръ. Въ своей совокупности, онѣ являются обстоятельствами, уменьшающими степень виновности, а слѣдовательно и строгость вмѣненія. Намъ извѣстно, что въ настоящій періодъ жизни природа человѣка представляется еще не установившеюся, какъ бы въ состояніи броженія; поэтому, если и существуетъ здѣсь свобода воли, то никакъ не въ полномъ своемъ объемѣ. Отсюда и юношескій возрастъ, начинаясь, по опредѣленію закона, съ 16 лѣтъ и дѣлая возможнымъ вмѣненіе, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ основаніемъ для неполнаго его дѣйствія. Такое предположеніе можетъ простираться до 25 лѣтъ включительно. Но такъ какъ и этотъ терминъ не имѣетъ характера неизмѣнно точнаго, ибо духовная зрѣлость въ человѣкѣ является иногда ранѣе, то справедливость заставляетъ выставить здѣсь новое подраздѣленіе: отъ 21—25 лѣтъ. Въ этотъ промежутокъ времени благосклонное толкованіе со стороны закона теряетъ безусловную силу, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано противное.

Съ наступленіемъ же 25 лѣтъ свободная воля человѣка получаетъ свой полный объемъ, а въ слѣдъ за этимъ и преступникъ подвергается полному вмѣненію. Бытіе смягчающихъ вину обстоятельствъ пресѣкается само собой.

Что касается наконецъ до вліянія старческаго возраста, то мы думаемъ, что законодательство не въ правѣ давать ему безотносительной силы смягчающаго вину обстоятельства. Начало исполненія этого возраста лучше всего обозначить, кажется, 60 годомъ отъ рожденія, допустивъ съ этого же времени и возможность благосклоннаго толкованія, но такого впрочемъ, которое бы, само по себѣ, закономъ не предполагалось. Опредѣлить же здѣсь вѣрно конечный терминъ вмѣняемости, по нашему мнѣнію, невозможно;

ибо провести въ этомъ возрастѣ соотвѣтствіе между внѣшними признаками и состояніемъ внутренняго міра гораздо труднѣе, нежели въ первоначальныя эпохи жизни: процессъ развитія вообще представляетъ болѣе правильности и послѣдовательности, нежели процессъ разрушенія. На этомъ основаніи мы полагаемъ, что, имѣя въ виду требованія справедливости, было бы всего правильнѣе со вступленіемъ человѣка въ 70 лѣтній возрастъ признать его неподлежащимъ вмѣненію, оставивъ, въ обезпеченіе той же справедливости, право доказывать противное (*).

П. Колосовскій.

(*) Считаемъ долгомъ замѣтить, что съ этимъ выводомъ мы не можемъ согласиться, основываясь на томъ, что потеря сознанія о своихъ дѣйствіяхъ и свободы воли есть рѣдкое исключеніе и для лицъ, достигшихъ 70-лѣтняго возраста. Поэтому мы считаемъ въ настоящемъ случаѣ гораздо основательнѣе положеніе, выраженное въ нашемъ законодательствѣ (ст. 109 Улож. о наказ. уголовн. и исправит. изд. 1857 г.), что «вмѣненію не должны подлежать лица, потерявшія умственныя способности и разсудокъ отъ старости или дряхлости»; а какъ въ данныхъ случаяхъ это обстоятельство требуетъ доказательства, то, очевидно, что вообще старость сама по себѣ не должна составлять основаніе къ освобожденію преступника отъ вмѣненія, если не будетъ доказано, что она служила поводомъ къ безсознательности имъ его поступка и слѣдовательно къ лишенію его свободной воли. Но смягченіе наказанія, которому подлежатъ старики, допускается на другомъ основаніи, именно на слабости ихъ физической силы, и въ этомъ отношеніи наше законодательство дѣйствительно выражаетъ правило, что всѣ престарѣлые, имѣющіе не менѣе *семидесяти* лѣтъ отъ роду, освобождаются отъ тѣлесныхъ наказаній (Улож. о наказ. прилож. I, п. 33). *Примѣчаніе Редакціи.*

РЕФОРМА ВЫБОРОВЪ И ПАРЛАМЕНТА ВЪ АНГЛІИ (*).

I.

Политическій міръ Великобританіи находится въ сильномъ движеніи. Публика взволнована и занята. Многочисленные митинги, на которыхъ толпятся тысячи гражданъ, собираются ежедневно во всѣхъ сколько нибудь значительныхъ мѣстностяхъ Соединеннаго Королевства. Но на этотъ разъ не экономическіе вопросы интересуютъ Англію. Остиндская война уже сошла съ перваго плана, и великій, кровавый «Восточный вопросъ» остается на время въ покоѣ.

Предметомъ настоящаго броженія умовъ, народнаго волненія и полемики журналовъ служитъ важный споръ, возбужденный требованіемъ реформы въ выборахъ и въ Парламентѣ.

Въ чемъ будетъ заключаться система новаго Кабинета? какой объемъ дастъ онъ биллю, который вскорѣ представитъ? Какіе предложитъ онъ преобразованія и измѣненія въ условіяхъ существованія Парламента? Вотъ вопросы, которые задаютъ себѣ ежедневно всѣ политическія партіи, всѣ журналы, всякій Англичанинъ.

Какой срокъ будетъ опредѣленъ на будущее время существованію Парламента?

Отмѣнится ли цензъ (требуемая опредѣленная цифра капитала или доходовъ) для избираемыхъ?

Уничтожится ли различіе въ отношеніи къ избираемымъ и избирателямъ между *графствами* и *бургами* (**)?

(*) Едва ли нужно обращать вниманіе читателей на важность этого сочиненія, которое даетъ отчетливое понятіе о предметѣ, составляющемъ въ настоящее время самый существенный и живой вопросъ въ Англіи. *Ред.*

(**) *Бургами* (Boroughs) называются мѣстности, имѣющія муниципальное устройство.

Будетъ ли опредѣлено вознагражденіе гражданамъ, облеченнымъ въ званіе представителей своей мѣстности?

Понизятъ ли, или же вовсе уничтожатъ цензъ для избирателей?

Будутъ ли выборы закрытые, или же останутся по прежнему публичными?

Вотъ не менѣе важныя задачи, которыми одинаково занимаются публицисты всѣхъ оттѣнковъ: и хартисты, и радикалы, и либералы, и виги, и тори.

II.

Какой будетъ результатъ предстоящаго перелома, столь важнаго въ исторіи Англіи? Этого мы не знаемъ! Но насъ утѣшаетъ увѣренность въ томъ, что какъ бы ни разрѣшились предложенные выше вопросы, спокойствіе и порядокъ не будутъ нарушены.

Имѣя въ виду важныя пренія, которыя скоро должны возникнуть, мы считаемъ, для уразумѣнія ихъ, полезнымъ познакомить читателей съ сущностью какъ парламентской, такъ и выборной системы въ Англіи.

Еще въ 1832 году послѣдовало здѣсь важное преобразованіе. Изданный въ этомъ году *reform-bill* глубоко измѣнилъ англійскую представительную систему. Чтобы лучше уяснить предметъ нашего изслѣдованія, мы постараемся въ краткихъ словахъ изложить законъ о выборахъ и устройство Парламента въ томъ видѣ, въ какомъ они были до 1832 года, потомъ укажемъ на то, что сдѣлала въ отношеніи къ нимъ реформа 1832 года, и наконецъ предложимъ чего теперь желаетъ, добивается или требуетъ общественное мнѣніе, столь могущественное въ этомъ по истинѣ прекрасномъ и удивительномъ государствѣ.

III.

Англія есть классическая страна преданій и старинныхъ обычаевъ. Въ ней все подчиняется самымъ тѣснымъ, узкимъ формамъ, существующимъ уже нѣсколько столѣтій. Измѣненія совершаются

здѣсь лишь въ слѣдствіе продолжительнаго и упорнаго воздѣйствія. Можетъ быть это недостатокъ; но такой недостатокъ съ избыткомъ вознаграждается тѣмъ, что всякое преобразованіе, однажды совершившееся въ Англіи, есть преобразованіе окончательное. Въ продолженіе настоящаго столѣтія нѣтъ ни одного примѣра, чтобы общественнымъ мнѣніемъ или правительствомъ былъ сдѣланъ попятный шагъ. Нельзя сказать того же о Франціи, гдѣ реформы совершаются революціями, въ три дня одерживающими верхъ надъ прежнимъ порядкомъ, но существуютъ не далѣе трехъ мѣсяцевъ и всякій разъ порождаютъ реакцію, отодвигающую эту страну далеко назадъ.

Мы имѣли въ прошедшемъ году передъ глазами примѣръ того, какими затрудненіями сопровождаются малѣйшія измѣненія въ англійскихъ законахъ, и съ какою настойчивостію дѣйствуютъ представители реформы, чтобы достигнуть своей цѣли. *Эманципація Евреевъ*, или, другими словами, признаніе начала равенства гражданскаго и религіознаго, была результатомъ борьбы, занимавшей Парламентъ въ продолженіе четверти столѣтія. Болѣе двадцати пяти лѣтъ *Нижняя Палата* требовала въ каждомъ засѣданіе этого равенства, и всякій разъ *Верхняя Палата* отвергала такое требованіе.

Но перейдемъ къ законамъ о выборахъ и къ предполагаемой въ отношеніи къ нимъ реформѣ.

Прежде всего замѣтимъ, что при разсмотрѣніи настоящаго предмета надо постоянно помнить, что Англія представляетъ собою самую странную смѣсь учрежденій монархическихъ, феодальныхъ и демократическихъ.

IV.

Нѣтъ сомнѣнія, что для верховной власти существенно важно имѣть право созывать Парламентъ. Въ Англіи это право принадлежитъ одному королю. Но странно, что ни одинъ статутъ не вмѣняетъ королю въ обязанность созывать депутатовъ, составляющихъ Нижнюю Палату. На основаніи древнихъ постановленій

они были созываемы лишь *въ случаѣ важныхъ, не терпѣвшихъ отлагательства, дѣлъ*.

Нижняя Палата съумѣла однако, наоборотъ, утвердить за народомъ право, чтобы его представители созывались ежегодно и постоянно. Ею издано было постановленіе, что нѣкоторыя подати должны вноситься каждый годъ на разсмотрѣніе Парламента; а такъ какъ Верхней Палатѣ не подлежатъ никакіе сборы и бюджеты, то Нижняя Палата подчинила себѣ такимъ образомъ дѣятельность и существованіе самого Правительства.

Неизвѣстно ни одного законодательнаго акта, который измѣнилъ бы этотъ порядокъ. Впрочемъ, со времени Вильгельма и Маріи, т. е. со времени революціи 1688 года, не было рѣчи объ отмѣнѣ ежегодныхъ засѣданій Парламента, ни даже попытки на такую отмѣну.

Какъ бы то ни было, право, предоставленное королю, созывать Парламентъ, недолго было неограниченнымъ. До насъ дошли древніе статуты, которыми опредѣляется, что король не можетъ отлагать созваніе Парламента далѣе трехъ лѣтъ послѣ бывшаго послѣдняго его засѣданія.

И такъ въ Англіи нѣтъ опредѣленныхъ на извѣстные дни собраній Палатъ. Въ теченіе всей ея исторіи было только два примѣра добровольнаго соединенія Нижней Палаты съ Верхнею: въ первый разъ оно встрѣчается въ 1660 году, въ эпоху реставраціи Карла II; во второй—въ 1688 году, по случаю вступленія на престолъ Вильгельма Оранскаго.

Впрочемъ однимъ билемъ въ правленіе королевы Анны (въ 1708 году) постановлено, что если король отказывается отъ престола въ такое время, когда Парламентъ распущенъ, а другой еще не созванъ, то старый Парламентъ долженъ немедленно собраться въ Вестминстерѣ какъ будто бы еще не былъ распущенъ. Но въ подобномъ случаѣ, въ силу постановленія Георга III, такое исключительное засѣданіе не можетъ продолжаться долѣе шести мѣсяцевъ.

И такъ, съ одной стороны признаніе за королемъ права созывать Парламентъ составляетъ преимущество монархической власти; съ другой же стороны обезпеченное депутатамъ право собираться каждый годъ и узаконеніе этого права ежегоднымъ разсмотрѣніемъ

бюджетовъ въ Нижней Палатѣ, осуществляетъ собою начало демократическое.

V.

Первое измѣненіе, котораго добиваются реформаторы, относится къ *сроку* или *продолжительности существованія Парламента.*

Много преобразованій было уже испытано законодательствомъ въ отношеніи къ этому предмету.

Въ древнихъ узаконеніяхъ существованіе Парламента не ограничивается никакимъ срокомъ. Монархическая власть была въ то время всемогущею. Воля короля признавалась закономъ. Онъ имѣлъ безусловное право созывать и распускать Парламентъ. Вотъ причина, почему существованіе Парламентовъ было тогда неодинаково, однихъ весьма продолжительно, а другихъ напротивъ слишкомъ кратковременно, смотря по волѣ государя.

Вильгельмъ и Марія вступили на престолъ въ слѣдствіе революціи, которая имѣла цѣлью возвратить народу права, потерянныя имъ при Стюартахъ. Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ всѣ новыя учрежденія должны были отразить въ себѣ характеръ демократическій. Статутомъ этого времени, извѣстнымъ подъ названіемъ *трехлѣтняго акта (triennal act)* постановлено, чтобы впредь Парламенты продолжались не долѣе трехъ лѣтъ. Такимъ образомъ, на основаніи его, избиратели депутатовъ собирались чрезъ каждые три года, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда Парламентъ былъ распущенъ ранѣе этого срока.

Такое попечительное, такъ сказать, законодательство о правахъ народа получило сильный ударъ въ правленіе Георга I (въ 1720 году): трехлѣтняя продолжительность Парламента была обращена имъ въ семилѣтнюю *(septennial act).*

Съ тѣхъ поръ порядокъ въ этомъ отношеніи не измѣнился, и общіе выборы происходятъ и теперь, кромѣ особенныхъ случаевъ распущенія, чрезъ каждые семь лѣтъ.

Впрочемъ рѣдко Парламентъ существуетъ полные семь лѣтъ. Чаще всего онъ распускается на шестомъ году своего существованія.

Въ настоящемъ политическомъ броженіи умовъ вопросъ о продолжительности Парламента составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ разсужденій и споровъ.

Одни хотятъ сохранить и поддержать настоящій порядокъ.

Другіе желаютъ возстановленія статута Вильгельма и Маріи, т. е. трехлѣтняго существованія Парламента.

Наконецъ хартисты, столь многочисленные въ Англіи (хотя въ самомъ Парламентѣ число ихъ незначительно), требовали постоянно, чтобы Нижняя Палата существовала не болѣе года. Это требованіе составляло одну изъ статей знаменитаго документа, извѣстнаго подъ именемъ *Народной хартіи*, который былъ представленъ въ 1839 году въ Нижнюю Палату въ видѣ прошенія, за подписью милліона трехъ сотъ тысячъ рукъ.

Народная хартія, въ отношеніи къ выставляемому ею требованію о срокѣ Парламента, дѣйствуя за одно съ многочисленнымъ и могущественнымъ обществомъ такъ называемыхъ *сторонниковъ всеобщаго мнѣнія* (*complete suffragists*), съ радикалами, съ либералами и съ небольшою, недавно образовавшеюся, фалангою, принявшею имя демократовъ, легко можетъ обратиться въ законъ.

Не смотря на то, успѣхъ народной хартіи долженъ быть лишь слѣдствіемъ другихъ, столь же коренныхъ преобразованій. Въ самомъ дѣлѣ, при настоящемъ положеніи дѣлъ и настоящихъ обычаяхъ, ежегодные выборы были бы рѣшительно невозможны по причинѣ чрезвычайныхъ издержекъ, какихъ требуетъ каждый выборъ.

Во всякомъ случаѣ мы не сомнѣваемся, что по крайней мѣрѣ трехлѣтній срокъ Парламента будетъ возстановленъ. Всѣ партіи хотятъ реформы, и теперешній Кабинетъ не противится этому общему желанію. Должно исключить только отсюда старыхъ торіевъ, что впрочемъ очень естественно. Но менѣе понятно то обстоятельство, что и нѣкоторые изъ аристократическихъ виговъ берутъ сторону этихъ послѣднихъ. Они опасаются, и конечно не безъ основанія, которое и служитъ причиною ихъ оппозиціи, чтобы демократическій потокъ, влекущій великую націю къ парламентской реформѣ, не ниспровергъ и не поглотилъ навсегда привилегіи, соединенныя съ дворянствомъ и поземельною собственностію. Они соглашаются охотнѣе отстать отъ своей партіи, чѣмъ рисковать

потерею исключительныхъ правъ, принадлежащихъ имъ въ слѣдствіе ихъ происхожденія, званія или состоянія.

VI.

Разсмотрѣвъ вопросъ о требуемой реформѣ въ отношеніи къ продолжительности Парламента, мы постараемся познакомить читателей съ составомъ Нижней Палаты и съ тѣми преобразованіями, какія требуются въ отношеніи къ новому распредѣленію избирательныхъ округовъ.

Нижняя Палата состоитъ изъ 658 членовъ. Цифра эта не соотвѣтствуетъ однако народонаселенію страны, какъ наприм. въ Бельгіи, Франціи, Голландіи, Сардиніи, Швейцаріи и Америкѣ. Нижняя Палата въ Англіи имѣетъ свое совершенно особенное устройство. Разсмотримъ его ближе.

Въ составъ этой Палаты входятъ три существенно другъ отъ друга отличные разряда народныхъ представителей:

Депутаты университетовъ.

Депутаты графствъ.

Депутаты бурговъ.

Университеты имѣютъ шесть депутатовъ; изъ нихъ четыре суть представители университетовъ въ Англіи, Оксфордскаго и Кембриджскаго, и двое университета Ирландскаго—коллегіи, существующей въ Дублинѣ подъ именемъ *Trinity College*.

Графства имѣютъ 253 депутата: въ этомъ числѣ Англійскія—159 представителей, Шотландскія—30, Ирландскія—64.

Бурги имѣютъ 399 депутатовъ, именно Англійскіе—337, Шотландскіе—23, Ирландскіе—39.

Присутствіе въ Нижней Палатѣ представителей университетовъ имѣло сначала лишь временное и случайное значеніе. Они были нѣчто въ родѣ королевскихъ коммисаровъ и призывались въ дѣлахъ затруднительныхъ.

Привилегіей имѣть депутатовъ пользуются только университеты Оксфордскій, Кембриджскій и Дублинскій. Двумъ первымъ она была дарована Іаковомъ I; что касается до Дублинскаго университета,

то она принадлежитъ ему со времени билля о «соединеніи съ Ирландіей».

Депутаты эти избираются независимо отъ всѣхъ условій ценза и мѣстопребыванія. Право назначенія ихъ предоставлено особымъ избирательнымъ коллегіямъ, состоящимъ изъ *докторовъ* и *магистровъ* (внесенныхъ въ списки каждаго изъ названныхъ университетовъ), которые пользуются имъ, не подчиняясь никакимъ условіямъ мѣстопребыванія, собственности или владѣнія; впрочемъ и внѣ своего университета они могутъ участвовать въ выборахъ того графства или бурга, къ которому принадлежатъ.

До сихъ поръ еще въ проектахъ реформы никѣмъ не было заявлено мысли объ уничтоженіи этого малочисленнаго разряда представителей науки и воспитанія.

Самый существенный и важный вопросъ касается представителей графствъ и различія, существующаго между графствами и бургами.

Раздѣленіе Великобританіи на графства имѣетъ основаніе территоріальное, которое въ настоящее время утратило и свою важность и прежнее свое значеніе.

Вильгельмъ Завоеватель, послѣ покоренія Англіи водворивъ въ ней феодальную систему во всей ея полнотѣ, отобралъ въ пользу верховной власти всю завоеванную землю. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ раздѣлилъ ее между своими дружинниками, назначивъ, на феодальномъ правѣ, однимъ изъ нихъ графства (шиpы), на которыя раздѣлена была вся страна въ политическомъ и административномъ отношеніяхъ, а другимъ—огромные участки въ самихъ графствахъ. Такимъ образомъ во всей Англіи образовалось два класса жителей: Норманны—собственники земли, и Англосаксы—вассалы и фермеры. Различіе это необходимо имѣть въ виду, потому что безъ него трудно понять реформу выборовъ, о которой идетъ рѣчь.

Первоначально одни собственники земли были призываемы въ Парламентъ; но какъ въ наличности ихъ оказалось слишкомъ много, то имъ даровано право, въ каждомъ графствѣ отдѣльно, выбирать изъ своей среды представителей, которые замѣняли бы ихъ въ Парламентѣ.

И теперь еще таже система остается въ силѣ: графства, выражающія собою поземельный элементъ, пользуются правомъ непо-

средственнаго представительства въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи. Англія и Валлисъ раздѣляются въ настоящее время на 52 графства, избирающія 159 депутатовъ, Шотландія на 33 графства, избирающія 30 депутатовъ, наконецъ Ирландія на 32 графства, избирающія 64 депутатовъ.

Было бы излишне прибавлять, что число графствъ измѣнялось нѣсколько разъ со времени короля Альфреда, которому приписываютъ это территоріальное раздѣленіе, и что число депутатовъ было также различно въ разное время. Впрочемъ, что касается числа депутатовъ отъ графствъ, то оно назначалось независимо отъ пространства, богатства и населенія самихъ графствъ; депутаты эти были представителями лишь одного интереса—поземельной собственности.

До реформы 1832 года депутатовъ отъ графствъ было менѣе, чѣмъ теперь. Въ самомъ дѣлѣ, изъ 142 мѣстъ въ Парламентѣ, которыхъ, какъ увидимъ далѣе, лишились депутаты бурговъ, 65 были предоставлены депутатамъ графствъ съ островомъ Уайтомъ.

Изъ сказаннаго видно, что устройство графствъ и принадлежащее имъ право имѣть представителей въ Парламентѣ есть результатъ древняго феодальнаго устройства Англіи. Это есть право поземельной собственности, право господина, короля. Съ другой стороны такое же право принадлежитъ капиталамъ, работникамъ, народу.

Всюду проглядываетъ и развивается эта формальная двойственность монархіи и демократіи.

Созваніе Парламента составляло, какъ мы уже сказали, привелегію королевской власти. Мало по малу короли, назначая своими билями (writ of summons) засѣданія въ Парламентахъ, въ уваженіе къ развитію нѣкоторыхъ бурговъ, портовъ и городовъ и въ особенности съ цѣлью воспользоваться денежными и другими пособіями, стали давать отдѣльнымъ мѣстностямъ право выбирать депутатовъ и посылать ихъ въ Парламентъ. Этотъ обычай—предоставлять означенное право какъ особенное преимущество, продолжался до соединенія Ирландіи съ Англіей. Тогда число представителей было опредѣлено для каждаго изъ трехъ королевствъ особенно. Такимъ образомъ окончательно установилось право городовъ и бурговъ имѣть своихъ депутатовъ.

Таково было положеніе дѣлъ въ 1830 году. Но со времени соединенія Ирландіи съ Англіей произошло много перемѣнъ. Иное мѣсто, имѣвшее сто лѣтъ тому назадъ важное значеніе, сдѣлалось деревушкой, и наоборотъ деревушка разрослась въ цѣлый міръ. А между тѣмъ деревушка имѣла часто, по прежнему, двухъ, трехъ представителей, міръ же ни одного. На количество жителей не обращалось никакого вниманія. Въ Парламентѣ сидѣлъ депутатъ Дёнвича, потому что въ 1250 году Дёнвичу было дано право имѣть своего представителя. Напротивъ того Манчестеръ и Бирмингамъ не посылали въ Парламентъ депутатовъ, потому что въ 1250 или 1300 годахъ эти города еще не существовали.

Такая система, какъ слишкомъ нелѣпая, не могла продолжаться въ одно время съ быстрымъ распространеніемъ торговли и промышленности. Но Англія тяжела на подъемъ, и въ особенности когда дѣло идетъ о разрушеніи древнихъ политическихъ учрежденій. Аристократія защищаетъ упорно свою почву и уступаетъ лишь тогда, когда уже находится на верху стѣны, откуда можетъ легко упасть.

Однако послѣ многихъ усилій и преній, послѣ долгой борьбы биль 1832 года измѣнилъ существующій порядокъ, не удовлетворивъ впрочемъ вполнѣ ни общественному мнѣнію, ни требованіямъ разума и справедливости. Въ слѣдствіе этого биля 56 незначительныхъ бурговъ были лишены права на представительство въ Нижней Палатѣ и еще 30 другихъ вмѣсто двухъ депутатовъ удержали одного.

Эти 142 мѣста въ Парламентѣ, какъ мы уже сказали, были распредѣлены такимъ образомъ: 65 изъ нихъ предоставлены графствамъ трехъ королевствъ, 8 бургамъ Шотландіи, 5 бургамъ Ирландіи и 64—бургамъ Англіи.

Для изучающаго исторію Англійскаго законодательства должно показаться страннымъ, что въ 1832 году къ числу городовъ, не имѣвшихъ представителей, принадлежали Бирмингамъ, Брайтонъ, Финсбури, Гринвичь, Лидсъ, Манчестеръ, Шеффильдъ, Стокпортъ. Еще страннѣе то, что нѣкоторые города съ числомъ жителей болѣе двухъ сотъ тысячь имѣютъ такое же представительство какъ и какое нибудь бѣдное мѣстечко съ населеніемъ, едва доходящимъ до двухъ или трехъ тысячь человѣкъ.

Вотъ существующее положеніе дѣлъ. Цѣль настоящаго волненія, занимающаго всѣ умы въ Англіи, цѣль требуемой реформы заключается въ томъ, чтобы уничтожить такой безсмысленный порядокъ и отмѣнить всякое различіе между городами и графствами.

Не извѣстно, что̀ выйдетъ изъ этого всеобщаго движенія; но скоро, даже въ самое непродолжительное время, мы увидимъ какая изъ разныхъ партій возьметъ верхъ и какая система восторжествуетъ.

Въ настоящую минуту, касательно разсматриваемаго вопроса, мнѣнія точно также раздѣлены, какъ и въ отношеніи къ продолжительности Парламента.

Хартисты, въ своей знаменитой народной хартіи, требуютъ, по предмету выборовъ, раздѣленія всего Соединеннаго Королевства на двѣсти равныхъ округовъ, такъ, чтобы каждая группа, состоящая изъ двадцати тысячь избирателей, имѣла столько же представителей, какъ и другая такая же группа, и въ этомъ отношеніи съ ними согласны всѣ такъ называемые радикалы и либералы въ Англіи.

Такое начало могло бы конечно восторжествовать, еслибы не встрѣтило сильной оппозиціи со стороны нѣкоторыхъ *виговъ*. Въ числѣ этихъ послѣднихъ есть особенная партія аристократовъ, которая, къ крайнему сожалѣнію, въ настоящемъ случаѣ, опирается, какъ увѣряютъ, на авторитетъ лорда Джона Росселя. Партія эта твердитъ, что уничтожить существующее въ отношеніи къ выборамъ различіе между графствами и бургами значитъ уничтожить аристократію, ея вліяніе, ея исторію, почти даже самое ея имя. Та́кое мнѣніе аристократической партіи найдетъ себѣ поддержку въ нѣкоторыхъ лицахъ, заслужившихъ популярность своими талантами, но предпочитающихъ всему интересы своей касты, и это можетъ помѣшать торжеству народной хартіи, которое, въ отношеніи къ выставленному въ ней началу выборовъ, было бы безъ того несомнѣнно. Правда, что такимъ образомъ произошелъ бы радикальный переворотъ, но онъ совершился бы съ сохраненіемъ въ государствѣ полнаго порядка, безъ всякаго волненія и насилія.

Едва ли нужно прибавлять, что кромѣ приведенныхъ партій есть еще старые тори, сопротивляющіеся какой бы то ни было перемѣнѣ, подъ вліяніемъ своихъ обветшалыхъ формъ, феодальныхъ и духовныхъ. Впрочемъ считаемъ не излишнимъ замѣтить, что эти формы суть ограда, въ которую вторгаются систематически

чрезъ каждые десять или двѣнадцать лѣтъ. Это та самая партія, которая противодѣйствовала билю о католикахъ, билю о реформѣ 1832 года, уничтоженію хлѣбныхъ законовъ и дарованію правъ Евреямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что она будетъ также противиться реформѣ парламентской и выборной.

Но какъ будетъ дѣйствовать министерство, которое, принадлежа къ партіи торіевъ, стоитъ теперь въ главѣ Англіи? Будетъ ли оно заодно съ радикалами? Приметъ ли сторону аристократовъ?

Вѣроятно, оно поступитъ въ настоящемъ случаѣ точно такъ, какъ поступаютъ въ продолженіи уже пятидесяти лѣтъ всѣ министерства этой партіи. Оно удовлетворитъ требованіямъ радикаловъ, удовлетворитъ имъ, можетъ быть, въ томъ обширномъ объемѣ, какъ они сами желаютъ; но въ тоже время оно конечно оставитъ неприкосновенными преимущества англійской аристократіи. Оно уступитъ всѣмъ требованіямъ реформистовъ по вопросу о бургахъ; но будетъ, какъ мы думаемъ, изо всѣхъ силъ отстаивать раздѣленіе страны на графства и на предоставленные имъ выборы.

Такая тактика вѣроятно удастся министерству. Противъ него, въ отношеніи къ предстоящей реформѣ въ либеральномъ духѣ, будутъ отъявленные тори, презирающіе всѣ народные интересы, и съ помощію этихъ-то тори, аристократической партіи виговъ, Росселя и Пальмерстона и наконецъ извѣстнаго числа старой партіи пилистовъ, оно можетъ быть почти увѣрено, что успѣетъ предотвратить слишкомъ радикальную реформу.

Высказанное нами предположеніе подтверждается предыдущими событіями. Великая реформа 1832 года была направлена противъ тѣхъ *гнилыхъ* бурговъ, какъ ихъ тогда называли, гдѣ незначительное число избирателей находилось въ рукахъ нѣкоторыхъ сильныхъ въ графствахъ. Какъ однако поступили тутъ аристократы, имѣвшіе большинство голосовъ въ обѣихъ Палатахъ Парламента? Они предложили самую радикальную реформу, а кончилось тѣмъ, что бурги лишены были 142 представителей. Это фактъ. Тѣмъ не менѣе аристократы не рѣшились дозволить, въ замѣнъ того, имѣть такое же число представителей тѣмъ бургамъ, коихъ значеніе увеличилось. Напротивъ, 65 мѣстъ въ Парламентѣ, т. е. почти половину они оставили въ свою пользу, распредѣливъ ихъ между графствами трехъ королевствъ, и лишь 77 мѣстъ дано было бургамъ. Такимъ

образомъ они возвысили до 253 число представителей поземельной аристократіи, коихъ было только 188; а число представителей бурговъ уменьшили съ 464 на 399. Слѣдуетъ ожидать, что и теперь защитники и обладатели поземельной собственности сдѣлаютъ тоже самое, или по крайней мѣрѣ будутъ пытаться достигнуть той же цѣли. Съ одной стороны удовлетворить требованію общественнаго мнѣнія, а съ другой—усилить вліяніе и значеніе территоріальной аристократіи—вотъ въ чемъ, какъ мы сказали, будетъ, вѣроятно, заключаться тактика новаго министерства при рѣшеніи предстоящей задачи.

VII.

Нѣтъ ничего логичнѣе привилегіи. Поземельная аристократія предоставила себѣ выборы въ графствахъ; въ слѣдствіе этого она должна была также утвердить за собою, въ графствахъ же, мѣста въ Парламентѣ. Этой цѣли она достигла опредѣливъ необходимыя условія въ отношеніи къ тѣмъ, которые могутъ быть избираемы для засѣданій въ Вестминстерѣ.

Условія, требуемыя отъ депутатовъ графствъ совершенно иные, чѣмъ тѣ, которые требуются отъ депутатовъ бурговъ.

Чтобы имѣть право быть избраннымъ въ представители графствъ, кандидатъ, въ силу существующихъ законовъ, долженъ соединять въ себѣ слѣдующія условія:

1) Быть Англичаниномъ по рожденію.

2) Имѣть не менѣе 21 года отъ роду.

3) Носить извѣстный титулъ (knight of shire или squire), или быть достаточнымъ и уважаемымъ лицомъ.

4) Имѣть собственность личную—*freehold*, или по уступочному акту—*copyhold*, которая приносила бы по крайней мѣрѣ 600 фунтовъ стерлинговъ (15000 франковъ) ежегоднаго дохода.

5) Не принадлежать ни къ одному изъ слѣдующихъ разрядовъ 12 судьямъ, духовенству, преступникамъ, шерифамъ (первымъ правительственнымъ лицамъ въ графствахъ) въ тѣхъ графствахъ, къ коимъ они причислены, чиновникамъ финансоваго вѣдомства (за исключеніемъ коммисаровъ государственнаго казначейства), чиновникамъ отъ короны.

Весьма важно знать различіе между словами *freehold* и *copyhold*. Они ведутъ свое начало отъ феодальной системы, на основаніи которой и должны быть изъяснены.

Въ силу феодальной системы, опредѣляющей съ такою строгою точностью устройство общества и существующія въ немъ отношенія, все принадлежитъ верховному властителю, т. е. королю. Земля, со всѣмъ тѣмъ, что находится на ея поверхности и въ ея нѣдрахъ, составляетъ его собственность, его достояніе. Землю эту онъ имѣетъ право предоставить, по своему усмотрѣнію, своимъ товарищамъ въ войнѣ, удовольствіяхъ и прихотяхъ жизни. Вассальныя владѣнія давались сначала на время. Впослѣдствіи они обратились въ частную собственность владѣльцевъ подъ условіемъ присяги въ вѣрности королю и различныхъ въ отношеніи къ нему обязанностей, формальныхъ и вещественныхъ. Такіе владѣльцы суть первостепенные вассалы короля. Собственность ихъ носитъ названіе freehold, потому что въ отношеніи къ ней они свободны отъ всякой иной зависимости, кромѣ зависимости отъ короля, которому исключительно ею обязаны.

Ленные владѣльцы, съ разрѣшенія короля, имѣли право отчуждать въ полную и вѣчную собственность другимъ часть своего лена. Отчужденный ими участокъ становился въ свою очередь личною собственностью—freehold—пріобрѣтателя, который самъ, вслѣдствіе этого, дѣлался свободнымъ мужемъ—liber homo, державцемъ леннаго владѣнія—tenens in capite. Заплативъ первоначальному владѣльцу цѣну своего участка, онъ подчинялся нѣкоторымъ обязанностямъ лишь въ отношеніи къ королю.

Но кромѣ такой окончательной передачи ленныхъ участковъ, владѣльцы имѣли обыкновеніе уступать другимъ часть своего лена подъ извѣстными условіями, формальными и вещественными. Уступки эти дѣлались навсегда, но условія, возложенныя при томъ леннымъ владѣльцемъ на пріобрѣтателя участка, должны были исполняться въ точности. Такую-то собственность Англичане называютъ copyhold, потому что обязанности ея владѣльца, какъ вассала, опредѣлялись извлеченіемъ изъ леннаго реестра, въ который вносились всѣ подобные акты. Собственникъ такого участка—copyholder—не находился ни въ какихъ непосредственныхъ отношеніяхъ къ королю; онъ зависѣлъ прямо и исключительно отъ своего леннаго господина.

Впрочемъ не только тѣ и другіе собственники, но и всѣ другіе владѣльцы, имѣющіе означенную выше сумму доходовъ, на основаніи гипотеки, залога, емфитевтическаго права, и т. под., могутъ быть избираемы такъ точно, какъ и владѣльцы, коихъ собственность есть freehold или copyhold. Но вообще эти условія, очевидно, уменьшаютъ число лицъ, подлежащихъ выборамъ въ графствахъ.

Для избираемыхъ въ бургахъ существуютъ другія условія, но они таковы, что землевладѣльцы пользуются всегда преимуществомъ. Такимъ образомъ, чтобы имѣть право быть выбраннымъ въ депутаты бурга, должно соединять въ себѣ всѣ приведенныя выше условія съ тою только разницею, что вмѣсто собственности подъ названіемъ freehold или copyhold съ 600 фунт. стерлинг. дохода признается достаточнымъ имѣть ту или другую собственность съ 300 фунт. стерл. годоваго дохода. Это правило подлежитъ двумъ исключеніямъ, но оба они опять въ пользу аристократіи. Именно старшіе сыновья англійскихъ перовъ и лица, соединяющія въ себѣ требуемыя качества, чтобы быть членами Парламента отъ графствъ, именуемыми knights of shire, могутъ быть избираемы бургами безъ всякихъ условій въ отношеніи къ цензу.

Противъ этого-то пункта, касающагося устройства Парламента, направлена требуемая въ настоящее время реформа.

Одни хотятъ уничтожить вовсе какой бы то ни было цензъ въ отношеніи къ выборнымъ.

Другіе признаютъ необходимымъ уменьшить его въ значительной степени.

Третьи требуютъ, чтобы цензъ, во что бы то ни стало, хотя бы и съ сокращеніемъ, былъ удержанъ для графствъ, но чтобы онъ былъ отмѣненъ для бурговъ.

Наконецъ истые тори не хотятъ никакой перемѣны.

Очень вѣроятно, какъ мы уже сказали, что эта борьба будетъ имѣть послѣдствіемъ билль, который утвердитъ права аристократіи съ небольшими ограниченіями, свободѣ же бурговъ дастъ прочное основаніе или значительное расширеніе.

VIII.

Но требовать полной свободы въ отношеніи къ выборамъ депутатовъ; возложить на представителей обязанность заботиться объ общественныхъ интересахъ, не думая о томъ какъ бы отвратить неудобство, представляемое недостаткомъ у нѣкоторыхъ кандидатовъ состоянія, — это значитъ остановиться на половинѣ дороги; другими словами это значитъ присвоить однимъ богачамъ право быть представителями страны. Вотъ почему хартисты въ своей народной хартіи 1839 года требовали, чтобы каждый членъ Парламента получалъ ежегодно на содержаніе 500 фунт. стерлинговъ (12,500 франковъ) изъ государственнаго казначейства. Нѣкоторыя изъ другихъ партій, стремящихся къ реформѣ, заявляютъ тоже требованіе. Поэтому не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что если графства будутъ уничтожены и цензъ отмѣненъ, то это новое начало получитъ силу закона.

Впрочемъ назначеніе жалованья членамъ Парламента не есть что либо новое въ Англіи. Въ прежнее время какъ графства, такъ и бурги выдавали изъ собственныхъ суммъ на содержаніе представителямъ графствъ по четыре шиллинга въ день, а представителямъ бурговъ по два шиллинга. Дозволялось даже избраннымъ въ депутаты вступать въ переговоры о вознагражденіи съ своими избирателями. Такъ наприм. въ знаменитомъ, классическомъ сочиненіи Блакстона упоминается, что въ 1463 году представитель Дёнвича, Джонъ Стренджъ, на все время своего засѣданія въ Парламентѣ заключилъ условіе, чтобы ему выдавалось ежегодно по полуторѣ бочкѣ сельдей.

Вотъ всѣ предметы, которые имѣетъ въ виду парламентская реформа и которые составляютъ цѣль различныхъ сторонниковъ прогресса и движенія, отражающагося въ настоящее время даже въ самыхъ отдаленныхъ углахъ старой Англіи.

Парламентъ продолжается семь лѣтъ. Требуютъ, чтобы онъ продолжался годъ или много что три года.

Избирательные округи неравны по своему пространству и представляютъ разнообразіе въ своемъ составѣ. Требуютъ, чтобы имъ было дано одинаковое устройство и чтобы число депутатовъ соотвѣтствовало народонаселенію.

Избираемые въ депутаты подлежатъ извѣстнымъ условіямъ поземельной собственности. Требуютъ въ отношеніи къ нимъ отмѣны всякаго ценза.

Наконецъ, какъ послѣдствіе всего предыдущаго, требуютъ назначенія жалованья представителямъ народнымъ.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію реформы въ отношеніи къ *избирателямъ* и къ *формѣ выборовъ*.

IX.

Партія аристократовъ и поземельныхъ собственниковъ предоставила большую часть мѣстъ въ Нижней Палатѣ землевладѣльцамъ. Чтобъ быть послѣдовательною, она должна была утвердить эти мѣста за своимъ сословіемъ, присвоивъ право назначать депутатовъ только избирателямъ, связаннымъ одинаковыми съ нею интересами, или по крайней мѣрѣ такимъ, которые бы находились въ ея зависимости. Въ самомъ дѣлѣ, отдѣливъ, какъ мы видѣли, представителей графствъ отъ представителей бурговъ, англійская аристократія должна была раздѣлить самихъ избирателей на два разряда: на избирателей въ графствахъ и на избирателей въ бургахъ.

Условія, требуемыя отъ тѣхъ и другихъ избирателей, совершенно различны.

Депутаты графствъ (knights of the shires) были первоначально, какъ мы уже сказали, представителями ленныхъ владѣльцевъ, получившихъ землю непосредственно отъ короля. Впослѣдствіи право участія въ выборахъ было предоставлено всякому жителю графства, подвѣдомственному его суду. Но эта система, которой придерживались нѣсколько времени, вскорѣ оказалась неудобною тѣмъ, что подача голоса дѣлалась слишкомъ неограниченно. Въ правленіе Генриха VI, билемъ, изданнымъ въ 1438 году, право на выборы было оставлено лишь за собственниками поземельныхъ участковъ, извѣстныхъ подъ именемъ freehold, дававшихъ по крайней мѣрѣ 40 шиллинговъ (50 франковъ) чистаго годоваго дохода; напротивъ собственники имѣній, называемыхъ copyhold, не могли быть избирателями. Участки эти должны были находиться въ графствахъ и давали право голоса лишь въ томъ графствѣ, къ округу

котораго принадлежали. По статуту Генриха VI избиратель долженъ былъ имѣть постоянное жительство въ томъ графствѣ, городѣ или бургѣ, гдѣ онъ желалъ пользоваться своимъ правомъ. Избранный былъ также обязанъ не мѣнять своего мѣстопребыванія. Впрочемъ Георгъ III, въ четырнадцатый годъ своего правленія (въ 1774 г.),отчасти отмѣнилъ это ограниченіе.

Таковы были постановленія о выборахъ до 1832 года, когда состоялся билль о реформѣ (reform-bill), произведшій измѣненія и въ законѣ, который имѣлъ силу въ теченіи болѣе 400 лѣтъ.

Новый билль подтвердилъ сначала старую привилегію, какою пользовался всякій собственникъ земли, называвшейся freehold, съ 40 шиллингами чистаго дохода, но и въ этомъ отношеніи уже были установлены нѣкоторыя ограниченія. Именно для того, чтобы такое имѣніе давало право на голосъ въ выборахъ требовалось:

1) чтобы оно было собственностью по наслѣдству;

2) чтобы избиратель, если оно принадлежитъ только пожизненно одному или нѣсколькимъ лицамъ, владѣлъ имъ до обнародованія билля (7 іюня 1832 г.) и чтобы владѣніе это продолжалось безпрерывно до самаго дня подачи голоса;

3) чтобы такое имѣніе, если оно досталось избирателю послѣ означеннаго срока, находилось у него въ дѣйствительномъ и добросовѣстномъ владѣніи въ то время, когда онъ вносился въ списокъ лицъ, имѣвшихъ право голоса;

4) наконецъ, чтобы въ случаѣ пріобрѣтенія такого имѣнія избирателемъ послѣ означеннаго срока, оно досталось ему на основаніи супружества, брачнаго контракта, раздѣла или назначенія къ какой либо должности или мѣсту.

Очевидно, что эти измѣненія не касались сущности условія, которое требовалось для того, чтобъ быть избирателемъ. По истеченіи 394 лѣтъ законъ Генриха VI могъ дѣйствительно нуждаться въ коренномъ преобразованіи. Но Англичане, какъ мы уже замѣтили, держатся упорно своихъ древнихъ законодательныхъ учрежденій. Они глубоко уважаютъ эти почтенные памятники, подъ сѣнію которыхъ выросло ихъ богатство, могущество и свобода. Но надо же было сдѣлать уступку требованіямъ вѣка, успѣхамъ просвѣщенія и стремленіямъ народа къ политической жизни. И вотъ новый

бил, съ сохраненіемъ впрочемъ старыхъ обычаевъ, учреждаетъ слѣдующіе новые разряды избирателей въ отношеніи къ цензу:

1) всякій владѣлецъ имѣнія (хотя бы по найму не болѣе какъ на одинъ годъ), которое даетъ 50 фунт. стерл. годоваго дохода, не смотря на основаніе этого владѣнія.

2) Всякій владѣлецъ по найму отъ другаго наемщика или съ правомъ перваго наемщика такого участка земли, который приноситъ 50 фунт. стерл. годоваго дохода, если первоначальный наемъ былъ заключенъ не менѣе какъ на двадцать лѣтъ, не смотря на то, сколько бы времени не осталось до окончанія срока найма.

3) Всякій наемщикъ земли на двадцатилѣтній первоначальный срокъ и всякій, кто имѣетъ право иска на такую землю, пользуется правомъ голоса, хотя бы даже не владѣлъ ею лично, если получаетъ 50 фунт. стерл. дохода.

4) Если первый наемщикъ, или тотъ, кому онъ уступилъ свое право, или вообще тотъ, кому принадлежитъ такое право, владѣетъ землею по наемному договору, заключенному по крайней мѣрѣ на 60 лѣтъ, то онъ пользуется правомъ голоса даже въ томъ случаѣ, если означенное имѣніе приноситъ только 10 фунт. стерл. годоваго дохода.

5) Тоже самое правило имѣетъ силу въ томъ случаѣ, если первый наемщикъ, или тотъ, кому принадлежитъ его право, владѣетъ землею не самъ, а чрезъ другое лице.

При этомъ не требуется выполненія какого бы то ни было условія относительно содержанія и формы наемныхъ договоровъ. Необходимо только, чтобы владѣніе продолжалось двѣнадцать полныхъ мѣсяцевъ до 31 іюля того года, въ который владѣлецъ вносится въ списокъ избирателей.

6) Наконецъ всякій владѣлецъ земли, имѣющей названіе freehold или copyhold, или какого бы то ни было леннаго имѣнія, доставшагося по наслѣдству или другимъ образомъ, даже во временное пользованіе одному или нѣсколькимъ лицамъ вмѣстѣ, имѣетъ право голоса, если такое владѣніе приноситъ не менѣе 10 фунтовъ стерлинговъ годоваго дохода.

Доходъ со всѣхъ означенныхъ имѣній долженъ быть чистый, остающійся за вычетомъ всѣхъ повинностей, кромѣ общественныхъ.

Ни одинъ избиратель не допускается къ балотировкѣ, пока не записанъ установленнымъ порядкомъ въ реестръ графства и пока не докажетъ, что владѣетъ имѣніемъ полныхъ шесть или двѣнадцать мѣсяцевъ, смотря по тому находится ли это имѣніе во владѣніи на правахъ freehold, copyhold или же на основаніи найма, непосредственнаго или посредственнаго, или же по договору, заключенному на одинъ годъ.

Таковы условія, требуемыя отъ избирателей во всѣхъ графствахъ въ отношеніи къ цензу.

Система эта, очевидно, довольно сложна, такъ что трудно дать объ ней ясное понятіе въ краткихъ словахъ. Но кромѣ того выборная система въ Шотландіи иная чѣмъ въ Англіи, а система ирландская опять отличается отъ шотландской. Наконецъ особенными билями, касающимися взаимныхъ отношеній соединенныхъ королевствъ, опредѣлены различныя условія, отъ которыхъ зависитъ право подачи голоса въ общихъ для нихъ выборахъ. Мы считаемъ однако излишнимъ останавливаться на этихъ условіяхъ, ибо принятыя въ нихъ начала суть тѣ же, какъ и разсмотрѣнныя выше, слѣдоват. не заслуживаютъ особеннаго вниманія, не смотря, можетъ быть, на нѣкоторое различіе въ цифрахъ дохода или сроковъ найма.

Перейдемъ теперь къ бургамъ.

X.

Если графства представляютъ въ лицѣ своихъ депутатовъ и избирателей интересы аристократіи и поземельной собственности, то бурги являются представителями гражданства и собственности ремесленной, торговой и движимой.

Условія, дававшія право голоса до изданія биля 1832 года, были, можно почти сказать, различны для каждаго отдѣльнаго бурга, для каждаго отдѣльнаго города.

Правила выборовъ въ бургахъ и городахъ начертаны въ хартіяхъ, кодексахъ и особыхъ учрежденіяхъ, изданныхъ для отдѣль-

ныхъ мѣстъ. Бурги эти и города приглашались къ назначенію депутатовъ каждый разъ отдѣльнымъ декретомъ короля.

Смотря по различію мѣстностей, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ голосъ въ выборахъ имѣли всѣ свободныя лица или жители, пользовавшіяся правомъ гражданства по принадлежности ихъ къ торговой или ремесленной общинѣ (livery men); въ другихъ избирателями могли быть всѣ собственники городоваго имущества, равно какъ и владѣльцы какого бы то ни было имѣнія.

Такимъ образомъ всѣ бурги и города имѣли свое особое устройство. Понятно, что это давало поводъ ко множеству затрудненій, споровъ и толковъ въ Нижней Палатѣ. Но лишь послѣ нѣсколькихъ столѣтій билль 1832 года помогъ отчасти злу. Этимъ биллемъ было постановлено, что въ бургахъ и городахъ, имѣющихъ право посылать депутатовъ въ Нижнюю Палату, всякое лице, достигшее 21 года и не лишенное закономъ своихъ правъ, можетъ быть избирателемъ, если въ мѣстѣ своего пребыванія занимаетъ домъ, магазинъ, лавку, контору или какое либо заведеніе, отдѣльно или вмѣстѣ съ другимъ имѣніемъ, которые доставляютъ ему не менѣе 10 фунт. стерл. годоваго дохода. При этомъ требуется одно только условіе, именно, чтобы такое лице было внесено въ списокъ избирателей по крайней мѣрѣ за двѣнадцать мѣсяцевъ до 31 іюля того года, въ который должны происходить выборы; сверхъ того, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ есть сборъ для бѣдныхъ, должно доказать, что къ 20 іюлю того же года имъ внесена вся слѣдовавшая съ него сумма.

Въ добавленіе къ этимъ общимъ условіямъ были издаваемы нѣкоторыя особенныя и временныя правила, не представляющія никакого интереса для иностраннаго читателя и не имѣющія теперь почти никакого значенія.

XI.

Предстоящее преобразованіе выборовъ можно разсматривать, какъ и парламентскую реформу, съ разныхъ точекъ зрѣнія. По мнѣнію радикаловъ реформа 1832 года была лишь временной и

частной мѣрой. Она никогда не удовлетворяла ихъ требованіямъ, и можно прибавить къ этому—не удовлетворяла началамъ самихъ выборовъ и справедливости. По этой причинѣ всегда слышались голоса въ пользу измѣненія законовъ, относящихся къ выборамъ и Парламенту. Требованіе это восторжествовало въ 1832 году, благодаря соединеннымъ усиліямъ гражданъ и народа. Но сословіе гражданъ въ связи съ аристократіей употребило реформу лишь для своихъ выгодъ, и билль 1832 года представляетъ торжество одного этого сословія. Фермеры и арендаторы сдѣлались избирателями въ графствахъ, а негоціанты и лавочники избирателями въ городахъ.

Съ тѣхъ поръ потребность реформы выборовъ сосредоточилась, подъ вліяніемъ нѣсколькихъ энергическихъ вождей, въ рабочемъ классѣ ремесленниковъ (въ городахъ) и земледѣльцевъ. Въ это то время образовалось знаменитое и могущественное общество *хартистовъ*, которому суждено играть такую важную роль въ настоящемъ движеніи умовъ. Но здѣсь нельзя не обратить вниманіе на одинъ странный и чрезвычайно замѣчательный фактъ. До 1832 года граждане ратовали за свои политическія права съ помощію народа, и оставили народъ, когда пріобрѣли эти права. Въ настоящую минуту, наоборотъ, граждане значительныхъ городовъ, уже пользующіеся своимъ правомъ, подаютъ руку помощи народу съ цѣлью утвердить за этимъ послѣднимъ гражданскія права и вдвинуть его въ общественную жизнь. Это, безспорно, одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ, самыхъ рѣдкихъ и самыхъ замѣчательныхъ примѣровъ, какой осуществляло когда либо политическое общество въ Европѣ. Англія представляетъ въ своемъ государственномъ развитіи удивительное зрѣлище твердаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ безпрерывнаго и мирнаго движенія, которое даруетъ постепенно каждому классу общества свободу и равенство правъ соотвѣтственно его просвѣщенію и его успѣхамъ въ отношеніяхъ нравственномъ и умственномъ.

Въ настоящемъ движеніи, какъ и въ 1832 году, принимаютъ участіе въ одно и тоже время нѣсколько разныхъ системъ.

Хартисты, съ каждымъ днемъ пріобрѣтающіе все болѣе вліянія и становящіеся все многочисленнѣе, дѣйствуя заодно съ новой партіей «сторонниковъ всеобщаго мнѣнія» (*complete suffragists*), о которой мы говорили выше, и съ большею частію радикаловъ, тре-

буютъ, чтобы право голоса было дано каждому гражданину въ равной степени, безъ различія между графствами и бургами.

Другіе, какъ наприм. Брайтъ въ Манчестерѣ, полагаютъ, что для такого всеобщаго права голоса еще не настало время и потому предлагаютъ подчинить избирателей нѣкоторымъ условіямъ ценза.

Въ отношеніи къ реформѣ выборовъ, также какъ и въ отношеніи къ реформѣ Парламента самый существенный вопросъ состоитъ въ различіи между графствами и бургами. Одни, подобно великому оратору, на котораго устремлено теперь вниманіе всей Англіи, отказываются охотно отъ всеобщаго права голоса. Имъ кажется гораздо важнѣе уничтожить аристократію въ ея послѣднемъ убѣжищѣ, чѣмъ доставить каждому гражданину возможность участвовать въ выборахъ. Такая система въ самомъ дѣлѣ болѣе соотвѣтствуетъ религіознымъ и общественнымъ принципамъ секты *квакеровъ*, къ которой принадлежитъ большая часть этой партіи.

Между тѣмъ поземельная аристократія и партія господствующей Церкви, стремящіяся къ сохраненію древняго порядка и привилегіи, которыми всегда пользовалось дворянство, имѣютъ сильную поддержку въ бо̀льшей части виговъ.

Повторяемъ: борьба будетъ упорная и собственники земли, коихъ интересы представляетъ и настоящій Кабинетъ, станутъ изо всѣхъ силъ защищать свои права. Чтобы доставить торжество ихъ системѣ, т. е. сохранить ихъ первенство, партія тори и министерство, вѣроятно, рѣшатся на всѣ возможныя уступки городамъ и бургамъ, лишь бы оставить неприкосновенными привилегіи графствъ.

Впрочемъ каковы бы ни были послѣдствія этой замѣчательной борьбы, нѣтъ сомнѣнія, что̄ въ окончательномъ результатѣ, она приведетъ къ великой реформѣ.

Судя по нѣкоторымъ признакамъ, должно полагать, что настоящее различіе между графствами и бургами останется въ силѣ. Выборный цензъ въ графствахъ будетъ значительно уменьшенъ, равно какъ и цензъ въ городахъ. Если же, для того, чтобы сохранить преимущества, связанныя съ учрежденіемъ графствъ, придется даровать право всеобщей подачи голоса, то аристократія рѣшится на эту жертву не изъ симпатіи къ нуждамъ и требованіямъ народа, а съ цѣлью поддержать свои права и самое свое существованіе,

Исчисляя партіи, мы не касаемся *истыхъ тори*, принадлежащихъ къ числу консерваторовъ. Эта партія не будетъ содѣйствовать никакимъ особеннымъ уступкамъ какъ въ реформѣ выборовъ, такъ и въ реформѣ Парламента.

Мы умолчимъ также о тѣхъ особенныхъ системахъ, какія возникнутъ, вѣроятно, въ продолженіи различныхъ митинговъ или заявятъ свой голосъ въ журналахъ и сочиненіяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти партіи и системы сольются скоро въ одно, и что митингъ, происходившій въ Лондонѣ и избравшій докладчикомъ знаменитаго Брайта, будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ одинъ общій проектъ, противъ котораго возстанутъ, можетъ быть, нѣкоторыя радикальныя партіи, но къ которому пристанутъ почти всѣ сторонники реформы, признавая возможнымъ отложить на нѣкоторое, впрочемъ близкое время окончательное осуществленіе своихъ стремленій и принциповъ.

XII.

Послѣдній предметъ въ настоящемъ движеніи, занимающемъ всѣ умы и партіи, относится къ формѣ выборовъ. Вникнувъ глубже въ сущность этого предмета, не трудно понять какъ возможна и удобоисполнима въ Англіи всеобщая подача голосовъ, которая уже существуетъ здѣсь какъ обычай и притомъ въ самой первоначальной и грубой формѣ.

Вотъ въ самомъ дѣлѣ, какъ происходятъ въ Англіи выборы.

По полученіи на мѣстѣ билля (writ) о созваніи одной или нѣсколькихъ коллегій къ выборамъ, *шерифъ* графства или *lord-mayor* города или бурга собираетъ жителей для назначенія представителей. Въ городахъ и бургахъ народъ, собранный подъ чистымъ небомъ или въ древнихъ общинныхъ залахъ, которымъ, по обширности, нѣтъ равныхъ на материкѣ Европы, безъ различія состоянія, возраста и пола, изъявляетъ движеніемъ рукъ свое мнѣніе о кандидатахъ, представляемыхъ ему на особомъ возвышеніи (*hustings*).

Выборы составляютъ въ этой странѣ торжественный народный праздникъ. Все волнуется, кипитъ, радуется и веселится. Воз-

духъ оглашается звуками оркестровъ, за которыми тянутся длинныя вереницы гражданъ. Всякій украшенъ цвѣтомъ того кандидата, котораго желаетъ выбрать. Всѣ дома, балконы и окна увѣшаны знаменами и тканями. Все тѣснится; на дамахъ самые изящные наряды. Публичная жизнь проявляется здѣсь во всемъ своемъ блескѣ: нигдѣ не видно какого бы то ни было оружія. Войска обязаны находиться въ двухъ миляхъ отъ мѣста выборовъ, и не ранѣе какъ черезъ день послѣ ихъ окончанія имъ дозволяется возвращаться на свои квартиры. Англичане не допускаютъ даже предположенія, чтобы сторонняя власть могла имѣть вліяніе на ихъ свободу въ отношеніи къ выборамъ.

Правда, иногда дѣло доходитъ до жаркихъ споровъ, до стычекъ и даже кровопролитія, но это бываетъ очень рѣдко, какъ исключеніе.

Таковы настоящіе выборы въ Англіи. Подача голосовъ уполномоченными избирателями (*poll*) имѣетъ мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда кто либо изъ кандидатовъ, представленныхъ народу, бываетъ недоволенъ тѣмъ мнѣніемъ, какое, на основаніи движенія рукъ цѣлой толпы, провозглашаетъ находящійся при этомъ чиновникъ отъ Правительства. Тогда одни избиратели, внесенные въ списки, объявляютъ громкимъ голосомъ, въ назначенныхъ заранѣе отдѣленіяхъ, кому изъ кандидатовъ они отдаютъ преимущество.

Противъ этого-то порядка выборовъ направлена теперешняя реакція: его хотятъ замѣнить письменною и закрытою подачею голосовъ, или *баллотированіемъ*, какъ называютъ это Англичане. Такіе выборы были уже предложены въ 1839 году, въ знаменитой *народной хартіи.*

Зная систему выборовъ въ Англіи, можно сказать безошибочно, что избиратели никогда не подаютъ своего голоса вполнѣ свободно, по своей совѣсти и желанію. Именно въ графствахъ право выбора принадлежитъ почти исключительно землевладѣльцамъ и фермерамъ богатыхъ помѣщиковъ. Вліяніе этихъ послѣднихъ на лица, находящіяся у нихъ въ зависимости, безъ сомнѣнія сильно препятствуетъ добросовѣстной подачѣ голосовъ.

Такимъ образомъ изъ разсмотрѣнія существующаго въ Англіи порядка выборовъ реформа въ этомъ отношеніи оказывается необ-

ходимою. Вотъ почему можно думать, что изъ всѣхъ требуемыхъ реформъ она встрѣтитъ наиболѣе сочувствія и единодушія. Прежній обычай, столь благопріятствующій свободному изъявленію народной воли, конечно не будетъ нарушенъ; возвышенія, на которыхъ кандидаты представляются народу, останутся въ цѣлости; но какъ скоро сдѣланный толпою выборъ окажется несостоятельнымъ, то мѣсто его будетъ заступать урна, въ которой, какъ въ непроницаемомъ ковчегѣ, англійскіе граждане найдутъ надежный пріютъ для своей свободной, независимой мысли.

ВИКТОРЪ ФЕДЭ.

О ЖИЛИЩАХЪ ДЛЯ РАБОЧИХЪ.

—

Положеніе рабочихъ составляетъ въ настоящее время въ западной Европѣ одинъ изъ предметовъ, занимающихъ въ сильной степени и Правительства и писателей. Въ нашемъ отечествѣ потребность въ мѣрахъ къ улучшенію быта ремесленниковъ разнаго рода, по тѣсной связи, въ какой находится у насъ ремесленная и особенно фабричная промышленность съ земледѣльческими занятіями, далеко не такъ настоятельна; но въ Петербургѣ и въ Москвѣ, а на фабрикахъ и въ незначительныхъ даже городахъ и селеніяхъ, оказывается необходимымъ заботиться какъ о помѣщеніи и содержаніи рабочихъ, такъ и о нравственномъ ихъ улучшеніи. Въ С.-Петербургѣ, какъ извѣстно, положеніе рабочихъ и ихъ жилища уже были предметомъ занятій учрежденной для этого коммиссіи, которая въ своемъ отчетѣ представила рядъ мрачныхъ видѣнныхъ ею картинъ. На этомъ основаніи и у насъ признано полезнымъ учредить Общество, которое будетъ имѣть цѣлью устроивать дешевыя помѣщенія для неимущихъ, а въ томъ числѣ въ особенности для рабочихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта забота о матеріальномъ благосостояніи ремесленниковъ подѣйствуетъ на возвышеніе ихъ нравственности. Пока рабочій не имѣетъ собственнаго опрятнаго, сухаго и теплаго жилища, пока онъ обязанъ жить врознь съ своимъ семействомъ, онъ всегда будетъ охотно проводить свободныя минуты въ харчевняхъ, питейныхъ и другихъ подобныхъ мѣстахъ, которыя

дѣйствуютъ на него такъ вредно во всѣхъ отношеніяхъ (*). Вотъ почему мы надѣемся, что предлагаемая здѣсь статья, заимствованная изъ одного нѣмецкаго сочиненія объ этомъ предметѣ (**), будетъ имѣть интересъ для нашихъ читателей не только вообще по своему предмету, но также отчасти по практическому ея значенію и въ примѣненіи къ нашимъ рабочимъ.

Редакторъ.

Архитектура и строительная полиція не обращали до сихъ поръ вниманія на жилища рабочаго класса.

Архитектура, въ разныя эпохи своего развитія преслѣдуя одну идеальную цѣль искусства, посвящала себя лишь храмамъ и дворцамъ, и въ этомъ отношеніи оставила намъ образцовыя произведенія. Въ новѣйшее время, подъ вліяніемъ духа промышленности, стараясь соединять изящное съ полезнымъ, она успѣла и здѣсь оказать человѣчеству значительныя услуги. Но вмѣсто того, чтобы позаботиться о нуждахъ народа, оставленныхъ въ пренебреженіи, она стремилась къ тому, чтобы вытѣснить жилища низшихъ классовъ изъ блестящихъ улицъ и отвести имъ въ замѣнъ того жалкіе углы—гнѣздилища нищеты и другихъ бѣдствій.

Разрушая жилища, лишенныя свѣта и воздуха, разрушая душные подвалы, служившіе убѣжищемъ для рабочаго класса и замѣняя ихъ или болѣе удобными помѣщеніями для людей достаточныхъ, или лавками, конторами и магазинами, которыхъ число безпрерывно увеличивается, архитектура вводитъ существенныя измѣненія въ городскихъ постройкахъ. Но эти улучшенія дѣлаются въ ущербъ низшему классу, вытѣсняемому окончательно и изъ домовъ и изъ

(*) Я никогда не забуду нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ мною проѣздомъ въ г. Вязникахъ (Владимірской губ.) въ одной комнатѣ по близости трактира, гдѣ собрались фабричные послѣ дневной работы напиться чаю, но гдѣ они оставались далеко за полночь. Свѣжій человѣкъ не можетъ себѣ представить какая это была оргія, какой развратъ въ самомъ грубомъ видѣ долеталъ до слуха. И неужели правда, какъ мнѣ сказывали, что это повторяется каждую ночь. *Ред.*

(**) Krummel's: „Ueber Arbeiterwohnungen und Baugesellschaften" въ Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft (14-ter Jahrg., 1-s Heft).

центра городовъ, и оставляемому такимъ образомъ безъ пріюта. Благодаря заботамъ о жилищахъ для высшихъ и среднихъ сословій, требующихъ полнаго простора, рабочему классу не остается болѣе мѣста въ лучшихъ частяхъ города, въ тѣхъ главныхъ торговыхъ центрахъ, гдѣ всего удобнѣе развиваться его промысламъ. Гдѣ же поселиться этимъ несчастнымъ какъ не въ грязныхъ предмѣстіяхъ, въ узкихъ переулкахъ, или за городскими воротами, вдали отъ церквей, школъ, рынковъ и другихъ общественныхъ пунктовъ? Подобныя сборища простолюдиновъ не должны ли однако обратиться въ опасныя толпы пролетаріевъ, и отдѣльность ихъ отъ прочаго общества не должна ли вызывать ихъ къ попыткамъ комунизма и соціализма?

Въ средневѣковыхъ городахъ еще было довольно простора для всѣхъ классовъ народонаселенія. Въ большихъ домахъ съ многочисленными надстройками не только размѣщалась удобно вся прислуга, но и ученики и подмастерья, какъ члены хозяйскаго семейства, всегда жили съ нимъ же. Теперь работникъ свободенъ отъ «стѣснительныхъ порядковъ хозяина»: господа заняли всѣ безъ исключенія блестящіе дома въ главныхъ улицахъ; прислугѣ дается по крайности какое либо незавидное помѣщеніе, а работникъ лишь съ трудомъ и за дорогую цѣну можетъ найти себѣ уголъ гдѣ нибудь въ предмѣстіи.

Понятно, что въ настоящемъ случаѣ главнымъ образомъ обязана дѣйствовать архитектура заодно съ законодательствомъ, направленнымъ къ той же цѣли. Она должна имѣть своимъ предметомъ не однѣ роскошныя постройки, но также дома среднихъ и низшихъ сословій до мельчайшихъ подробностей въ ихъ устройствѣ, стараясь примѣнить ихъ къ характеру и требованіямъ вѣка. Необходимо принять мѣры къ улучшенію и преобразованію жилищъ для чернаго народа въ отношеніи къ ихъ простору, наружному виду и общественнымъ нуждамъ.

Что касается до строительной полиціи, то съ одной стороны она часто бываетъ безъ особенной надобности строга и придирчива. Стремленіе къ однообразію, положившее свою печать на всѣ новѣйшіе города, не допускаетъ устройства удобныхъ и дешевыхъ жилищъ тамъ, гдѣ бы слѣдовало для пользы неимущихъ; давно ненужныя городскія стѣны запрещаютъ разрушать и тѣмъ самымъ

заставляютъ тысячи людей жаться въ тѣсной оградѣ; подрядчикамъ дѣлаютъ всевозможныя притѣсненія; конкуренцію стѣсняютъ и тяжелыми налогами отнимаютъ у частныхъ лицъ всякую охоту къ постройкамъ. Съ другой стороны строительная полиція въ высшей степени поверхностна и неосновательна: она не обращаетъ должнаго вниманія на водопроводы и стоки, на чистоту улицъ, и т. п. Послѣ этого удивительно ли, что на глазахъ самого Правительства, въ столицахъ и большихъ городахъ развивается крайняя нищета, которая однако въ продолженіе многихъ лѣтъ остается незамѣченной.

Но прежде нежели мы будемъ говорить о средствахъ для того, чтобы помочь злу, намъ кажется неизлишнимъ коснуться двухъ обстоятельствъ, на значеніе которыхъ было обращено слишкомъ мало вниманія. Мы хотимъ указать на глубокое вліяніе жилища, домашняго очага на жизнь рабочаго и на непремѣнную обязанность домовладѣльцевъ и производителей принять въ этомъ дѣлѣ живое участіе. Здоровье и нравственность рабочаго и его семейства условливаются въ сильной степени мѣстомъ жительства. Въ тѣснотѣ многолюдныхъ квартиръ, гдѣ часто, безъ различія пола и возраста, живутъ вмѣстѣ женатые и холостые, искушеніе сторожитъ бѣдняка на каждомъ шагу; порокъ и безнравственность окружаютъ его со всѣхъ сторонъ. Лишенный всѣхъ удобствъ жизни, не имѣя ни родины, ни клочка земли, онъ ищетъ пристанища въ шинкахъ и пивныхъ, гдѣ окончательно гибнутъ его нравственность и зависящее отъ него благосостояніе его семейства. Напротивъ того рабочій, имѣющій удобное, здоровое помѣщеніе, пріятно проводитъ свободные часы въ своей семьѣ; съ ней онъ отдыхаетъ и тѣломъ и душой. Все это относится не только къ мастеровымъ, работающимъ у себя дома или въ своихъ мастерскихъ, но и къ той болѣе многочисленной части рабочаго класса, которая занимается на фабрикахъ или подъ открытымъ небомъ и лишь на короткое время возвращается въ свое жилище. Здѣсь-то, въ маленькой комнаткѣ, сосредоточивается для рабочаго весь его домашній бытъ; здѣсь онъ живетъ съ женой и дѣтьми; здѣсь отдыхаетъ отъ тяжкихъ трудовъ и отсюда выходитъ съ свѣжимъ запасомъ силъ на новую работу. Какъ ни коротко время, которое проводитъ онъ въ этомъ жилищѣ, но оно служитъ постояннымъ мѣстопребываніемъ для его семьи и если лѣто порой вызываетъ

ее на свѣжій воздухъ, то зима тѣмъ тѣснѣе соединяетъ всѣхъ вокругъ домашняго очага. Особенно важно значеніе семьи въ столицахъ и большихъ промышленныхъ городахъ, потому что они-то и сдѣлались главными разсадниками порока и разврата. Всѣ обстоятельства, содѣйствовавшія къ ихъ возвышенію, развитію и блеску, были въ то же время причиной той испорченности и того растлѣнія нравовъ, которое охватило и низшіе и высшіе классы. Здѣсь встрѣчаются рядомъ добро и зло, серьозный умъ и легкомысліе, излишество и недостатокъ, обманчивая роскошь и на показъ выставленная нищета, чванство и пошлая бездарность;—все это странно перепутано и представляетъ безчисленныя противорѣчія. Изъ совокупнаго дѣйствія этихъ разнородныхъ причинъ: пресыщеннаго ума, безумной жажды наслажденій и неутомимой дѣятельности, направленной къ сохраненію и улучшенію земнаго существованія, возникла та испорченность нравовъ, жертвою которой стали очень многіе, и то растлѣніе, которое такъ глубоко проникло во всѣ слои общества. Въ прежнія времена работникъ находился съ своимъ хозяиномъ въ болѣе тѣсныхъ сношеніяхъ, чѣмъ теперь, — цѣлый день трудился онъ въ его мастерской, подъ его надзоромъ; обѣдалъ и ужиналъ съ его семействомъ; спалъ въ его домѣ; слѣдовательно не былъ отчужденъ отъ домашняго быта и подчинялся заведенному въ домѣ порядку. Цехъ замѣнялъ ему до извѣстной степени сосѣдей и родственниковъ; семейство хозяина замѣняло ему родительскій домъ. Изъ всего этого не много уцѣлѣло въ наше время, а собственно на фабрикахъ не уцѣлѣло ничего. Въ большихъ городахъ уголъ, нанимаемый большею частію у такъ называемыхъ *вдовъ*, служитъ работнику ночлегомъ; въ трактирѣ ѣстъ онъ и пьетъ; о семействѣ же своего хозяина не имѣетъ понятія: въ домѣ его онъ не бывалъ и знаетъ только свою мастерскую. Обязанность его ограничивается заданной работой и у нѣкоторыхъ фабрикантовъ подмастерьямъ уже платится поштучно. «Когда ты кончишь заданную работу, ты получишь деньги»: вотъ все что хозяинъ говоритъ подмастерью или фабрикантъ работнику; далѣе онъ объ немъ не заботится; ему все равно честенъ или нѣтъ его мастеровой. Такимъ образомъ послѣдній остатокъ вліянія и власти хозяина исчезъ совершенно. Въ прежнія времена работникъ только по воскреснымъ днямъ и развѣ еще по понедѣльникамъ находилъ случай

посѣтить трактиръ; теперь же онъ идетъ туда обѣдать и тамъ проводитъ свободные часы, потому что ему невыносимъ душный и тѣсный уголъ, который онъ нанимаетъ гдѣ нибудь на чердакѣ или въ подвалѣ. Теперь трактиръ сдѣлался для него тѣмъ, чѣмъ прежде былъ отцовскій кровъ на родинѣ и домъ хозяина на чужой сторонѣ.

Трудно исчислить все зло, которымъ угрожаетъ эта безпріютная жизнь рабочаго класса. Пьяныя пирушки съ безнравственными рѣчами и пѣснями, съ буйными криками, съ бранью и дракой суть необходимое и ближайшее послѣдствіе трактирной жизни. Нищетѣ и бездомности рабочаго класса обязаны мы распространеніемъ соціальныхъ и комунистическихъ идей и тѣхъ политическихъ бредней, которыя возникли въ сороковыхъ годахъ. Къ счастію, они теперь уже забыты, владычество блузниковъ миновало, но настроеніе умовъ грубой массы, испорченной трактирной жизнью, отвыкшей отъ домашняго быта и утратившей религіозныя начала, остается по прежнему опаснымъ. Въ смутное время эта безнравственная и революціонная толпа выступитъ съ прежними дерзкими требованіями, ибо ей нечего терять,—домашній очагъ не привязываетъ ее къ семьѣ и къ общинѣ; ниспроверженіе существующаго порядка должно казаться ей привлекательнымъ.

Въ послѣдніе годы классъ рабочихъ совершенно утратилъ чувство любви къ родинѣ. И въ самомъ дѣлѣ, что̀ можетъ привязывать этотъ классъ къ землѣ, къ государству и къ общинѣ, когда у него нѣтъ роднаго угла, гдѣ семейство его дѣлило бы съ нимъ и радость и горе, когда онъ не знаетъ, гдѣ найдетъ себѣ работу на слѣдующій годъ. Не долженъ ли онъ все болѣе и болѣе терять сочувствіе и къ мѣстнымъ и къ общественнымъ интересамъ и утрачивать любовь къ порядку и спокойствію?

Вотъ причины, почему необходимо доставить рабочимъ возможность пріобрѣсти хотя небольшую собственность, или, какъ превосходно сказалъ Гофманъ (въ статьѣ о жилищахъ рабочихъ и бѣдныхъ) «чернорабочихъ, лишенныхъ собственности, обратить въ работающихъ собственниковъ.»

Тщетно было бы проповѣдывать пролетарію умѣренность и воздержаніе; ничѣмъ не владѣя, не имѣя даже отчизны, онъ живетъ себѣ день за день, слушается своихъ побужденій,

ѣстъ, пьетъ, не заботясь о слѣдующемъ днѣ, и его совѣсть молчитъ. Къ тому же самые бѣдные классы чернаго народа размножаются несравненно скорѣе другихъ классовъ, ибо, говоря словами Мальтуса, ничто такъ не плодится какъ бѣдность. Но какъ только рабочіе получатъ возможность пріобрѣсти себѣ прочную собственность и жилище, удобное и здоровое, то тотчасъ же произойдетъ сама собою перемѣна въ домашнемъ и нравственномъ быту ихъ семействъ: тотъ, кто испыталъ преимущество и удовольствіе имѣть собственность, конечно постарается доставить ихъ и своимъ дѣтямъ.

На тѣхъ, которые пользуются лучшими плодами современнаго образованія, лежитъ въ особенности обязанность содѣйствовать всѣми силами возвышенію нижнихъ классовъ и улучшенію ихъ быта. Но здѣсь требуется не столько денежныхъ жертвъ, сколько личной дѣятельности, заботы и времени. Впрочемъ, если немногіе изъ лицъ, дающихъ другимъ работу, заняты единственно накопленіемъ сокровищъ или же мотовствомъ, не думая о своихъ благороднѣйшихъ обязанностяхъ, за то и очень мало такихъ, которые бы вполнѣ сознавали лежащій на нихъ нравственный долгъ и были бы готовы принести личныя и вещественныя жертвы. Нельзя не пожелать, чтобы по крайней мѣрѣ эти послѣдніе убѣдились, какъ много зависитъ отъ нихъ судьба работника и какъ благодѣтельно пользоваться властью, которую имѣешь надъ подчиненными, для ихъ блага, стараясь пріобрѣсти нравственное надъ ними вліяніе—строгостью, когда ихъ дѣйствія порочны, любовью, когда они того заслуживаютъ.

Нельзя однако не сознаваться, что и рабочіе вовсе не привыкли видѣть къ себѣ участіе: они готовы считать его за нарушеніе своихъ правъ и свободы и даже, можетъ быть, съ презрѣніемъ отказались бы отъ помощи благонамѣренныхъ производителей. Но если опытъ докажетъ, что послѣдніе искренно желаютъ работнику добра и что они при этомъ не ищутъ своихъ исключительныхъ выгодъ, то, безъ сомнѣнія, очень скоро заслужатъ его довѣріе. Напротивъ, пока производитель въ своемъ домашнемъ быту и жизни все болѣе и болѣе чуждается рабочихъ, они неизбѣжно должны питать къ нему нерасположеніе и злобу, а онъ въ свою очередь станетъ вести постоянную съ ними борьбу, и такимъ образомъ са-

мыя непріязненныя отношенія являются послѣдствіемъ превратнаго воззрѣнія на жизнь.

Впрочемъ, доставляя рабочимъ возможность имѣть хорошую недорогую квартиру и вообще содѣйствуя имъ въ пріобрѣтеніи собственности, производители способствуютъ и своимъ личнымъ интересамъ. Постоянно возвышающаяся плата за работу зависитъ большею частію отъ возвышенія цѣнъ на всѣ жизненныя потребности и преимущественно на квартиры, которыя поглощаютъ у мастеровыхъ несоразмѣрную часть выручаемыхъ работою денегъ. Можно не безосновательно думать, что устройство дешевыхъ и удобныхъ квартиръ удержало бы на мѣстѣ многихъ и притомъ самыхъ лучшихъ работниковъ. А что для большихъ предпріятій постоянное осѣдлое населеніе рабочихъ столь же важно, какъ хорошія машины и усовершенствованная техника, въ этомъ гг. фабриканты конечно согласятся съ нами, имѣя въ виду новѣйшіе опыты, не говоря уже о томъ, что такіе работники легче переносятъ разныя случайныя неудачи.

Изъ всего предыдущаго видно, какіе именно недостатки по части строительной требуютъ настоятельно и притомъ въ скорѣйшее время самыхъ коренныхъ исправленій. Разсмотримъ теперь, гдѣ найти средство для отвращенія зла, и какія существуютъ данныя для осуществленія предполагаемой цѣли.

Конечно всѣ согласны въ томъ, что необходимо заняться перестройкою домовъ, назначаемыхъ для небогатыхъ людей, для того, чтобы доставить имъ твердое основаніе къ жизни. Но дѣло состоитъ не въ достиженіи совершенства въ отдѣльныхъ случаяхъ, а въ улучшеніи построекъ такого рода вообще. Не останавливаясь на Англіи и Франціи, гдѣ бѣдственное положеніе рабочаго класса нуждается въ самой безотлагательной помощи, мы должны замѣтить, что вопросъ о жилищахъ для рабочихъ имѣетъ такое глубокое, такое важное значеніе для всякаго народа, что онъ вполнѣ заслуживаетъ самаго обстоятельнаго разъясненія. Ошибки, сдѣланныя однажды, не легко будетъ исправлять въ послѣдствіи: для этого потребовались бы значительныя средства; но кромѣ того здѣсь должно имѣть въ виду потребность, еще болѣе важную, именно преобразованіе общественнаго положенія значительной части народонаселенія въ государствахъ, улучшеніе ея нравственное и экономическое.

Нѣтъ, безъ сомнѣнія, въ настоящемъ случаѣ ничего легче, какъ обратиться къ рабочему классу съ знаменитымъ изреченіямъ: help your self (помогайте сами себѣ); но многіе ли рабочіе имѣютъ возможность сами собою измѣнить свой домашній бытъ и принять нужныя мѣры для того, чтобы доставить себѣ дешевыя квартиры? У бо́льшей части изъ нихъ недостаетъ необходимыхъ къ тому средствъ и свѣдѣній; отчасти легкомысліе и неразуміе, а отчасти безпрерывныя заботы о насущномъ кускѣ хлѣба едва дозволяютъ имъ даже объ этомъ подумать. Не только трудно совершенно измѣнить бытъ этихъ людей, но и сдѣлать ихъ способными къ принятію улучшеній: ими овладѣли сонливость и всякое отсутствіе энергіи, являющіяся какъ послѣдствіе ихъ бѣдственной жизни и неблагопріятныхъ отношеній, въ какихъ они постоянно находились къ другимъ. Уже не разъ было замѣчено, что работникъ, преимущественно же ремесленникъ, имѣетъ самое неясное понятіе о своемъ положеніи въ обществѣ, объ условіяхъ жизни, о дальнѣйшемъ развитіи. Неопредѣленность въ заработкахъ побуждаетъ его, когда заведутся у него деньги, пожить пороскошнѣе хоть нѣсколько дней; къ тому же у него нѣтъ почти надежды сдѣлаться современемъ самому хозяиномъ какого либо мастерства или фабрикантомъ

И такъ остается одно средство, именно то, чтобы сами владѣльцы имуществъ и капиталовъ подали помощь рабочимъ, чтобы они объяснили имъ необходимостъ перемѣны въ ихъ быту и сами бы ихъ къ тому поощряли. Но еслибы кто захотѣлъ ограничиться однимъ совѣтомъ, то многіе изъ рабочихъ скажутъ: «ему хорошо говорить,» или «что тебѣ за дѣло? я самъ себѣ господинъ, я не ребенокъ и съумѣю о себѣ обдумать.» Если же напротивъ они увидятъ, что въ ихъ судьбѣ принимаютъ дѣятельное участіе, то лишь въ рѣдкихъ случаяхъ отвергнутъ помощь. На Бельгійскомъ конгрессѣ о благотворительности единогласно признано, что именно въ отношеніи къ жилищамъ рабочіе охотно соглашались на предлагаемое имъ пособіе и что очень немногіе отказывались отъ него, не довѣряя безкорыстію владѣльцевъ или изъ неудовольствія, что мѣшаются въ ихъ частныя дѣла.

Необходимо доказать, по возможности, владѣльцамъ, что соединеніе нѣсколькихъ капиталовъ для этой цѣли не есть вовсе не-

практичное дѣло, и тогда, нѣтъ сомнѣнія, къ ней обратится частная спекуляція. До сихъ поръ составленію обществъ, которыя соединяли бы для такого предпріятія значительныя суммы, всего болѣе препятствуетъ убѣжденіе, что чрезвычайно трудно и непріятно завѣдывать и управлять домами, гдѣ живутъ рабочіе и т. под. люди. Но почему здѣсь болѣе труда, чѣмъ при другихъ спекуляціяхъ? Развѣ не извѣстно, что дѣлаясь хозяиномъ, человѣкъ становится основательнѣе? Не доказываетъ ли напротивъ незнаніе потребностей простаго народа и какую-то боязнь къ предпріятіямъ, имѣющимъ соціальный характеръ, что не рѣшаются употребить деньги на такія постройки, которыя обѣщаютъ вѣрные проценты, между тѣмъ какъ охотно отдаютъ большія суммы на другіе обороты, представляющіе несравненно болѣе риска.

Послѣдніе конгрессы по дѣлу о благотворительности въ Брюсселѣ и Франкфуртѣ достаточно доказали, что капиталы, употребленные на постройки такого рода, доставляютъ вообще выгодную ренту. Лондонское Строительное Общество получаетъ отъ 4½ до 5¾ процентовъ, слѣдоват. въ сложности 5; Берлинское 6 процентовъ, хотя, правда, третья часть ихъ идетъ на погашеніе долга. На Брюссельскомъ конгрессѣ было сообщено Вардомъ, что въ образцовыхъ домахъ, построенныхъ въ Лондонѣ, квартиры всегда заняты, что за нихъ хорошо платятъ и что между прочимъ одно отдѣленіе изъ сорока домовъ, въ которыхъ передѣлки съ предполагаемой цѣлью стоили 200 фунт. стерл., приноситъ въ настоящее время своему хозяину ежегодно 120 ф. ст. болѣе, чѣмъ прежде, а съ другой стороны и жильцы совершенно довольны новыми квартирами.

Такъ какъ потребность въ удобныхъ и дешевыхъ жилищахъ есть общая для всѣхъ классовъ, то и передѣлку квартиръ должно предпринять въ обширномъ объемѣ. Не только рабочему, но и лавочнику, купцу, ремесленнику, чиновнику и т. под. необходимо болѣе удобное помѣщеніе. Недостаточно отводить новыя улицы и части города для рабочихъ: опытомъ дознано, что напримѣръ въ Парижѣ и Берлинѣ наемная плата за квартиры отъ этого не понизилась, и что рабочихъ по прежнему продолжали вытѣснять изъ домовъ. Тогда только спекуляція имѣетъ свободный ходъ, когда ей дается возможность, не смотря на

*

мѣстности, скупать, передѣлывать и вновь строить дома во всѣхъ частяхъ города, гдѣ представляется это болѣе удобнымъ и выгоднымъ для означенной цѣли: такимъ образомъ, входя въ конкуренцію съ домовладѣльцами, она въ состояніи понизить наемную плату за квартиры. Нельзя конечно ожидать, чтобы эта плата упала до цифры, существовавшей десять и двадцать лѣтъ тому назадъ. Всѣ условія, отъ которыхъ она зависитъ: подати съ домовъ, поддержаніе ихъ и погашеніе капитала ихъ стоимости (куда слѣдуетъ причислить и прибыль, получаемую домовладѣльцемъ) въ послѣднее время болѣе или менѣе возвысились. Особенно увеличились подати въ слѣдствіе увеличенія общественныхъ бюджетовъ во всѣхъ большихъ городахъ. Поэтому прежде всего должно заняться устройствомъ болѣе удобныхъ и здоровыхъ квартиръ съ распредѣленіемъ ихъ по всѣмъ правиламъ архитектуры. Соединеніе же капиталовъ и рабочихъ силъ и составленіе компаній для скупки въ большомъ размѣрѣ земли подъ строенія, равно какъ для заготовленія гуртомъ нужныхъ матеріаловъ, уравновѣсятъ наемныя цѣны, возвысившіяся подъ вліяніемъ означенныхъ условій.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію, какими основаніями слѣдуетъ руководствоваться при осуществленіи реформы разсматриваемыхъ помѣщеній.

Мы видѣли, что бѣдствію, происходящему отъ недостатка квартиръ, можно пособить лишь значительнымъ увеличеніемъ числа домовъ. Слѣдовательно первое дѣло должно состоять въ изысканіи всѣхъ средствъ, которыя бы возбудили въ капиталистахъ желаніе строиться. Главное тому препятствіе представляетъ до сихъ поръ недостатокъ въ капиталахъ, которые не употребляются на домà по причинѣ незначительнаго дохода, какой они приносятъ, а отдаются на другія предпріятія, доставляющія болѣе процентовъ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ можетъ побудить капиталиста къ покупкѣ или постройкѣ дома, когда онъ получаетъ отъ него не болѣе 4 до 5 процентовъ, хотя и вѣрныхъ; но не заманчивыхъ при нынѣшнихъ спекуляціяхъ, щедро надѣляющихъ всѣхъ и каждаго акціями, которыя даютъ гораздо болѣе, а въ будущемъ сулятъ еще лучшій дивидендъ. Не должно ли было до крайности упасть значеніе недвижимой собственности въ предпріятіяхъ, направленныхъ къ полученію барышей, съ тѣхъ поръ какъ жажда спекуляцій распространилась изъ

Франціи по земному шару и частные капиталы обратились исключительно къ движимымъ имуществамъ. Впрочемъ въ этомъ неразборчивомъ стремленіи заключается и средство къ прекращенію зла. Денежный кризисъ, въ которомъ мы теперь находимся, безъ сомнѣнія не замедлитъ возвратить частные капиталы къ недвижимой собственности.

Но чтобы упрочить предстоящую перемѣну въ этомъ отношеніи необходимы еще другія мѣры. Сюда должно прежде всего отнести публичныя учрежденія въ обширныхъ размѣрахъ для ипотечнаго кредита.

Существенную пользу принесли бы въ настоящемъ случаѣ городскія кредитныя кассы, основанныя на правилахъ взаимнаго соединенія кредита. Кассы эти могли бы упрочить свой основной капиталъ частію дѣлая займы за поручительствомъ всѣхъ соучастниковъ, частію принимая постоянные вклады отъ самихъ соучастниковъ за соотвѣтствующіе проценты. Возвращеніе выданныхъ въ заемъ капиталовъ съ процентами должно быть облегчено разрѣшеніемъ вносить ихъ въ кассы умѣренными суммами, назначенными на погашеніе долга. Необходимыя къ тому средства найдутся, безъ сомнѣнія, въ существующихъ уже сохранныхъ кассахъ, благотворительныхъ учрежденіяхъ и обществахъ и т. п. Наконецъ когда жилища будутъ устроены согласно съ предполагаемою цѣлью, легко можно будетъ пустить въ оборотъ самыя строенія съ правомъ передавать ихъ изъ однихъ рукъ въ другія.

Не менѣе важно заняться измѣненіемъ правилъ, относящихся къ постройкамъ, столь уже устарѣлыхъ и ограничивающихъ какъ возведеніе новыхъ зданій, такъ и внутреннее ихъ устройство; необходимо высшее техническое развитіе строительнаго искусства, которому могутъ дать ходъ основанныя съ этою цѣлью ремесленныя школы и высшія заведенія для образованія дѣльныхъ подрядчиковъ и мастеровъ; много пользы принесли бы также проекты для распространенія въ разсматриваемомъ отношеніи городовъ; улучшеніе законовъ объ отчужденіи собственности; введеніе новыхъ желѣзныхъ и глиняныхъ трубъ по англійской системѣ, и т. д.

Но перейдемъ къ самому устройству жилищъ для рабочаго класса.

Первый вопросъ касается *мѣстности*, которую должны занимать такія жилища. Осуществленіе мысли объ ихъ улучшеніи, съ цѣлью

доставить бѣднымъ здоровое и удобное помѣщеніе, зависитъ отъ участія въ этомъ дѣлѣ прочихъ сословій, отъ возможнаго сближенія всѣхъ разрядовъ общества. Соединеніе въ однихъ и тѣхъ же улицахъ и частяхъ города большихъ и мелкихъ квартиръ безъ сомнѣнія полезно какъ для общественныхъ цѣлей, такъ и для нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія низшихъ классовъ. Нѣтъ никакого расчета для зажиточнаго семейства совершенно отдѣляться отъ своей прислуги и вытѣснять ее изъ своей среды, такъ точно какъ нѣтъ никакого расчета для отдѣльныхъ общинъ и для всего общества отдалять простолюдиновъ отъ центра городской жизни и дѣятельности и отводить имъ отдаленныя мѣстности. Сущность городскаго общества предполагаетъ стройное сочетаніе всѣхъ сословій, въ кругъ которыхъ должны слѣдов. входить и члены, обреченные на низшія занятія. Людскіе и сословные интересы не должны исключать другъ друга, а напротивъ, подавая одинъ другому руку, восполнять себя взаимно. Нельзя поэтому не сѣтовать на возникшую недавно систему назначать лучшія части города для однихъ зажиточныхъ, низшимъ же классамъ отводить мѣстности, вредныя для здоровья и отдаленныя отъ общенія съ другими. Простолюдинъ лишается такимъ образомъ возможности пользоваться тѣми выгодами, которыя доставляли ему его занятія въ центрѣ города; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отстраняется отъ всякаго вліянія на него образованія, принадлежащаго высшимъ классамъ. Вытѣсненные въ самыя дурныя предмѣстія, въ самые тѣсные переулки, бѣдняки невольно сближаются другъ съ другомъ и способны, какъ мы сказали выше, составлять толпы, которыя оказывались всегда опасными для большихъ городовъ въ отношеніи полицейскомъ и вредны для самаго здоровья жителей. На нихъ ложится печать отчужденія отъ остальнаго общества, и вотъ зачатки пауперизма и пролетаріата, столь доступныхъ всѣмъ попыткамъ коммунизма и соціализма.

Нельзя не сознаться, что въ кварталахъ, занимаемыхъ рабочимъ классомъ, жизнь сообща представляетъ большія выгоды въ матеріальномъ отношеніи и даже дѣлаетъ возможнымъ достиженіе и нравственныхъ цѣлей, не всегда доступныхъ для отдѣльныхъ лицъ. Но мысль о заключеніи въ особыхъ кварталахъ возбуждаетъ тотчасъ въ этомъ классѣ недовѣрчивость и поселяетъ въ немъ опасный духъ

отдѣльной касты. Прибавьте къ этому полицейскій надзоръ, какъ наприм. въ Парижѣ, и вы убѣдитесь, почему рабочіе не могли смотрѣть благопріятно на эти замкнутые кварталы, хотя само правительство, быть можетъ, не подозрѣвало грозы, накликанной такими мѣрами. Для пользы общества, владѣльцевъ и самаго рабочаго класса мы считаемъ необходимымъ уничтожить это систематическое отчужденіе послѣдняго въ отношеніи къ мѣстности и назначеніе для него особыхъ кварталовъ. Напротивъ сближеніе всѣхъ классовъ и постоянное соприкосновеніе ихъ между собою должны принести общую пользу въ отношеніи политическомъ и соціальномъ.

Болѣе затруднительный вопросъ представляется намъ теперь, вопросъ о томъ, какой системѣ жилищъ отдать преимущество, системѣ ли казарменной или такъ называемой «котажной»?

По общепринятому понятію, намъ, можетъ быть, слѣдовало бы рѣшительно отвергнуть казарменную систему (cité ouvrière) и безусловно принять противоположную ей систему устройства отдѣльныхъ другъ отъ друга строеній (cottage system), которую исключительно восхваляютъ какъ вполнѣ правильную и безопасную въ отношеніяхъ политическомъ, соціальномъ и нравственномъ. Какъ часто повторяютъ даже, что казармы, наполненныя рабочими, суть притоны безнравственности и порока.

Однако трудно, почти невозможно, сказать прямо, которая изъ двухъ системъ безусловно лучше; вопросъ этотъ можетъ быть главнымъ образомъ рѣшенъ лишь мѣстными условіями. Въ селеніяхъ и небольшихъ городахъ или предмѣстіяхъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ землѣ и гдѣ народонаселеніе не слишкомъ значительно, должно безспорно отдать преимущество системѣ отдѣльныхъ построекъ; но въ большихъ городахъ, гдѣ усиленное фабричное производство и многочисленный рабочій классъ, отчего самыя мѣста дороги и трудно пріобрѣсти клочокъ земли, казарменная система оказывается неизбѣжною.

Не должно терять изъ виду хорошихъ сторонъ этой послѣдней системы, именно возможность удовлетворять сообща и потому съ меньшими издержками нѣкоторымъ потребностямъ, нравственнымъ и матеріальнымъ. Здѣсь легко устроиваются общіе столы, гдѣ каждый за незначительную плату можетъ имѣть хорошій здоровый

обѣдъ, общія пекарни, прачешныя, бани; здѣсь можетъ быть общій докторъ, аптека, и проч. Для холостаго такія квартиры представляютъ существенныя выгоды, ибо тутъ ему легко обставить свою жизнь такъ, чтобы вдали отъ родительскаго дома находить тѣ удобства, удовольствія и средства къ образованію, которыми онъ не могъ бы пользоваться при другихъ условіяхъ. Такого рода дома, устроенные обществами Лондонскимъ и Берлинскимъ, вполнѣ достигли своей цѣли и заслужили полное одобреніе всѣхъ рабочихъ. Конечно съ ними соединено много хлопотъ и необходима большая заботливость. Надзоръ за всѣмъ, что происходитъ въ такихъ домахъ, долженъ быть постоянный, иначе они въ самомъ дѣлѣ превратятся въ притоны утонченнаго порока. При каждомъ изъ нихъ неизбѣжно имѣть старшину или управляющаго, который бы строго наблюдалъ за ненарушеніемъ установленнаго обществомъ порядка. Старшина этотъ долженъ быть человѣкъ надежный, среднихъ лѣтъ, съ твердымъ характеромъ и вліяніемъ на окружающую его толпу, которая могла бы имѣть къ нему надлежащее уваженіе. Съ этой цѣлью ему слѣдуетъ дать нѣкоторыя преимущества, наприм. даровое помѣщеніе въ домѣ для него и его семейства, и т. под. Такое заведеніе для 10 до 20 работниковъ должно имѣть одну большую, общую комнату, гдѣ бы каждый изъ нихъ могъ проводить свободное время подъ надзоромъ старшины, пользуясь отдыхомъ въ сообществѣ своихъ товарищей, и тутъ же находя пищу для своего ума въ небольшой, но съ умѣньемъ составленной библіотекѣ недорогихъ книгъ, религіознаго, нравственнаго и научнаго содержанія, соотвѣтствующаго его понятіямъ. Въ верхнихъ этажахъ должны быть расположены просторныя спальни, гдѣ каждый жилецъ находилъ бы все для него необходимое, гдѣ все было бы чисто и опрятно. Польза, доставляемая такими заведеніями, неизмѣримая: утромъ рабочій встаетъ и принимается за дѣло съ свѣжимъ запасомъ силъ; вечеромъ онъ не спѣшитъ въ трактиръ; въ немъ невольно раждается любовь къ умѣренности и порядку вмѣстѣ съ стремленіемъ развивать свои способности.

Устройство такихъ домовъ въ болѣе широкомъ объемѣ, т. е. для большаго числа семействъ, какія встрѣчаются особенно въ Парижѣ, едва ли примѣнимо въ Германіи, гдѣ преобладаетъ строгая замкну-

тость въ семейной жизни. Во Франціи они возможны, ибо Французы по самому складу своего ума и характера склонны къ общежитію. Даже въ Лондонѣ казарменная система встрѣтила лишь слабое сопротивленіе, ибо, при тамошней дороговизнѣ и недостаткѣ хорошихъ помѣщеній, она представила возможность имѣть болѣе дешевыя и удобныя квартиры. Въ Германіи напротивъ она можетъ привиться единственно тамъ, гдѣ этого требуетъ крайняя нужда, какъ наприм. въ Вѣнѣ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Но, говоря вообще, здѣсь не видятъ никакой цѣли возмущать тихую семейную жизнь и мирные нравы, процвѣтающіе вдали отъ искушеній и опасностей всякаго рода, неразлучныхъ съ многолюдствомъ.

Здѣсь мы считаемъ вполнѣ умѣстнымъ познакомить нашихъ читателей, на основаніи отчетовъ Общества друзей рабочаго класса (Labourers Friend Society) съ началами, опытами и результатами «котажной» системы, которая, совмѣстно съ системой казарменной, испытываемой пока въ одной столицѣ, уже получила въ Англіи весьма значительное и успѣшное развитіе.

Цѣль этой системы не состоитъ въ пріобрѣтеніи на большую сумму земли для отдачи ее мелкимъ арендаторамъ; Общество вовсе не имѣетъ въ виду привлечь къ извѣстной мѣстности народонаселеніе подобно тому, какъ это дѣлается въ Ирландіи, или же обратить толпу нищихъ на разработку пустырей и небольшихъ участковъ; оно стремится лишь къ тому, чтобы по крайней мѣрѣ отчасти уравновѣсить избытокъ рабочихъ силъ съ ихъ запросомъ. Съ этой-то цѣлью работнику выдѣляется участокъ земли, который онъ могъ бы воздѣлывать въ свободное время отъ главнаго своего дѣла и тѣмъ самымъ добывать необходимыя средства къ жизни. Такимъ образомъ ему дѣлается пособіе не переселяя его, а напротивъ привязывая къ землѣ. При этомъ участокъ долженъ быть небольшой, такъ чтобы работникъ и его семейство не употребляли на него лишняго времени сверхъ своего досуга; слѣдоват. долженъ быть недостаточенъ для того, чтобы обратить его въ мелкаго земледѣльца или оторвать отъ его настоящаго дѣла.

Наемная цѣна такого участка и дома должна соотвѣтствовать средней платѣ за нихъ въ той же мѣстности и никакъ не быть ниже этой послѣдней, потому что основная цѣль общества не есть благотворительность или милостыня, а доставленіе возможности

рабочему, пользуясь экономически свободнымъ временемъ, собственнымъ трудомъ освободиться отъ помощи со стороны общины, или отъ подаянія сосѣдей.

Отдѣльный участокъ не превышаетъ $\frac{1}{6}$ англійскаго экра; назначеніе его, какъ мы уже сказали, то, чтобы наемщикъ могъ употреблять на обработку его вмѣстѣ съ своимъ семействомъ время, свободное отъ главнаго занятія. Владѣніе этой землей гарантируется ему на извѣстное число лѣтъ (съ условіемъ хорошаго поведенія и исполненія правилъ, предписанныхъ Обществомъ); въ поощреніе дается ему обѣщаніе срокъ этотъ увеличить. Общее правило—не отдавать полей въ аренду ниже той цѣны, которой они дѣйствительно стоятъ, измѣняется только въ одномъ случаѣ, именно близь большихъ городовъ, гдѣ земля такъ дорога, что бѣдный не можетъ нанять ее съ надеждой получить отъ нея выгоду; въ отношеніи къ такимъ участкамъ убытокъ покрывается изъ остальныхъ фондовъ Общества.

Передача и обмѣнъ арендной земли ни въ какомъ случаѣ не допускаются. Наемная плата можетъ быть вносима за годъ, за $\frac{1}{2}$ года, за $\frac{1}{4}$ года и за каждый мѣсяцъ. Если наемщикъ не внесъ слѣдующей съ него суммы или не выполнилъ другихъ условій контракта, Общество имѣетъ право отнять у него участокъ. Плохіе домохозяева и люди дурной нравственности не отстраняются отъ найма, потому что Общество имѣетъ цѣлью не только помогать честнымъ работникамъ, но и дурнымъ давать возможность исправиться; въ отношеніи къ этимъ послѣднимъ принимаются извѣстныя мѣры, обезпечивающія съ ихъ стороны взносъ наемной суммы, а за неоднократное нарушеніе условій отнимается и у нихъ право на землю.

Хотя участки, раздаваемые Обществомъ, всегда находятъ многочисленныхъ наемщиковъ (доказательство, что выгоды, получаемыя отъ земли, имѣютъ для работника особую цѣну), оно выдаетъ сверхъ того, въ поощреніе своихъ жильцовъ, по строгому выбору, призы, состоящіе изъ сѣмянъ, полевыхъ орудій и другихъ предметовъ, относящихся къ земледѣльческимъ работамъ. Обществомъ введенъ также древній, прекрасный обычай угощать работниковъ въ Михайловъ день (тоже что день Мартына у Нѣмцевъ). Обычай этотъ кромѣ того, что установляетъ взаимное расположеніе между богатыми и бѣд-

ными, полезенъ еще и въ томъ отношеніи, что поощряетъ къ своевременной уплатѣ наемной суммы.

Въ руководство къ составленію подобныхъ обществъ, имѣющихъ цѣлью отдавать въ наемъ отдѣльныя жилища для рабочихъ, или отдѣльные участки пахотной земли, или наконецъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ, какъ то дѣлаетъ большею частію Англійское Общество, мы приведемъ здѣсь въ высшей степени практичныя правила, принятыя этимъ послѣднимъ въ отношеніи къ отдачѣ рабочимъ въ наемъ квартиръ и пахотныхъ участковъ.

Вотъ главныя, принадлежащія сюда положенія. Наемная по договору сумма вносится исправно въ опредѣленный срокъ; впрочемъ принимаются также и неполные взносы. Уличенный въ нарушеніи государственныхъ законовъ лишается немедленно права найма. Правленіе Общества доступно всѣмъ и каждому. Обо всѣхъ важныхъ поправкахъ въ домѣ или о необходимости улучшенія въ садахъ и поляхъ заявляется Обществу, которое беретъ на себя эти издержки съ тѣмъ, чтобы онѣ были вознаграждены добавленіемъ нѣкоторой суммы къ наемной платѣ. Никакой ломки и передѣлки также не дозволяется безъ разрѣшенія Общества. Ни подъ какимъ условіемъ не допускается обмѣнъ или передача другому предметовъ найма.

Особыя правила относительно отдачи въ наемъ квартиръ суть слѣдующія. Отказъ съ той или другой стороны дѣлается за недѣлю до истеченія срока; безусловно допускается только по одному семейству на каждую квартиру; домъ и садъ должны содержаться въ чистотѣ и порядкѣ; жилецъ обязанъ каждую недѣлю чистить домъ и свозить соръ; стекла въ окнахъ должны быть всегда въ цѣлости, печи чиститься каждые полгода; всѣ необходимыя поправки какъ оконъ, такъ и печей дѣлаются на счетъ Общества, но эти издержки вознаграждаются въ послѣдствіи жильцами.

Особыя правила найма земляныхъ участковъ слѣдующія. Наемщикъ долженъ твердо помнить, что земля выдѣляется ему единственно для его пользы и что слѣдовательно отъ него зависитъ удержать ее за собой добросовѣстной обработкой выдѣленнаго ему участка, честнымъ поведеніемъ и своевременнымъ взносомъ наемной платы. На отказъ той и другой сторонѣ дается шестинедѣльный срокъ. Наемщикъ, выплатившій впередъ слѣдующую съ него

сумму, получаетъ вознагражденіе за теряемый имъ сборъ съ полей. Участокъ свой онъ обязанъ обработывать однимъ заступомъ; засѣвать же картофелемъ онъ можетъ только половину земли. По воскреснымъ днямъ не должно производиться никакихъ работъ на полѣ; также строго запрещается работнику употреблять на воздѣлываніе своего участка время, назначенное для его фабричныхъ занятій. Семейства наемщиковъ обязаны вести себя прилично и посѣщать церковь въ тѣ дни, когда совершается богослуженіе.

Уже нѣсколько лѣтъ какъ система отдачи въ наемъ небольшихъ участковъ земли съ усадьбой или безъ усадьбы семейнымъ работникамъ получила значительное развитіе; въ 1852 г. роздано было 189 акровъ, раздѣленныхъ на 1016 участковъ.

Благотворное вліяніе этой системы на характеръ и нравственность рабочаго класса не подлежитъ уже никакому сомнѣнію.

Блестящіе результаты предпріятія, о которомъ идетъ рѣчь, подтверждаются свидѣтельствомъ людей безпристрастныхъ. Такъ въ извѣстномъ уже намъ отчетѣ Общества читаемъ мы слѣдующее:

«Изъ тысячи работниковъ, находящихся въ сношеніяхъ съ «Обществомъ друзей рабочаго класса,» лично мнѣ извѣстныхъ, говоритъ капитанъ Скобель, нѣтъ ни одного, который бы не возвысился въ собственномъ о себѣ мнѣніи, благодаря владѣнію выдѣленной ему землей».—Изъ одной общины въ Кентѣ, считающей около 2000 жителей, доносятъ, что до 1834 года, когда утверждена была раздача земляныхъ участковъ, число арестовъ за неисполненіе законовъ простиралось ежегодно до 34; съ того же времени ихъ бываетъ не болѣе 2-хъ.—Изъ Сюрре (Surrey) агентъ Общества доноситъ, что человѣкъ, извѣстный во всемъ околодкѣ какъ пьяница и дурной домохозяинъ, совершенно измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ получилъ въ свое распоряженіе участокъ: онъ сдѣлался надежнымъ членомъ общества и до сихъ поръ выполняетъ въ точности всѣ данныя имъ обѣщанія».

Подобныя благопріятныя донесенія получаются Обществомъ изо всѣхъ мѣстъ, подлежащихъ его вѣдомству.

Соединеніе на означенномъ основаніи земледѣлія съ промысломъ, работы съ собственностью, кажется намъ вѣрнымъ средствомъ

для обезпеченія какъ промышленности, такъ и самихъ рабочихъ. Доходъ, получаемый въ настоящемъ случаѣ отъ земли не великъ, но вѣренъ; выгоды же, доставляемыя промысломъ не столь надежны, за то значительнѣе. Поэтому желательно, чтобы промышленникъ обращалъ сбереженныя имъ деньги на покупку земляныхъ участковъ, чтобы мануфактурныя работы шли объ руку съ полевыми, въ особенности же, чтобы рабочему дана была возможность пріобрѣтать на трудовыя деньги землю съ принадлежащей къ ней усадьбой, для того, чтобы, воздѣлывая эту землю въ свободные часы, онъ не боялся частыхъ невзгодъ, неизбѣжныхъ въ промышленной жизни. Мысль надѣлить работника собственнымъ домомъ и хозяйствомъ, принадлежитъ къ числу самыхъ счастливыхъ и полезныхъ. Но если вообще важно, что, воздѣлывая свой участокъ въ свободное время, мастеровой получаетъ отъ этого значительную по его состоянію выгоду, то особенно благодѣтельна такая мѣра въ отношеніи къ рабочимъ людямъ въ городахъ, коихъ здоровье страдаетъ отъ удушливаго воздуха мастерскихъ и фабрикъ; неизмѣримую пользу приноситъ имъ этотъ клочекъ земли, который даетъ имъ возможность отдохнуть за трудомъ селянина и освѣжиться безъ малѣйшей потери времени для ихъ главнаго занятія.

Не менѣе важенъ вопросъ о пріобрѣтеніи жилищъ, устроиваемыхъ съ означенною цѣлью, въ собственность работнику. Въ этомъ отношеніи едва ли однако можетъ быть полезна продажа домовъ съ публичнаго торга, во первыхъ, потому что большая часть работниковъ не имѣетъ достаточныхъ средствъ для такого рода покупокъ; во вторыхъ, потому что спекуляція не замедлитъ перебить у нихъ дорогу и слѣдоват. лишить ихъ предполагаемыхъ выгодъ. Очевидно, что лучше всего было бы дать наемщикамъ возможность постепенно пріобрѣтать занимаемыя ими жилища въ собственность чрезъ ежегодный взносъ небольшой суммы сверхъ наемной платы для погашенія капитала, и такимъ образомъ отъ условной собственности переходить къ полной.

Губеръ, основываясь частію на своихъ собственныхъ изысканіяхъ, частію же слѣдуя французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ писателямъ, даетъ намъ такое полное и точное объясненіе этой системы, что мы воспользуемся безусловно его выводомъ.

Во-первыхъ, необходимы довольно значительные капиталы, какими могутъ только располагать общества, для того, чтобы доставить наемщикамъ возможность погашать основной фондъ мелкими взносами, причисляемыми къ процентамъ.

Общество, предпринимая такого рода постройки въ большихъ размѣрахъ и слѣдоват. составляя нужный для этого капиталъ, говоря относительно, на выгодныхъ условіяхъ, можетъ, независимо отъ превосходства предлагаемыхъ имъ квартиръ, отдавать въ наемъ дешевле, чѣмъ вообще платится за небольшія помѣщенія. Если за тѣмъ къ обычнымъ процентамъ оно прибавитъ еще одинъ или два въ уплату цѣнности строенія, то доставитъ своимъ жильцамъ средство почти за обыкновенную наемную плату обратить по истеченіи извѣстнаго времени занимаемыя ими квартиры въ полную собственность. Какую цѣну имѣетъ для наемщика такое постепенное, благодаря собственной бережливости, пріобрѣтеніе имущества отъ Общества; какое вліяніе имѣетъ оно на его хозяйственный бытъ и на нравственное его развитіе, это пойметъ всякій, кто собственными трудами и дѣятельностію съумѣлъ обезпечить свою судьбу.

Правда, что цѣль пріобрѣсти такимъ образомъ собственность довольно отдаленная. Положимъ, наприм., что каждое помѣщеніе даетъ 5 процентовъ и что однимъ или полупроцентомъ изъ числа ихъ покрываются необходимые расходы на поддержаніе этого помѣщенія, то если къ нимъ прибавить еще одинъ процентъ на выкупъ капитала, наемщикъ получитъ его въ собственность не ранѣе какъ черезъ 36 лѣтъ, при взносѣ же двухъ процентовъ черезъ 26 лѣтъ. Намъ скажутъ, что пріобрѣтеніе жилища по истеченіи столь отдаленнаго срока не можетъ быть очень заманчиво для бѣдныхъ людей, въ жизни которыхъ все такъ шатко и невѣрно; что очень можетъ быть лишь наслѣднику наемщика придется воспользоваться выгодой, соединенной съ пользованіемъ такимъ жилищемъ. Могутъ также возразить, что наемщикъ, вознаграждаемый Обществомъ въ томъ случаѣ, если онъ бываетъ принужденъ почему бы то ни было оставить квартиру до истеченія срока, когда онъ долженъ сдѣлаться полнымъ ея владѣльцемъ, пожалуй соблазнится возможностію пріобрѣсти наросшій такимъ образомъ капиталъ и будетъ спекулировать продажею Обществу

своего права на собственность. Но такія попытки легко предупредить особыми на этотъ случай правилами. Однимъ изъ первыхъ условій должно быть то, чтобы наемщикъ получалъ означенное вознагражденіе не иначе какъ по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ пользованія жилищемъ. Берлинское Строительное Общество ограничиваетъ такой срокъ пятью годами; намъ кажется, что, за исключеніемъ разумѣется такихъ случаевъ какъ напр. смерть наемщика, для пользы самихъ рабочихъ на него слѣдовало бы опредѣлить отъ 8 до 10 лѣтъ. Далѣе наемщикъ долженъ имѣть право вносить бо̀льшія суммы для скорѣйшаго погашенія долга въ томъ случаѣ, если обстоятельства ему благопріятствуютъ, какъ это иногда случается, и наконецъ также однимъ взносомъ остальной суммы получать въ полную собственность занимаемое имъ жилище. Если по истеченіи 10 или 15 лѣтъ $1/_3$ капитала будетъ уже уплачена, то наемщикъ не затруднится, чрезъ посредство залога, внести недостающую сумму.

Когда сохранныя кассы и общества взаимнаго поручительства и вспоможенія, составленныя изъ самихъ рабочихъ, и другія подобныя учрежденія обратятъ свои капиталы (если только они не обязаны имѣть ихъ у себя всегда въ готовности) на займы, обезпеченные недвижимымъ имуществомъ, то рабочему сдѣлается легко въ короткое время пріобрѣсти собственность. Можно поручиться, что хорошія прочныя жилища будутъ служить ручательствомъ не менѣе надежнымъ, чѣмъ государственные билеты или акціи какихъ либо компаній: на нихъ всегда найдутся охотники при настоящихъ высокихъ цѣнахъ на квартиры, которыя не легко будетъ понизить, не смотря на всѣ усилія. Иногда у работника могутъ также быть сбереженныя деньги; въ такомъ случаѣ ему должно быть предоставлено право немедленно по взносѣ ихъ вступить въ полное владѣніе жилищемъ, отдавъ его подъ залогъ: такимъ образомъ небольшой, сбереженный капиталъ употребленъ будетъ какъ нельзя лучше; впрочемъ и безъ того, какъ извѣстно, самая значительная часть небольшихъ домовъ находится въ залогѣ.

Далѣе могутъ еще замѣтить, что прибавка 1 или 2 процентовъ на погашеніе капитала къ наемной платѣ за квартиры возвысила бы ее непомѣрно, такъ что рабочіе не были бы въ состояніи ее осилить.

Разумѣется, если положиться на вычисленіе Кноблауха (въ Mittheilungen des Centralvereins für das Wohl der arbeitenden Classen. Berlin, 1853, стр. 248), то слѣдуетъ дѣйствительно отказаться отъ предполагаемаго проекта. По вычисленію его, въ Берлинѣ постройка каждаго квадратнаго фута обходится въ два талера. Въ такомъ случаѣ небольшое, но достаточное жилище для рабочаго съ его семействомъ, состоящее изъ одной общей и двухъ отдѣльныхъ комнатъ и кухни, которое должно занять около 900 квадр. футовъ, стоило бы до 1800 талеровъ. По тамошнимъ цѣнамъ плата за такую квартиру не превышаетъ 65 талеровъ, слѣдовательно пришлось бы получить съ капитала 3 ⅗ процента.

Въ опроверженіе этого весьма сомнительнаго вычисленія, мы представимъ здѣсь выводы Строительнаго Общества, составившагося въ 1857 г. въ Пфорцгеймѣ—одномъ изъ первыхъ фабричныхъ городовъ южной Германіи. Плата за работу и цѣны на матеріалы, по всей вѣроятности, здѣсь не ниже Берлинскихъ, ибо въ самомъ началѣ своихъ работъ Общество платило простому плотнику отъ 1 флорина 12 крейцеровъ до 1 фл. 30 крейцеровъ въ день; цѣны же на матеріалъ въ послѣдніе годы удвоились; самое мѣсто стоитъ здѣсь можетъ быть нѣсколько дешевле, но на каждую отдѣльную постройку такая разница не имѣетъ значительнаго вліянія. При этихъ условіяхъ помѣщеніе длиною въ 21 футъ, шириною въ 33 фута, слѣдовательно заключающее въ себѣ около 700 квадр. ф. и состоящее изъ погреба, кухни, жилой комнаты, спальни и двухъ большихъ свѣтелокъ подъ крышей, обходится въ 1500 флориновъ, съ покупкой же мѣста въ 1600, стало быть каждый квадр. футъ стоитъ 2¾ флорина, или, примѣняя этотъ расчетъ къ Берлину, 1½ талера. Но въ этой квартирѣ помѣстится не одно семейство, ибо одна изъ свѣтелокъ можетъ быть отдана въ наемъ. Для того, чтобы Общество получало 5 процентовъ съ употребленнаго имъ капитала, наемщикъ долженъ платить ежегодно 80 флориновъ; но изъ этого слѣдуетъ вычесть 24 флорина, которые ему возвратятся за лишнюю свѣтелку, слѣдоват. на него падаетъ только около 55 флориновъ. Если прибавимъ къ этому еще 15 ф. на разныя поправки и подати съ дома, то все-таки нѣтъ никакого сомнѣнія, что наемщику, который нигдѣ даже за 100 флор. не могъ бы имѣть такого удобнаго и здороваго помѣщенія, очень легко

приплачивать ежегодно 1 или 2 процента на пріобрѣтеніе жилища въ полную собственность.

Подобные этому результаты получило и Мюльгаузенское Общество.

Наше убѣжденіе таково, что если производить стройку съ нужной экономіей, учредить компаніи для закупки мѣстъ въ большихъ размѣрахъ, а матеріаловъ гуртомъ, и имѣть при этомъ хорошихъ плотниковъ, то можно сказать рѣшительно, что наемная плата за удобныя и здоровыя квартиры, простирающаяся до пяти процентовъ съ капитальной суммы ихъ стоимости, будетъ непремѣнно на $1/5$ до $1/4$ ниже среднихъ наемныхъ цѣнъ въ той же мѣстности. Какъ только рента возвысится, Общество, не расчитывающее получать болѣе опредѣленныхъ однажды процентовъ, будетъ имѣть возможность употреблять остающійся у него излишекъ на погашеніе долга и на пріобрѣтеніе жилищъ въ собственность наемщикамъ.

Вопросъ, кто долженъ строить такія помѣщенія,—городъ, община, частное лицо или компанія, остается въ Германіи до сихъ поръ нерѣшеннымъ. Нѣкоторые защищаютъ мнѣніе, что государство или мѣстное общество должны производить новыя постройки для рабочихъ на свой счетъ. Франція служитъ въ этомъ примѣромъ. Здѣсь правительство заботится обо всѣхъ подробностяхъ такого рода построекъ и входитъ даже во всѣ возникающіе при этомъ споры; оно прибавляетъ налогъ къ налогу для того, чтобы украсить городъ новыми домами и бульварами. А между тѣмъ какіе были результаты 10 милліоновъ франковъ, опредѣленныхъ декретами 22 января и 20 марта 1852 г. на улучшеніе жилищъ для рабочихъ въ большихъ мануфактурныхъ городахъ? Наемная цѣна квартиръ нисколько отъ этого не понизилась; аферисты продаютъ домà также дорого, какъ и прежде, и данное правительствомъ пособіе, ради котораго увеличены были подати, покойно кладутъ себѣ въ карманъ какъ чистый барышъ; на улучшеніе же быта рабочихъ эта мѣра не имѣла никакого вліянія, также точно какъ и раздача имъ хлѣба и мяса по дешевымъ цѣнамъ. Но и частное лицо не въ состояніи принести существенную пользу при быстромъ умноженіи народонаселенія и при усиленномъ требованіи жилищъ. И такъ очевидно, что успѣха можно ожидать лишь отъ соединенія капиталовъ и рабо-

чихъ силъ, что слѣдовательно за это дѣло должны взяться Общества.

Мы вовсе не принадлежимъ къ числу защитниковъ мнѣнія, что въ Обществахъ капиталы приносятъ безусловно болѣе выгоды, чѣмъ могутъ пріобрѣсти на нихъ частныя лица, дѣйствуя независимо другъ отъ друга; но на дѣлѣ оказывается, что только одни компаніи въ состояніи устранить недостатки и бѣдствія, которымъ подвержено нынѣшнее общество. Впрочемъ это и не новость: еще въ прошедшія столѣтія мы видѣли благодѣтельныя дѣйствія корпорацій и цеховъ. Почему же теперь предпріимчивому человѣку не достигнуть въ союзѣ съ другими того, что не доступно ему какъ отдѣльному лицу? Въ самомъ дѣлѣ настоятельная потребность реформы въ отношеніи къ жилищамъ можетъ, думаемъ мы, удовлетвориться единственно учрежденіемъ Обществъ, которыя, получая вознагражденіе за свои капиталы и труды, вмѣстѣ съ тѣмъ окажутъ всѣмъ чрезвычайно важную услугу. До сихъ поръ первые опыты преобразованія городскихъ строеній производились компаніями. «Labourers friends society» съ капиталомъ въ 60,000 фунт. стер. построило съ 1844—56 года около 40 домовъ, съ квартирами для нѣсколькихъ сотъ семействъ, и около 500 отдѣльныхъ помѣщеній, и получаетъ съ этого капитала въ сложности болѣе 5 процентовъ. Точно тоже должно сказать о «Metropolitain society for improving the dwellings of the industrial classes», которое основано въ 1848 г. съ капиталомъ въ 80,000 фун. стер. Подобныя компаніи, какъ побочныя отрасли другихъ, находятся въ Англіи почти во всѣхъ значительныхъ провинціальныхъ городахъ; упомянутое выше Общество «друзей работниковъ» распространило въ самое скорое время свои дѣйствія по всему государству.

Во Франціи также положено начало реформѣ жилищъ, и притомъ въ значительныхъ размѣрахъ, хотя на иномъ основаніи. Подъ покровительствомъ правительства образовались строительныя общества въ Парижѣ (въ числѣ 5), Мюльгаузенѣ, Марселѣ и Лилѣ. Въ Парижѣ существуетъ теперь отдѣльный кварталъ для рабочихъ—cité Napoléon—гдѣ около 200 домовъ, имѣющихъ до 500 жильцовъ; правительство даетъ на это въ пособіе 200,000 франковъ; чистый же доходъ простирается до 27,000 франковъ. Въ Мюльгаузенѣ Общество фабрикантовъ предприняло постройку квартала для рабо-

чихъ, съ количествомъ до 300 маленькихъ домовъ, такъ что каждые четыре дома подведены подъ одну крышу, но имѣютъ отдѣльные входы и палисадники; при каждомъ изъ нихъ находится садъ, доходъ съ котораго равняется трехмѣсячной наемной платѣ. Капиталъ, употребленный на это предпріятіе, долженъ приносить 7 процентовъ, при чемъ жилецъ, за ежемѣсячную плату отъ 24 до 30 франк., пріобрѣтаетъ со временемъ занимаемый имъ домъ въ собственность. Жилища эти охотно нанимаются рабочими, да и самому Обществу даютъ хорошій доходъ. Подобное же учрежденіе существуетъ въ Лилѣ, гдѣ работникъ, платя десять франковъ въ мѣсяцъ, имѣетъ помѣщеніе, состоящее изъ четырехъ комнатъ, и садъ.

Что касается до Германіи, то лишь въ прошедшемъ году крайній недостатокъ въ жилищахъ вызвалъ Строительныя Общества для рабочихъ въ Лёррахѣ (близь Базеля) и въ Пфорцгеймѣ, гдѣ выстроено теперь въ превосходномъ видѣ большое количество отдѣльныхъ семейныхъ домовъ. За исключеніемъ этихъ городовъ, можно указать на одинъ Берлинъ. Существующее тамъ Общество выпустило на милліонъ талеровъ акцій (каждая въ 100 талеровъ) и рѣшило капиталъ этотъ употребить такъ, чтобы, не возвышая обыкновенную наемную плату, получать 6 процентовъ чистаго дохода. Изъ нихъ $^2/_3$ назначаются за пользованіе капиталомъ, а $^1/_3$ идетъ на его погашеніе, такъ что наемщикъ никакъ не далѣе какъ черезъ 30 лѣтъ получитъ жилище въ собственность. Наемная плата зависитъ отъ пространства помѣщенія: за квартиру, состоящую изъ одной комнаты, кухни и сѣней, платится 30—36 талеровъ въ годъ; за 3 комнаты—40—48; за 2 комнаты теплыя, 1 холодную, кухню и сѣни—50—62 талеровъ. Сверхъ того, по примѣру Англіи, близь самаго Берлина (на Bremerhöhe) явилось поселеніе, состоящее изъ 40 семействъ, въ которомъ дома устроены по котажной системѣ, такъ, что при каждомъ находится участокъ земли, отданный наемщику для обработки. Также у самаго Гамбурга построено нѣсколько семейныхъ домовъ, гдѣ бѣдному дается, за 20—30 талеровъ въ годъ, хотя небольшое, но надежное помѣщеніе. Въ послѣднее же время два кредитныя учрежденія въ Берлинѣ (Discontogesellschaft и Waarencreditcomptoir) рѣшились употребить часть фондовъ, находящихся въ ихъ распоряженіи, на покупку большихъ удобныхъ мѣстъ для постройки домовъ. Занявшись этимъ дѣломъ основа-

тельно, они будутъ въ состояніи продавать превосходные дома за 1500—2000 талеровъ и доставятъ такимъ образомъ случай пріобрѣтать недвижимую собственность тѣмъ жителямъ, которымъ не было возможности покупать большія цѣнныя строенія и которые теперь, платя отъ 80 до 100 талеровъ въ годъ, будутъ имѣть лучшее помѣщеніе въ домахъ, предназначенныхъ имъ въ собственность, чѣмъ прежде въ наемныхъ квартирахъ, за которыя платили вдвое и втрое больше.

Что касается до формальностей въ отношеніи къ подобнымъ Обществамъ, которыя всего лучше устроивать на акціяхъ съ порученіемъ текущихъ дѣлъ Правленіямъ, то мы посовѣтуемъ нашимъ читателямъ обратиться для этого къ статутамъ Обществъ Берлинскаго и другихъ, нами исчисленныхъ. Впрочемъ въ правилахъ Обществъ Мильгаузенскаго и Берлинскаго очень неясно высказаны положенія объ оцѣнкѣ строеній, опредѣленіи и выдачѣ процентовъ и о пріобрѣтеніи жилищъ въ собственность; причина, можетъ быть, та, что учредители желали прежде пріобрѣсти болѣе данныхъ въ отношеніи къ этимъ пунктамъ, такъ какъ самое предпріятіе было еще для нихъ дѣломъ неизвѣстнымъ.

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько практическихъ замѣчаній о томъ, какъ должны быть устроены жилища рабочаго класса для того, чтобъ они были здоровы и удобны, и какой должны они имѣть размѣръ. Что касается до самой постройки, то это дѣло техниковъ.

Жилище прежде всего должно быть сухо и устроено такъ, чтобы его удобно было провѣтривать. Въ особенности важно, чтобы домъ стоялъ на сухомъ грунтѣ; низменное мѣсто бо̀льшею частію вредно для здоровья. При этомъ положеніе зданія на югъ признается самымъ выгоднымъ. Кромѣ того должно обращать особенное вниманіе на фундаментъ, на стоки дождевой воды, на матеріалъ для стѣнъ. Чтобы воздухъ былъ чище, необходимо устроить какъ можно болѣе, гдѣ слѣдуетъ, продуховъ и фортокъ. Жилыя комнаты не должны быть ниже 9 фут.; число и величина ихъ назначаются соотвѣтственно числу помѣщающихся въ нихъ лицъ: въ семейныхъ квартирахъ должно по настоящему быть не менѣе трехъ отдѣльныхъ комнатъ съ особымъ входомъ въ каждую; это очень важно для того, чтобы лица разнаго пола были вполнѣ разъединены.

Въ жилой комнатѣ не должно быть менѣе 200 квадр. футовъ, предполагая около 14 фут. какъ въ длину, такъ и въ ширину; стѣны не мѣшаетъ оклеить недорогими, свѣтлыми обоями, чтобы комната была веселѣе. Въ отношеніи къ кухнѣ необходимо, чтобы печь ея нагрѣвала и жилую комнату; для этого можно или поставить кухонную печь въ самой комнатѣ, лишь бы сюда не проходилъ дымъ, или провести въ нее тепло изъ кухни черезъ стѣны.

Спальни для двухъ постелей должны имѣть не менѣе 120—150 квадратн. фут.; въ нихъ не требуется много свѣта, но необходимы большіе простѣнки, чтобы удобно было ставить кровати и шкапы. Для отопленія ихъ должны быть устроены особыя печи, если тепло не можетъ проходить изъ кухни.

Кухня, должна быть почти такой же величины; но не совѣтуемъ дѣлать ее въ тоже время входомъ въ квартиру: для удобства и здоровья необходимы особыя сѣни, которыя бы защищали жилыя комнаты отъ вѣтра. Изъ сѣней же должна быть проведена лѣстница на чердакъ и въ кладовую. Отхожее мѣсто при небольшомъ домѣ должно всегда находиться совершенно отдѣльно, именно въ галлереѣ внѣ дома или въ пристройкѣ, подведенной подъ отвѣсную его крышу; сквозныя ямы неудобны, ихъ лучше замѣнить чанами, которые легче чистить.

Погреба́ должны быть простаго устройства и низменны; но какъ они стоятъ очень дорого и семейства рабочихъ въ нихъ особой нужды не имѣютъ, то лучше вмѣсто ихъ дѣлать просторнѣе кухню или отгораживать въ ней отдѣленіе для припасовъ; но въ такомъ случаѣ полъ долженъ быть непремѣнно покрытъ густымъ слоемъ крупнаго сухаго песка съ цементомъ или асфальтомъ. Кладовыя и свѣтелки подъ крышей доставляютъ много удобства. Для очищенія воздуха, особенно въ спальняхъ, очень полезны фортки, устроенныя подъ потолками.

Съ чрезвычайною осмотрительностію должно въ настоящемъ случаѣ выбирать мѣстность: квартиры, о которыхъ идетъ рѣчь, не должны быть слишкомъ удалены отъ тѣхъ заведеній, гдѣ обыкновенно работаютъ занимающіе ихъ жильцы, но и не должны находиться въ слишкомъ близкомъ разстояніи отъ мѣста жительства первыхъ классовъ общества.

Основное правило относительно построекъ, назначенныхъ для

рабочихъ, заключается съ одной стороны въ возможной экономіи, а съ другой въ возможномъ ихъ удобствѣ для помѣщенія и жизни; они должны обходиться дешево, но въ тоже время отличаться прочностью и помѣстительностію. Архитекторъ всегда обязанъ имѣть въ виду, что сумма, которую рабочіе станутъ платить за наемъ, должна быть не болѣе какъ вознагражденіе за капиталъ, затраченный на устройство жилищъ въ ихъ пользу. Всѣ ненужныя издержки или излишнія удобства, предполагающія возвышеніе наемной платы, представляются какъ рискъ и могутъ повести къ болѣе или менѣе значительному сокращенію процентовъ, которые считались вѣрными.

В. КАЛАЧОВЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ
ОБЪ УГОЛОВНОМЪ ПРАВѢ
РУССКОЙ ПРАВДЫ.

СОЧИНЕНІЕ
Ю. Ланге.

ВВЕДЕНІЕ.

Прежде нежели приступимъ къ изслѣдованію уголовнаго права Русской Правды, мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на такія ея стороны, которыя хотя прямо не относятся къ выбранному нами предмету, но могутъ, если будутъ предварительно разъяснены, облегчить намъ его изслѣдованіе, установить на него правильную точку зрѣнія, и заблаговременно познакомить насъ съ тѣми понятіями, съ какими мы необходимо должны будемъ встрѣтиться при самомъ разсмотрѣніи уголовнаго права.

Посему во введеніи мы намѣрены говорить:

1) о внѣшнемъ составѣ Русской Правды;

2) о монетной ея системѣ;

3) о сословіяхъ и должностныхъ лицахъ, упоминаемыхъ въ Правдѣ.

О ВНѢШНЕМЪ СОСТАВѢ РУССКОЙ ПРАВДЫ.

Въ настоящее время господствуетъ мнѣніе, что Русская Правда, относительно внѣшняго своего состава, не есть *документъ офиціальный*, но *сборникъ*, составленный частными лицами и въ разное время дополненный подъ вліяніемъ различныхъ условій. Главныя основанія такого мнѣнія слѣдующія: 1) неодинаковый порядокъ въ размѣщеніи статей въ извѣстныхъ намъ спискахъ Правды; 2) пропускъ въ однихъ ея спискахъ нѣкоторыхъ статей и помѣщеніе ихъ въ другихъ (1).

(1) См. Изслѣдованія о Русской Правдѣ Калачова стр. 45.

Мнѣніе это, какъ намъ кажется, не можетъ выдержать строгаго разбора:

1) Сборники законовъ со стороны частныхъ лицъ всегда являются и являлись какъ послѣдствія довольно развитаго, запутаннаго и притомъ многосложнаго письменнаго права. Слѣдовательно, если предположить, что Правда есть частный сборникъ, то необходимо также допустить, что до нея и даже совмѣстно съ нею издавались у насъ и офиціальные памятники законовъ. Отъ чего же, спрашивается, ни наши лѣтописцы, ни составители Кормчихъ не сохранили ни одного изъ этихъ подлинныхъ документовъ, а записывали только частные сборники Правды, тогда какъ послѣднихъ они не могли предпочитать первымъ? Если такъ, то это ведетъ къ прямому заключенію, что лѣтописцы и составители Кормчихъ передали намъ, хотя искаженные нѣсколько при перепискѣ, но подлинные уставы Правды, а не сборники, составленные частными лицами.

2) Ни въ какомъ народѣ частные сборники права не являлись при первомъ возникновеніи законодательства, слѣдовательно не могло ихъ быть и у насъ. Но допустимъ, что постановленія Правды собраны частными лицами, державшимися собственнаго произвола какъ въ расположеніи ея статей, такъ и въ образѣ ихъ выраженія. Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ заключить, что весьма рано возникшая въ Россіи потребность составленія сборниковъ, по мѣрѣ развитія права, безъ сомнѣнія все болѣе и болѣе должна была увеличиваться, и что частные сборники, по этому самому, необходимо предшествовали изданію Судебниковъ и Уложенія 1649 года. Однакожъ мы видимъ совершенно противное: въ позднѣйшее только, болѣе близкое къ намъ время, частные люди стали заниматься у насъ собираніемъ законовъ. Это показываетъ, что если бы въ Россіи издревле существовалъ обычай составлять сборники, то онъ не могъ бы, проявившись въ одномъ первомъ періодѣ нашего законодательства, потомъ вовсе прекратиться, и что потому предположеніе будто Правда не есть офиціальный документъ, а частный сборникъ законовъ оказывается неосновательнымъ.

По нашему мнѣнію, Правда, въ различныхъ ея спискахъ, представляетъ копіи съ подлинныхъ уставовъ уголовнаго и гражданскаго права нѣсколькихъ князей, именно Ярослава, Изяслава съ братьями и Мономаха.

Примемъ въ основаніе своихъ изслѣдованій текстъ Правды, изданный г. Калачовымъ, такъ какъ каждый изъ помѣщенныхъ въ этомъ текстѣ списковъ, по выраженію самого издателя, слѣдуетъ признавать представителемъ особой ея редакціи. Такимъ образомъ всѣхъ, сколько нибудь различныхъ редакцій Правды будетъ четыре; но въ строгомъ юридическомъ смыслѣ можно допустить только двѣ. Къ первой слѣдуетъ причислить списокъ Академическій и сходные съ нимъ; ко второй—Карамзинскій и сходные съ нимъ, а также Троицкій, Синодальный и имъ подобные, потому что отъ Карамзинскаго они отличаются только пропускомъ нѣкоторыхъ статей и незначительною кое-гдѣ перестановкою ихъ, а въ остальномъ почти нисколько не разнятся. Что же касается списка князя Оболенскаго, то это, какъ всякій убѣдится съ перваго взгляда, есть только позднѣйшая искаженная выписка изъ Правды, и потому о такомъ спискѣ не можетъ быть и рѣчи, когда дѣло идетъ о точной копіи съ подлинника нашего древняго законодательства. Для большаго убѣжденія въ этомъ, сравнимъ, хотя однимъ примѣромъ, списки князя Оболенскаго и Троицкій. Первая статья Правды въ послѣднемъ спискѣ изложена такъ: «*аже убіетъ мужъ мужа, то мстити брату брата, любу отцу, ли сыну*, любо брату чадо, ли братию сынови; *аще ли не будетъ кто его мстя, то положити за голову 80 гривенъ*, аче будетъ княжь мужъ или тіуна княжа; аще ли будетъ русинъ, или грщь, любо купецъ, любо тивунъ боярескъ, любо мечникъ, любо изгой, ли словенинъ: то 40 гривенъ положити запь (II, 1)» (¹). Въ спискѣ князя Оболенскаго выписаны, съ измѣненіемъ въ языкѣ, только слова̀, напечатанныя здѣсь курсивомъ, и такимъ образомъ вышло: «аще убіетъ мужъ мужа, то мстити брату брата, любо отцу, любо сыну; ожели не будетъ кто его мстя, то положити за голову 80 гривенъ». За тѣмъ, вмѣсто того, чтобы, опредѣливъ за кого именно назначалась такая плата, приступитъ потомъ къ исчисленію лицъ, за убійство которыхъ платилось 40 гривенъ, дѣлавшій выписку заключаетъ статью общей фразой отъ себя: *любо разсудити по мужи смотря*

(¹) Подобное указаніе всегда означаетъ у насъ ссылку на текстъ Правды, изданный г. Калачовымъ; римская цифра показываетъ списокъ по порядку помѣщенія его въ текстѣ, а арабская—статью этого списка.

(IV, 1). Въ этихъ словахъ такъ и слышится современникъ постановленій XVI или XVII вѣка, въ которыхъ часто употреблялось выраженіе: наказать *по человѣку смотря* (1). Кромѣ сокращеній, произвольно составленныя фразы, подобно означенной выше, встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ списка князя Оболенскаго. Чрезъ эти фразы составитель выписки вноситъ иногда въ Правду современные ему языкъ и понятія, напр. понятіе о безчестіи (IV, 2, 4), о которомъ въ другихъ ея спискахъ вовсе не упоминается. И такъ, по нашему мнѣнію, списокъ князя Оболенскаго есть позднѣйшее, краткое извлеченіе изъ Правды частнаго лица, и притомъ съ собственными его прибавленіями, которыми чрезъ господствовавшія при немъ понятія онъ силился уяснить себѣ все невполнѣ имъ понятое въ древнемъ нашемъ законодательномъ памятникѣ.

Подводя такимъ образомъ подлинные списки Правды подъ двѣ категоріи, мы признаемъ, что списокъ Академическій и сходные съ нимъ представляютъ уставы Правды Ярослава, а списки Карамзинскій, Троицкій, Синодальный и имъ подобные—уставы Правды Изяслава съ братьями и Владиміра Мономаха.

Разсмотримъ въ частности каждый изъ уставовъ.

I. ОБЪ УСТАВАХЪ ПРАВДЫ ЯРОСЛАВА.

Правда Ярослава очевидно состоитъ изъ двухъ уставовъ: первоначальнаго и дополнительнаго.

Первоначальный уставъ заключаетъ въ себѣ 17 статей, довольно систематически расположенныхъ, именно сперва говорится о нарушеніи личныхъ правъ, а потомъ о нарушеніи правъ собственности. Изложимъ этотъ уставъ по Академическому списку:

I. О нарушеніи личныхъ правъ.

1) Объ убійствѣ (I, 1).

2) О нанесеніи ранъ, увѣчіи и побоевъ (I, 2—9).

II. О нарушеніи правъ собственности.

А. О неправильномъ пользованіи чужою собственностію:

(1) См. напр. наказъ воеводѣ Бѣлогородскому, Акт. Эксп. т. IV № 206, стр. 274.

1) о передержательствѣ бѣглаго челядина (I, 10);

2) о самовольномъ пользованіи чужою лошадью (I, 11);

3) о воровствѣ чьего либо коня, оружія и одежды (I, 12).

Б. О законныхъ способахъ возвращенія своей собственности изъ чужихъ рукъ:

1) о порядкѣ возвращенія украденнаго (I, 13);

2) о порядкѣ взысканія долговъ (I, 14);

3) о порядкѣ возвращенія бѣглаго или похищеннаго челядина (I, 15).

В. О поврежденіи чужой собственности, именно о поврежденіи копья, щита и одежды (I, 17).

Только предпослѣдняя, 16 статья, о нанесеніи побоевъ холопомъ свободному мужу, составляетъ отступленіе отъ принятой въ уставѣ системы: ее слѣдовало бы помѣстить въ отдѣлѣ о нарушеніи личныхъ правъ.

За первоначальнымъ уставомъ Ярослава въ Академическомъ спискѣ помѣщено слѣдующее заглавіе: «*Правда уставлена Руськой земли, егда ся съвокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Переньгъ, Микыфоръ Кыянинъ, Чюдинъ Микула (т. е. Николай Чюдинъ)* (¹)».

Мы считаемъ статьи, изложенныя въ Академическомъ спискѣ за этимъ заглавіемъ, дополнительными къ означенному выше уставу и изданными еще *при жизни* Ярослава.

Такой выводъ основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ. Какъ въ Троицкомъ, Карамзинскомъ и Синодальномъ спискахъ Правды, такъ и въ спискахъ имъ подобныхъ, равно встрѣчается, безъ всякаго существеннаго измѣненія, выраженіе: «*по Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его*» (II, III, 2), слѣдовательно нѣтъ повода полагать, чтобы оно дошло до насъ въ искаженномъ видѣ. Если такъ, то мы, основываясь на словахъ «*паки*» и «*по Ярославѣ*», имѣемъ полное право заключить, что въ выписанномъ нами мѣстѣ Правды указывается на *вторичный съѣздъ* Изяслава, Всеволода и Святослава, и что этотъ съѣздъ случился *по смерти Ярослава*. Когда же былъ первый съѣздъ? Объ немъ безъ сомнѣнія упоминается въ приведенномъ выше заглавіи, помѣщенномъ въ Академическомъ спискѣ и во всѣхъ спискахъ одной съ нимъ редакціи. Но въ озна-

(¹) По чтенію г. Калачова Чюдинъ и Микула признаются за два лица.

ченномъ заглавіи не говорится, чтобы Изяславъ и его братья собирались по смерти ихъ отца; притомъ 42 статья, по Академическому списку,—въ отличіе отъ другихъ списковъ, гдѣ сказано: «а се покони вирніи *были* при Ярославѣ»,—просто начинается словами: *«а се поклонъ вирный»*, въ концѣ же ея употреблено выраженіе: *«то ти урокъ Ярославль»*, которое, по соображеніи съ началомъ статьи, нѣтъ основанія принимать за указаніе, сдѣланное уже по кончинѣ Ярослава на установленный при немъ законъ, а напротивъ слѣдуетъ считать за современное этому князю. Изъ всего этого мы необходимо убѣждаемся, что первый съѣздъ князей былъ еще при жизни Ярослава и состоялся по его распоряженію.

Такимъ образомъ мы признаемъ, что Академическій списокъ и всѣ сходные съ нимъ, въ полномъ своемъ составѣ, заключаютъ два устава Правды временъ Ярослава, именно: первоначальный уставъ и дополнительный. О первомъ мы уже говорили; теперь обратимся ко второму.

Въ дополнительномъ уставѣ Ярослава легко подмѣтить три отдѣла, и въ каждомъ изъ нихъ статьи распредѣлены по системѣ, принятой въ первоначальномъ уставѣ, именно сперва изложены постановленія о нарушеніи личныхъ правъ, а потомъ о нарушеніи правъ собственности.

Представимъ внѣшній составъ этого устава:

Отдѣлъ первый.

I. О нарушеніи личныхъ правъ.

1) Объ убійствѣ огнищанина въ обиду, въ разбоѣ и у татьбы (I, 18—20).

2) Объ убійствѣ тіуна княжаго и конюха стараго у стада (I, 21).

3) Объ убійствѣ сельскаго старосты княжаго, рядовича, смерда и холопа (I, 22—24).

II. О нарушеніи правъ собственности.

1) О количествѣ вознагражденія обиженныхъ за украденныхъ или истребленныхъ у нихъ лошадей и вообще животныхъ (I, 25, 26).

2) О количествѣ пени за кражу холопа или рабы (I, 27).

Отдѣлъ второй.

I. *О нарушеніи личныхъ правъ.*

О нанесеніи побоевъ до крови и до синяковъ (I, 28).

II. *О нарушеніи правъ собственности.*

1) О кражѣ коня, воловъ и объ обворованіи клѣти (I, 29).

2) О порчѣ и истребленіи княжей борти (I, 30).

Отдѣлъ третій.

I. *О нарушеніи личныхъ правъ.*

1) Объ истязаніи смерда (I, 31).

2) Объ истязаніи огнищанина, тіуна и мечника (I, 32).

II. *О нарушеніи правъ собственности.*

1) Объ уничтоженіи межъ (I, 33).

2) О кражѣ ладьи, голубя, курицы, утки, гуся, журавля, лебедя, собаки, ястреба и сокола (I, 34—37).

3) О наказаніи татя, пойманнаго на татьбѣ (I, 38).

4) О кражѣ сѣна, дровъ, овцы, козы и свиньи (I, 39, 40).

Въ заключеніе къ уставу прибавлены еще три статьи, именно: о пошлинахъ, объ урокахъ вирныхъ и объ урокахъ мостникамъ (I, 41—43).

И такъ, дополнительный уставъ представляетъ въ себѣ совокупленіе четырехъ частныхъ уставовъ, вѣроятно поочередно составлявшихся съѣздомъ, и потомъ соединенныхъ въ одинъ уставъ, безъ измѣненія въ системѣ.

Дополнительный уставъ, въ отношеніи къ первоначальному уставу, составлялъ законодательство новое, не исключавшее дѣйствія прежнихъ постановленій, такъ что оба устава взятые вмѣстѣ были въ собственномъ смыслѣ *Правдой Ярослава*. Измѣнена была только статья о кражѣ коня: прежде за такую кражу платилось 3 гривны продажи, въ разсматриваемомъ же нами дополнительномъ уставѣ плата означена въ 3 гривны и 30 рѣзанъ (I, 12 и 29). Сверхъ того, помѣщенная въ немъ статья объ окровавленномъ мужѣ: «*аще же пріидетъ кровавъ мужъ любо синь, то не искати ему послуха*» (I, 28),—составляетъ какъ-бы начало статьи, находящейся и въ первоначальномъ уставѣ, именно: «*или будетъ кровавъ или синь*

надъражен, то не искати ему видока (I, 2)»; въ дополненіяхъ же она, съ замѣной слова *видокъ* словомъ *послухъ*, помѣщена вѣроятно потому, что сначала, должно быть, могъ свидѣтельствовать въ подобныхъ дѣлахъ только видѣвшій происшествіе своими глазами, а потомъ сталъ допускаться къ свидѣтельству еще и тотъ, кто, не бывъ очевидцемъ, самъ слышалъ происходившее.

II. ОБЪ УСТАВАХЪ ПРАВДЫ ИЗЯСЛАВА СЪ БРАТЬЯМИ И МОНОМАХА.

Изяславъ началъ преобразованіе Ярославовой Правды, довершилъ же это преобразованіе Владиміръ Мономахъ, такъ что два ихъ устава, совмѣстно взятые, какъ дополнявшіе другъ-друга, составляли новое, исправленное и значительно дополненное изданіе перваго нашего законодательнаго памятника, которое относилось къ Правдѣ Ярослава также точно, какъ въ настоящее время новое изданіе Свода Законовъ къ прежнему. Поэтому-то уставы Изяслава и Мономаха, заключающіеся въ спискахъ Троицкомъ, Синодальномъ, Карамзинскомъ и другихъ съ ними сходныхъ, продолжали въ совокупности носить общее названіе: *Судъ Ярослава Владиміровича.*

Скажемъ сперва объ уставѣ Изяслава, а потомъ объ уставѣ Мономаха.

Разсматривая *Изяславовъ уставъ Правды* по спискамъ Карамзинскому, Троицкому и Синодальному, находимъ, что порядокъ расположенія въ нихъ статей вездѣ одинаковъ, только послѣдніе списки отличаются отъ перваго пропускомъ въ срединѣ, Троицкій одной статьи (о судныхъ кунахъ, III, 18), а Синодальный двухъ статей (о судныхъ кунахъ и о поклепной вирѣ, III, 15, 18). Но есть ли основаніе, по поводу ошибочнаго пропуска въ нѣкоторыхъ спискахъ одной или двухъ статей, уставъ Правды Изяслава и его братьевъ считать частнымъ сборникомъ, а не офиціальнымъ документомъ? Извѣстно, что недописокъ и пропусковъ не избѣгали и подлинные тексты законовъ. Если слѣдуетъ что отнести къ произволу частныхъ лицъ въ уставахъ Изяслава и Мономаха, то только оглавленія статей, дѣйствительно весьма разнообразныя. Этихъ оглавленій, безъ сомнѣнія, не было въ подлинникѣ, такъ какъ ихъ не находимъ и въ Правдѣ Ярослава. Частныя лица могли употреблять

ихъ для практической цѣли, именно для удобства при отысканіи статей. Такое предположеніе подтверждается еще и тѣмъ, что оглавленія почти всегда писались киноварью, для бо́льшей наглядности. Но кромѣ указанныхъ нами пропусковъ, недостаетъ въ Троицкомъ и Синодальномъ спискахъ 17 заключительныхъ статей устава Изяславова по списку Карамзинскому, именно о приплодахъ и сиротьемъ вырядкѣ (III, 49—65). Это не могло уже произойти отъ ошибки переписчика. Предъ указанными нами статьями находится въ уставѣ Изяслава по всѣмъ спискамъ одно мѣсто, въ которомъ опредѣлена цѣна различныхъ животныхъ: стоимость кобылы показана въ 60 кунъ (¹), коровы—въ 40 кунъ, овцы въ пять кунъ (II, 41; III, 42); въ постановленіяхъ же о приплодахъ цѣна означена другая: кобыла цѣнится 3 гривны, корова—2 гривны и овцы—6 ногатъ (III, 49, 54 и 56). Само собою разумѣется, что статьи съ опредѣленіемъ такихъ различныхъ цѣнъ за однихъ и тѣхъ же животныхъ не могли быть составлены въ одно время. Это такъ очевидно, что не подлежитъ никакому сомнѣнію. Слѣдовательно, должно полагать, что постановленія о приплодахъ добавлены къ уставу Изяслава впослѣдствіи, и хотя въ его княженіе, но спустя довольно значительное время отъ изданія той статьи, въ которой кобыла оцѣнена въ 60, корова—въ 40, а овца—въ 5 кунъ; такъ что списки Троицкій и Синодальный собственно представляютъ уставъ Изяславовъ *по первой его редакціи*, а Карамзинскій—*по второй, дополненной.*

Показавъ, чѣмъ отличаются между собою разные списки Изяславова устава, изложимъ теперь внѣшній его составъ.

Уставъ Изяслава начинается выпискою первой статьи Ярославовой Правды, о дозволеніи мстить за убійство, но впрочемъ съ небольшимъ измѣненіемъ. Въ первоначальномъ уставѣ Ярослава была опредѣлена одна только плата за голову, 40 гривенъ, именно за русина, гридина, купца, ябетника, мечника, изгоя и словенина; въ дополнительномъ уставѣ назначалась еще и другая плата, 80 гривенъ, за умерщвленіе огнищанина и тіуна княжескаго; въ уставѣ-же Изяслава эти два отдѣльныя постановленія соединены въ одну статью, притомъ слово *огнищанинъ* замѣнено словомъ *княжъ*

(¹) Въ Троицкомъ спискѣ ошибкой цѣна кобылы выставлена 7 кунъ, потому-что и въ дополнительномъ уставѣ Ярослава она цѣнилась въ 60 рѣзанъ или кунъ (I, 26).

мужъ, а вмѣсто *ябетникъ* поставлено *тіунъ боярескъ*. Въ этомъ-то и состояло указанное нами измѣненіе.

Впрочемъ, статья о дозволеніи мстить за убійство выписана изъ законовъ Ярослава не потому, что имѣла еще значеніе, но чтобы въ слѣдъ за тѣмъ сказать, что она отмѣнена. Посему, непосредственно за изложеніемъ ея, въ уставѣ Изяслава помѣщены слѣдующія слова: «по Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ и мужи ихъ: Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ, и отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати, а ино все, якоже Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставиша».—Изъ находящихся въ этомъ мѣстѣ выраженій, одно: «по Ярославѣ же *паки* совкупившеся сынове его», объяснено нами прежде, другое—«отложиша убіеніе за голову», указываетъ на упомянутую выше отмѣну помѣщеннаго при самомъ началѣ въ Изяславовомъ уставѣ Ярославова закона о семейной мести за убійство; но какъ понимать слова: «*а ино все, якоже Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставиша*»? Если толковать ихъ такъ, что за отмѣной мести, все остальное внесено въ уставъ Изяслава изъ первоначальной Правды безъ всякой перемѣны, то этому толкованію будутъ противорѣчить послѣдующія за приведенными словами статьи, въ которыхъ многое противъ Ярославовыхъ законовъ дополнено и измѣнено. Намъ кажется, означенное мѣсто можно объяснять только такимъ образомъ: слова—*а ино все*—указываютъ на все то, что было внесено въ уставъ Изяслава изъ Ярославовой Правды, за исключеніемъ статьи о мести за убійство; а выраженіе: *якоже Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставиша*, имѣетъ тотъ смыслъ, что внесенное, кромѣ означенной выше статьи, хотя съ дополненіями и измѣненіями, въ сущности составляло такой же судъ, якоже уставилъ Ярославъ, т. е. *на тѣхъ же самыхъ началахъ*, что при повѣркѣ дѣйствительно и оказывается, тогда какъ изъятая изъ круга постановленій, обозначеннаго словами «*а ино все*», отмѣна Изяславомъ мести за убійство совершенно противорѣчила началу, принятому въ Ярославовой Правдѣ. Притомъ, самое разбираемое нами выраженіе, по своему буквальному смыслу, не исключаетъ предположенія о дальнѣйшемъ развитіи права на прежнихъ основаніяхъ, такъ какъ въ этомъ выраженіи сказано: *а ино все уставиша*, а не *оставиша*, яко же Ярославъ судилъ. Толь-

ко употребленіе слова *оставиша* могло бы дать поводъ думать, что статьи изъ Ярославовой Правды внесены въ уставъ Изяслава безъ всякаго измѣненія. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, слова̀: «а ино все яко же Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставиша», слѣдуетъ переводить такъ, что за исключеніемъ отмѣны мести, всѣ остальныя начала суда Ярославова сохранены въ уставѣ его сыновей.

Дальнѣйшія за разобранными нами статьи устава Изяслава расположены въ порядкѣ прежнихъ двухъ уставовъ, именно сперва говорится о нарушеніи личныхъ правъ, потомъ о нарушеніи правъ собственности, а наконецъ встрѣчается совершенно новый отдѣлъ, по чисто-гражданскимъ законамъ, именно о правахъ по имуществу.

Изложимъ продолженіе Изяславова устава:

I. О нарушеніи личныхъ правъ.

1) Объ убійствѣ, о поконахъ вирныхъ, о платѣ за умерщвленіе княжихъ отроковъ, конюховъ, поваровъ, тіуновъ, рядовичей, смердовъ и холоповъ, о порядкѣ судопроизводства по дѣламъ по поклепѣ головою, о судныхъ купахъ (II, 1—17; III, 18). Нѣкоторыя изъ этихъ статей взяты изъ дополнительнаго Ярославова устава, а другія заключаютъ въ себѣ постановленія совершенно новыя.

2) О нанесеніи ранъ, увѣчій и побоевъ (II, 18—25). Статьи эти съ измѣненіемъ заимствованы изъ первоначальнаго устава Ярослава.

II. О нарушеніи правъ собственности.

А. Преступленіемъ.

1) Излагаются статьи изъ первоначальнаго Ярославова устава, но измѣненныя и дополненныя, именно: о передержательствѣ бѣглаго челядина, о самовольномъ пользованіи чужою лошадью, о конокрадствѣ и утайкѣ найденнаго коня, оружія и одежды, о порядкѣ возвращенія украденныхъ вещей и челядина (II, 26—35).

2) Излагаются статьи, взятыя изъ дополнительнаго устава Ярослава, но также измѣненныя и дополненныя, именно: о наказаніи татя, поиманнаго на татьбѣ, о кражѣ скота и объ обворованіи клѣти, о похищеніи жита изъ гумна или изъ ямы, о вознагражденіи лицъ, обиженныхъ воровствомъ

за украденныхъ у нихъ лошадей и вообще скота, о холопахъ-татяхъ (II, 36—42).

Б. Неисполненіемъ гражданскихъ обязательствъ.

Сюда относится статья, измѣненная, но заимствованная изъ первоначальнаго устава Ярослава, о порядкѣ взысканія долговъ (II, 43).

III. О правахъ по имуществамъ.

Здѣсь излагаются совершенно новыя постановленія:

1) о купцѣ, давшемъ куплю въ куны или въ гостьбу, о поклажѣ, о рѣзѣ, о мѣсячномъ рѣзѣ (II, 44—47).

2) о приплодахъ, прибыткахъ и о сиротьемъ выряд кѣ (III,49—65). Эти послѣднія статьи, какъ мы уже выше объяснили, прибавлены къ уставу Изяслава впослѣдствіи.

Такимъ образомъ уставъ Изяслава есть только совмѣщеніе статей двухъ Ярославовыхъ уставовъ, съ измѣненіемъ этихъ статей и дополненіемъ ихъ новыми законами. Впрочемъ, многія постановленія Правды Ярослава остались сюда невнесенными. Такъ въ первый отдѣлъ, о нарушеніи личныхъ правъ, не внесены: *изъ первоначальнаго устава,* о вырваніи уса и бороды (I, 7), о нанесеніи холопомъ побоевъ свободному мужу (I, 16); *изъ дополнительнаго*— двѣ статьи объ истязаніи смердовъ, огнищанъ, тіуновъ и мечниковъ (I, 31, 32). Во второй отдѣлъ, о нарушеніи правъ собственности, остались невнесенными статьи: *изъ первоначальнаго устава*—объ изломаніи копья, щита и порчѣ одежды (I, 17); *изъ дополнительнаго*—объ истребленіи княжей борти и межъ (I, 30, 33), о кражѣ ладьи, голубя, курицы, утки, гуся, журавля, лебедя, собаки, ястреба, сокола, сѣна и дровъ (I, 34—37 и 39). Сверхъ того, въ уставъ Изяслава не вошли и статьи о пошлинахъ и объ урокѣ мостникамъ (I, 41 и 43).

Безъ сомнѣнія, всѣ эти невнесенныя статьи, остававшіяся безъ измѣненія, были дѣйствующими совмѣстно съ статьями Изяславова устава, помѣщенными въ слѣдъ за выраженіемъ: а ино все якоже Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставиша.

Перейдемъ теперь къ изложенію послѣдняго устава Правды—*устава Мономаха.*

Уставъ Мономаховъ слѣдуетъ разсматривать какъ дополнительный къ Изяславову уставу. Вмѣстѣ взятыя, они составляли новое,

дополненное и исправленное изданіе Правды Ярослава, которая съ появленіемъ постановленій Мономаха сдѣлалась окончательно правомъ недѣйствовавшимъ.

Какъ и дополнительный уставъ Ярослава, уставъ Мономаховъ тоже не имѣетъ системы въ цѣломъ и распадается на четыре отдѣла. Онъ начинается заглавіемъ: *«уставъ Володимѣрь Всеволодича»* и потомъ слѣдующими словами: «Володимѣръ Всеволодичь, по Святополцѣ, созва дружину свою на Берестовѣмъ: Ратибора, Кіевскаго тысячьского, Прокопью, Бѣлогородскаго тысячьского, Станислава, Переяславскаго тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича, Олгова мужа,—и уставили». За тѣмъ излагаются самыя постановленія.

По намъ могутъ возразить, что особаго устава Мономаха вовсе и не существовало, а что всѣ остальныя, приписываемыя ему нами статьи, въ спискахъ Троицкомъ, Карамзинскомъ и имъ подобныхъ, принадлежатъ Изяславу съ братьями, и что въ ихъ уставѣ помѣщено, какъ видно изъ словъ: «уставили до третьяго рѣза,» только одно постановленіе Мономаха о рѣзѣ. Это тѣмъ болѣе, могутъ сказать, справедливо, что встрѣчающаяся за тѣмъ въ Правдѣ статья о нанесеніи побоевъ холопомъ свободному мужу, по самому образу ея изложенія, даетъ поводъ думать о составленіи ея не Мономахомъ, а прежде. Статья эта изложена такъ: «а се аже холопъ ударитъ свободна мужа, а убѣжитъ въ хоромъ, а господинъ его не выдастъ, то платити зань господину 12 гривенъ, а за тѣмъ аче и гдѣ налѣзетъ ударенный той своего истьця, кто его ударилъ, то Ярославъ былъ уставилъ убити и; но сынове его по отци уставиша на купы—любо бити и̏ розвязавше, любо взяти гривну кунъ за соромъ (II, 58; III, 76).» Если же выписанная нами статья относится къ времени Изяслава и его братьевъ, то нѣтъ основанія полагать, чтобы послѣдующія за нею статьи принадлежали не имъ, а Мономаху.

На все это мы отвѣтимъ слѣдующее:

1) Заглавіе *«уставъ Владиміра Мономаха»*, судя по киноварнымъ и другимъ заставкамъ, и по особому начертанію этого заглавія сравнительно съ прочими, надписано въ нѣкоторыхъ рукописяхъ и Кормчихъ какъ общее надъ всѣми послѣдующими статьями. Кромѣ того, заглавіе «уставъ Мономаха» съ слѣдующими за этимъ заглавіемъ статьями, переносится иногда въ спискахъ на другой

листъ или страницу рукописи [1]. Все это доказываетъ, что Мономаху принадлежало не одно постановленіе о рѣзѣ, а и всѣ слѣдующія за нимъ, до самаго конца Правды.

2) Еслибы Мономаху принадлежала одна только статья о рѣзѣ, а прочія стоящія за нею статьи до самаго конца устава, были постановленіями Изяслава, то и въ распредѣленіи ихъ, безъ сомнѣнія, приняли бы такую же систему, какая вообще употреблена въ изложенномъ нами его уставѣ; но мы напротивъ видимъ, что послѣ заглавія «уставъ Владиміра Мономаха» система измѣняется. Такой различный порядокъ въ размѣщеніи статей до означеннаго заглавія и послѣ него доказываетъ также, что этимъ заглавіемъ начинался особый уставъ, который, судя по сдѣланной надъ нимъ общей надписи, принадлежалъ Мономаху.

3) Странно было бы думать, чтобы Мономахъ созывалъ дружину на Берестовѣ единственно только для изданія закона о количествѣ рѣза, тѣмъ болѣе, что одна изъ слѣдующихъ за этимъ постановленіемъ статей, очевидно, принадлежитъ Мономаху, именно статья *о долзѣ* (II, 51), такъ какъ здѣсь между прочимъ встрѣчаются слова: «*аже кто много рѣза ималъ*», т. е. лишнее противъ установленнаго количества; количество же рѣза, какъ выше нами указано, опредѣлено Мономахомъ. Такимъ образомъ, если означенная нами статья о долзѣ составлена на Берестовскомъ съѣздѣ, то нѣтъ никакого основанія не относить къ этому же съѣзду и всѣхъ послѣдующихъ статей. Остается, повидимому, только затрудненіе касательно постановленія о нанесеніи холопомъ побоевъ свободному мужу; но мы думаемъ, что помѣщенныя здѣсь слова: «то Ярославъ былъ уставилъ убити ѝ, но сынове его по отци уставиша на купы»—означаютъ только ссылку на прежнія постановленія, именно на частный законъ Ярослава о холопѣ, нанесшемъ ударъ свободному мужу, и на общій законъ Изяслава объ отмѣнѣ кровавой мести и о замѣнѣ ея выкупами, и что за этими постановленіями слѣдуетъ подразумѣвать слова, стоящія въ началѣ устава, и равно относящіяся ко всѣмъ его статьямъ, именно: *а потому* «Володимеръ Всеволодичъ, по Святополцѣ, созва дружину свою на Берестовѣмъ... уставили: любо бити и розвязавше, любо взяти гривну кунъ за соромъ.» По

---

(1) См. Изслѣдованія Калачова о Правдѣ стр. 66.

нашему мнѣнію, законъ Ярослава о холопѣ былъ дѣйствующимъ до самаго Берестовскаго съѣзда и оставался безъ всякаго согласованія съ общимъ закономъ Изяслава. Мономахъ, замѣтивъ эту несообразность, призналъ необходимымъ такое согласованіе, и основаніе къ нему выразилъ противопоставленіемъ въ ссылкѣ двухъ разнородныхъ прежнихъ постановленій, а за тѣмъ составилъ свой новый законъ, примѣняясь къ сдѣланной Изяславомъ отмѣнѣ кровавой мести.

Изложимъ теперь внѣшній составъ устава Мономаха:

Отдѣлъ первый.

Уставъ Изяслава, какъ мы видѣли, кончается статьями *о приплодахъ* и *о рѣзахъ*. Послѣднія вѣроятно и были одною изъ главныхъ причинъ новаго съѣзда, а потому уставъ Мономаховъ начинается постановленіемъ о рѣзѣ, потомъ слѣдуютъ статьи: объ истребленіи и порчѣ чужихъ товаровъ, о несостоятельныхъ должникахъ, а такъ какъ такіе должники обращались въ закуповъ, то въ слѣдъ за симъ излагаются законы о закупахъ. Словомъ, первый отдѣлъ, нами разсматриваемый, составляетъ только продолженіе послѣдняго отдѣла устава Изяславова, *о правахъ по имуществамъ* (II, 48 — 57; III, 66—75). Въ прочихъ отдѣлахъ наблюдается прежній порядокъ, именно сперва говорится о нарушеніяхъ личныхъ правъ, а потомъ о нарушеніяхъ правъ собственности, исключая четвертаго отдѣла, гдѣ вмѣсто послѣднихъ излагаются постановленія о правахъ и обязанностяхъ по имуществамъ.

Отдѣлъ второй.

I. О нарушеніи личныхъ правъ.

1) О нанесеніи холопомъ побоевъ свободному мужу. Сюда присовокуплено постановленіе о томъ, что холопы не могутъ быть свидѣтелями (II, 58—59; III, 76, 77).

2) О порваніи бороды и выбитіи зуба (II, 60, 61; III, 78, 79).

II. О нарушеніи правъ собственности.

1) О покражѣ бобра (II, 62, 63; III, 80, 81).

2) О разнаменаніи борти, переораніи межи, о порубкѣ межнаго дуба (II, 64—66; III, 82—84). Сюда присовокуплена статья о *накладахъ* съ 12 гривенныхъ продажъ, которыми оплачивались означенныя выше преступленія (II, 67; III, 85).

3) О порубкѣ бортнаго дерева, о кражѣ пчелъ, объ отысканіи татя по слѣдамъ (II, 68—70; III, 86—88).

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

I) О нарушеніи личныхъ правъ.

1) Объ истязаніяхъ смерда (II, 71; III, 89).

2) Объ истязаніяхъ огнищанина (II, 72; III, 90).

II. О нарушеніи правъ собственности.

1) О кражѣ ладьи (II, 73; III, 91).

2) О поврежденіи верви въ перевѣсѣ (II, 74; III, 92).

3) О кражѣ собаки, ястреба, сокола, голубя, курицы, утки, гуся, лебедя, журавля, сѣна и дровъ (II, 75—78; III, 93—96).

4) О поджегѣ гумна и двора (II, 79; III, 97).

5) Объ умерщвленіи чужой лошади и скотины. За симъ слѣдуютъ двѣ статьи о порядкѣ производства дѣлъ по всѣмъ *тяжамъ* (II, 80—82; III, 98—100).

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

I) О нарушеніи правъ личныхъ.

1) Объ убійствѣ мужемъ жены (II, 83; III, 101).

2) Объ убійствѣ холопа или рабы (II, 84; III, 102).

II. О правахъ и обязанностяхъ по имуществамъ.

1) О наслѣдствѣ (II, 85—89; III, 103—107).

2) О количествѣ платы за труды городнику и мостнику (II, 90, 91; III, 108, 109).

3) О наслѣдствѣ (II, 92—98; III, 110—116). Непосредственно за этими статьями въ Карамзинскомъ спискѣ слѣдуетъ постановленіе: аже братья ростяжутся предъ княземъ о задницѣ (III, 117).

4) О количествѣ судебныхъ пошлинъ (II, 99; III, 118). За этой статьей поставлена въ Троицкомъ спискѣ статья: аже братья ростяжутся предъ княземъ о задинци (II, 100).

5) Объ уроцѣхъ ротнихъ (II, 101). Этого постановленія въ Карамзинскомъ спискѣ нѣтъ.

6) О холопствѣ (II, 102—115; III, 119—132). Сверхъ того, въ концѣ Карамзинскаго списка находятся еще три статьи, которыхъ недостаетъ въ Троицкомъ, именно: 1) о человѣкѣ, иолгавшемъ куны у людей (III, 133); 2) о городскихъ мостахъ (III, 134), и 3) о муцѣ (III, 135).

Изъ всего этого видно, что списки Троицкій и Карамзинскій, относительно порядка въ размѣщеніи постановленій Мономахова устава, почти совершенно сходны. Различія состоятъ только въ

томъ, что статья о спорахъ братьевъ по поводу доставшагося имъ наслѣдства, въ Троицкомъ спискѣ поставлена между статьями о судебныхъ и ротнихъ урокахъ, въ Карамзинскомъ же она находится предъ статьею о судебныхъ урокахъ, и такимъ образомъ соединена съ другими постановленіями о наслѣдствѣ. Кромѣ того, отъ Троицкаго списка Карамзинскій отличается еще и тѣмъ, что въ немъ пропущена статья о ротнихъ урокахъ.—Всѣ эти различія, происшедшія безъ сомнѣнія отъ невнимательной переписки, весьма маловажны, и основываясь на нихъ никакъ нельзя отвергать подлинности текста Правды. Что же касается до трехъ статей, прибавленныхъ въ концѣ Карамзинскаго списка, то постановленіе о человѣкѣ, полгавшемъ куны у людей, можно еще относить къ уставу Мономаха; но статья о городскихъ мостѣхъ касается исключительно Новгорода и составляетъ *особый уставъ* (¹), вовсе не относящійся къ Правдѣ; статья же о муцѣ вѣроятно прибавлена къ ней не ранѣе XIV столѣтія, такъ какъ упоминаемыя здѣсь наказаніе *кнутомъ* и слово *дворянинъ* не были извѣстны у насъ въ древнія времена.—Одинъ только списокъ *Синодальный* представляетъ весьма большое отступленіе отъ изложеннаго нами порядка расположенія статей въ уставѣ Мономаха. Такое отступленіе произошло оттого, что переписчикъ сначала дѣлалъ неизвѣстно съ какою цѣлью пропуски, а потомъ въ концѣ пропущенныя имъ статьи прибавилъ. Такимъ образомъ, *изъ перваго отдѣла* устава Мономахова написавши 48 и 49 статьи (по Троицк. сп.), онъ пропустилъ *50* и *51*, за тѣмъ написалъ 52, а пропустилъ *53 по 57*; *изъ втораго отдѣла* пропущена статья *58*; написаны 59 по 67, потомъ пропущены *68 по 82*, т. е. остальныя статьи втораго отдѣла и *весь третій отдѣлъ*; *изъ четвертаго отдѣла* написаны 83 по 89, пропущены *90 по 94*, за тѣмъ написаны 95 по 101. Послѣ переписчикъ началъ выписывать по порядку пропущенныя имъ мѣста, именно статьи: 50, 51, 53 по 57, 58, 68 по 82 и 90 по 94, а въ заключеніе помѣстилъ статьи о холопствѣ. Все это, кажется, довольно убѣждаетъ, что Синодальный списокъ искаженъ при перепискѣ, и основывать на немъ мнѣніе будто бы Правда есть сборникъ невозможно.

(¹) См. О происхожденіи Новгорода, ст. г. Малковскаго, въ 12 кн. Временника за 1852 годъ.

Въ заключеніе скажемъ, что въ уставъ Мономаха были внесены почти всѣ остальныя статьи изъ Ярославовой Правды, остававшіяся невнесенными въ уставъ Изяславовъ, именно: о бородѣ, о зубѣ, о нанесеніи холопомъ побоевъ свободному мужу, объ истязаніяхъ смердовъ и огнищанъ, объ истребленіи борти и межъ, о кражѣ ладьи, голубя, курицы, утки, гуся, лебедя, журавля, собаки, ястреба, сокола, сѣна и дровъ, а также постановленіе о мостникахъ и одна часть статьи о пошлинахъ (I, 41),—о накладѣхъ съ 12 гривенныхъ продажъ (II, 67),—другая же часть не была внесена и вѣроятно сохраняла свою силу. Кромѣ того, осталась невнесенною еще статья объ изломаніи копья и щита (I, 17) (¹). И такъ въ двухъ уставахъ Ярославовой Правды, за исключеніемъ можетъ быть послѣднихъ двухъ постановленій, не представлялось больше никакой надобности.

Сдѣланное нами изложеніе внѣшняго состава разныхъ уставовъ Правды еще болѣе можетъ убѣдить въ ея офиціальности. Этимъ изложеніемъ, кажется, опровергаются главныя основанія мнѣнія, что Правда есть сборникъ. Во-первыхъ, принимающіе такое мнѣніе приводятъ въ подтвержденіе его *неодинаковый порядокъ въ размѣщеніи статей Правды,* что вовсе несправедливо. Напротивъ, порядокъ въ расположеніи статей въ памятникѣ такой отдаленной древности, какъ мы видѣли, одинаковъ въ большей части списковъ, чему нельзя не удивляться, если сообразить въ продолженіи сколькихъ столѣтій и какимъ разнообразнымъ случайностямъ при перепискѣ памятникъ этотъ подвергался. Ошибка въ выводѣ защитниковъ мнѣнія о сборникѣ произошла оттого, что они не разграничивали строго между собою разныхъ уставовъ Правды. Во вторыхъ, въ доказательство, что она составлена частными лицами, приводятъ еще: *пропускъ въ однихъ ея спискахъ нѣкоторыхъ статей и помѣщеніе ихъ въ другихъ.* Такой доводъ вовсе не подкрѣпляетъ мнѣнія о сборникѣ, напротивъ весьма естественно и безъ натяжки указываетъ на ошибки при перепискѣ, которыхъ отрицать нельзя. Самый же значительный пропускъ въ Троицкомъ и Синодальномъ спискахъ, именно 17-ти статей по списку Карамзинскому, кажется

(¹) Статья о копьѣ внесена въ одинъ Пушкинскій списокъ, и помѣщена въ концѣ, за статьями о холопствѣ.

достаточно нами объясненъ, и притомъ вовсе не въ пользу мнѣнія, что Правда есть частный сборникъ.

Кромѣ того, независимо отъ указанныхъ выше, г. Калачовъ приводитъ и другія доказательства въ подкрѣпленіе мнѣнія, что Правда есть сборникъ. Онъ говоритъ: «всякому безпристрастному изслѣдователю будетъ трудно найти въ Русской Правдѣ то по крайней мѣрѣ *внѣшнее единство*, которое мы привыкли видѣть въ грамотахъ, уставахъ и другихъ официальныхъ документахъ; напротивъ изслѣдователя поразитъ то разнообразіе формъ, которое выражается въ отдѣльныхъ постановленіяхъ Русской Правды. Однѣ статьи суть ничто иное, какъ *древніе обычаи*, другія напротивъ несомнѣнно *постановленія*, третьи явно *судебныя рѣшенія*. Такой разнообразный составъ Правды показываетъ, что она въ томъ видѣ, какъ намъ извѣстна, есть *сборникъ законовъ, обычаевъ и судебныхъ рѣшеній»* (1). Этотъ выводъ, представляющійся сначала такимъ сильнымъ и поразительнымъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи теряетъ всю свою кажущуюся убѣдительность. Г. Калачовъ статьи Правды раздѣляетъ на законы, обычаи и судебныя рѣшенія; но въ ней нѣтъ ни описанія вторыхъ, ни изложенія послѣднихъ, а есть только постановленія, основанныя на обычаяхъ и рѣшеніяхъ. Она напр. не описываетъ, что въ древности господствовала частная месть; но, основываясь на обычаѣ, установляетъ законъ: убіетъ мужъ мужа, то мстити брату брата. Вообще всѣ статьи Правды имѣютъ одну, свойственную законамъ, форму предписаній. Какъ же послѣ этого отнимать у Правды внѣшнее единство и говорить, что она есть сборникъ законовъ, обычаевъ и судебныхъ рѣшеній? Сколько бы ни были разнообразны источники какого нибудь законодательнаго памятника, во всякомъ случаѣ у него нельзя отнимать внѣшняго единства и говорить, что онъ заключаетъ въ себѣ обычаи и судебныя рѣшенія, единственно потому, что на нихъ основаны нѣкоторыя изъ его постановленій. Можно, пожалуй, назвать такой памятникъ сборникомъ, но только сборникомъ однихъ законовъ. Г. Калачовъ признаетъ обычаемъ статью объ убійствѣ, гдѣ выражена частная месть; но это, какъ мы уже замѣтили, есть законъ, изложенный въ формѣ предписанія, хотя и основанный на обычаѣ. Судебнымъ рѣшеніемъ г. Калачовъ назы-

(1) См. Изслѣдованія Калачова о Правдѣ, стр. 29.

ваетъ статью о кражѣ 10-ю ворами одной овцы. Но излагались ли когда нибудь судебныя рѣшенія въ такой формѣ: аже украдутъ овцу или козу или свинью, а ихъ будетъ 10 одну овцу украли, да положатъ по 60 рѣзанъ продажи? Въ этихъ словахъ видно предписаніе на будущее время, а не приговоръ суда объ обнаруженныхъ преступникахъ. Притомъ, нельзя даже полагать, чтобы выписанное нами постановленіе основывалось на предшествовавшемъ ему рѣшеніи о 10 преступникахъ. Употребленіе въ статьѣ Правды опредѣленнаго числа воровъ есть только примѣрное, и прямо указываетъ на безъискуственную форму древняго закона, потому что и теперь въ обычаѣ у нашего народа не обобщать иногда мысли, а вставлять въ рѣчь то или другое количество предметовъ (¹).

И такъ, не соглашаясь съ г. Калачовымъ, мы признаемъ, что Правда не лишена внѣшняго единства, потому что заключаетъ въ себѣ одни законы, и притомъ нисколько въ этомъ отношеніи не разнится отъ уставовъ и другихъ нашихъ офиціальныхъ документовъ. Постараемся доказать эту послѣднюю мысль.

Въ нашихъ судныхъ и уставныхъ грамотахъ заключаются постановленія уголовнаго и гражданскаго права, но нѣтъ ни описанія обычаевъ, ни изложенія судебныхъ рѣшеній. Въ этомъ отношеніи означенныя грамоты не лишены внѣшняго единства, и какъ законодательные памятники вполнѣ соотвѣтствуютъ Правдѣ. Притомъ, какъ въ нихъ, такъ и въ послѣдней, обороты рѣчи во многихъ мѣстахъ одинаковы, напр.: а кто кого утяжетъ въ татьбѣ; а кто у кого межу перeоретъ, и проч. (²). Обратимъ теперь вниманіе на то, какъ начинаются судныя и уставныя грамоты. Можетъ быть при такомъ сравненіи ихъ съ Правдой окажется между первыми и послѣдней какая нибудь поразительная разница, которая дастъ поводъ причислить Правду къ неофиціальнымъ текстамъ. Выпишемъ приступы нѣсколькихъ уставовъ:

1) Доложа господы великихъ князей... се покончаша посадники Новгородскіе и тысяцкіе Новгородскіе, и бояре, и житьи люди, и

(¹) Наши пословицы тоже не терпятъ обобщеній, напр. *три* дни не ѣлъ, а въ зубахъ ковыряетъ; у *семи* пастуховъ не стадо; чтобы узнать человѣка надо *три* пуда съ нимъ соли съѣсть, и проч.—(²) Акт. Эксп. т. I, №№ 92, 103, 123 и 150.

купцы, и черные люди, и всѣ пять концовъ, весь государь Великій Новгородъ, на вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ (1).

2) Се азъ князь великій... сѣдъ съ своимъ отцомъ митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси управили есмь о домѣхъ церковныхъ (2).

3) Се язь князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси пожаловалъ есми своихъ людей Бѣлозерцовъ (3).

4) Судебники начинаются такъ, *первый:* уложилъ князь великій Иванъ Васильевичъ съ дѣтьми своими и бояры; *второй:* царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси съ своею братіею и бояры сесь судебникъ уложилъ (4).

Изъ этого видно, что въ приступахъ къ нашимъ законодательнымъ памятникамъ обыкновенно обозначали рѣчью, въ первомъ или третьемъ лицѣ, имя князя или царя, при которомъ изданъ памятникъ, а также упоминали объ особахъ, участвовавшихъ въ его составленіи.

Что же въ этомъ отношеніи мы видимъ въ Правдѣ?

1) Первоначальный уставъ Ярослава вовсе не имѣетъ приступа; но послѣ оглавленія: «Правда Русская», прямо начинается изложеніе статей закона.

2) Дополнительный уставъ Ярослава носитъ заглавіе: «Правда уставлена Руськой земли, егда ся съвокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенѣгъ, и проч.

3) Уставъ Изяслава послѣ оглавленія: «Правда Руськая» начинается статьею объ убійствѣ изъ Ярославовыхъ уставовъ, и только послѣ нея встрѣчаются слѣдующія слова: «по Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ, и проч.».

4) Уставъ Мономаха имѣетъ слѣдующій приступъ: Володимѣръ Всеволодичъ, по Святополцѣ, созва дружину свою на Берестовѣмъ: Ратибора, Кіевскаго тысячьского, Прокопью, Бѣлогородьскаго тысячьского, Станислава, Переяславскаго тысячьского, Нажира, Мирослава . . . и уставили».

Соображая изложенные нами приступы, заключающіеся въ Правдѣ, мы находимъ, что въ нихъ также обозначено имя князя

(1) Акт. Эксп., т. I № 92.—(2) Акт. Истор. т. I, № 9.—(3) Акт. Арх. Эксп. т. I, № 23.—(4) Акт. Истор. т. I, № 105 и 153.

или князей, издавшихъ тотъ или другой ея уставъ, и поименованы сверхъ того лица, участвовавшія въ его составленіи. Значитъ въ этомъ отношеніи нѣтъ разницы между грамотами, судебниками и Правдой. Отсутствіе же вовсе приступа въ первоначальномъ уставѣ Ярослава не составляетъ признака его неофиціальности, потому-что во многихъ нашихъ законодательныхъ памятникахъ тоже нѣтъ приступовъ, такъ напр. въ записи Новгородской о церковномъ судѣ и въ нѣкоторыхъ губныхъ грамотахъ (1).

Оканчивая изслѣдованіе о внѣшнемъ составѣ Русской Правды, нельзя не замѣтить, что вообще наше древнее право развивалось цѣлымъ рядомъ уставовъ и грамотъ, изъ которыхъ позднѣйшіе заключали въ себѣ постановленія грамотъ и уставовъ болѣе отдаленныхъ по времени, иногда съ измѣненіями и дополненіями. Слѣдовательно изложенное нами выше положеніе, что уставы Изяслава и Мономаха составляли новое, дополненное и измѣненное изданіе уставовъ Ярослава, нисколько не противорѣчитъ общему ходу нашего древняго законодательства, а это еще болѣе подтверждаетъ подлинность Правды.

Представимъ теперь изъ всего нами сказаннаго общіе выводы:

1) Русская Правда не есть сборникъ, составленный частными лицами и лишенный внѣшняго единства, по причинѣ будто бы совмѣщенія въ предполагаемомъ сборникѣ законовъ, обычаевъ и судебныхъ рѣшеній; напротивъ Правда заключаетъ въ себѣ одни законы и всѣ извѣстные намъ списки ея, хотя и искаженные нѣсколько при перепискѣ, представляютъ копіи съ подлиннаго, офиціальнаго текста.

2) Русская Правда, по развитію своихъ постановленій, дѣлится на двѣ: *на первую*, или *основную*, и *послѣдующую*. Первая издана Ярославомъ, а вторая, заключающая въ себѣ сверхъ Ярославовыхъ постановленій, большею частію измѣненныхъ, еще и новыя, издана Изяславомъ и Мономахомъ, но продолжаетъ носить названіе суда Ярослава Владиміровича.

---

(1) Акт. Эксп. т. I, № 103 и 115.

3) Правда Ярослава заключаетъ въ себѣ два устава: первоначальный и дополнительный, и помѣщена въ спискахъ Академическомъ и сходныхъ съ нимъ.

4) Правда Изяслава и Мономаха дѣлится то же на два устава: на первоначальный, изданный Изяславомъ, и дополнительный, составленный при Мономахѣ. Правда эта заключается въ спискахъ Троицкомъ, Синодальномъ, Карамзинскомъ и сходныхъ съ ними по редакціи.

5) Между первоначальнымъ уставомъ Правды Ярослава и первоначальнымъ уставомъ Правды Изяслава и Мономаха существуетъ разительное сходство въ расположеніи статей, именно въ томъ и другомъ уставѣ сперва говорится о нарушеніи личныхъ правъ, а потомъ о нарушеніи правъ собственности.

6) Между дополнительными уставами обѣихъ Правдъ находится также сходство, именно: отсутствіе системы въ цѣломъ и распаденіе на отдѣлы, въ которыхъ въ частности почти всегда усматривается такой же порядокъ въ размѣщеніи статей, какъ и въ первоначальныхъ уставахъ.

7) При дѣйствіи Изяславовой и Мономаховой Правды, Правда Ярослава не имѣла уже болѣе силы закона, за исключеніемъ, можетъ быть, двухъ постановленій, но, при существованіи одного устава Изяслава, она во многихъ частяхъ составляла право дѣйствовавшее.

О МОНЕТНОЙ СИСТЕМѢ ВЪ РУССКОЙ ПРАВДѢ.

Въ Русской Правдѣ, относительно монетной системы, упоминается только: о полугривнѣ золота, о гривнѣ кунъ, о ногатахъ, кунахъ, рѣзанахъ и вѣкшахъ или вѣверицахъ; о гривнѣ же серебра не говорится ни слова. Впрочемъ, въ Правдѣ весьма часто не опредѣлено о какой именно гривнѣ идетъ дѣло при назначеніи пеней и вознагражденій по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ; напр. «аже выбьютъ зубъ, то 12 гривенъ продажи; аже пчелы выдеретъ, то 3 гривны продажи» (II, 61, 69). Въ этихъ постановленіяхъ, какъ и въ большей части другихъ, не сказано взыскивались ли съ виновныхъ означенныя 12 гривенъ и 3 гривны золотомъ или кунами.

Г. Погодинъ думаетъ, что во всѣхъ мѣстахъ Правды, въ которыхъ гривна оставлена неопредѣленною, должно разумѣть *гривну серебра*. Основаніе такого мнѣнія онъ видитъ въ слѣдующемъ: Олегъ, по извѣстію Нестора, потребовалъ отъ Грековъ дани по 12 гривенъ на ключь, но такъ какъ Олегу нечего было получать въ дань отъ Грековъ, кромѣ серебра, то слѣдовательно *гривна*, какъ въ приведенномъ сказаніи лѣтописи, такъ и въ другихъ ея мѣстахъ и въ другихъ памятникахъ, гдѣ употребляется въ той же неопредѣленной формѣ, имѣетъ одинаковое значеніе, т. е. *гривны серебряной*. Кромѣ справедливаго, сдѣланнаго г. Егуновымъ въ его статьѣ о торговлѣ древнѣйшей Руси ([1]), возраженія на это, что Олегъ столько же могъ ходить въ Грецію за *серебромъ*, сколько и за *золотомъ*, мы не раздѣляемъ мнѣнія г. Погодина, собственно въ отношеніи къ Правдѣ, еще потому, что всѣ денежныя взысканія, въ ней опредѣленныя, какъ убѣждаетъ внимательное разсмотрѣніе ея постановленій, основаны *на системѣ кунъ*.

Убѣжденіе наше главнымъ образомъ вытекаетъ изъ слѣдующихъ соображеній:

1) По Ярославѣ, сказано въ Троицкомъ и Карамзинскомъ спискахъ Правды, сынове его отложиша убіеніе за голову, *по кунами ся выкупати*; слѣдовательно какъ головничество, такъ и 80 и 40 гривенныя виры, состояли изъ гривенъ *кунъ*, а не *серебра*.

2) Когда подъ головничествомъ и вирою разумѣлось извѣстное количество гривенъ кунъ, то, безъ сомнѣнія, то же самое понимали и подъ полувирою, взыскивавшеюся за отсѣченіе руки или ноги и выколотіе глаза (II, 21); а если такъ, то и всѣ другія меньшія пени за нанесеніе ранъ и увѣчій назначены были кунами. Согласясь же съ тѣмъ, что напр. за отсѣченіе перста (II, 22) опредѣлено продажи 3 гривны кунъ, нельзя предполагать, чтобы такая же трехъ-гривенная продажа за перерѣзаніе напр. веревки у сѣти птицелова (II, 74) взыскивалась серебромъ. Вообще, когда гривнами кунъ оплачивалось совершеніе убійства, то нѣтъ никакого основанія думать, чтобы за меньшія, поименованныя въ Правдѣ, преступленія установлены были въ ней пени, въ томъ или другомъ количествѣ гривенъ, по счету на серебро, такъ какъ, не смотря на существованіе раз-

([1]) См. Современникъ 1848 г. т. XI, стр. 5 и 6.

ныхъ мнѣній о кунахъ, никто не отрицаетъ, что гривна серебра превосходила цѣнностію гривну кунъ.

3) По Карамзинскому списку Правды, тотъ, кто способствовалъ холопу убѣжать отъ своего господина, платилъ этому послѣднему за него 5 гривенъ, неизвѣстно какихъ. Ловившій холопа получалъ отъ владѣльца *гривну кунъ* за переимъ; когда же поймавшій упускалъ бѣглеца, то выплачивалъ его господину, вмѣсто 5 гривенъ, 4 гривны, а *пятую* за переимъ удерживалъ у себя (III, 123, 124). Это постановленіе самымъ очевиднымъ образомъ доказываетъ, что тамъ, гдѣ въ Правдѣ гривны оставались неопредѣленными, разумѣлись гривны кунъ. Именно: 5 гривенъ, не сказано какихъ, взыскивалось за способствованіе побѣгу холопа, 4 гривны—за упущеніе его послѣ поимки, 5-я же гривна въ послѣднемъ случаѣ удерживалась за переимъ. Эта переимная гривна наименована въ Правдѣ *пятою* относительно *четырехъ* гривенъ, слѣдовательно была одинаковаго съ ними достоинства, а такъ какъ она названа *гривною кунъ*, то, само собою разумѣется, и всѣ *пять* гривенъ взыскивались кунами. Если же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Правды, гривна, безъ означенія какая именно, оказывается гривною кунъ, то безъ сомнѣнія такою она должна быть и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, потому что въ основаніи денежныхъ взысканій Правды необходимо предполагать какую нибудь одну систему, а не нѣсколько, иначе, при различномъ значеніи гривны въ постановленіяхъ Правды, никто, даже изъ современниковъ, не зналъ бы въ какомъ изъ этихъ постановленій разумѣть гривну серебра, а въ какомъ гривну кунъ.

Эти выводы, по нашему мнѣнію, совершенно убѣждаютъ въ томъ, что въ Правдѣ всѣ пени и цѣны на разные предметы назначены кунами, тѣмъ болѣе, что отношеніемъ къ кунамъ опредѣлялась самая цѣнность серебра и золота.

Такъ какъ гривенный счетъ, употребленный въ Русской Правдѣ, былъ счетомъ только на куны, то, разумѣется, каждая *куна, рѣзана, ногата и вѣкша* принадлежали къ той же кунной системѣ и составляли большія или меньшія единицы, изъ извѣстнаго числа которыхъ образовывалась самая гривна кунъ.—Не касаясь пока сущности означенной монетной системы, опредѣлимъ сначала отношеніе каждой изъ ея единицъ къ другимъ единицамъ, а также и къ гривнѣ кунъ.

По этому поводу были высказаны самыя противоположныя мнѣнія:

1) *Болтинъ* полагалъ, что *8 рѣзанъ* было въ одной ногатѣ, что *4 ногаты* равнялись *кунѣ*, и что 20 кунъ или 400 вѣкшъ составляли гривну кунъ. Слѣдовательно, по мнѣнію Болтина, самою мелкою монетою была *рѣзана*, 1³/₅ рѣзаны соотвѣтствовали *вѣкшѣ*, 5 вѣкшъ одной *ногатѣ*, 4 ногаты или 20 вѣкшъ одной *кунѣ*, 20 кунъ, или 80 ногатъ, или 400 вѣкшъ, или 640 рѣзанъ—одной гривнѣ (¹).

2) *Карамзинъ* напротивъ самою мелкою единицею цѣнности считалъ *вѣкшу*. По его мнѣнію на куну шло *10 вѣкшъ* или *двѣ рѣзаны;* двѣ съ половиною рѣзаны равнялись ногатѣ; гривну же составляли 50 рѣзанъ; слѣдовательно кунъ находилось въ ней 25, а ногатъ 20 (²).

3) *Г. Бѣляевъ* думаетъ, что 3¼ рѣзаны составляли куну, что ногата была не больше, а меньше куны, что въ XI вѣкѣ гривна содержала въ себѣ не 25, а болѣе 30 кунъ, въ XIII же вѣкѣ—50 кунъ, что ногатъ заключалось въ гривнѣ или 75 или 62½, и что наконецъ сколько считалось вѣкшъ въ кунѣ неизвѣстно. Кромѣ того, г. Бѣляевъ, не объясняя почему, различаетъ *вѣкшу* и *бѣлку*, и считаетъ первую меньше послѣдней, а послѣднюю меньше ногаты. Гривна по предположенію г. Бѣляева содержала 500 или 600 бѣлокъ (³). Изъ этого видно, что онъ вѣкшу признаетъ меньшей цѣнности, чѣмъ рѣзану, за рѣзаною поставляетъ ногату, а потомъ куну.

Соображая мнѣнія Болтина, Карамзина и г. Бѣляева, мы находимъ, что у нихъ монеты относительно своей цѣнности поставлены въ слѣдующемъ порядкѣ: у Болтина—*рѣзана*, *вѣкша*, *ногата* и *куна;* у Карамзина—*вѣкша*, *рѣзана*, *куна* и *ногата;* у г. Бѣляева же—*вѣкша*, *рѣзана*, *ногата* и *куна*. Значитъ касательно *вѣкши* и *рѣзаны* г. Бѣляевъ принялъ порядокъ Карамзинскій, а касательно ногаты и куны—порядокъ Болтинскій.

Займемся теперь изложеніемъ нашего мнѣнія по означенному предмету; но предварительно докажемъ, что *куна* и *рѣзана* суть только различныя названія одной и той же единицы цѣнности.

(¹) Истор. Карамз. т. II, прим. 79 и 104.—(²) Тамъ же, т. II, прим. 79 и 104; т. III, прим. 244.—(³) Чтен. въ Имп. Общ. Истор. и Древност. при Московс. Универ. 1846 г., № 3, стр. 15—19.

Доказательства наши слѣдующія:

1) Въ спискахъ Правды князя Оболенскаго, Карамзинскомъ (за исключеніемъ статей о приплодахъ), Троицкомъ и другихъ—нѣтъ вовсе слова *рѣзана*, и вездѣ, гдѣ въ Академическомъ спискѣ стоитъ «рѣзана», поставлено «куна». Очевидно это могло произойти только отъ того, что куна и рѣзана одно и то же. Но если предположить, что онѣ были различными монетами, и что замѣненіе въ послѣдовавшихъ за Ярославовымъ уставахъ Правды рѣзаны куной произошло отъ увеличенія или уменьшенія продажъ и цѣнъ на разные предметы, то страннымъ покажется, отъ чего, при неодинаковой цѣнности куны и рѣзаны, означенные уставы могли совершенно обойтись безъ послѣдней, тогда какъ въ нихъ встрѣчаются всѣ остальныя единицы кунной системы.

2) Въ уставѣ Ярославовой Правды, въ статьѣ о поконѣ вирномъ (I, 42) сказано, что въ среду вирникъ получалъ *рѣзану*; въ уставѣ же Правды Изяслава, въ статьѣ, въ которой также исчисляются поконы вирные, *бывшіе при Ярославѣ* (II, 7; III, 7), говорится, что вирникъ при немъ получалъ въ среду *куну*. Такимъ образомъ, если въ томъ и другомъ уставѣ идетъ дѣло о денежной выдачѣ вирнику, существовавшей при Ярославѣ, а между тѣмъ рѣзана замѣняется куной, то само собою разумѣется, что куна и рѣзана одно и то же, тѣмъ болѣе, что въ приведенныхъ нами мѣстахъ объяснять замѣщеніе рѣзаны куной измѣненіемъ количества самой выдачи—невозможно.

3) Въ уставѣ Ярослава цѣнились: княжь конь въ 3 гривны, некняжій—въ 2 гривны, кобыла—въ 60 рѣзанъ, волъ—въ гривну, корова—въ 40 рѣзанъ, баранъ—въ ногату, утка, гусь, журавль и лебедь—по 30 рѣзанъ. Въ уставѣ Изяслава цѣна коней, вола, барана оставлена прежняя; кобыла же, корова, утка, гусь, журавль и лебедь также цѣнятся въ 60, 40 и 30, но не рѣзанъ, а кунъ. То же замѣчается и относительно виръ и продажъ. При Ярославѣ были слѣдующія виры и продажи: 80 гривенъ, 40 гривенъ, 12 гривенъ, 3 гривны и 30 рѣзанъ, 3 гривны, и 60 рѣзанъ. Въ уставахъ Изяслава и Мономаха оставлены тѣ же виры и продажи, только вмѣсто 3 гривенъ и 30 рѣзанъ поставлено 3 гривны и 30 кунъ, вмѣсто же 60 рѣзанъ поставлено 60 кунъ. Странно допускать, чтобы измѣненіе цѣны именно приходилось тамъ, гдѣ вмѣсто слова

рѣзана употреблено слово куна, тѣмъ болѣе, что при этомъ замѣненія одного слова другимъ вездѣ въ Правдѣ оставлены тѣ же *числа*, тогда какъ, предполагая различную цѣнность рѣзаны и куны, такая всегдашняя неизмѣняемость чиселъ при оцѣнкѣ различныхъ предметовъ—совершенно невозможна. Это могло бы быть простою случайностію, если бы встрѣчалось только въ нѣсколькихъ статьяхъ, но какъ общее, неизмѣнное правило,—одинаковость чиселъ ведетъ къ убѣжденію о тождествѣ куны и рѣзаны.

Принимая, что куна и рѣзана суть только различныя названія одной и той же монетной единицы, мы, до окончательнаго изложенія нашего доказательства о ихъ тождествѣ, приступимъ теперь къ объясненію отношенія какъ между куной или рѣзаной и ногатой, такъ и между ними и гривной кунъ. Для этого стоитъ только принять въ соображеніе статьи о приплодахъ Карамзинскаго списка Правды, начиная съ 49 по 64-ю, и употребить простыя ариѳметическія дѣйствія относительно чиселъ, помѣщенныхъ въ этихъ статьяхъ.

Возьмемъ сначала 50-ю статью. Въ ней сказано, что отъ 22 козъ приплода на 12 лѣтъ—90.112 козъ. Коза цѣнилась по 6 ногатъ. За 90.112 козъ исчислено кунами 27.033 гривны и 30 рѣзанъ. Въ этой статьѣ находятся всѣ данныя для опредѣленія величины рѣзаны, ногаты и гривны кунъ. Именно: если коза стоила 6 ногатъ, то за 90.112 козъ слѣдовало заплатить 540,672 ногаты; это же количество ногатъ составляло 27.033 гривны кунъ и 30 рѣзанъ; раздѣливши 540.672 на 27.033 увидимъ, что гривна кунъ заключала въ себѣ 20 ногатъ, а 12 ногатъ остатка безъ сомнѣнія равнялись 30 рѣзанамъ, показаннымъ, сверхъ гривенъ, въ общемъ итогѣ стоимости козъ. Слѣдовательно въ ногатѣ было 2½ рѣзаны, а въ гривнѣ 50 рѣзанъ или кунъ. Для подтвержденія правильности нашего вывода о рѣзанѣ, повѣримъ его по той же статьѣ о козахъ. Если ногата равнялась 2½ рѣзанамъ, то 6 ногатъ соотвѣтствовали 15 рѣзанамъ. Значитъ за 90.112 козъ должно было заплатить 1,351,680 рѣзанъ; раздѣливши это количество на число рѣзанъ, полагаемое нами въ гривнѣ, т. е. на 50, мы дѣйствительно получимъ 27.033 гривны и 30 рѣзанъ. Все это убѣждаетъ въ несомнѣнности сдѣланныхъ нами выводовъ; но повѣримъ ихъ еще по другимъ статьямъ о приплодахъ. Въ 51 статьѣ говорится, что отъ 3 свиней приплода

на 12 лѣтъ 73.728 свиней, за которыхъ кунами исчислено 36.864 гривны. Свинья *метана* по полугривнѣ (III, 53), т. е. по нашему мнѣнію 25 рѣзанъ. Такимъ образомъ за 73.728 свиней слѣдовало заплатить 1.843.200 рѣзанъ; раздѣливши это количество на полную гривну, т. е. на 50 рѣзанъ, мы дѣйствительно получимъ 36.864 гривны. Въ 52 и 53 статьяхъ 49.140 вепровъ оцѣнены 14.743 гривны и 40 рѣзанъ. Изъ этого числа вепровъ, три старые стоили по 45 рѣзанъ каждый. Спрашивается, во сколько цѣнился каждый изъ остальныхъ 49.137 вепровъ? Если на основаніи тѣхъ отношеній, которыя мы предполагаемъ между рѣзаной, ногатой и гривной кунъ, задача эта разрѣшится удовлетворительно, т. е. результатъ нашихъ вычисленій будетъ соотвѣтствовать цѣнѣ, показанной за вепра въ Правдѣ (III, 52), тогда несомнѣнность всѣхъ нашихъ выводовъ о величинѣ различныхъ единицъ цѣнности въ кунной системѣ подтвердится еще болѣе. Три старые вепра, изъ коихъ каждый цѣнился 45 рѣзанъ, вмѣстѣ стоили 135 рѣзанъ, или 2 гривны и 35 рѣзанъ. Вычтя это число изъ 14.743 гривенъ и 40 рѣзанъ, получимъ 14.741 гривну и 5 рѣзанъ, или 737.055 рѣзанъ, т. е. цѣну за остальныхъ 49.137 вепровъ. Раздѣливъ 737.055 на 49.137, найдемъ, что каждаго вепра цѣнили въ 15 рѣзанъ или 6 ногатъ; въ Правдѣ же дѣйствительно сказано, что вепръ метанъ по 6 ногатъ (III, 52).—Всѣ другія статьи о приплодахъ равнымъ образомъ не противорѣчатъ нашимъ выводамъ, въ чемъ каждый легко можетъ убѣдиться самъ посредствомъ ариѳметическихъ выкладокъ. Нужнымъ считаемъ исправить только нѣкоторыя ошибки, вкравшіяся въ статьи о приплодахъ по Карамзинскому тексту Правды. Такъ въ 50 ст., о козахъ, цѣна за козловъ исчислена *18.020 гривенъ и 40 рѣзанъ*, тогда какъ должно исчислить 18.022 гривны и 10 рѣзанъ; въ 54, о кобылахъ, вмѣсто 132 гривенъ слѣдуетъ поставить 134 гривны; въ ст. 56, о лонскихъ телицахъ, вмѣсто 7—17 гривенъ, вмѣсто 30 горнцевъ масла—36; въ 57 ст. о пчелахъ, вмѣсто 124 гривенъ—128. Предлагаемыя нами въ замѣну числа дѣйствительно находятся въ спискахъ Правды Бальзеровскомъ, Воскресенскомъ и Горюшкинскомъ (¹). Прибавимъ къ этому, что въ 49 статьѣ, объ овцахъ, 90.112 барановъ показано по ошибкѣ: ихъ слѣ-

(¹) Изслѣд. о Рус. Правдѣ, Калачова, стр. 90, 91, 92.

дуетъ считать 90.111. Это видно какъ изъ того, что въ общемъ итогѣ число овецъ и барановъ обозначено 180.223, а не 180.224, такъ и изъ сравненія настоящей статьи съ статьею о козахъ, въ которой также козловъ показано 90.111 (¹).

Всѣ разсмотрѣнныя нами статьи о приплодахъ несомнѣнно доказываютъ между прочимъ то, что 2½ рѣзаны составляли ногату, но изъ этихъ статей нельзя собственно вывести, что такое куна. Посему для подтвержденія прежнихъ нашихъ доводовъ о тождествѣ куны и рѣзаны, желательно было бы фактически опредѣлить отношеніе куны къ ногатѣ. Если и кунъ въ ногатѣ окажется двѣ съ половиною, тогда никто не станетъ сомнѣваться, что куна и рѣзана суть только различныя названія одной и той же монетной единицы. Мы имѣемъ въ виду одно мѣсто изъ нашихъ письменныхъ памятниковъ, въ которомъ находятся данныя для опредѣленія сколько въ ногатѣ было кунъ. Въ Дополненіяхъ къ Актамъ Историческимъ подъ 1150 годомъ сказано: «*пять ногатъ за лисицу. . . а за три лисицы 40 кунъ безъ ногаты* (²). Если за одну лисицу платилось *пять ногатъ,* то три лисицы стоили *15 ногатъ,* составлявшихъ 40 кунъ безъ ногаты. Полагая на ногату 2½ куны, въ 15 ногатахъ дѣйствительно будетъ содержаться 40 кунъ безъ ногаты, т. е. 37½ кунъ, такъ что съ прибавленіемъ ногаты, т. е. 2½ кунъ, выйдетъ полныхъ 40 кунъ. Къ такому же результату можно придти и другимъ путемъ. Намъ извѣстно, что 15 ногатъ равнялись 40 кунамъ безъ ногаты; но сколько было въ 15 ногатахъ рѣзанъ? Зная, что 2½ рѣзаны составляли ногату, найдемъ, что въ 15 ногатахъ заключалось 37½ рѣзанъ, т. е. *40 рѣзанъ безъ ногаты.* Если же ногата соотвѣтствовала 2½ кунамъ и 2½ рѣзанамъ, если 15 ногатъ равнялись 40 кунамъ безъ ногаты и 40 рѣзанамъ безъ ногаты, то очевидно, *что куна и рѣзана одно и то же.* И такъ, послѣ всего сказаннаго нами, никто, кажется, не станетъ отрицать, что *гривна кунъ* вмѣщала въ себѣ 50 кунъ или рѣзанъ, что *въ ногатѣ* заключалось 2½ рѣзаны или куны, и что ногатъ въ гривнѣ было 20. Къ

(¹) Въ Правдѣ сказано, что приплода на 12 лѣтъ 22 овцы давали 90.112 овецъ, 22 козы—столько же какъ и овцы, 3 свиньи—73.728 свиней и 2 кобылы—92 лошади. Интересно было бы опредѣлить, какой наши предки предполагали физическій законъ касательно размноженія животныхъ; но это не относится къ нашему предмету.—(²) Дополн. къ Акт. Ист. т. I, № 4 (III).

такому же выводу пришелъ и Карамзинъ. Ошибка его состояла только въ томъ, что онъ рѣзану считалъ чѣмъ-то отличнымъ отъ куны. Что же касается мнѣнiй Болтина и г. Бѣляева, то, по очевидной неосновательности этихъ мнѣнiй, они не требуютъ и опроверженiй. Довольно сдѣлать только нѣсколько замѣчанiй: напр. Болтинъ и г. Бѣляевъ думаютъ, что ногата была меньше куны, тогда какъ мы видѣли, что 15 ногатъ составляли 40 кунъ безъ ногаты, т. е. что *16 ногатъ* соотвѣтствовали ровно *40 кунамъ*, слѣдовательно наоборотъ ногата была больше куны; г. Бѣляевъ думаетъ, что 3¼ рѣзаны равнялись кунѣ, между тѣмъ изъ предъидущаго изложенiя видно, что куна и рѣзана одно и то же. Но, повидимому, мнѣнiе г. Бѣляева о рѣзанѣ основано на статьѣ Правды о поконѣ вирномъ (I, 42). Г. Бѣляевъ говоритъ: вирнику во время поста предписывалось давать за рыбу по семи рѣзанъ въ *день*, что въ недѣлю составляло 15 кунъ, или 49 рѣзанъ. Замѣтимъ сначала, что выраженiя *въ день* нѣтъ въ подлинномъ текстѣ. Въ Академическомъ спискѣ Правды сказано такъ: вирнику взяти 7 ведръ солоду *на недѣлю*, то же *овенъ*, любо *полоть*, или 2 ногаты; а въ среду *рѣзану*, тоже *три сыры*; въ пятницу такоже (въ одномъ спискѣ прибавлено: какъ въ среду); а хлѣба покольку могутъ ясти и пшена, а куръ подвое на день; или ся пригоди въ говѣнiе—рыбами, то взяти за рыбы семь рѣзанъ: *то всѣхъ кунъ* 15 кунъ на недѣлю». Мнѣнiе, что 7 рѣзанъ назначались вирнику за рыбу каждый день, повело г. Бѣляева къ неправильному выводу о количествѣ рѣзаны. Постараемся объяснить смыслъ выписанной нами статьи.

Изъ нея видно слѣдующее:

1) Въ среду и пятницу, т. е. въ постные дни, вирникъ получалъ *по рѣзанѣ*, безъ сомнѣнiя вмѣсто рыбы; слѣдовательно нельзя предполагать, чтобы онъ во время наступленiя говѣнiя, т. е. постояннаго поста, когда требуется особое воздержанiе, получалъ за рыбу не по одной, а по 7 рѣзанъ въ день; иначе необходимо было бы допустить явно нелѣпый выводъ, что вирнику дозволялось больше ѣсть напр. по средамъ и пятницамъ Великаго поста, чѣмъ по средамъ и пятницамъ мясоѣда.

2) Дача съѣстныхъ припасовъ вирнику была *ежедневная* и *недѣльная*. *Ежедневную дачу* составляли *двѣ курицы*, разумѣется въ скоромные дни, въ постные же отпускалась рыба, или, вмѣсто

рыбы, по рѣзанѣ въ день. Такимъ образомъ и при наступленіи постоянныхъ постовъ *пятидневная дача курами* замѣнялась *пятью рѣзанами,* да по рѣзанѣ давалось въ среду и пятницу, т. е. всего въ недѣлю вирнику, вмѣсто рыбы, отпускалось 7 рѣзанъ.—*Къ недѣльной дачѣ* можно отнести, кромѣ 7-ми ведръ *солода,* еще *овна* или *полоть* и три *сыра.* Въ посты дача эта, за исключеніемъ солода, замѣнялась то же деньгами. Для этого и произведена оцѣнка недѣльной скоромной дачи на куны, именно: овенъ или полоть, дававшаяся вмѣсто овна, оцѣнены по 2 ногаты, т. е. по 5 кунъ, трехъ же сыровъ хотя цѣна и не означена въ статьѣ о поконѣ, но изъ другаго мѣста Правды (III, 56) видно, что за каждый сыръ платилось по рѣзанѣ или кунѣ. Значитъ, вмѣсто недѣльной скоромной дачи, вирникъ получалъ во время постовъ 8 кунъ.—Итакъ, если каждую недѣлю, вмѣсто ежедневной дачи, съ наступленіемъ постовъ, давалось вирнику 7 рѣзанъ или кунъ, а вмѣсто недѣльной—8 рѣзанъ или кунъ, то всѣхъ кунъ въ недѣлю дѣйствительно будетъ 15, какъ объ этомъ и сказано въ Правдѣ.

Такое безъ натяжки, какъ кажется, сдѣланное объясненіе статьи о поконѣ вирномъ, съ одной стороны доказываетъ неправильность мнѣнія г. Бѣляева о величинѣ рѣзаны, а съ другой—служитъ новымъ подтвержденіемъ нашихъ выводовъ о тождествѣ куны и рѣзаны.

Въ заключеніе нашего изслѣдованія о величинѣ различныхъ монетныхъ единицъ кунной системы, остается сказать нѣсколько словъ *о вѣкшѣ.* Сколько было вѣкшъ въ гривнѣ кунъ, и въ какомъ отношеніи находилась вѣкша къ кунѣ и ногатѣ, по недостатку данныхъ, опредѣлить съ точностію невозможно. Всѣ предположенія касательно этого предмета не имѣютъ твердаго основанія. Положительно можно сказать только то, что вѣкша была меньше куны и ногаты. Въ договорѣ князя Мстислава съ Ригою въ 1228 году сказано: «оже купити нѣмчичю гривну золота, дати ему *ногата* вѣсцю, или продастъ—не дати ему *ни вѣкши;* или который нѣмчичъ купитъ судъ серебряный, дати ему отъ гривны *куна* вѣсцю, или продастъ—не дати ему ни *вѣкши*»(¹). Въ приведенномъ нами мѣстѣ изъ Мстиславова договора выраженіе: *не дати ему ни*

---

¹) Истор. Карамз. т. III, прим. 248.

вѣкши очевидно употреблено въ томъ же смыслѣ, въ какомъ употребляются у насъ слова: *не дать ни копѣйки,* т. е. въ значеніи самой ничтожной платы. Но такъ какъ «*не дати ни вѣкши*» сказано тотчасъ за назначеніемъ платежа *куной* и *ногатой*, то никто не станетъ сомнѣваться, что вѣкша была меньше этихъ послѣднихъ. Изъ всѣхъ мнѣній о количествѣ вѣкши намъ кажется болѣе вѣроятнымъ мнѣніе Бекетова. Основываясь на томъ, что въ договорѣ Смоленскаго князя съ Ригою сказано: платить вѣсцю *съ двухъ капей* (съ 24 пудъ) *куну,* а въ договорѣ Готланда съ Новгородомъ положено давать вѣсцю *съ одной капи 9 вѣкошъ*, Бекетовъ заключаетъ, и едва ли не справедливо, что куна равнялась *18 вѣкшамъ* (¹).

Теперь обратимся къ разсмотрѣнію самой сущности кунной системы, т. е. къ разрѣшенію вопроса о томъ, что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ нею, металлическія ли деньги, или шкурки звѣрей?

Вопросъ этотъ изслѣдователями нашей старины разрѣшался неодинаково, и въ настоящее еще время не всѣ ученые согласны между собою въ значеніи кунъ.

Если не ошибаемся, Успенскій, въ своемъ «*Опытѣ повѣствованія о древностяхъ русскихъ*», первый высказалъ предположеніе, что куны, ногаты и вѣкши были металлическія деньги. Это предположеніе Успенскій основалъ на увѣреніи бывшаго ректора Харьковскаго Университета, Рижскаго, что онъ самъ видѣлъ серебряную монету съ надписью: ногата (²).

Догадку Успенскаго, Каченовскій, въ своемъ изслѣдованіи *о кожаныхъ деньгахъ*, хотѣлъ возвести въ положительную истину. Онъ силился доказать, что наши *вѣкши* или *бѣлки* были серебряныя монеты хорошаго качества, съ малою примѣсью мѣди, а *куны* или *ногаты*, хотя то же были серебряныя монеты, но низшаго противъ *вѣкшъ* достоинства, по причинѣ большей примѣси къ серебру мѣди (³).

Въ подтвержденіе своего мнѣнія, Каченовскій приводитъ слѣдующія доказательства:

(¹) Труды Общ. Истор. и Древ. Рос. ч. VI, 1833 г., стр. 160.—(²) Опытъ повѣствов. 1818 г., стр. 664 и 665.—(³) Два разсужденія: О кожаныхъ деньгахъ и о Русской Правдѣ. Москва, 1849 г., стр. 78.

1) При перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба въ Вышгородѣ изъ старой въ новую церковь, Владиміръ Мономахъ повелѣ метати людемъ *бѣль*. Эта загадочная бѣль объяснена въ Кіевскомъ спискѣ прибавленіемъ: *ово же сребреники* (¹).

2) Въ договорѣ между Смоленскимъ княземъ Мстиславомъ Давидовичемъ и Ригою въ 1228 году сказано: оже убьютъ вольнаго человѣка, платити за голову 10 гривенъ серебра, по 4 гривны *кунами* или *пѣнязи*. Стало быть кунами назывались *пѣнязи*, превращенные у Славянъ изъ нѣмецкихъ *пфеннинговъ* (²).

3) Одно тождество въ названіи звѣрка и монеты, именно *бѣлка*, *вѣкша*, не можетъ удостовѣрять въ томъ, что монетами были шкурки, потому-что въ такомъ случаѣ французскіе *moutons* и *lions* должно было бы принимать не за металлическія деньги, а *за овчины* и *львиныя кожи* (³).

4) Во всей Европѣ было извѣстно въ старину серебро *бѣлое* и *черное*. Существуютъ даже монеты съ надписью: albus (бѣлый). Худыя монеты, содержавшія въ себѣ большую примѣсь мѣди, назывались *черными*. Посему весьма знаменательно, что въ нашихъ лѣтописяхъ встрѣчаются названія: *черная куна* и *бѣлая вѣкша* (⁴).

Въ настоящее время защитникомъ мнѣнія, что куны, ногаты и вѣкши были монеты металлическія явился г. Бѣляевъ.

Въ составленномъ имъ «*очеркѣ древней монетной системы на Руси* (⁵)» онъ приводитъ слѣдующія доказательства въ пользу своего мнѣнія:

1) Въ Несторовой лѣтописи подъ 1067 годомъ сказано: «и дворъ княжь разграбиша безчисленное множество *злата* и *сребра кунами и бѣлью*». Въ этомъ мѣстѣ куны и бѣль названы серебряными и золотыми, слѣдовательно онѣ не были шкурками куницъ и бѣлокъ.

(¹) Два разсужд., стр. 36.—(²) Тамъ же, стр. 32.—(³) Тажъ же, стр. 48 и 49.—(⁴) Тамъ же, стр. 35, 45—48. Намъ кажется, что эпитетомъ *черная* обозначалось у насъ только то, что *куна* была такимъ мѣхомъ, который, до введенія рублевой системы, безъ всякаго изъятія обращался на *подать*; эпитетъ же *бѣлая* показывалъ, что *вѣкша* не принадлежала безусловно къ числу такихъ мѣховъ, и потому сокращенно именовалась *бѣлкой*. Съ этимъ очень можно согласиться, если вспомнить что значили у насъ въ старину *черныя слободы* и *обѣльные* крестьяне. — (⁵) См. Чтен. Москов. Общ. Ист. и Др. Рос. № 3, за 1846, стр. 12.

2) Въ грамотѣ Тверскаго князя 1437 года сказано: «съ половника даетъ по десятку Тверскими кунами»; въ грамотѣ же Смоленской 1229 года встрѣчается мѣсто: дати ему вѣсцѣ ногата Смоленская. Такое различіе кунъ по городамъ показываетъ, что на кунахъ и ногатахъ находились клейма княжескія, чего на шкуркахъ не за чѣмъ было дѣлать.

Разберемъ сперва мнѣніе Каченовскаго, а потомъ мнѣніе г. Бѣляева.

На всѣ доводы Каченовскаго можно сдѣлать слѣдующія возраженія:

1) Предположимъ сначала, что доводы его довольно убѣдительны, и вспомнимъ XIV и XV вѣка нашей исторіи, когда вмѣстѣ съ кунами и бѣлками, существовала у насъ и рублевая система, имѣвшая весьма сложное дѣленіе, казалось бы не дававшее уже мѣста добавочнымъ металлическимъ единицамъ. Извѣстно, что рубль раздѣлялся на двѣ полтины, каждая полтина заключала 5 гривенъ, въ рублѣ Московскомъ считалось 200 денегъ, а въ Новгородскомъ 100 денегъ. Самою мелкою монетою рублевой системы была *полуденьга*. Всѣ эти монеты чеканились изъ серебра. Такимъ образомъ, принявъ мнѣніе Каченовскаго, выйдетъ, что въ XIV и XV вѣкахъ существовали у насъ совмѣстно три системы серебряныхъ денегъ: 1) система *бѣлокъ*, 2) система *кунъ*, и 3) *рублевая* система. *Бѣлки* были монеты, чеканившіяся изъ серебра хорошаго качества, *куны*—изъ серебра худаго качества. Какое же серебро употреблялось на монеты *рублевой* системы? Безъ сомнѣнія одно изъ двухъ: хорошее или худое. Но въ такомъ случаѣ страннымъ представляется, отъ чего при введеніи рублевой системы, вмѣсто изобрѣтенія для нея новыхъ дѣленій, новыхъ монетныхъ единицъ, не пріурочили къ ней прежнихъ единицъ, бѣлокъ или кунъ, а оставили ихъ въ какомъ-то особомъ, отдѣльномъ положеніи? Все это, если не опровергаетъ, то обнаруживаетъ всю шаткость мнѣнія Каченовскаго.

2) Въ договорѣ между Смоленскимъ княземъ Мстиславомъ и Ригою, какъ мы видѣли, находятся статьи, которыми постановлено, чтобы нѣмецъ при куплѣ золотыхъ вещей давалъ вѣсовщику *ногату*, а при куплѣ серебряныхъ вещей—*куну* съ гривны, т. е. съ фунта; при продажѣ же тѣхъ и другихъ—*не дати ему ни вѣкши*. Эти статьи, какъ мы показали выше, доказываютъ, что *бѣлка* или

вѣкша была меньше куны и ногаты. Если же изъ несомнѣннаго памятника открывается, что вѣкша была меньше куны и ногаты, то всѣ разсужденія Каченовскаго о томъ, что *вѣкши* или *бѣлки* считались монетами высшаго достоинства предъ *кунами* и *ногатами*,— оказываются крайне неосновательными.

3) Слово «*сребренники*», употребленное въ Ипатьевской лѣтописи, Каченовскій неправильно считаетъ объясненіемъ тамъ же стоящему слову *бѣль*. Въ лѣтописи сказано: «повелѣ Володимеръ. . . . *бѣль* розметати народу, *ово же сребренники* метати» (¹), т. е. Владиміръ повелѣлъ бросать народу бѣличьи шкурки, а также сребряники. Изъ приведеннаго мѣста напротивъ видно, что въ немъ *бѣль* и *сребряники* противопоставлены другъ другу, различены между собою, и что послѣднее изъ означенныхъ словъ вовсе не служитъ толкованіемъ первому.

4) Въ числѣ доказательствъ, что куны были монетою металлическою, Каченовскій помѣщаетъ и наименованіе ихъ въ договорѣ князя Мстислава съ Ригою *пѣнязями*. Но русскіе *куны*, встрѣчающіяся на первыхъ страницахъ нашихъ лѣтописей, ни въ какомъ случаѣ не могли называться нѣмецкими *пѣнязями* (пфеннигами). Въ Псковской лѣтописи въ одномъ мѣстѣ сказано: «того же лѣта (1409 г.) отложиша въ Псковѣ *кунами торговати*, а начаша *торговати пѣнязи*» (²); въ другомъ—«Псковичи отложиша *пѣнязми-артуги* торговати (³). Въ Новгородской же лѣтописи *артуги* названы именно нѣмецкими деньгами (⁴), а далѣе, на той же страницѣ лѣтописи, находится извѣстіе, что Ягайло и Витовтъ взяли съ нѣмецкаго города Маріенбурга (Марьина города) окупъ 3000 *златыхъ пѣнязей* (⁵). Изъ всего этого оказывается, что *пѣнязи* (пфенниги) явно отличены въ лѣтописи отъ *кунъ*, и что первые были иностранною монетою, которая хотя и ходила въ Россіи, но вѣроятно только въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ ея областяхъ, и не ранѣе, какъ съ XIII вѣка. Если же куны и пѣнязи не одно и тоже, то статью договора Мстислава, на которой Каченовскій основалъ свое заключеніе о ихъ тождествѣ, должно понимать иначе, нежели онъ. Въ этой статьѣ сказано: «оже убьютъ вольнаго человѣка, платити за голову 10

(¹) См. Полн. собр. рус. лѣт. т. II, стр. 6.—(²) Тамъ же, т. IV, стр. 200.— (³) Истор. Карамз. т. V, пр. 245. — (⁴) Полн. собр. лѣт. т. IV, стр. 113.— (⁵) Тамъ же, и Истор. Карамз. т. V, пр. 141.

гривенъ серебра, по 4 гривны кунами, или пѣнязи». Очевидно смыслъ приведеннаго мѣста тотъ, что за убійство, вмѣсто 10 гривенъ серебра, позволялось платить 40 гривенъ кунъ, или, если не было кунъ, платить пеню пѣнязями, и на оборотъ. Количество пѣнязей на 10 гривенъ серебра не опредѣлено.

5) Нельзя не согласиться съ Каченовскимъ, что одно названіе *бѣлка* ничего не доказываетъ. Но если нѣтъ рѣшительно никакихъ поводовъ думать, чтобы подъ бѣлками разумѣлись металлическія деньги, тогда и самое названіе, особенно при другихъ данныхъ, можетъ вести къ обнаруженію истины.

6) Сближеніе, сдѣланное Каченовскимъ, между существовавшимъ въ Европѣ бѣлымъ и чернымъ серебромъ и нашими черными кунами и бѣлыми вѣкшами ни на чемъ не основано, и потому, какъ совершенно произвольное, ничего не доказываетъ.

Противъ доводовъ г. Бѣляева можно возражать такъ:

1) Онъ думаетъ, что какъ куны, такъ и бѣлки были золотыми и серебряными монетами. Самъ г. Бѣляевъ, полагая безъ различія на гривну 50 кунъ или 500 бѣлокъ, тѣмъ самымъ допускаетъ, что *всякая куна* содержала въ себѣ 10 какихъ бы то ни было бѣлокъ, а въ такомъ случаѣ какъ могли 10 золотыхъ бѣлокъ равняться только напр. одной серебряной кунѣ, тогда какъ куна, судя по отношенію ея къ гривнѣ, сама составляла весьма незначительную единицу? Притомъ, въ нашихъ памятникахъ и въ Правдѣ нигдѣ не раздѣлялись ни куны, ни гривны кунъ на серебряныя и золотыя, а означены просто: *куна, гривна кунъ, гривна серебра, гривна золота*, и потому, принявши мнѣніе г. Бѣляева, необходимо встрѣтится недоумѣніе, гдѣ именно слѣдуетъ разумѣть въ Правдѣ золотыя куны и гдѣ серебряныя. Если же въ ней къ словамъ куна и гривна кунъ никогда не прибавлялось эпитетовъ для обозначенія изъ какихъ благородныхъ металловъ та и другая сдѣланы,—не смотря на то, что такое прибавленіе, становясь на точку зрѣнія г. Бѣляева, было какъ нельзя больше необходимо для уразумѣнія точной цѣны предметовъ и продажъ,—то очевидно потому, что ни золотыхъ, ни серебряныхъ кунъ и гривенъ кунъ вовсе не существовало. Кромѣ того, при разсмотрѣніи договора Смоленскаго князя Мстислава съ Ригою, гдѣ сказано, что 10 гривенъ серебра равнялись 40 гривнамъ кунъ, возникаетъ новое затрудненіе, какія здѣсь разумѣть куны,

золотыя или серебряныя. Да и не только здѣсь, оно встрѣтится во всѣхъ нашихъ памятникахъ безъ исключенія. Независимо отъ этого, допустивъ мнѣніе г. Бѣляева, слѣдовало бы дѣлать ни на чемъ не основанныя предположенія объ отношеніяхъ золотой куны къ серебряной кунѣ, золотой бѣлки къ серебряной бѣлкѣ, а также тѣхъ и другихъ бѣлокъ къ тѣмъ и другимъ кунамъ, словомъ войти въ цѣлый рядъ предположеній, догадокъ и натяжекъ, вовсе несовмѣстныхъ съ строгимъ и серьёзнымъ изслѣдованіемъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, мы вполнѣ соглашаемся съ г. Егуновымъ, что мѣсто изъ лѣтописи Нестора: «*разграбиша безчисленное множество злата и сребра кунами и бѣлью*», слѣдуетъ толковать такъ: разграбиша безчисленное множество злата и сребра и безчисленное множество кунами и бѣлью. Слѣдовательно слова «кунами и бѣлью» относятся къ словамъ безчисленное множество, а не къ словамъ «злата и сребра,» которыя въ новомъ изданіи лѣтописей Археографическою Коммисіею отдѣлены даже запятою ([1]).

2) Г. Бѣляевъ полагаетъ, что если куны назывались *Тверскими* и *Смоленскими*, то имѣли княжескія клейма, и слѣдовательно были металлическими деньгами. Но куны назывались не только Тверскими и Смоленскими, а иногда и *Михайловскими* отъ монастыря св. Михаила ([2]). Притомъ, заключать, что клейма необходимо предполагаютъ металлъ, нельзя: у насъ въ старину были же особые пятенщики для пятнанія животныхъ, и потому не понятно, отъ чего не было цѣли клеймить и звѣриныхъ шкурокъ, особенно когда онѣ употреблялись вмѣсто денегъ?

Кромѣ представленныхъ нами возраженій противъ мнѣній Каченовскаго и г. Бѣляева, приведемъ еще положительныя доказательства, что *куны* и *бѣли* не были металлическими деньгами, а были шкурками звѣрей:

1) Изъ памятниковъ нашей старины видно, что *куны* и *бѣли* всегда противопоставлялись *серебру* и *золоту*. Мы уже сказали, что куны и бѣли не одно и то же, что *пенязи* и *сребряники*, и что лѣтописное извѣстіе «разграбиша безчисленное множество злата и сребра, кунами и бѣлью» также доказываетъ эту противополож-

---

([1]) Современ. за 1848 г. XI т. ст. Егунова: взглядъ на торговлю древнѣйшей Руси, стр. 12 и 13.—([2]) Акт. Юрид. № 71 (XXIX).

ность. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ: «*повелѣша на Новгородцахъ серебро имати, а по волости куны брати* (1);» или «чего восхочешь, воску ли, *бѣли ль, бобровъ ли, черныхъ ли кунъ, серебра ль*, мы ради дамы» (2). Въ каждомъ изъ приведенныхъ нами лѣтописныхъ извѣстій куны и бѣли отличены отъ серебра, а кромѣ того, въ послѣднемъ извѣстіи, *бѣли* и *черныя куны*, также какъ и бобры, несомнѣнно употреблены въ значеніи мѣховъ. Въ одномъ духовномъ завѣщаніи XIV или XV вѣка сказано, что въ какой-то монастырь Святаго Михаила нѣкто Софонтій отдалъ въ залогъ село *за 40 рублей серебра*, за 29½ *сороковъ бѣлки* и за сто пузовъ *жита*. Въ случаѣ возвращенія всего этого монастырю, «*игумену серебро, куны и жито взяти, а та земля Софонтію*» (3). Здѣсь бѣлки названы кунами и тоже отличены отъ серебра. Все это очевидно доказываетъ, что *куны* и *бѣлки* не были ни серебряными, ни золотыми монетами, а тѣмъ болѣе мѣдными, потому что мѣдныя деньги, какъ извѣстно, только въ XV вѣкѣ едва начали появляться въ Россіи. Но если куны и бѣлки не были ни золотыми, ни серебряными, ни мѣдными деньгами, то чѣмъ же онѣ были, какъ не мѣхами, въ смыслѣ которыхъ онѣ очевидно иногда и употребляются? Впрочемъ, противъ нашего положенія могутъ привести слѣдующія мѣста изъ древнихъ духовныхъ завѣщаній, гдѣ *рубли* называются *кунами*: «се азъ рабъ божій Мартемьянъ пишу сіе рукописаніе при своемъ животѣ, да приказываю животъ свой женѣ своей и дѣтямъ своимъ, а что *куны* дѣда моего и отца моего 40 рублей и 180 гривенъ, а въ тѣхъ кунахъ приказываю свою четверть дѣтямъ своимъ» (4); или: «взяти ми на Ѳедькѣ половничихъ кунъ рубль» (5). На это слѣдуетъ замѣтить, что слово *куна* имѣло двоякое значеніе въ Правдѣ: 1) подъ кунами въ тѣсномъ смыслѣ разумѣли извѣстную монетную единицу, напр. за обиду платити ему 60 кунъ (II, 55); 2) подъ кунами въ обширномъ смыслѣ разумѣли вообще ходившія въ то время деньги, напр. познаетъ ли у кого купилъ, то свои куны возметъ (II, 32). Въ этомъ двоякомъ смыслѣ слово куна употреблялось и послѣ Правды, въ позднѣйшія уже времена. Извѣстно, что бѣлки и куны не одно и то же, а между

---

(1) Полн. собр. рус. лѣт. т. III стр. 30.—(2) Тамъ же, т. II. стр. 207.—(3) Акт. Юрид. № 409 (IX).—(4) Тамъ же, № 409 (VI).—(5) Тамъ же, № 414.

тѣмъ въ обширномъ смыслѣ бѣлки то же назывались кунами, напр. «се азъ рабъ божій Сидоръ пишу рукописаніе при своемъ животѣ, своимъ цѣлымъ умомъ, приказываю дати Марьи, брата Леонтія дочери, *кунъ 40 бѣлъ* (1). Въ послѣдствіи, по введеніи рублевой системы, прежнее названіе куны въ обширномъ значеніи перешло и на металлическія монеты, пока не стали ихъ называть *деньгами*; но въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣли наблюсти точность, всегда, какъ мы видѣли, куны и бѣлки строго отличались отъ серебра, и очевидно были мѣхами.

2) Самъ Каченовскій, въ своемъ разсужденіи о кожаныхъ деньгахъ, говоритъ, что мѣра считалась на *сороки* (2); бѣли же или бѣлки, принимаемыя имъ за сребряники, не смотря на то, что признавались дѣйствительно деньгами, такъ что за бѣлки можно было купить все, что угодно, часто считались на сороки, слѣдовательно были мѣхами. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. «Се купи Ѳеодоръ Макаровъ три села, а далъ на тѣхъ трехъ селѣхъ *полшестадесятъ сороковъ бѣлки*, а пополонка конь воронъ, *въ пять сороковъ* (3) Се купи Григорей Васильевичъ у Григорья у Семеновича земли село, а далъ на той земли *30 сороковъ бѣлки*, да корову пополонка (4). Се купи Василей Филимоновъ и Евсѣй Ананьинъ у Ѳедоры Григорьевны село, а далъ Филимоновъ и Ананьинъ на томъ селѣ *девять сороковъ бѣлки*, а пополонка куря; а будетъ Евсѣю не до земли, ино взяти Евсѣю *свои куны* у Василія у Филимонова *полъпята сорока бѣлки* (5). Се купи игуменъ Михайловскій Лука и Василей староста Михайловскій землю, а дали на той землѣ *полчетверта сорока бѣлки, Михайловскихъ кунъ*, а овцу пополонка (6). Безъ сомнѣнія всякій изъ приведенныхъ нами мѣстъ выведетъ то заключеніе, что въ нихъ говорится о бѣличьихъ шкуркахъ, называвшихся тоже кунами и употреблявшихся какъ деньги.

3) Счетъ на сороки не всегда примѣнялся къ кунамъ и бѣлкамъ, но и въ этомъ случаѣ подъ ними ничего другаго нельзя разумѣть, кромѣ мѣховъ. Въ договорѣ Новгородцевъ съ Польскимъ королемъ Казиміромъ IV находимъ слѣдующее мѣсто: «а знать тебѣ своя черна куна (т. е. черный боръ). А черна куна имати по старымъ

---

(1) Акт. Юрид. № 409 (IV). —(2) См. стр. 6.—(3) Акт. Юрид. № 71 (VI).— (4) Тамъ же, № 71 (VIII).—(5) Тамъ же, № 71 (X).—(6) Тамъ же, № 71 (XXIX).

грамотамъ и по сей крестной грамотѣ: а на Стержи *тридцать куницъ да шестьдесятъ бѣлъ*; а съ Моревы 40 куницъ да 80 бѣлъ, а въ Жавнѣ 20 куницъ да 80 бѣлъ; а на Лопастицяхъ и на Буйцахъ *у чернокуницовъ* по двѣ куницы и по двѣ бѣли; а въ Лубоковѣ и въ Заклиньѣ по 2 куницы и по 2 бѣли; а во Ржевѣ по 2 куницы и по 2 бѣли (1). Кто не согласится, что здѣсь говорится о куньихъ и бѣличьихъ мѣхахъ, хотя счетъ произведенъ и не на *сорокй?* Если же въ выписанномъ нами отрывкѣ изъ договора, *куна* и *бѣль* означали мѣха, то нѣтъ никакого основанія не видѣть мѣховъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) а село есмь купилъ, далъ есмь на немъ 50 гривенъ кунъ (2); 2) се купи Родіонъ Тимофеевичъ лоскутъ земли, а далъ Родіонъ на той землѣ *100 бѣлъ*, да пузъ жита сѣмяннаго прополонка (3); 3) на Выѣ и на Пинежкѣ сидѣлъ Петрушка семь лѣтъ, а послѣ Ярецъ, а послѣ Ѳедоръ, а послѣ Ѳедора сидѣлъ Ѳедюня: и Новгородцы, пришедъ, тивуна Ѳедюнина и людей его избили и волости привели за себя, да взяли съ нихъ *окупа 15,000 бѣлъ* (4); 4) се купи Ѳедоръ Макаровъ малой рыбы ловлю, а далъ на томъ 20 бѣлъ (5); 5) се язъ Христофоръ игуменъ купилъ есмь пустошь Кочевинскую у Павла у Филимонова сына, далъ есмь на ней *полтину, да 10 бѣлъ* (6); 6) оже учинится вира...дадутъ намѣстникамъ 10 рублевъ, а за кровавую рану *50 бѣлъ*, а за синюю рану *15 бѣлъ* (7). Странно было бы видѣть во всѣхъ поименованныхъ здѣсь *бѣляхъ* нѣчто отличное отъ тѣхъ считавшихся сороками бѣличьихъ шкурокъ, за которыя, какъ мы показали выше, покупались вотчины, особенно при положительныхъ доказательствахъ, что ни кунъ, ни бѣлей нельзя считать металлическими деньгами.

4) Изъ указа Петра Великаго 1700 года марта 11 (№ 1776) видно, что даже въ его время въ Калугѣ и иныхъ городахъ, за неимѣніемъ денежекъ для размѣна, торговали *«кожеными и иными жеребьями»* (8). Эти кожаныя деньги ходили въ С.-Петербургской губерніи еще въ 1716 году подъ названіемъ *мордокъ,* а мордками, какъ извѣстно, назывались куны. Именно для работниковъ, наря-

---

(1) Акт. Эксп. т. I № 87.—(2) Полн. собр. рус. лѣт. т. II стр. 215.—(3) Акт. Юрид. № 71 (XIV).—(4) Акт. Эксп. т. I № 94.—(5) Акт. Юрид. № 71 (VII).—(6) Акт. Юрид. № 6.—(7) Акт. Эксп. т. I № 13.—(8) Полн. собр. зак. т. I № 1776.

жавшихся въ 1716 году на *мызу Сарскую* собирали съ каждаго двора покормежныя деньги, по 3 алтына по полтретьи деньги *съ мордкою* (1). Безъ сомнѣнія это былъ остатокъ старины, слѣдовательно въ приведенныхъ нами доказательствахъ существованія кожаныхъ денегъ въ началѣ XVIII вѣка, предшествовавшіе наши выводы о томъ, что въ древности разумѣли подъ кунами и бѣлками не металлическія монеты, а шкурки, имѣютъ твердое, неопровержимое подтвержденіе.

5) При согласіи съ отечественными памятниками и свидѣтельство иностранца тоже должно имѣть значеніе. Іоаннъ Давидъ Вундерeръ, путешествовавшій по Россіи въ 1589 году, говоритъ, что въ Двинской области у Ледовитаго моря были въ употребленіи *кожаныя деньги* (2).

6) Кромѣ того, при другихъ данныхъ, въ пользу нашего мнѣнія можетъ говорить и то, что въ древности *серебряныя* и *золотыя гривны* имѣли цѣнность единственно только *вѣсовую*, а не номинальную, тогда какъ гривна кунъ была гривною *счетною*, составлявшеюся изъ опредѣленнаго числа кунъ или рѣзанъ, ногатъ и вѣкшъ. Это явно выказываетъ противоположность гривны кунъ гривнамъ серебра и золота, и подкрѣпляетъ наши прежніе доводы.

И такъ нельзя сомнѣваться, что подъ кунами и бѣлками разумѣлись шкурки звѣрей, и всякій, кому желательно находить въ кунахъ и бѣлкахъ металлическія деньги, по нашему мнѣнію, похожъ на того мудреца, который видѣлъ въ ларцѣ особый секретъ, а ларчикъ просто открывался.

Но представляется вопросъ, были ли монетами *цѣлыя мѣха*, или только извѣстныя ихъ части?

Относительно *бѣлокъ* или *бѣлъ*, кажется, положительно можно сказать, что ихъ слѣдуетъ принимать не за части, а за цѣлыя шкурки, потому что о бѣличьихъ ушкахъ свидѣтельствуетъ только Герберштейнъ, отечественные же памятники о нихъ не упоминаютъ, а мнѣніе о лобкахъ бѣличьихъ не имѣетъ твердаго основанія. Мнѣніе это опирается на новѣйшихъ, вѣроятно неисправныхъ, спискахъ Новгородскаго лѣтописца, гдѣ сказано: «начаша торговати

---

(1) Разсужденія Каченовскаго о кожаныхъ деньгахъ, стр. 77.—(2) Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. декабр. кн. 1853 года, стр. 189.

бѣльими лобцы и гроши литовскими, а куны отложиша», тогда какъ въ старыхъ спискахъ говорится: «начаша торговати бѣлками, лобци и гроши литовскими». Посему Карамзинъ основательно думаетъ, что подъ *лобцы* (кажется слѣдуетъ читать *любци*) разумѣлись *любскіе пфеннинги* (1). Совершенно противное должно сказать о *кунахъ*. Куна, принимаемая въ смыслѣ опредѣленной монетной единицы, была обрѣзкомъ извѣстной части куньей шкуры. Это доказывается слѣдующимъ: 1) куна, какъ мы видѣли, называлась также *рѣзаною*, а это слово само по себѣ даетъ понятіе объ обрѣзкѣ; 2) въ Погодинскомъ хронографѣ XVIII столѣтія подъ 1411 годомъ прямо объяснено: «*куны, еже есть мордъ куней* (2)»; такое же объясненіе находится и въ Новгородской лѣтописи, извѣстной Карамзину, гдѣ сказано, что въ Новгородѣ въ 1410 году «*куны отложиша, еже есть мордки куньи* (3); притомъ самое слово *мордка* часто встрѣчается въ нашихъ грамотахъ XIV и XV вѣка (4); 3) въ Песторовой лѣтописи по Кенигсбергскому списку сказано о Святополкѣ: «созва люди и нача даяти овѣмъ *корзна* (скорою), овѣмъ *кунами* (5)». Если *корзно* значитъ цѣлый мѣхъ, то куны, очевидно, отъ него отличены, и послѣ двухъ первыхъ приведенныхъ нами доказательствъ нельзя сомнѣваться, что онѣ принимались въ смыслѣ извѣстныхъ обрѣзковъ куньей шкуры. Слово *мордка* объясняетъ какіе были это обрѣзки, именно показываетъ, что куну составляла отрѣзанная отъ куньяго мѣха *кунья морда*. Но что должно разумѣть подъ *ногатой*, цѣлый ли мѣхъ или обрѣзокъ, и какого именно звѣря? Для разрѣшенія этого вопроса необходимо обратить вниманіе съ одной стороны на то, что слово *ногата* съ XIII вѣка чрезвычайно рѣдко встрѣчается въ нашихъ письменныхъ памятникахъ, а съ другой, что подъ названіемъ куна въ тѣсномъ смыслѣ иногда съ XIII вѣка очевидно разумѣлась *не рѣзана*, какъ прежде, а *ногата*, т. е. что до XIII вѣка куна была то же, что рѣзана, а съ XIII вѣка куна употреблялась, хотя не всегда, но большею частію въ значеніи ногаты. Если выводъ нашъ справедливъ, то нѣтъ сомнѣнія, что

(1) Истор. Карамз. т. V прим. 245. У Кошихина *Любекъ* называется *Любокъ*, стр. 77.—(2) Егупова о торговлѣ древнѣйшей Руси, стр. 11.—(3) Истор. Карамз. т. V прим. 245.—(4) Акт. Эксп. т. I, N 14 и № 32.—(5) Чтен. Общ. Истор. и Древн. 1846 г. № 3, стр. 12.

ногата, не различавшаяся впослѣдствіи отъ куны въ тѣсномъ смыслѣ, была то же обрѣзкомъ извѣстной части куньей шкуры. Основанія такого вывода слѣдующія. Въ концѣ XII вѣка была въ Новгородѣ дороговизна: хлѣбъ покупали *по 2 ногаты*, т. е. по 5 кунъ, а кадь ржи по 4 гривны кунъ; въ началѣ же XIII вѣка, въ 1228 году, то же въ дорогое время, за хлѣбъ платили *2 куны*, за кадь ржи 3 гривны кунъ; а въ 1230 году покупали хлѣбъ по *8 кунъ*, кадь же ржи по 20 гривенъ кунъ. Къ концу этого послѣдняго года цѣна еще возвысилась: платили за хлѣбецъ *полгривны кунъ*, а за четвертую часть кади *семь гривенъ кунъ*, или гривну серебра, слѣдовательно цѣлая кадь стоила уже *28 гривенъ кунъ* (¹). Очевидно, что при существованіи 20 гривенной цѣны за кадь ржи, хлѣбъ долженъ былъ стоить дороже *8 рѣзанъ*, потому-что при 4-хъ гривенной цѣнѣ за кадь онъ стоилъ *5 рѣзанъ*; отношеніе же между 20 и 4 вовсе не такое, какъ между 5 и 8. Точно также, если кадь ржи стоила 4 гривны, и хлѣбъ продавался по 5 кунъ или рѣзанъ, то можно ли предполагать, чтобы, при уменьшеніи цѣны за кадь ржи только одною гривною, цѣна за хлѣбъ понизилась изъ 5 кунъ или рѣзанъ на 2 куны или рѣзаны? Кромѣ того, мы видѣли, что въ началѣ 1230 года хлѣбъ стоилъ 8 кунъ, а въ концѣ полгривны, 25 кунъ, т. е. что цѣна возвысилась 17-ю кунами, между тѣмъ, какъ цѣлая кадь ржи сначала продавалась по 20 гривенъ, а потомъ по 28 гривенъ кунъ, слѣдовательно цѣна возвысилась только 8 гривнами. Несоотвѣтственность между возвышеніемъ цѣны за хлѣбъ и возвышеніемъ цѣны за кадь ржи явная. Но такая несоотвѣтственность уничтожается, если въ приведенныхъ нами мѣстахъ подъ кунами разумѣть ногаты, именно: если подъ 2 и 8 кунами разумѣть 2 и 8 ногатъ, т. е. 5 кунъ и 20 кунъ, тогда въ отношеніяхъ между цѣнами за хлѣбъ и за кадь ржи будетъ гораздо болѣе сообразности. И такъ, если куна съ XIII вѣка часто принималась въ смыслѣ ногаты, то, кажется, нельзя сомнѣваться, что эта послѣдняя была также обрѣзкомъ *куньей шкуры;* но какимъ именно? Мы знаемъ, что въ Новгородской лѣтописи сказано: «начаша торговати бѣлками . . . а *куны* отложиша, *еже есть мордки*

(¹) См. Полн. собр. рус. лѣт. т. III стр. 15, 19, 20, 43, 46 и 47; Истор. Карамз. къ т. III прим. 335.

куньи» ([1]). Въ этомъ мѣстѣ бѣлки отличены отъ кунъ, слово же куны употреблено въ смыслѣ вообще кунной системы, слѣдовательно подъ ними здѣсь разумѣли только *рѣзаны* и *ногаты,* тѣ же и другія названы *куньими мордками.* Значитъ и ногата была куньей мордой, и дѣйствительно въ договорѣ XIII вѣка Новгорода съ Любекомъ и Готландомъ мордка, въ смыслѣ ногаты, отличена отъ куны. Въ этомъ договорѣ сказано: «si panes habere noluerint, dabuntur eis (vectoribus) pro quolibet pane *due cunen* ([2]), et pro butiro *3 capita martarorum* (3 мордки за сосудъ масла—pro una scutella butiri) ([3]). Выписанное нами мѣсто заставило Карамзина предполагать, что кунья мордка превосходила въ цѣнѣ обыкновенную куну ([4]). Въ настоящемъ случаѣ это справедливо, но не всегда, потому что куна, въ смыслѣ рѣзаны, была тоже куньей мордкой. Какое же различіе существовало между мордкой-ногатой и мордкой-рѣзаной? Различіе между ними объяснить легко, если вспомнить, что мордки были у насъ двухъ родовъ: *обѣушныя мордки* и *просто мордки,* вѣроятно безушныя. Въ одной грамотѣ XIV вѣка говорится: «на старыхъ мытѣхъ имати съ воза по *мордкѣ обѣушной,* а кости съ человѣка *мордка* ([5])». Тутъ ясно отличена мордка отъ обѣушной мордки. Послѣдняя, безъ сомнѣнія, составляла ногату, а первая рѣзану, тѣмъ болѣе, что, по словамъ Нейштета, *ногаты* назывались у нѣмцевъ *орами* (Ohr), т. е. *ушами* ([6]). Кромѣ того, ногаты именовались иногда въ XIV вѣкѣ и *долгеями.* Въ одной грамотѣ сказано: «погонъ имати отъ князя по 5 кунъ, а отъ тіуна по 2 *долгеи»*; а въ другой: «погонъ имати отъ князя по 5 кунъ, а отъ тіуна *по 2 куны»* ([7]).—Изъ сличенія этихъ мѣстъ видно, что *долгея* означала *куну,* а подъ куной разумѣлась здѣсь *ногата,* потому что *рѣзана,* какъ безушная мордка, была меньше мордки обѣушной, и только эта послѣдняя, будучи *длиннѣе* простой мордки, могла называться *долгеею.*

([1]) Истор. Карамз. къ т. V прим. 245.—([2]) Двѣ куны давались за 4 хлѣба, слѣдовательно въ недорогое время одинъ хлѣбъ стоилъ ½ куны.—([3]) Sammlung der Quellen der Geschichte des Russichen Rechts. Tobien, стр. 87.—([4]) Истор. Карамз. къ т. III пр. 244.—([5]) Акт. Эксп. т. I № 14.—([6]) Каченовскаго разсужд. о кожаныхъ деньгахъ, 1849 г., стр. 12 и 61.—([7]) Чтен. въ Имп. Общ. Истор. и Древност. при Москов. Универ. 1846 г. № 3, стр. 8.

Выводъ нашъ, что рѣзаны и ногаты были шкурными обрѣзками, основанный на отечественныхъ памятникахъ, подтверждается и свидѣтельствомъ иностранцевъ: *Рубриквиса, Мѣховскаго, Стриковскаго, Жильбера де Ланнуа, Герберштейна* и *Гваньини*, которые всѣ говорятъ, что Русскіе употребляли, какъ монету, кожаные лоскутки (¹).

Но какимъ образомъ обрѣзки шкуръ могли сдѣлаться монетою? Извѣстно, что въ старину дань сбиралась мѣхами; такъ Варяги брали съ Чуди, Славянъ и Кривичей *по вѣверицѣ*, а Олегъ съ Древлянъ *по черной кунѣ* съ дыма (²). Сборъ черной куны продолжался даже въ XV вѣкѣ (³).—Платившимъ дань мѣхами, въ уплатѣ ея, безъ сомнѣнія, давалось какое нибудь удостовѣреніе. Вѣроятно это удостовѣреніе состояло въ томъ, что отрѣзывали отъ принесеннаго кѣмъ либо въ подать мѣха какую нибудь часть, именно морду, съ ушами и безъ ушей, смотря по количеству взятой дани, и клали на такомъ обрѣзкѣ *пятно*, т. е. клеймо. Эти клейменые обрѣзки, или квитанціи, по удобности обращенія предъ цѣлыми мѣхами и по необходимости отдавать послѣдніе въ дань, мало по малу вошли обычаемъ въ употребленіе какъ монеты. Такимъ образомъ *кунная* система создана самимъ народомъ, а не введена князьями. Къ подтвержденію нашего вывода служитъ то, что мы не встрѣчаемъ въ отечественныхъ историческихъ документахъ ни одного мѣста, гдѣ бы говорилось объ общемъ какомъ либо заведеніи въ княжествахъ для дѣланія кунъ. Напротивъ, въ уставѣ Новгородскаго князя Святослава Ольговича, данномъ Софійскому Собору въ 1137 году, сказано: «емлетъ епископъ за десятину отъ виръ и продажъ 100 гривенъ *новыхъ кунъ*, иже выдаваетъ Домажиричь изъ Онега (⁴)», т. е. что *новыя куны* выдавалъ какой-то Домажиричь на Онегѣ. Это наводитъ на мысль, что Домажиричь былъ посланъ за сборомъ дани на Онегу, гдѣ и выдавалъ куны по способу выше нами объясненному. Клейма на кунахъ не были однообразны даже въ одномъ и томъ же княжествѣ. Въ старину на нѣсколько селъ и деревень посылались *княжіе пятенщики* для пятнанія коней и

(¹) Ст. Егунова о торговлѣ древнѣйшей Руси. Современникъ, т. XI, 1848 г. стр. 11.—(²) Полн. собр. рус. лѣт. т. I стр. 8 и 10.—(³) Акт. Эксп. т. I, № 87.—(⁴) Русск. Достопамят. 1815 г. ч. I, стр. 83.

другихъ животныхъ (¹). Эти пятенщики вѣроятно и клеймили каждую выдававшуюся сборщикомъ дани куну, но пятно не было у нихъ одинаково, потому-что куны назывались иногда по именамъ монастырей, напр. *Михайловскія куны* отъ монастыря святаго Михаила. Впослѣдствіи, вмѣсто обрѣзыванія мордъ отъ мѣховъ, стали, кажется, выдавать правильные четвероугольники изъ выдѣланной кожи, какіе видѣлъ Карамзинъ, но тоже съ разнообразными клеймами, именно: съ крючками, звѣздочками, съ оттискомъ названій рѣкъ, на которыхъ куны выдавались, напр. *Кудма* (²).

Послѣ всего сказаннаго нами о кунахъ, ясно представляется вся неосновательность слѣдующаго возраженія Каченовскаго: допускать существованіе кожаныхъ лоскутковъ въ древней Россіи, лоскутковъ клейменыхъ, обращавшихся вмѣсто монеты, значитъ тоже, что и вѣрить существованію *государственнаго кредита* въ такое время, когда по всѣмъ соображеніямъ его не могло быть (³). Каченовскій, безъ сомнѣнія, много разсчитывалъ на силу подобнаго возраженія; но для показанія его шаткости довольно замѣтить, что кожаные лоскутки или куны вовсе не были *кредитными билетами*, а составляли подлинную, настоящую монету, слѣдовательно о государственномъ кредитѣ не можетъ быть и рѣчи. Въ значеніи кунъ, какъ монетъ изъ обрѣзковъ шкуръ, тѣмъ болѣе нельзя сомнѣваться, что и въ настоящее время для *Березовскихъ Самоѣдовъ* и *Остяковъ* единицею цѣнности служитъ рыба *муксунъ;* 30 же муксуновъ равняются одной *песцовой шкурѣ*, а песецъ равняется *20 песцовымъ лапкамъ;* слѣдовательно и теперь лапки, т. е. обрѣзки шкуръ, употребляются какъ монеты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи (⁴).

Въ заключеніе нашего изслѣдованія о монетной системѣ во времена Правды постараемся опредѣлить, въ какомъ отношеніи находились тогда между собою гривна кунъ, гривна серебра и гривна золота.

Вообще подъ *металлической гривной* разумѣли извѣстнаго вѣса слитокъ *серебра* или *золота*. Это доказывается однимъ мѣстомъ

(¹) Акт. Эксп. т. I №№ 28, 131. — (²) Истор. Карамз. къ т. I прим. 524. — (³) Разсужд. о кожаныхъ деньгахъ 1849 г. стр. 20. — (⁴) Записки Импер. Рус. Геогр. Общ. кн. VI стр. 332.

Ипатіевской лѣтописи, гдѣ сказано, что князь Владиміръ Васильковичъ въ 1288 году свои серебряныя блюда, кубки золотые и серебряные *полья въ гривны* (1). Всѣ найденныя доселѣ гривны серебра оказывались слѣдующаго вѣса: *Новгородскія*—отъ 42½ до 46 золотниковъ, а *Кіевскія*—отъ 36 до 38 золотниковъ (2). Недавняя находка монетъ близь Нѣжина доказываетъ также, что князья отливали и *серебряники,* которые не имѣли особаго названія, а просто именовались *сребро*, именно: *такой-то на столѣ, а се его сребро.* Мы разсматриваемъ эти сребряники какъ необходимое дополненіе къ гривнамъ: въ полной гривнѣ не всегда настояла надобность, иногда, и даже чаще, нуждались въ бо̀льшихъ или мѐньшихъ доляхъ гривны. Въ такомъ случаѣ серебро въ извѣстныхъ кусочкахъ имѣло важное значеніе. Этими-то кусочками и были серебряники, принимавшіеся безъ сомнѣнія на вѣсъ. Посему мы нисколько не сомнѣваемся, что серебряники, какъ кусочки серебра, какъ доли гривны въ небольшихъ слиткахъ, употреблялись, хотя и не въ большомъ количествѣ, въ древней Россіи, тѣмъ болѣе, что о серебряникахъ упоминается и въ лѣтописи (3). Но странно, что нѣкоторые изслѣдователи наши видятъ въ нихъ *медали* (4), тогда какъ послѣднія являются только въ обществахъ, стоящихъ на довольно значительной степени развитія. У насъ не было медалей при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, какъ же онѣ могли быть въ древней Руси?

Принимая, что гривна серебра существовала не только въ полныхъ слиткахъ, но и въ сребряникахъ, какъ необходимомъ дополненіи къ первымъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не признаемъ сребряниковъ монетой въ собственномъ смыслѣ слова. Золото и серебро считалось въ старину цѣннымъ для всѣхъ товаромъ, обращавшимся въ большихъ и маленькихъ слиткахъ, потому-что сребряники были тѣ же слитки, неимѣвшіе цѣны нарицательной, а только вѣсовую. Вѣсовая же цѣна опредѣлялась единственными представителями цѣнностей, единственными численными монетами временъ Правды—*кунами.* Теперь представляется вопросъ: сколько же тогда считалось гривенъ кунъ въ гривнѣ золота и въ гривнѣ серебра? Въ относимой

---

(1) Полн. собр. рус. лѣт. т. II стр. 219. — (2) См. О цѣнности въ древней Руси, Заблоцкаго. 1854 г., стр. 23. — (3) Полн. собран. рус. лѣт. т. II. стр. 6.—(4) О цѣнности, Заблоцкаго, стр. 14.

къ Правдѣ статьѣ о безчестіи сказано: «за безчестную гривну золота, аще будетъ баба была въ золотѣ, взяти ему *50 гривенъ* за гривну золота; аще будетъ баба не была въ золотѣ, а по матери ему не взяти золота, взяти ему гривна серебра, а за гривну серебра *полъосми гривнѣ* (кунъ)» (1). Изъ этой статьи видно, что гривна серебра содержала въ себѣ $7\frac{1}{2}$ гривенъ кунъ, а гривна золота 50 гривенъ кунъ, или $6\frac{2}{3}$ гривенъ серебра. Однакожъ выписаннаго нами постановленія о безчестіи нельзя относить къ Правдѣ по слѣдующимъ причинамъ: 1) въ ней не было счета на серебро и золото, а только на куны; 2) въ достовѣрнѣйшихъ ея спискахъ нѣтъ самого слова *безчестіе*, между тѣмъ въ означенномъ постановленіи понятіе о безчестіи представляется уже довольно развитымъ, такъ что количество пени обусловливалось нарядомъ оскорбленной. Все это заставляетъ насъ предполагать, что упомянутая статья составлена послѣ Мономаха, и вѣроятно въ концѣ XII вѣка. Въ XIII же вѣкѣ, какъ оказывается изъ договора князя Мстислава съ Ригою въ 1228 году, гривна серебра въ Смоленскѣ соотвѣтствовала *4 гривнамъ кунъ*, а въ Новгородѣ, какъ видно изъ Новгородскаго лѣтописца, въ 1230 году—равнялась *7 гривнамъ кунъ* (2). Впрочемъ, отношеніе кунъ къ серебру въ Новгородѣ въ 1230 году нельзя считать нормальнымъ и полагать въ основаніе какимъ либо выводамъ, потомучто въ этомъ году въ Новгородѣ былъ ужасный голодъ, и обстоятельство, что гривна серебра стоила 7 гривенъ кунъ вовсе не показываетъ въ настоящемъ случаѣ возвышеніе цѣны перваго, а только обнаруживаетъ временный упадокъ кунъ въ отношеніи къ товарамъ вообще и въ томъ числѣ и къ серебру. И такъ всѣ выписанныя нами мѣста изъ нашихъ памятниковъ не разрѣшаютъ вопроса, сколько считалось гривенъ кунъ въ гривнѣ серебра и золота во времена Правды, т. е. въ XI и въ началѣ XII вѣка? Намъ кажется, что этотъ вопросъ можно нѣсколько разрѣшить однимъ мѣстомъ Ипатіевской лѣтописи, гдѣ говорится, что Иванко Берладникъ взялъ у Святослава *въ 1146 году 200 гривенъ серебра, или 12 гривенъ золота* (3). Изъ этого оказывается, что гривна золота въ началѣ XII вѣка содержала въ себѣ $16\frac{2}{3}$ гривенъ серебра. Мы видѣли въ

(1) Изслѣд. о Рус. Правдѣ, Калачова, стр. 97 и 148.—(2) Истор. Гос. Рос. арамз. къ т. III прим. 335 и къ т. I прим. 527. — (3) См. Полн. собр. рус. лѣт. т. II стр. 28.

статьѣ о безчестной гривнѣ, что гривна золота показана въ ней равною 50 гривнамъ кунъ, а гривна серебра—7½ гривнамъ кунъ, и что слѣдовательно гривна золота содержала въ себѣ 6⅔ гривенъ серебра. Но если одна гривна золота, заключая въ себѣ 6⅔ гривенъ серебра, равнялась *50 гривнамъ* кунъ, то сколько она вмѣщала въ себѣ этихъ послѣднихъ, соотвѣтствуя 16⅔ гривнамъ серебра? Этотъ вопросъ разрѣшается слѣдующимъ образомъ: мы уже сказали, что гривна золота въ концѣ XII вѣка, или даже позже, стоила 6⅔ гривенъ серебра, а въ 1146 году—16⅔ гривенъ серебра, т. е. была дороже *въ два съ половиною раза,* слѣдовательно, если оцѣнивать гривну золота гривнами кунъ, то и въ этомъ случаѣ слѣдуетъ цѣну ея въ 1146 году возвысить также *въ два съ половиною раза* противъ ея цѣны въ концѣ XII вѣка, т. е. 50-ти гривенъ кунъ. Очевидно, что искомое число будетъ *125 гривенъ кунъ,* т. е. то же 7½ гривенъ кунъ на гривну серебра. Изъ этого видно, что какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ XII вѣка измѣнялась только цѣна золота, но отношеніе серебра къ кунамъ оставалось прежнее, и потому съ увѣренностію можно сказать, что оно было одинаково и въ XI вѣкѣ.

Руководствуясь этими выводами, и оцѣнивая фунтъ серебра въ 20 нынѣшнихъ рублей (¹), можно приблизительно выразить въ нашихъ деньгахъ куны или рѣзаны, ногаты и гривны кунъ. Зная, что гривны серебра заключали въ себѣ вѣса отъ 42½ до 46 золотниковъ, и отъ 36 до 38 золотниковъ, мы найдемъ, что гривна въ 42½ золотника соотвѣтствовала по вѣсу съ небольшимъ 8 р. 85 коп., гривна въ 46 золотниковъ съ небольшимъ—9 р. 58 коп., гривна въ 36 золотниковъ—7 руб. 50 коп. и гривна въ 38 золотниковъ—7 руб. 91 коп., и что слѣдовательно гривна кунъ почти равнялась 1 руб. 18 коп., 1 р. 27, 1 рублю и 1 р. 5 коп., а куна и ногата составляли или ровно *двѣ* и *пять*, или нѣсколько болѣе 2-хъ и 5-ти копѣекъ серебромъ. Такимъ образомъ мы будемъ весьма близки къ истинѣ, если примемъ круглымъ числомъ гривну кунъ въ 1 рубль серебра, куну или рѣзану—въ 2 копѣйки, а ногату—въ 5 копѣекъ серебромъ. Слѣдовательно виры, продажи и цѣны на разные предметы, выраженныя въ нашихъ деньгахъ, будутъ слѣ-

(¹) Истор. Карамз. къ т. III прим. 335.

дуюція: 80-тигривенная вира соотвѣтствовала 80 рублямъ, 40-гривенная—40 рублямъ, полувира, 20 гривенъ—20 рублямъ, 12-ти гривенная продажа—12-ти рублямъ, 3-хъ-гривенная и 30 кунная продажа—3 рублямъ 60 копѣйкамъ, 60-ти кунная—1 рублю 20 копѣйкамъ. Цѣна холопа, стоившаго 5 гривенъ кунъ, соотвѣтствовала 5 рублямъ, цѣна рабы—6 рублямъ, коня—3 и 2 рублямъ, кобылы—1 р. 20 коп. и 3 рублямъ, жеребенка—рублю, вола—рублю, коровы—80 копѣйкамъ и 2 рублямъ, теленка—10 копѣйкамъ, барана—сначала 5 копѣйкамъ, потомъ 20 копѣйкамъ, овцы—10 копѣйкамъ и 30 копѣйкамъ, козла—20 копѣйкамъ, козы—30 копѣйкамъ, кабана—30 копѣйкамъ, свиньи—10 копѣйкамъ и 50 копѣйкамъ, поросенка—5 копѣйкамъ, курицы—18 копѣйкамъ, утки—60 копѣйкамъ, гуся—60 копѣйкамъ, морской ладьи—3 рублямъ, набойной ладьи—2 рублямъ, челна—40 копѣйкамъ, струга—рублю, воза сѣна—10 копѣйкамъ, стога сѣна—рублю, воза дровъ—10 копѣйкамъ. Все это показываетъ недешевизну предметовъ потребленія, а только то, что цѣнность денегъ во время Правды была несравненно выше теперешней.

По введеніи рублевой монетной системы куны и ногаты чрезвычайно упали въ цѣнѣ относительно серебра. Въ Псковской лѣтописи подъ 1407 годомъ сказано: «а тогда бяше хлѣбъ дешевъ по 3 мѣрѣ за полтину, а соли по 8 *мордокъ* и по гривнѣ пудъ, а *кунъ на полтину 15 гривенъ* (¹)». Въ другомъ мѣстѣ Псковской лѣтописи находимъ слѣдующее подъ 1420 годомъ: «въ Псковѣ тогда бяше зобница ржи по 70 ногатъ, а на полтину ржи 2½ зобницы (²).» Выписанныя нами лѣтописныя извѣстія показываютъ, что въ XV вѣкѣ полтина равнялась 15 гривнамъ кунъ или 175 ногатамъ; слѣдовательно рубль равнялся 30 гривнамъ кунъ, содержавшимъ въ себѣ 350 ногатъ или 875 рѣзанъ. Изъ этого видно, что самое количество единицъ въ гривнѣ кунъ уменьшилось: она содержала уже около 30 рѣзанъ и около 12 ногатъ. Но куны упали въ цѣнѣ не только противъ серебра, но и противъ самыхъ бѣлокъ. Въ одной купчей XV вѣка сказано: «се купи игуменъ Лука землю, а далъ *семь рублей, по сту бѣлокъ за рубль*» (³). Какая огромная разни-

(¹) Полн. собр. рус. лѣт. т. IV стр. 199.—(²) Ист. Гос. Рос. Карамз. къ т. V пр. 222.—(³) Акт. Юрид. № 71 (XXVII).

ца: 100 бѣлокъ на рубль, тогда какъ на него шло 875 рѣзанъ или 350 ногатъ! Это объясняется тѣмъ, что бѣлки, какъ цѣлыя шкурки, были товаромъ болѣе годнымъ къ употребленію, чѣмъ куны, и потому менѣе ихъ упали въ цѣнѣ.

О СОСЛОВІЯХЪ И ДОЛЖНОСТНЫХЪ ЛИЦАХЪ.

I. О сословіяхъ.

Изъ Правды видно, что все народонаселеніе современной ей Россіи дѣлилось: *на княжихъ мужей* и *людиновъ*. Такое дѣленіе подтверждается общимъ между тѣми и другими противопоставленіемъ, сдѣланнымъ въ статьѣ Правды: «аже кто убіетъ *княжа мужа*... то 80 гривенъ, аще ли *людинъ*, то 40 гривенъ»(III, 3). Подъ княжими мужами разумѣли вообще всѣхъ, состоявшихъ въ службѣ князя, даже княжескихъ поваровъ и конюховъ, потому-что статья Троицкаго списка, въ которой говорится объ этихъ двухъ послѣднихъ видахъ служителей, озаглавлена: «*о княжи мужѣ*» (II, 9). Къ людинамъ причисляли простыхъ, т. е. недолжностныхъ людей. Изъ этого видно, что служебный элементъ проводилъ въ древности рѣзкую черту между сословіями: служилый человѣкъ принадлежалъ къ высшимъ сословіямъ, неслужилый—къ низшимъ.

Приступая въ частности къ отдѣльному разсмотрѣнію каждаго изъ сословій, мы не будемъ останавливаться на упоминаемыхъ не только въ Правдѣ, но и въ договорахъ Олега и Игоря съ Греками—*боярахъ*. Объ нихъ, какъ о княжихъ мужахъ, т. е. какъ о высшемъ сословіи, не можетъ быть никакихъ споровъ и сомнѣній. Значеніе же *огнищанъ* въ точности не опредѣлено. Они до сихъ поръ даютъ поводъ къ противоположнымъ мнѣніямъ. Подъ огнищанами разумѣютъ: 1) *Карамзинъ*—домовитыхъ гражданъ; 2) *Болтинъ*, *Мусинъ-Пушкинъ* и *Полевой*—всѣхъ свободныхъ людей;

3) *Успенскій* и *Рейцъ*—сельскихъ обывателей, первый такихъ которые производили *огнища*, т. е. выжигали лѣсъ для посѣва хлѣба, а второй—жившихъ на собственныхъ земляхъ. Принявши какое бы то ни было изъ этихъ мнѣній, слѣдовало бы почти все народонаселеніе древней Россіи, или значительную его часть, признавать огнищанами. Но изъ Правды можно заключать, что огнищанамъ вовсе не давали такого обширнаго значенія. Напротивъ относительно принадлежности ихъ къ высшему сословію представляются слѣдующіе доводы: 1) за убійство огнищанъ назначалась самая большая пеня, именно двойная вира—80 гривенъ; 2) слово огнищанинъ, употребленное въ дополнительномъ уставѣ Ярослава, въ постановленіи объ убійствѣ въ разбоѣ (I, 19), замѣнено въ соотвѣтствующей этому постановленію статьѣ устава Изяслава (II, 3) болѣе общимъ выраженіемъ *княжь мужъ*. Это показываетъ, что огнищане причислялись къ княжимъ мужамъ. Кромѣ того, въ Правдѣ упоминается *о тіунахъ огнищныхъ*, которыхъ, какъ поставленныхъ рядомъ съ названіемъ *тіунъ конюшій*, необходимо относить къ должностнымъ лицамъ княжескаго дворца, а потому нельзя не придти къ мысли, что къ этому послѣднему имѣли отношеніе и огнищане вообще, и даже отъ него получили свое наименованіе. Слѣдовательно, ни мнѣніе Карамзина и другихъ поименованныхъ выше лицъ, ни мнѣніе Татищева, считавшаго огнищанъ полицейскими чиновниками въ городахъ (1),—не могутъ быть приняты. Полагая съ своей стороны, что огнищанами назывались всѣ вообще должностныя лица, состоявшія при княжескомъ дворцѣ, мы думаемъ, что слово *дворянинъ*, и по производству своему и по значенію въ старину, вполнѣ соотвѣтствовало слову *огнищанинъ*. Странно было бы, производя названіе дворянинъ отъ двора, заключать, что въ древности подъ дворянами разумѣли людей свободнаго происхожденія, имѣвшихъ свои дворы, свои дома. По этому же самому намъ кажется неправильнымъ мнѣніе тѣхъ, которые понимаютъ подъ огнищаниномъ свободнаго человѣка, имѣвшаго свое *огнище*, т. е. свой *очагъ* (2). Каждый смердъ, не будучи огнищаниномъ, не жилъ же подъ открытымъ небомъ, а безъ сомнѣнія имѣлъ свою избу. Оче-

---

(1) См. Древности Успенскаго 1818 г. стр. 547.—(2) См. Архив. ист.-юрид. свѣд. кн. 1, ст. Буслаева, въ отд. IV, стр. 43.

видно, что слова *дворъ* и *огнище*, въ отношеніи къ производнымъ отъ нихъ названіямъ дворянинъ и огнищанинъ, слѣдуетъ принимать въ значеніи не частнаго, а княжескаго жилища. Такимъ образомъ подъ огнищанами въ древности разумѣли то же, что впослѣдствіи стали разумѣть подъ дворянами, и слово огнищане есть только старинное названіе дворянъ. Между огнищанами и боярами было то различіе, что огнищане, какъ всѣ въ совокупности взятые дворцовые чиновники и служители разныхъ наименованій, такъ и возникшее отъ нихъ потомковъ особое благородное сословіе, имѣли значеніе единственно отъ службы, образовались изъ людей неродословныхъ, т. е. составляли дворянство выслуженное, и вѣроятно не могли пользоваться правомъ перехода на службу къ другимъ князьямъ; бояре же напротивъ были дворянствомъ родословнымъ и могли по произволу избирать службу у того или у другаго князя. Но какъ огнищане, такъ и бояре, называясь княжими мужами, равно принадлежали къ высшему сословію.

Низшія сословія вообще назывались *людинами*. Людины раздѣлялись на людей свободныхъ и несвободныхъ. Къ первымъ принадлежали *смерды*, къ послѣднимъ—*закупы* и *холопы*. Закупы находились во временномъ рабствѣ, а холопы—въ постоянномъ. Но намъ могутъ возразить: какимъ образомъ подъ названіемъ *людины* могли разумѣть *смердовъ* и *холоповъ*, когда за убійство тѣхъ и другихъ платилось во времена Правды *5 гривенъ*, а за людина—40 гривенъ? Не значитъ ли это, что людинъ не одно и то же, что смердъ и холопъ? На такое, по-видимому, основательное возраженіе, мы отвѣтимъ слѣдующее: если бы только 5 гривенъ пени назначалось за убійство смерда и холопа, то на какомъ основаніи за похищеніе послѣдняго взыскивали 12 гривенъ? Въ Правдѣ говорится: «а князю продажи въ челядинѣ 12 гривенъ или украденъ или уведенъ есть (III, 35)». Не могла же кража считаться выше лишенія кого либо жизни? Далѣе мы видимъ, что тотъ, кто давалъ холопу средства къ побѣгу отъ своего господина, платилъ послѣднему за него 5 гривенъ (II, 106), т. е. что плата за убійство холопа и вознагражденіе за холопа убѣжавшаго совершенно одинаковы. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что 5 гривенъ за убитаго холопа были не пеней за самое преступленіе, а вознагражденіемъ владѣльцу за потеряннаго имъ раба, и что эти 5 гривенъ показываютъ только цѣну

послѣдняго во времена Правды. Одинаковыя же платы какъ за убѣжавшаго, такъ и за убитаго холопа назначены потому, что въ томъ и другомъ случаѣ владѣлецъ равно лишался своей собственности. Посему возраженіе, что смерды и холопы не могли называться людинами, такъ какъ за убійство смердовъ и холоповъ платилось 5 гривенъ, а за людиновъ 40 гривенъ,—неосновательно. Пять гривенъ были частнымъ вознагражденіемъ въ пользу родственниковъ убитаго смерда (головничествомъ) или въ пользу владѣльца за умерщвленнаго холопа, тогда какъ 40 гривенъ составляли поступавшую въ казну князя виру, т. е. пеню за самое преступленіе, слѣдовательно одна плата не исключала другой (¹). На этотъ послѣдній нашъ выводъ, безъ сомнѣнія, могутъ возразить, что 40 гривенная плата за людиновъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ относиться къ холопамъ, потому что за нихъ, какъ извѣстно, не платилось виры. Но мы напротивъ думаемъ, что она взыскивалась за убійство холоповъ до самаго Владиміра Мономаха. Наше убѣжденіе имѣетъ слѣдующія основанія: 1) если за кражу холопа князь получалъ 12 гривенъ продажи, а владѣлецъ, какъ надобно полагать, въ случаѣ невозвращенія ему холопа—5 гривенъ, то само собою разумѣется и за убійство его, кромѣ вознагражденія господину, должна была назначаться *продажа* или *вира*,—иначе составителямъ Правды слѣдовало бы отказать даже въ простомъ здравомъ смыслѣ; 2) за умерщвленіе холопа назначалась до Владиміра Мономаха не *продажа*, а именно *вира*, потому что, при Ярославѣ и Изяславѣ съ братьями, она взыскивалась за лишеніе жизни *тіуна боярскаго* (ябетника), тіунъ же боярскій могъ быть и холопомъ (I.; II, 1 и 59); 3) объ отмѣнѣ за убійство холоповъ виры и назначеніе вмѣсто нея

(¹) Мы думаемъ, что количество головничества было опредѣлено въ Правдѣ въ статьяхъ Троицкаго и Карамзинскаго списковъ, начиная съ 9-й по 14-ю включительно и въ одинаковыхъ съ этими статьяхъ другихъ списковъ, именно: за тіуна конюшаго и тіуна огнищнаго назначалось головничества, сверхъ виры, 80 гривенъ, за княжихъ отроковъ, конюховъ и поваровъ—40 гривенъ, за сельскихъ тіуновъ княжихъ, ратайныхъ тіуновъ, ремесленниковъ, кормильцевъ и кормилицъ—12 гривенъ, за рядовичей, смердовъ и холоповъ—5 гривенъ и за рабу—6 гривенъ. Доказательства наши мы представимъ при разсмотрѣніи постановленій Правды объ убійствѣ. См. текст. Правд. II, 9—14; III, 9—14.

продажи положительно упоминается въ постановленіяхъ Мономаха, именно: «*а въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть*», т. е. въ смыслѣ да не будетъ впередъ, а не въ томъ значеніи, какъ до сихъ поръ принимаютъ, будто бы для холоповъ виръ вовсе и не существовало.— Что дѣйствительно слово «*нѣтъ*» указываетъ не на отрицаніе чего нибудь въ прошедшемъ, а означаетъ запрещеніе чего нибудь въ будущемъ, это усматривается почти изъ каждой нашей древней грамоты, напр: «а кто холопъ или роба имется тягати съ осподаремъ, а пошлинъ съ семьи 3 алтына, а съ головы алтынъ; а холопъ и роба не учнутъ ся тягать пошлинъ съ того *нѣтъ*, т. е. да не будетъ (1)». Да и въ самой Правдѣ встрѣчается выраженіе: «аже кто поклажа и кладетъ у кого любо, то ту послуха *нѣсть*» (II, 45), которое объясняется другимъ выраженіемъ: аже кто купецъ купцю дастъ куплю въ куны или въ гостьбу, то . . . послуси ему *не надобѣ* (II, 44). Это показываетъ, что если въ большей части сдѣлокъ требовались свидѣтели, то относительно поименованныхъ случаевъ означенный законъ отмѣнялся. Слѣдовательно и постановленіе Мономаха: а въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть, не составляетъ общаго какого-то разсужденія о холопахъ, примѣненнаго и къ предшествовавшимъ временамъ, но представляетъ законъ, получившій начало отъ Мономаха и отмѣнявшій прежній порядокъ вещей. Если же платилась вира за людей *несвободныхъ*, то тѣмъ болѣе за смердовъ. И такъ, не можетъ быть сомнѣнія, что подъ названіемъ людины, въ статьѣ о платѣ за убійство ихъ 40 гривенъ, разумѣлись *смерды, закупы* и *холопы*. Но въ Правдѣ говорится еще о *русинѣ, словянинѣ* и *изгоѣ*, которые то же, безъ сомнѣнія, принадлежали къ простолюдинамъ, такъ какъ за убійство ихъ назначалась 40 гривенная вира. Теперь представляется вопросъ, кого собственно считали русиномъ, а кого изгоемъ и словяниномъ? Для опредѣленія понятія о русинѣ выпишемъ нѣсколько мѣстъ изъ нашихъ лѣтописей: 1) въ 1149 г. иде архіепископъ Новгородскій Нифонтъ въ *Русь*, позванъ Изяславомъ и Климомъ митрополитомъ; въ 1150 году пріиде архіепископъ Нифонтъ *изъ Кіева* (2); 2) въ 1180 году иде князь Святославъ Всеволодовичь *изъ Руси на Суздаль* (3); 3) въ 1181 году

(1) Акт. Арх. Эксп. Т. I, № 14.—(2) Полн. собр. рус. лѣт. т. III, стр. 10 и 11.—(3) Тамъ же, стр. 17 и 18.

Святославъ возвратился опять въ *Русь*, а князь Всеволодъ *въ Володимеръ* (¹); 4) въ 1211 году Добрыню Новгородци послаша въ *Русь* ставиться (²). Изъ выписанныхъ нами мѣстъ видно, что въ XII и XIII вѣкахъ Русь отличали не только отъ Новгорода, но отъ Владиміра и Суздаля, и что подъ нею разумѣли Кіевское княжество и вообще княжества южной Россіи; слѣдовательно *русинами* именовались обитатели этихъ княжествъ, такъ напр. *Ларіонъ изъ Берестова*, поставленный въ митрополиты, названъ у Нестора *русиномъ* (³). Такой выводъ тѣмъ болѣе кажется намъ справедливымъ, что *Руссы* иногда различаются въ нашихъ лѣтописяхъ отъ *Варяговъ* и *Словенъ*. Въ одной изъ нихъ сказано: «Ярославъ, совокупивъ Русь, Варяги и Словѣнѣ, поиде противу Болеслава и Святополка (⁴)», т. е. Ярославъ соединилъ жителей княжества Кіевскаго, Варяговъ, пришедшихъ изъ за моря, и Новгородцевъ, у которыхъ прежде княжилъ. Въ томъ же самомъ значеніи безъ сомнѣнія принимаются названія *русинъ*, *славянинъ* и *варягъ* и въ изданной Ярославомъ Правдѣ. Сказавъ нѣсколько словъ о русинахъ, поговоримъ теперь о *словянахъ* и *изгояхъ*. Извѣстно, что поселенцы древней Россіи не удержали въ ней повсемѣстно своего племеннаго названія; его сохранили единственно жители усадьбы *Славно*, находившейся близь озера Ильмени, на правомъ берегу рѣки Волхова; слѣдовательно подъ *словениномъ* въ Правдѣ нельзя разумѣть вообще каждаго изъ Славянъ, поселившихся въ Руси, а только обитателя Славны. Въ то время, когда противъ этой усадьбы на лѣвомъ берегу Волхова водворились вызванные изъ за моря Варяги, то подъ покровительствомъ ихъ селились тутъ жители окрестныхъ мѣстъ, которые хотя и были одного племени съ обитателями Славны, но названы отъ послѣднихъ *изгоями*. Значеніе этого слова мы объяснимъ ниже. Такимъ образомъ, въ древнемъ Новгородѣ, обитатели праваго берега Волхова назывались *словенами*, а самое мѣсто ихъ обитанія именовалось *словенскою* стороною, жители лѣваго берега той же рѣки назывались *изгоями*, а самое мѣсто, гдѣ они жили, прозвалось *софійскою* стороною. Что изгои дѣйствительно имѣли поселенія на софійской сторонѣ, это видно изъ Ярославова устава о мостѣхъ (III, 134). Такъ какъ при изданіи

(¹) Полн. собр. лѣт. т. I, стр. 164. — (²) Тамъ же, т. III, стр. 31.—(³) стр. 67.—(⁴) Тамъ же, т. I, стр. 62.

Правды названіе Новгорода еще вѣроятно не было въ общемъ употребленіи для обитателей обоихъ береговъ Волхова, то обитатели эти и названы въ ней отдѣльно *словенами* и *изгоями*, въ совокупности же подъ тѣми и другими слѣдуетъ разумѣть вообще Новгородцевъ (1). И такъ, по нашему мнѣнію, изгоямъ въ Правдѣ не слѣдуетъ приписывать никакого особаго юридическаго значенія, а просто понимать подъ ними жителей софійской стороны. Впослѣдствіи могли разумѣть подъ изгоями вообще новыхъ, славянскихъ поселенцевъ на какомъ нибудь пустопорожнемъ мѣстѣ. Притомъ, мы думаемъ, что въ выраженіи, встрѣчаемомъ въ нашихъ актахъ: «*дается село съ землею* и *изгои*,» (2) слова *со изгои* невсегда показывали уже самое присутствіе послѣднихъ на пожалованной мѣстности, а иногда означали только предоставленіе права ихъ вызова, такъ что жалованіе земли со изгоями и извѣстное въ древней Руси право вызова поселенцевъ на пустопорожнюю землю, по нашему мнѣнію, совершенно тождественны. Кромѣ русиновъ, славянъ и изгоевъ, къ людинамъ также слѣдуетъ причислить простыхъ *варяговъ* и *колбяговъ*, о которыхъ мы поговоримъ подробно ниже, при изложеніи военныхъ чиновъ.

Изъ всего нами сказаннаго видно, что людины *по состоянію* дѣлились на *смердовъ*, *закуповъ* и *холоповъ*, а по *мѣсту жительства* на *русиновъ*, *изгоевъ* и *славянъ*, притомъ такъ, что каждый русинъ, изгой и словянинъ могъ быть смердомъ, закупомъ или холопомъ, и на оборотъ. Кромѣ того, *по племенному различію*, людины дѣлились: на *Славянъ* въ обширномъ смыслѣ и на *Варяговъ* и *Колбяговъ*.

Объяснивъ общее названіе *людины*, изложимъ теперь въ частности наше понятіе о двухъ главныхъ видахъ людиновъ, вмѣщавшихъ всѣ прочіе, т. е. *о людинахъ свободныхъ* или *смердахъ*, *варягахъ* и *колбягахъ*, и о *людинахъ несвободныхъ* или *закупахъ* и *холопахъ*.

Смердами называли всѣхъ свободныхъ людей низшаго сословія, состоявшихъ подъ данью. Это видно изъ того, что въ 1071 году Янъ сынъ Вышаты, посланный въ Бѣлозерскъ для сбора дани, узнавъ

---

(1) О происхожденіи Новгорода, ст. Малковскаго въ 12 книж. Временника. 1852 года.—(2) Допол. къ Акт. Истор. Т. 1, № 4.

о злодѣйствахъ двухъ волхвовъ Ярославцевъ, прямо предлагаетъ о нихъ Бѣлозерцамъ вопросъ: *чья еста смерда*, т. е. какого князя? Такой вопросъ Яна, относительно случайно ему попавшихся и неизвѣстныхъ дотолѣ преступниковъ, показываетъ, что слово *смердъ* принималось въ обширномъ значеніи, именно въ смыслѣ подданнаго по понятію тогдашняго времени, т. е. человѣка податнаго. Если же такое значеніе давалось названію смердъ, то само собою разумѣется оно могло принадлежать классу общества самому многочисленному, какимъ и было низшее сословіе свободныхъ людей, платившихъ князю дань. Что смерды дѣйствительно были люди свободные, это доказывается назначеніемъ съ нихъ продажъ за преступленія: «то ти уроци смердомъ, оже платятъ князю продажу» (II, 41), тогда какъ съ холоповъ продажи не взыскивались именно потому, что они были несвободные (II, 42). И такъ, всѣ свободнаго состоянія люди, платившіе дань, назывались *смердами*, и потому ни *бояре*, ни *огнищане*, т. е. вообще *княжи мужи*, ни *холопы* и *закупы*, какъ неплатившіе податей, не принадлежали къ смердамъ. Не могли также именоваться ими *варяги* и *колбяги*, которые хотя и были людинами свободнаго состоянія, но не составляли податныхъ сословій.

Несвободные людины, какъ мы уже сказали, раздѣлялись на *холоповъ* и *закуповъ*.

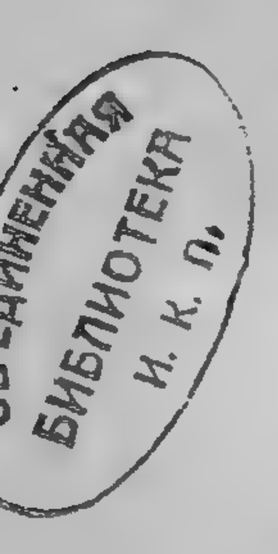
Древній русскій *холопъ* не совсѣмъ одно и то же, что servus у Римлянъ. Нашего холопа, по уничтоженіи мести, никто не могъ убить безнаказанно. До Владиміра Мономаха платилась за убійство его 40 гривенная вира, а со времени Мономаха 12 гривенная продажа. Если же и сдѣлана въ Правдѣ оговорка, что продажа за умерщвленіе холопа платилась только въ томъ случаѣ, *оже будетъ безъ вины убіенъ* (II, 84), то и тутъ обсужденіе что̀ считать виною вовсе не предоставлялось на волю каждаго. Мы видимъ, что даже за побои, нанесенные холопомъ свободному мужу, запрещалось впослѣдствіи обиженному убивать виновнаго, а только онъ могъ *бить* его *розвязавше* (т. е. сѣчь), или взять гривну кунъ за соромъ (II, 58). Въ Правдѣ, въ окончательномъ періодѣ ея развитія, выставленъ одинъ лишь случай безнаказаннаго убійства, именно *убійство на татьбѣ* (II, 36); слѣдовательно всякое лишеніе кого-либо жизни при другихъ обстоятельствахъ считалось умерщвленіемъ *безъ вины*,

и подлежало наказанію; но это относилось кромѣ холоповъ и ко всѣмъ свободнымъ людямъ. Посему выраженіе: «*оже будетъ безъ вины убіенъ,*» вовсе не показываетъ, чтобы въ отношеніи предѣловъ отвѣтственности и безнаказанности за убійство свободныхъ людей и холоповъ существовала какая либо разница.—Холопы однакожъ не имѣли своей собственности. Все что они пріобрѣтали принадлежало господину; на послѣднемъ же лежала обязанность платить ихъ долги, если онъ не хотѣлъ лишиться задолжавшихъ холоповъ (III, 127, 128, 130); но кто давалъ имъ куны въ займы, зная ихъ состояніе, тотъ самъ лишался своей собственности и не могъ требовать уплаты (III, 127). Право имѣть холоповъ предоставлялось не всѣмъ свободнымъ людямъ. Холопами не могли владѣть даже *огнищане*, а только *князья, бояре* и *монастыри*, и соотвѣтственно съ этимъ самые холопы раздѣлялись: на *княжихъ*, *боярскихъ* и *черничихъ* (II, 42). Холопство устанавливалось четырьмя способами: 1) рожденіемъ отъ рабовъ, *яже отъ челяди плодъ* (II, 93); но если свободный человѣкъ, бояринъ или князь имѣлъ дѣтей незаконно прижитыхъ съ рабою, то по смерти его имъ давалась свобода съ матерью (II, 92); 2) покупкой (II, 102); 3) обращеніемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ закуповъ въ холоповъ (II, 52, 57); и 4) безусловнымъ поступленіемъ въ услуги, безъ сомнѣнія къ лицамъ и установленіямъ, имѣвшимъ право владѣть холопами: *поиметъ робу безъ ряду, тіунство безъ ряду* (II, 103 и 104). Вѣроятно смерды часто поступали въ услуги безъ ряда, т. е. безусловно, и становились кабальными холопами.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о *закупахъ*. Закупами, иначе наймитами (II, 55), назывались свободные люди, бывшіе во временномъ рабствѣ, однакожъ съ тою разницею отъ настоящихъ холоповъ, что могли имѣть свою собственность (II, 55). Закупы были двухъ разрядовъ: 1) нанимавшіеся въ услуги къ князьямъ, боярамъ и монастырямъ для отработки занятыхъ у нихъ денегъ или вещей (II, 55); 2) проданные тѣмъ же лицамъ и установленіямъ на торгу за долги. Относительно послѣдняго разряда слѣдуетъ замѣтить, что уплачивавшій кредитору долгъ выведеннаго на торгъ человѣка бралъ послѣдняго себѣ въ закупы, если имѣлъ на то право. Въ Правдѣ сказано: «аже кто многимъ долженъ будетъ... то вывести и на торгъ и продати (II, 51)». Нельзя думать, чтобы должникъ, свобод-

ный человѣкъ, продавался прямо въ холопство, но безъ сомнѣнія въ закупы, тѣмъ болѣе, что въ Правдѣ постановленія о послѣднихъ тотчасъ слѣдуютъ за статьею о продажѣ за долги. Закупы за воровство и побѣгъ отъ господина обращались въ холоповъ (II, 52, 57). Изъ этого слѣдуетъ заключать, что *первыхъ* могли пріобрѣтать только лица и установленія, которымъ предоставлялось право имѣть *послѣднихъ*, т. е князья, бояре и монастыри. Замѣчательно, что закупъ, обращенный въ раба, назывался *обѣльнымъ холопомъ*. Слово *обѣльный* вообще означаетъ освобожденнаго отъ какой нибудь повинности, отъ какого нибудь налога, и потому слѣдуетъ полагать, что закупъ, становясь рабомъ, освобождался чрезъ то самое отъ всѣхъ своихъ прежнихъ долговъ господину, и по этой причинѣ назывался *холопомъ обѣльнымъ*. Такое объясненіе тѣмъ болѣе кажется намъ справедливымъ, что въ Правдѣ встрѣчается выраженіе: «*продастъ ли господинъ закупа обѣль, то наймиту свобода во всѣхъ кунахъ*» (II, 55). Запрещенная продажа закуповъ *обѣль* безъ сомнѣнія означала такую продажу, чрезъ которую желали выручить лежавшіе на нихъ долги. Кромѣ того, приведенное нами выраженіе Правды показываетъ, что тотъ кто имѣлъ закупа не могъ сбывать его другимъ постороннимъ лицамъ, иначе закупъ получалъ свободу и господинъ не имѣлъ уже права требовать съ него уплаты долга. Безъ сомнѣнія это правило не могло относиться къ законному переходу закуповъ отъ первоначальнаго владѣльца къ родственникамъ его по наслѣдству.—Такъ какъ закупы были только во временномъ рабствѣ, то оно оканчивалось какъ скоро они, находясь въ услугахъ, своимъ трудомъ пополняли лежавшіе на нихъ долгъ. Впрочемъ, Правда не указываетъ на основанія, по которымъ производилась оцѣнка труда. Само собою разумѣется она опредѣлялась вообще существовавшей въ то время платой за работу. Во всякомъ случаѣ, закупъ былъ, по возможности, обезпеченъ въ этомъ отношеніи отъ обидъ и притѣсненій со стороны господина правомъ жалобы, по которой предписывалось *давать правду* (II, 52).

Перейдемъ теперь къ изслѣдованію о занятіяхъ смердовъ, закуповъ и холоповъ. Изъ одного мѣста Лаврентіевской лѣтописи видно, что смерды были по-преимуществу *земледѣльцы*. На заключеніе дружины Святослава, что не слѣдуетъ идти въ весеннее время



войною на Половцевъ, потому что это можетъ раззорить *смердовъ* и *ролью ихъ*, Владиміръ Мономахъ отвѣчалъ: «дивно мнѣ, дружина, что лошадей жалѣете, которыми *орятъ,* а сего чему не промыслите, *оже начнетъ орати смердъ*, и пріѣхавъ Половчинъ ударитъ и стрѣлою, а лошадь его поиметъ, и *въ село* его ѣхавъ, иметъ жену его, и дѣти его и все имѣнье? То лошади жаль, а самаго не жаль ли (¹)?» Это мѣсто весьма ясно показываетъ, что смерды большею частію были сельскимъ, земледѣльческимъ населеніемъ. Неизвѣстно занимались ли земледѣліемъ холопы; но *о ролейныхъ закупахъ* упоминается въ Правдѣ (II, 53). Кромѣ земледѣлія, занятія смердовъ опредѣляются въ ней словами: *ремественникъ, ремественница, купецъ, кормилецъ, кормилица* и *рядовичь* (II, 1, 11, 12 и 14). Значеніе словъ: ремесленникъ и купецъ, не требуетъ никакихъ поясненій. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что смерды, кромѣ земледѣлія, занимались также *ремеслами* и торговлею, потому-что не могли же производить ихъ *княжи мужи*, т. е. служилые люди. Къ разряду ремесленниковъ слѣдуетъ относить также и упоминаемыхъ въ правдѣ *мостниковъ* и *городниковъ*, а къ разряду торговыхъ людей—*мытниковъ*. Относительно холоповъ и закуповъ должно замѣтить, что ни тѣ, ни другіе, какъ несвободные, не могли быть купцами; но нельзя отрицать, чтобы холопы не занимались ремеслами въ пользу своихъ господъ, а закупы—даже въ собственную пользу, какъ можно заключать изъ выраженія Правды о послѣднихъ: «*своя орудья дѣя*» (II, 54). Что касается словъ *кормилица, кормилецъ*, то первое ясно, а второе принималось въ смыслѣ *дядьки*, какъ это видно изъ словъ лѣтописи: «*Володиміра же не пусти кормилецъ его, зане молодъ бѣ въ то время*» (²). Въ статьѣ Правды о платѣ за убійство кормильца и кормилицы головничества 12 гривенъ сдѣлано поясненіе: *хотя си буди холопъ, хотя си роба* (II, 14), которое показываетъ, что кормильцами и кормилицами, кромѣ холоповъ, могли быть и люди свободные низшаго сословія, т. е. *смерды*. Но какъ опредѣлить смыслъ слова: *рядовичь*? Въ договорной грамотѣ 1471 года Новгорода съ Іоанномъ III сказано: «*а по рядомъ* и *по стамъ* . . . сотскимъ и *рядовичемъ* . . . не судити ни

(¹) Полн. собр. рус. лѣтоп. т. I, стр. 118.—(²) Тамъ же, т. II, стр. 61.

ОТЧЕТЪ

О СТАТЬЯХЪ И МАТЕРІАЛАХЪ, ДОСТАВЛЕННЫХЪ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

К. П. ПОБѢДОНОСЦЕВЫМЪ—*Комментарій къ законамъ о завѣщаніяхъ*—будетъ помѣщена во второй книгѣ.

Н. И. КОСТОМАРОВЫМЪ—*Должно-ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права?*—тамъ же.

И. Д. БѢЛЯЕВЫМЪ—*Обозрѣніе актовъ, установляющихъ въ древней Руси крѣпостное сословіе*—тамъ же.

Н. И. ЛАНГЕ—*О дѣловомъ многописаніи*—тамъ же; *Замѣчанія на статьи гг. Власовскаго и Покорскаго-Жоравко въ Русскомъ Вѣстникѣ*—въ Приложеніи ко второй книгѣ.

Н. П. Б. *—*Островъ Сара*—во второй книгѣ.

А. С. ЕРШОВЫМЪ—*Нужно ли облагать пошлинами произведенія механическаго искусства, ввозимыя въ Россію (ст. Б)*—тамъ же.

В. Г. ВАРЕНЦОВЫМЪ—*Матеріалы для исторіи г. Камышина*—тамъ же.

Д. П. ГАВРИЛОВЫМЪ и **А. Ѳ. БЫЧКОВЫМЪ**—*Мысли и мнѣнія адмирала Н. С. Мордвинова*—тамъ же (въ извлеченіяхъ) или въ третьей книгѣ.

Н. С. ДУРНОВО—*Предложеніе Олонецкому Намѣстническому Правленію отъ Д. Ст. Сов. Державина о обязанностяхъ его какъ Правителя Намѣстничества*—во второй книгѣ.

Н. П. Б. *—*О рыболовствѣ (съ рисунками)*—въ третьей книгѣ.

П. Д. КОЛОСОВСКИМЪ—*О вмѣненіи смертоубійства по Уложенію Царя Алексѣя Михайловича*—тамъ же.

А. СТОЯНОВЫМЪ—*Объ идеальныхъ воззрѣніяхъ на общество и государство (изъ Моля)*—тамъ же, въ Приложеніи.

С. И. ДОБРОВОЛЬСКИМЪ—*Историческіе очерки Сѣверо-восточной Россіи*—могутъ быть напечатаны лишь съ нѣкоторыми выпусками, если авторъ изъявитъ на это согласіе.

Г МИХАЙЛОВЫМЪ — *Переводъ путешествія Олеарія* — находится въ Духовной Цензурѣ, и потому Редакція не можетъ дать объ немъ никакого отчета.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

(на 1859 годъ).

въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ *Д. Е. Кожанчикова*, на Невскомъ проспектѣ, противъ Публичной Библіотеки, въ домѣ Демидова.

въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ *И. В. Базунова*, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

Гг. иногородные могутъ высылать свои статьи и требованія на полученіе Журнала «Архивъ» *въ Редакцію Архива, въ С.-Петербургѣ, на Владимірской улицѣ, въ домѣ г. Маслова.*

Цѣна годовому изданію *девять*, съ пересылкою *десять* рублей сер.

Цѣна каждому отдѣльному нумеру журнала *одинъ рубль сер.*, съ пересылкою *одинъ рубль пятьдесятъ копѣекъ*.

